

В. В. Синюков

Александр Васильевич **КОЛЧАК**

Часть I

Ученый и патриот

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА

В.В. Синюков

**Александр
Васильевич
КОЛЧАК**

Ученый и патриот

В двух частях

МОСКВА НАУКА 2009

В.В. Синюков

**Александр
Васильевич
КОЛЧАК**

Ученый и патриот

В двух частях

Часть 1

Начало жизненного пути
и арктические исследования

Ответственный редактор
академик А.П. ЛИСИЦЫН

МОСКВА НАУКА 2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5
С38

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

Рецензент
член-корреспондент РАН Ю.Н. АВСЮК

Синюков В.В.

Александр Васильевич Колчак : Ученый и патриот : в 2 ч. / В.В. Синюков ; отв. ред. А.П. Лисицын ; Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. – М. : Наука, 2009. – ISBN 978-5-02-035739-6.

Ч. 1 : Начало жизненного пути и арктические исследования. – 293 с. – ISBN 978-5-02-035740-2 (в пер.).

Книга посвящена жгучей теме современной России – патриотизму, бескорыстному служению Отечеству. А.В. Колчак в царской России прошел путь от мичмана и исследователя Арктики до адмирала Российского флота. Его известность и популярность в народе превосходили популярность вождей пролетариата, что и обусловило его назначение на пост Верховного правителя России. А.В. Колчак до конца жизни сохранил честь и достоинство русского офицера. Книга написана увлекательно, живым образным языком с привлечением архивных материалов, многие из которых публикуются впервые.

Для широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-035739-6
ISBN 978-5-02-035740-2 (ч. 1)

© Институт истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН,
2009

© Синюков В.В., 2009

© Редакционно-издательское оформ-
ление. Издательство «Наука», 2009

Обращение к читателю

Имя адмирала А.В. Колчака известно поколению советских людей, родившихся после Октябрьской революции, как имя злейшего врага Советской власти, махрового монархиста... С тех времен прошло немало лет, и советская власть рухнула, стали появляться все более правдивые оценки событий и людей – революций, гражданской войны, личностей, стоявших во главе событий и пытавшихся их направлять. Колчак – фигура многогранная и цельная. Это и Колчак-офицер, и Колчак-ученый, исследователь полярных стран, Колчак-гражданин и Колчак – просто человек своей страны в самое тяжелое для нее время вселенской смуты... Конечно, главным был Колчак-офицер, человек долга и чести, для которого государственные интересы страны ставились превыше всего – это он показал всеми делами своей жизни. Он – участник трех войн: русско-японской, империалистической и гражданской, Верховный правитель России и в то же время создатель нового направления в океанологии – учения о льдах, он – первооткрыватель арктических морей, один из основателей отечественной гидрографической службы... Но главное в этом человеке, что определяет его поступки, изложено им самим в краткой записке-завещании сыну: «...Нет ничего выше Родины и служения Ей... Господь благословит тебя и сохранит, мой бесконечно дорогой и милый Славушок».

Планы непримиримого врага Советской власти изложены им в обращении к населению России 18 ноября 1918 г.: «Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии для победы над большевизмом и установление законности и порядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру...». Какими своевременными и правильными кажутся эти слова сейчас, по прошествии стольких лет!

Только сейчас мы можем сказать, что адмирал А.В. Колчак погиб, сражаясь против узурпаторов-большевиков за демократическую, свободную Россию, ту, в которой мы сейчас только еще начинаем жить. Трудно себе представить, какой была бы наша страна сегодня, если бы не этот чудовищный эксперимент длиной в 70 лет – куда там Америке!

Эта книга открывает для нас замечательного ученого – полярного исследователя, моряка-исследователя типа адмирала С.О. Макарова, настоящего героя того времени...

Одни научные работы и рукописи А.В. Колчака были изъяты из библиотек и архивов, другие засекречены, доступны лишь немногим. Начались десятилетия забвения и научного мародерства – данные, полученные Колчаком, выдавались иными учеными за собственные, в других случаях ссылки на источники обязательно вымарывались цензурой.

Предстоит восстановить дорогое имя А.В. Колчака-патриота, безуспешно пытавшегося спасти Россию, человека редкого мужества, которого без сомнений можно отнести к великим деятелям России начала прошлого века.

Предстоит до конца восстановить доброе имя и заслуженную славу Колчака-полярника и ученого-океанолога, одного из крупнейших исследователей Арктики. Хочется верить, что это будет скоро, и эта книга – один из шагов к достижению исторической и научной справедливости, объективный и захватывающий рассказ о Колчаке-Полярном, как его называли друзья.

Главное в жизни А.В. Колчака – служение Родине. Колчак-офицер, присягавший стране, и гражданин, бравший на себя в трудные минуты всю гигантскую ответственность за страну. Наука, в которой он так преуспел, и опасные для здоровья и жизни исследования полярных морей – все это он оставлял, когда тучи сгущались над страной.

Главные научные свершения Колчака связаны с Арктикой.

Почему для России изучение Арктики имеет особое значение, почему многие передовые ученые нашего Отечества еще в начале века ценой огромных усилий и многочисленных человеческих жертв устремлялись в ледовые пустыни?

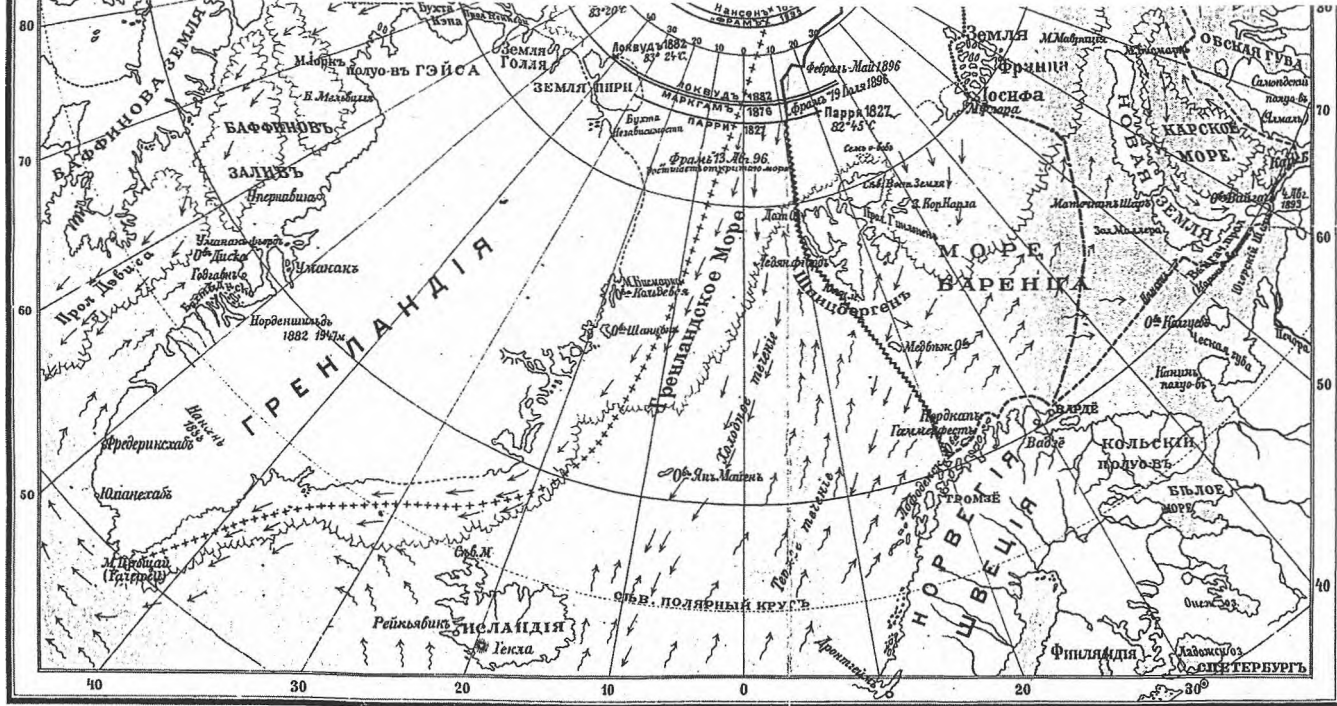
Причин тому несколько, и прежде всего – особенность географического положения страны: она обращена фасадом к Северному полюсу, к Ледовитому океану, и здесь оканчиваются реки, пересекающие всю огромную территорию России. Многочисленные реки Сибири (в условиях бездорожья главные артерии) соединяются в Ледовитом океане. Это, в целом замечательная природная транспортная система, которая была, кстати, исполь-

зована при постройке Транссибирской магистрали: из Арктики вверх по рекам завозили рельсы и все необходимое для строительства. Вот почему начало прошлого века – это почти одновременно и усиление экспедиционных исследований в морях Арктики (особенно Западной), и прокладка Транссибирской магистрали.

К северу от фасада – гряды малоизученных островов и даже целые мифические земли: Земля Петермана (к северу от Земли Франца-Иосифа), Земля Санникова (к северу от Новосибирских островов), Земля короля Оскара, Земля кронпринца Рудольфа, Земля Александра, Земля Вильчека. Невиданные земли влекли пытливых ученых и авантюристов (см. карты).

Северный морской путь, проходящий вдоль северных границ России, – действительно, кратчайшее расстояние из европейской ее части на Дальний Восток: от Архангельска до Владивостока 10 630 км, против 24 400 км пути через Суэцкий канал. Но на Северном морском пути возникали трудно преодолимые в то время препятствия – морские льды и навигационные опасности (мели, многочисленные острова, не нанесенные на карты). Именно этому изучению льдов и была посвящена главная научная работа А.В. Колчака «Лед Карского и Сибирского морей». В ней обобщены результаты многолетних собственных наблюдений, проведенных во время плавания на «Заре» (1900–1902 гг.), а также во время экспедиции по спасению Э. Толля, которую организовал и возглавил А.В. Колчак (1903–1904 гг.).

Жизнь ученого-океанолога, лейтенанта флота, а потом адмирала А.В. Колчака сложилась так, что он всегда оказывался в гуще событий своего времени, в самых горячих и самых холодных точках... Он пытался принять участие в первых плаваниях ледокола «Ермак» с С.О. Макаровым, добивался участия в экспедиции барона Э. Толля на шхуне «Заря», а потом организовал экспедицию по спасению Э. Толля. Сразу после этого участвовал в обороне Порт-Артура, был ранен, за героизм награжден золотым оружием. После гибели Большого флота в Цусимском сражении и при обороне Порт-Артура напряженно работал по созданию нового, более совершенного и мощного флота России и в то же время никогда не забывал об Арктике. Он принял на себя руководство постройкой двух первых русских исследовательских ледоколов «Таймыр» и «Вайгач», а затем командовал одним из них вплоть до Первой мировой войны. В годы войны организовал минную защиту Петербурга от немцев – ее так и не удалось прорвать, а потом стал командующим Черноморским флотом, адмиралом, перекрыл минными заграждениями Босфор. И везде

Масштаб 1: 20 000 000.

- Плавание Нансена на „Фрам“.
- Дрейф „Фрама“ съ пловучими льдами.
- Экспедиция Нансена и Юансена съ саниями и каяками.
- Возвращение Нансена на „Windsight“.
- ~~~~~ Возвращение „Фрама“.
- +++++ Предполагаемый дрейф останков „Джанетты“.

Примечание: Черныя дуги облизю севернаго полюса показываютъ крайние предѣлы, достигнутые на северъ различными изслѣдователями.

Карта Ф. Нансена с указанием маршрутов основных полярных экспедиций последней четверти XIX в.

этот разносторонний, талантливый человек добивался выдающихся успехов, везде... кроме последнего, самого трудного и неподъемного дела своей жизни – когда был провозглашен Верховным правителем России. Он всегда принимал на себя решение самых сложных задач, но эта последняя оказалась не по силам и ему...

Сейчас, по прошествии почти столетия, мы во многом поининому можем оценить действия человека, который всегда стремился туда, где труднее и опаснее. Много ли таких людей вокруг Вас, читатель? Он считал, что долг русского офицера, человека чести – в тяжелые для страны минуты и годы не быть в стороне.

Когда в феврале 1904 г. в Якутске стало известно о начале войны с Японией, закончился экспедиционный этап жизни Колчака и начался военный. Он вместе со своим верным боцманом Н.А. Бегичевым отправился в Порт-Артур в распоряжение адмирала С.О. Макарова.

Гибель русского военно-морского флота в войне с Японией, сражения за Порт-Артур, серьезное ранение и японский плен – все это не могло не повлиять на дальнейшую деятельность А.В. Колчака. Он не предался унынию, как многие в то время, а с энергией, по долгу морского офицера, взялся за постройку нового флота – более совершенного и сильного, за изменение устаревших морских доктрин. После лечения он подключается к работе Морского генерального штаба, участвует в дискуссиях на тему «Какой нужен России флот». Строительство новых, намного более совершенных судов разворачивалось быстрыми темпами – частично на верфях России, частично за рубежом...

Колчак был первым, кто открыл удивительное природное явление – Великую Сибирскую полярную ночь. В Ледовитом океане полярной ночью при морозе минус 40–50 °С и штормовых ветрах существуют пространства открытой воды! Самое крупное образование такого рода – Великая Сибирская полярная ночь протяженностью иногда более 3 тыс. км и шириной, меняющейся от ветра и дрейфа паковых льдов. Это давало возможность свободного прохода для морских судов по значительной части Северного морского пути. Суть этого необычного явления состоит в том, что при сильных и постоянных ветрах дрейфующий лед отжимается от кромки неподвижного льда-припая, возникает пространство открытой воды.

За исследования Арктики в 1906 г. А.В. Колчак был награжден высшей наградой Императорского Русского географиче-

ского общества – Большой Золотой Константиновской медалью. Такая медаль присуждалась только за выдающиеся открытия и только одному человеку в год. До Колчака Большой Золотой Константиновской медалью были награждены только Э. Норденшельд и Ф. Хансен – и здесь их имена рядом, как они рядом в научной литературе всего мира, кроме отечественной.

Сейчас трудно себе представить состояние Колчака, когда он принял гибельное для себя решение. Он был талантливым флотским офицером, но не был подготовлен к сухопутной войне на огромных пространствах страны с огромными массами войск – его армия насчитывала 350 тыс. человек. Он не был и политиком, и даже не стремился к политическим преобразованиям – считал, что его дело – дать возможность Учредительному собранию продолжить работу. Он не был и дипломатом – не мог правильно построить отношений с союзниками, которые были заинтересованы в том, чтобы оттянуть на Россию как можно больше немецких войск, ошибся также в использовании природных и людских ресурсов страны. И только поэтому союзники подбрасывали в гаснущий огонь сопротивления большевикам все новые порции оружия и продовольствия.

Нужно понять, что в один февральский день для 5,5 миллионов российских солдат и офицеров вдруг исчез враг, ради борьбы с которым они несли тяжелую службу и погибали на фронтах. С отречением царя исчезла и верховная власть, власть принятых в царское время законов и порядков. Правительство уже не управляло событиями, армия не подчинялась верховной власти.

Наступили годы великой смуты, которая привела не только к разрухе в хозяйстве страны, но и к гибели миллионов, к смятению умов. Эта разруха умело использовалась агитаторами. Среди первоочередных дел Советской власти были невиданные в истории по жестокости и масштабам уничтожения людей, законы о борьбе с религией, об уничтожении казачества и многие другие... Чаще всего они были секретными, чтобы проводить уничтожение значительной части населения страны тихо, без эмоций, в соответствии с советами Макиавелли...

По сути поддержка союзниками вылилась в ограбление России с применением оружия. Предательство, о котором сейчас обычно забывают, было продолжением предательства России королевскими семьями Англии, Голландии и др., когда Николай II попросил у них убежища для себя или, в крайнем случае, для своей семьи... Близкие родственники-союзники отказали – и мы

знаем, чем это кончилось для царской семьи, для великих князей и в конечном счете для всего дворянства. Цепная реакция предательства внутреннего и внешнего, подогреваемая большевиками, вместе с беззаконием быстро разрушала некогда могучую Россию.

Адмирал перестал верить союзникам, которые вели тайные переговоры с представителями разных партий и группировок с целью замены Колчака, поддерживали многие группировки деньгами. Терпение Верховного лопнуло, когда из Владивостока пришла телеграмма японского генерала С. Иганаки, председателя межсоюзной комиссии военных представителей, с требованием вывести русские войска из Владивостока. Колчак ответил четко: «Повелеваю оставить русские войска во Владивостоке и без моего повеления их оттуда не выводить» (29 сентября 1919 г.).

В связи с этим, сопоставляя союзников – политических и военных – с союзниками-учеными, нельзя не увидеть разительного отличия. Овладение Арктикой – битва ученых с силами природы, в которой погибло множество смельчаков... В этой битве русские, норвежцы, немцы, англичане, американцы и ученые многих других стран не только вместе рисковали жизнью, поддерживали друг друга, делились опытом, передавали свои приборы и оборудование, нередко оказывали денежную поддержку. В деле изучения Арктики ученые оказались много выше политиков и дипломатов – и это отчетливо показывает история исследований Колчака. Это один из многих выводов, который напрашивается по прочтении этой книги.

Обычно замалчивается тот факт, что Верховный правитель сам принял решение отказаться от власти. И последним его отчаянным поступком было смертельное для него решение о спасении золотого запаса страны – более 500 т золота, которое он считал своим долгом сохранить для потомков. Он сам сопровождал русское золото через Сибирь... Это семь эшелонов с бронепоездом.

Предательство союзников и арест – все это было финалом трагедии, которая продолжалась 15 месяцев. Он понимал, что все усилия спасти Россию уже бесполезны, и погиб как подобает капитану гибнущего корабля, верного морским традициям.

Отдадим должное мужеству автора этой книги – ведь он начал собирать материалы о Колчаке-океанологе и полярном исследователе еще в те годы, когда все могло закончиться в лучшем случае Соловками... Приятно отметить, что работы Колчака-океанолога, гидрографа и полярного исследователя написаны им с большим знанием дела – ведь он сам специалист-океанолог.

Очень удачным оказалось необычное построение книги: это не только уникальные фотографии, но и автографы, выдержки из писем, докладов, списки участников экспедиции, сметы расходов и др. Очень важно, чтобы читатель из первых рук мог получить представление о делах и людях того времени, отбросить примелькавшийся в годы Советской власти образ продажного и бездарного адмирала, отдавшего страну на растерзание иностранцам, увидеть за всем этим ученого, героя-полярника.

Если бы жизнь А.В. Колчака завершилась в тот день, когда он сам добровольно отказался от командования Черноморским флотом, то он остался бы в памяти потомков одним из величайших героев-полярников, основателем нового направления в науке – учения о морских льдах, человеком исключительного мужества, которое проявилось и в Спасательной экспедиции, и во время обороны Порт-Артура, и при защите от немцев Балтийского и Черного морей...

24 мая 2007 г. автор этой книги Валерий Васильевич Синюков скончался, не успев закончить 2-ю часть книги и внести последние коррективы. Сделать это постарались его друзья и близкие. Работа на завершающем этапе была особенно трудной, поскольку хотелось сохранить как можно больше из уникального архива, который всю жизнь собирал Валерий Васильевич. Это – оригиналы писем, черновики работ, редкие фотографии, рисунки, стихи. Он посещал места, где жил Колчак, много сил отдал установке памятных знаков, а затем и памятника в Иркутске на месте расстрела адмирала. Нам легко вспоминать это сейчас, а каково было во времена культа личности, когда одно упоминание этого имени настораживало и заканчивалось печально.

Обобщение всех материалов и документов о Колчаке стало одним из главных дел жизни писателя-океанолога В.В. Синюкова. Книга, которая перед Вами, читатель, – памятник не только подвигу замечательного героя России, но и ее автору, человеку, который с риском для жизни год за годом восстанавливал доброе имя А.В. Колчака.

Идеи справедливости, законности, которые с оружием отстаивал адмирал более 80 лет назад, созвучны тем, которые претворяются в жизнь сейчас в нашей стране. Образы Колчака-Полярного и Колчака – Верховного правителя, которые долгие годы противопоставлялись, время объединило в удивительный и неповторимый образ офицера-ученого. Уверен, что пройдет немного времени и Колчак станет героем не только для народов России, но и для всего мира, а подвиг его жизни – сродни подвигам Амундсена, Нансена и Р. Скотта!

Академик А.П. Лисицын

От автора

16 ноября 2009 г. исполняется 135 лет со дня рождения выдающегося полярного исследователя Александра Васильевича Колчака. Мы хотим отметить это событие изданием новой книги и порадовать всех, кому небезразличны история и судьба Отечества.

В основу настоящего издания легла моя книга «Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики» (М.: Наука, 2000), которая была дополнена новыми материалами и фотографиями, освещающими заключительный героический и одновременно трагический период жизни адмирала Колчака.

В нашей стране имя А.В. Колчака знакомо, вероятно, каждому. Первое, что приходит на ум при его упоминании, – гражданская война в России, интервенция, контрреволюция.

В советской научно-исторической литературе, учебниках истории и энциклопедиях долгие годы мы могли прочесть, что адмирал А.В. Колчак – ставленник Антанты, один из самых непримиримых врагов Советской власти – объединил силы контрреволюции в Сибири и на Урале, при поддержке кадетов, белогвардейских офицеров и интервентов совершил переворот и установил военную диктатуру, приняв титул Верховного правителя России и звание Верховного главнокомандующего сухопутными и морскими силами. После разгрома белогвардейских войск по постановлению иркутского Военно-революционного комитета расстрелян 7 февраля 1920 г.

Такого А.В. Колчака и знает большинство из нас.

Предлагаемая читателю книга покажет всем, кто интересуется историей России, другого Александра Васильевича Колчака, а именно: географа, океанолога, путешественника, патриота, отдавшего много сил изучению Сибирской Арктики и защите Отечества. Предпринята попытка дать полную картину его научной и военной деятельности.

В исторической литературе о А.В. Колчаке его научным исследованиям уделено очень мало внимания. Этот огромный и

малознакомый читателю пласт его жизни требует своих первопроходцев. Им предстоит еще проложить новые «штреки в монолите крепкой породы», которая была укрыта не в недрах земли, а в недрах спецхрана, где находилась многие десятилетия практически вся литература о Колчаке.

Арктическая деятельность А.В. Колчака во многих научно-исторических эссе оказывается отброшенной на задворки политических баталий 1917–1920-х годов. А ведь полярным исследованиям Колчак посвятил полтора десятилетия своей жизни, тогда как политическим «играм» в его судьбе отведен всего год с четвертью. Однако именно этот небольшой отрезок времени, неудачная карьера политика – Верховного правителя России заслонили лицо патриота России, выдающегося ученого и талантливое флотоводца. Чем глубже и детальнее знакомишься со сложными, драматичными жизненными коллизиями А.В. Колчака, тем острее и сильнее переживаешь весь ужас трагического исхода его короткой жизни.

А.В. Колчак смолоду мечтал открыть Южный полюс, но судьба распорядилась иначе, и многие годы своей жизни он отдал Арктике. Он приложил огромные усилия, чтобы попасть в состав Русской полярной экспедиции под началом известного геолога барона Э.В. Толля. В навигацию 1901 г. шхуна «Заря» не смогла близко подойти к о-ву Беннетта из-за тяжелой ледовой обстановки. Барон Э.В. Толль вместе с астрономом Ф.Г. Зеебергом и двумя проводниками в июне 1902 г. покинул шхуну и ушел в маршрут, пытаясь достигнуть о-ва Беннетта. Они пропали... навсегда.

Императорская академия наук назначила А.В. Колчака начальником Спасательной экспедиции, и он, мобилизовав весь свой организаторский талант, вместе с шестью спутниками отправился в отчаянное плавание на вельботе по Северному Ледовитому океану к о-ву Беннетта.

Президент Императорской академии наук Великий князь Константин Константинович Романов в служебной записке на имя морского министра А.А. Бирилева писал: «Тяжелая и ответственная экспедиция эта была поручена лейтенанту Колчаку, который выполнил свою миссию блистательным образом, пройдя на вельботе пространство океана, отделяющее Новосибирский архипелаг от острова Беннетта, вполне благополучно и добыв с последнего в высшей степени важные документы, оставленные там партией барона Толля»¹.

¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 893. Л. 149, 150.

Известный палеонтолог академик Ф.Н. Чернышев, знающий условия работы в северных широтах не понаслышке, сказал, что даже потомки викингов и норманнов, морские первопроходцы «норвежцы не решаются делать такие отважные путешествия, как А.В. Колчак». Ф.Н. Чернышев незадолго до этого вернулся с островов архипелага Шпицберген, где работал в русско-шведской экспедиции по градусному измерению, он был руководителем группы специалистов из Санкт-Петербурга.

А.В. Колчак свои исследования в Арктике начал в 25 лет и проводил их настолько успешно, включая и Спасательную экспедицию, что крупнейшие ученые Императорского русского географического общества (ИРГО) во главе со знаменитым П.П. Семеновым-Тян-Шанским единогласно на заседании Совета ИРГО 30 января 1906 г. присудили лейтенанту А.В. Колчаку «за участие в экспедиции барона Э.В. Толля и за путешествие на остров Беннетта, составляющее важный географический подвиг, совершение которого было сопряжено с большими трудностями и опасностью для жизни, свою высшую награду – Константиновскую медаль». Колчак-Полярный – так стали называть его коллеги и соратники. Среди выдающихся полярных исследователей, награжденных золотой медалью, А.В. Колчак был четвертым. Ранее ее вручили Н.А.Э. Норденшельду в 1879 г., Н.Д. Юргенсу в 1885 г. и Ф. Нансену в 1897 г.

* * *

А.В. Колчак – автор фундаментальной монографии по гляциологии «Лед Карского и Сибирского морей»². Эта прекрасная книга молодого и увлеченного наукой лейтенанта не утратила научной ценности и в наши дни. Свои исследования А.В. Колчак проводил, рискуя жизнью, как в открытом море, так и пройдя на ездовых полярных собаках или пешком многие сотни километров. Вся его научная деятельность – это непрерывный подвиг. Императорская академия наук 22 марта 1906 г. на заседании Отделения физико-математических наук, обсудив результаты научных исследований А.В. Колчака, доложенные академиком Ф.Б. Шмидтом, постановила издать его «Ледовую книгу» в «Записках Академии наук». Труд «Лед Карского и Сибирского морей» был опубликован в 1909 г., а спустя два десятилетия Географическое общество США перевело и издало главу «Арктиче-

² Сибирское море в конце XIX в. называлось морем Норденшельда, с 1920-х годов – морем Лаптевых.

ский пак и полынья» из его книги в специальном выпуске сборника «Проблемы полярных исследований» (1928. № 7).

На все печатные работы А.В. Колчака Советская власть наложила строжайший запрет. Они значились в списке трудов, «навечно» упрятанных от читателей. Если внимательно просмотреть научную литературу, изданную за годы Советской власти, по теме монографии А.В. Колчака, то можно увидеть, что ни один из авторов – от лаборанта до академика – не рискнул дать ссылку на его фундаментальный труд. А работа эта заслуживает особого внимания.

В монографии впервые сформулированы четыре главные фазы образования и развития морского льда, кристаллизующегося из соленой воды Северного Ледовитого океана, намечены основные контуры направлений движения арктического пака под влиянием вод, проникающих отдельными струями из Атлантического океана вплоть до Берингова пролива. Особое внимание автор уделил розе ветров, считая ее определяющим фактором, обуславливающим направление движения арктического пака на север от Новосибирских островов и далее к Гренландии (маршруты дрейфа «Фрама» и «Жаннетты»).

Изучив материалы дрейфа судов различных арктических экспедиций, А.В. Колчак пришел к выводу, что арктический пак в Центральном арктическом бассейне движется по часовой стрелке. Движение это происходит как бы по вытянутому эллипсу, головная часть которого упирается в архипелаг Франца-Иосифа, хвостовая – приближается к мысу Барроу на северном побережье Аляски. В дальнейшем будем называть предложенную Колчаком схему движения арктического пака гипотезой большого эллипса.

В научный оборот А.В. Колчаком введен ряд терминов, в частности «стамуха», т.е. айсберг или глыба льда, севшие на мель. Некоторые из стамух, имеющих большую площадь, иногда ошибочно принимались полярниками за вновь обнаруженные острова.

* * *

После завершения полярного марафона, узнав о нападении Японии на Россию, А.В. Колчак поспешил в Порт-Артур. Он был воспитан на высоких нравственных традициях защиты Отечества, и как офицер видел себя среди тех, кто защищает Россию. Телеграфом лейтенант Колчак сообщил начальству: «Иду на войну...» и, получив разрешение, отбыл в Порт-Артур.

Первоначально лейтенант А.В. Колчак командовал миноносцем «Сердитый». Организовал постановку минных полей. На этих

минах подорвался японский крейсер «Такосадо». Когда русский флот прекратил боевые действия, А.В. Колчак командовал морскими батареями, 120-мм и 47-мм орудиями сектора Скалистых гор в крепости Порт-Артур...

В июне 1905 г. А.В. Колчак вернулся из плена через Канаду (Галифакс) в Петербург. Он сразу оказался среди тех молодых морских офицеров, которые ратовали за возрождение Флота России. Лейтенант А.В. Колчак активно включился в работу и выступил с программным докладом: «Какой нужен России флот». По инициативе молодых офицеров была высказана настоятельная необходимость создания Морского Генерального штаба (МГШ). Контр-адмирал Л.А. Брусилов поддержал эту идею, и царь Николай II подписал соответствующий указ. МГШ был создан в 1906 г.

Однако «доцусимские адмиралы» всячески тормозили реализацию кораблестроительной программы. Поэтому А.В. Колчак вынужден был покинуть МГШ и перешел на преподавательскую работу в Николаевскую морскую академию Санкт-Петербурга.

Командующий Балтийским флотом вице-адмирал Н.О. Эссен вскоре убедил А.В. Колчака перейти на действительную службу во флот, а морской министр И.К. Григорович дал согласие на это.

Талант А.В. Колчака как военного, имевшего боевой опыт и хорошо знавшего обстановку на Балтике, в условиях приближающейся войны с Германией был крайне необходим для разработки плана минно-заградительных операций. Согласно статистике, на каждый потерянный в Первой мировой войне корабль русского флота приходилось три погибших германских корабля.

28 июня 1916 г. вице-адмирал А.В. Колчак был назначен командующим Черноморским флотом. Он стремился нейтрализовать весной 1917 г. союзницу Германии Турцию. Был разработан подробный план, но Февральская революция заставила отказаться от этих идей.

И вот в его жизнь ворвался безумный 1918 год! Все закружилось, завертелось: эсеры, кадеты, большевики, меньшевики... У всех своя политическая платформа, совершенно отличная от других, но единая в одном: все – за революцию.

А.В. Колчак становится лидером Белого движения. Переворот 18 ноября 1918 г. выдвигает его на передний план. В этой круговерти А.В. Колчак принимает на себя высокую миссию Верховного правителя России, и трагический финал пятнадцатимесячного правления подстерег его у молчаливой проруби опечаленной Ангары...

Если автору удалось хоть немного подняться по бесконечной лестнице, которая ведет к раскрытию всех сторон биографии великого полярного исследователя, талантливого морского офицера, патриота Александра Васильевича Колчака, то этим я прежде всего обязан людям, помогавшим мне в работе и поддержавшим в минуты сомнений, которые трудно избежать, работая над книгой о таком неординарном человеке, каким является, по выражению барона Будберга, «вспыльчивый идеалист, жизненный младенец и полярный мечтатель» А.В. Колчак³.

Искренние чувства восхищения и благодарности автор выражает лауреату Нобелевской премии, академику РАН, писателю Александру Исаевичу Солженицыну за моральную и творческую поддержку, которая прозвучала в написанных им словах: «Радуясь Вашей книге о Колчаке» (имеется в виду 1-е издание).

Пользуюсь случаем от души поблагодарить кандидата технических наук, потомственного дворянина Сергея Сергеевича Зуева за активное участие и организацию мероприятий по возвращению имени А.В. Колчака острову в Карском море (Таймырский залив), нанесенному на карту Русской полярной экспедицией в 1901 г. и названному тогда его именем.

Автор благодарен архангельскому историку-краеведу Леониду Григорьевичу Бойко и кандидату исторических наук, капитану 1-го ранга Валентину Георгиевичу Смирнову за большую помощь в работе и полезные замечания.

Редчайшие материалы, посвященные научной деятельности А.В. Колчака, привезенные из Кембриджского университета, передал автору член-корреспондент РАН, почетный полярник Андрей Петрович Капица, и автор выражает ему искреннюю благодарность.

Выражаю свою глубочайшую признательность директору Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, доктору технических наук, профессору Алексею Владимировичу Постникову за большую помощь на всех этапах работы над книгой.

Автор искренне благодарит руководство Российской государственной библиотеки и коллектив сотрудников за большую помощь в получении редких книг и уникальных карт.

Автор благодарен Светлане Геннадьевне Сивковой – директору Музея Мирового океана в г. Калининграде и ее заместите-

³ Барон Будберг А.П. Дневник белогвардейца. Л., 1929. С. 224.

лю кандидату геолого-минералогических наук Виктору Леонидовичу Стрюку за возможность ознакомления с важными документами об А.В. Колчаке.

За помощь, оказанную во время работы над книгой, выражаю благодарность советнику президента Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ Наталие Николаевне Серковой, председателю Совета Региональной общественной организации жертв политических репрессий «Московский Мемориал» Валерии Оттовне Дунаевой, кандидату географических наук, океанологу Владимиру Ивановичу Сухоруку, медицинской сестре Тамаре Михайловне Никишиной, кандидату военно-морских наук Владимиру Никитичу Краснову, доктору географических наук Владиславу Сергеевичу Корякину, доктору химических наук, профессору Владимиру Ивановичу Яшкичеву, доктору географических наук, профессору Николаю Александровичу Айбулатову, кандидату геолого-минералогических наук, океанологу, выдающемуся исследователю Арктики Владимиру Петровичу Шевченко, доктору геолого-минералогических наук Инне Абрамовне Немировской, кандидату химических наук, лауреату Государственной премии СССР Святославу Сергеевичу Соколову, полковнику Александру Лукичу Чеканову, журналисту Крутю Сергею Никитовичу, инженеру-геологу Николаю Андреевичу Беэру, инженеру-геофизику Федору Федоровичу Ольскому, художнику Вере Валерьевне Владимировой.

Автор выражает глубочайшую благодарность и искреннюю признательность: Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию II, Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Марии Владимировне, внуку Александра Васильевича Колчака Александру Ростиславичу Колчаку, президенту Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ Сергею Александровичу Филатову, советнику руководителя Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям РФ Владимиру Викторовичу Григорьеву, директору Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН члену-корреспонденту РАН Сергею Сергеевичу Лаппо, генеральному директору Российской государственной библиотеки Виктору Васильевичу Фёдорову, вице-президенту Российского Фонда Культуры Елене Николаевне Чавчавадзе, заместителю председателя правления Народного Пушкинского фонда кандидату экономических наук Александру Петровичу Казакову за моральную поддержку, предоставленные материалы и помощь, оказанную в подготовке этой книги к изданию.

За большую помощь в работе над книгой искренняя благодарность контр-адмиралу Федору Осиповичу Журавлеву.

* * *

20 сентября 2000 г. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин побывал в гостях у лауреата Нобелевской премии писателя Александра Исаевича Солженицына. Журналист С. Знаменский в газете «Коммерсант» так комментирует эту встречу⁴: «В дом Солженицына в подмосковном Троице-Лыкове Президент Путин и его жена Людмила приехали около восьми часов вечера. “Я прочитал вашу записку, и после этого у меня возникло желание встретиться”, – сказал Президент. После этого мужчины прошли в библиотеку.

О чем говорили Путин и Солженицын за дверьми библиотеки, осталось между ними. Телеканалы показали лишь несколько кадров, снятых президентским оператором, на которых писатель показывает главе государства портреты П.А. Столыпина и А.В. Колчака, называя их “самыми великими деятелями России”».

⁴ Знаменский С. Встретились главный писатель и главный читатель // Газета «Коммерсант». 2000. № 176. 21 сент. С. 2.

Детство. Родители. Род Колчаков. Годы учебы

Начало жизненного пути. Эпоха Александра II

В ту осень часто шли дожди, на Неве в густом тумане рыдали сирены кораблей, они расходились левыми бортами, настороженно пыхтя и тревожно сигнали, пытаясь разорвать тяжелый, с терпким запахом гниющих водорослей осенний туман...

4(16) ноября 1874 г. у Ольги Ильиничны Колчак родился мальчик, первый ребенок в семье. Его нарекли Александром. Мальчику уготована была судьба неординарной личности, в будущем он познает Великую Славу и Великое Бесславие.

Семья Колчаков занимала в Санкт-Петербурге семикомнатную квартиру недалеко от мрачного Обуховского завода в казенном четырехэтажном доме № 6 по Поварскому переулку¹. Квартира под таким же номером (6) находилась на четвертом этаже. Чудаки говорили, что две шестерки, составляющие в сумме дюжину, – счастливое предзнаменование.

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота сохранилось метрическое свидетельство (приводим его ниже), востребованное родителями в 1882 г., лишь через восемь лет после рождения сына Александра².

С детства Александр рос любознательным мальчиком, в юности много читал, был полностью поглощен учебой, мечтал совершить путешествие в Антарктиду, первым открыть Южный полюс.

Годы раннего детства Саши Колчака пришлось на эпоху царствования Александра II. Еще до рождения Саши главным событием той эпохи было обнаружение 19 февраля 1861 г.

¹ Дом сохранился до настоящего времени.

² РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 7174. Л. 2.

Свидетельство

По указу Его Императорского Величества, от Петербургской Духовной Консистории дано ис свидетельство о том, что в исторической 1874 года книге Троицкой церкви села Александровского, СПбурского уезда, гудит: 50 показано: Морской Архимандрит Уполномоченный Капитан Василий Иванович Камчатка и законной урною Оном Уполномоченный, оном Православный и первообразный, имя Александров, родился четвертого Ноюбря, и крестить та крестителем Декабря тысяча восемьсот семидесяти четырех году. Востриимниками были: Уполномоченный Морской Александр Иванович Колчак и бурба Камчатка Секретарь Дирекции Филипповича Иванова. Тринадцатый и седьмой оброть утисели. Ноюбрь 1 одна 1892 года.
Член Консистории, протоиерей Александр Предтеченский.

Секретарь А. С. М. Колчак

Свидетельство о рождении А.В. Колчака

Высочайшего манифеста, освободившего крестьян от крепостной зависимости, когда более 20 млн крепостных землепашцев получили свободу. Народ назвал государя Освободителем, и царь искренне ликовал, уверовав в свою счастливую звезду. Но звезда его оказалась печальней глубокой печали.

Незадолго до рождения Саши Колчака 1 января 1874 г. был обнародован другой Высочайший манифест – о «Всеобщей воинской повинности», обязательный для всех сословий – от крестьян до дворян, без всяких привилегий и исключений. В этом документе Александр II высказал свои глубокие патриотические взгляды. «Сила государства не в одной численности войск, – говорил монарх, – но преимущественно в нравственных и умственных его качествах, достигающих высшего развития личности лишь тогда, когда дело защиты Отечества становится общим делом народа, когда все, без различия званий и состояний, соединяются на это святое дело...» [2, с. 3].

Несмотря на политическое брожение среди части интеллигенции России, патриотические чувства в стране были сильны. От крестьян и рабочих до элитных кругов российской аристократии – все были готовы встать на защиту Отечества. Дворянские дети воспитывались в атмосфере высочайшего уважения к воинской службе. Под влиянием церкви их нравственные идеалы строились на глубочайшей преданности великому делу защиты Отечества.

Укрепляя единство государства, император постоянно вел борьбу за расширение границ России и усиление ее влияния на политическое сообщество стран Содружества, включавшего все славянские народы.

На царствование Александра II пришлось много важных политических и военных событий. В 1864 г. Кавказ удалось окончательно присоединить к России. В 1865 г. были завоеваны Туркестан и Ташкент. Все Кокандское ханство вошло в состав России к 1876 г. Бухарский эмир уступил России Самарканд. На присоединенных землях создали Туркменское генерал-губернаторство с главным городом Ташкентом. В 1873 г. завоевано Хиванское ханство. В 1881 г. командующий войсками знаменитый генерал Скобелев взял крепость Геок-Тепе³.

Александр II объявил 12 апреля 1877 г. войну Турции с целью освободить славян Балканского полуострова от турецкого гнета.

³ Геок-Тепе – в настоящее время поселок городского типа, расположен в пределах Копетдага, в 45 км от Ашхабада, крупный центр виноградарства, виноделия и овцеводства Туркмении.

Турецкие войска были полностью разбиты и отступили к Константинополю. В Сан-Стефано 19 февраля 1878 г. был заключен предварительный мир с Турцией, по которому Россия получила часть Армении с крепостью Карсом, Батумом, часть Бессарабии. Было учреждено Болгарское княжество, признаны независимыми Сербия и Черногория.

В последние годы царствования Александра II революционный терроризм все больше распространяется. На Александра II было организовано семь покушений, а роковое восьмое для царя-освободителя оказалось смертельным.

Родители Александра Колчака, люди глубоко верующие и всецело преданные монархическому укладу в России, тяжело переживали случившуюся трагедию. Мать вместе с сыном зачастили в церковь, всякий раз ставя свечи за упокой души безвременно ушедшего государя.

Известный географ и революционер Петр Кропоткин, бывший в свое время камер-пажом Александра II и имевший возможность близко общаться с царем, вспоминал: «Многие не понимали, как могло случиться, чтобы царь, сделавший так много для России, пал от руки революционеров. Но мне пришлось видеть первые реакционные проявления Александра II и следить за тем, как они усиливались впоследствии. Случалось так, что я мог заглянуть в глубь его сложной души, увидеть в нем прирожденного самодержца, жестокость которого была только отчасти смягчена образованием, и понять этого человека, обладающего храбростью солдата, но лишённого мужества государственного деятеля, человека сильных страстей, но слабой воли, – и для меня эта трагедия развивалась с фатальной последовательностью шекспировской драмы» [2, с. 11].

Такая социально-политическая атмосфера в стране, несомненно, оказывала большое влияние на формирование подростка Александра Колчака.

Из семейной хроники

Ольга Ильинична Колчак

Мать А.В. Колчака Ольга Ильинична Колчак (1855–1894), в девичестве Посохова, происходила из дворян Херсонской губернии, родилась в Одессе, воспитывалась в Одесском институте благородных девиц.

Род Посоховых идет от донских казаков. Старшая линия рода до революции оставалась в Ростове-на-Дону, младшая – обос-

новалась в Одессе. В Одессе Посоховы-младшие имели богатый послужной список. Например, Андрей Иванович Посохов⁴ был последним одесским городским головой.

«Из семьи матери Александра Колчака, – пишет ее внук Ростислав Колчак (1910–1965), – его ближайшими родственниками и товарищами были два брата Посоховы: контр-адмирал Сергей Андреевич (1866–1935) и генерал-майор Андрей Андреевич (1872–1930). Оба были участниками японской войны – первый был старшим офицером на крейсере “Олег”, второй – в 1904 г. начальником штаба Сибирской казачьей дивизии, был награжден золотым георгиевским оружием за храбрость. В войну 1914 г. Сергей Андреевич, контр-адмирал, был начальником штаба командующего флотилией Северного Ледовитого океана (1916), а Андрей Андреевич в ту войну первоначально командовал 92-м пехотным Печорским полком, потом был генерал-квартирмейстером 2-й армии и начальником штаба 12-й армии. Оба брата скончались в эмиграции в Париже» [3, с. 196–197].

Ольга Ильинична – красивая казачка, спокойная, тихая, добрая и строгая. Она была очень набожна, соблюдала все религиозные обряды и посты. В доме ее отца жили по старинке – усердно молились, неистово постились, по праздникам сытно трапезничали, и этот уклад жизни, отшлифованный многими поколениями, Ольга Ильинична сохранила, когда вышла замуж за Василия Ивановича Колчака в 1871 г. совсем еще юной: ей только исполнилось 16 лет. На Руси такой возраст для девиц на выданье считался обычным, а потому молодая хозяйка уверенно взялась за наведение порядка в доме. Она обладала большой силой воли, твердым характером, была трудолюбива, практична, содержала дом в чистоте и аккуратности [4, с. 198].

Ольга Ильинична родила сына и двух девочек – Екатерину (1875) и Любу (1877), но маленькая Любаша тяжело заболела, и все усилия родителей спасти ребенка оказались тщетными. Любочку похоронили недалеко от дома на Успенском кладбище в деревне Мурзинка.

Влияние матери на Александра было большим. Она много времени уделяла воспитанию сына, и маленький Саша во всем подражал своей маме и очень ее любил.

«...На всю жизнь, – пишет Ростислав, сын Колчака, – отец сохранил память о долгих вечерах, на которые он ходил мальчиком со своей матерью в церковь где-то недалеко от мрачного Обуховского завода, вблизи которого они жили по службе отца» [3, с. 196].

⁴ Расстрелян в 1920 г.

Василий Иванович Колчак

Отец А.В. Колчака Василий Иванович Колчак (1837–1913) – удивительная и легендарная личность. В неполные семнадцать лет Василий начал служить в морской артиллерии [5] и принял участие в защите Севастополя (1854–1855). В «Военной энциклопедии» благодаря усилиям сына (том издан в 1913 г.) следующими словами увековечено имя Василия Ивановича Колчака: «В 1854 г. поступил на службу юнкером в морскую артиллерию. Во время Севастопольской кампании в 1855 г. был отправлен конвоировать транспорт пороха в 1 тыс. пудов из Николаева в Севастополь. По сдаче пороха в Севастополе получил назначение на Малахов курган, где состоял помощником командира батареи на гласисе около башни⁵. 4 августа того же года за сожжение фашин и туров (укрепления противника. – В.С.), приготовленных французами для заложения ложементов⁶ перед гласисной батареей на Малаховом кургане, награжден Знаком отличия Военного ордена» [6, с. 48]. Проще говоря, был награжден весьма почетным солдатским боевым орденом – крестом Св. Георгия.

Василию Колчаку вручили солдатский Георгий (бесстепенной) 5 августа 1855 г. за № 106231⁷. При последнем штурме Малахова кургана 26 августа он был ранен, взят в плен французами и отправлен на Принцевы острова в Мраморном море. Более 6 месяцев плена оставили у молодого артиллериста незабываемые впечатления, а в марте 1856 г. пленным разрешили вернуться на Родину.

По возвращении из плена он окончил краткий двухгодичный курс в Институте горных инженеров и был командирован на Уральские горные заводы для практических занятий по металлургии. В 1863 г. принят на Обуховский сталелитейный завод для приема орудий и снарядов.

В Российском государственном архиве Военно-морского флота хранится полный послужной список (анкета) Корпуса мор-

⁵ Гласис – фортификационный термин. Так называлась насыпь треугольной формы, непосредственно примыкающая к внешнему краю укреплений. Назначение гласиса – подвести ближайшую к укреплению местность под выстрелы орудий с вала укреплений.

⁶ Ложемент (франц.) – неглубокий (до 1 м) окоп для стрельбы лежа или с колена. Позднее появились орудийные и минные ложементы.

⁷ В 1807 г. учрежден Знак отличия Военного ордена Св. Георгия для награждения солдат и матросов. Это был серебряный крест без эмали. Его носили на Георгиевской черно-желтой ленте на груди. В правилах указывалось: «Он приобретает только в поле сражения, при обороне крепостей и в битвах морских».

ской артиллерии подполковника Колчака, члена комиссии, учрежденной в Санкт-Петербурге для приема на флот орудий и снарядов, выданный ему в 1888 г. Данную копию анкеты он представил в Морской кадетский корпус, когда его сын Александр должен был держать экзамены для поступления в это престижное военное заведение. Приводим анкету с некоторыми сокращениями:

Послужной список подполковника В.И. Колчака (1837–1913)

(из личного дела)

«Василий Колчак кавалер орденов Святого Владимира 4-й степени с бантом, Святой Анны 2-й степени, Святого Станислава 2-й степени. Имеет Знак отличия Военного ордена № 106231 и серебряную медаль за защиту Севастополя на Георгиевской ленте и бронзовую – в память войны 1853–1856 гг. – на Андреевской ленте.

Родился 31 декабря 1837 года. Из дворян Херсонской губернии, вероисповедание: православный. Воспитывался в одесской Ришельевской гимназии. После севастопольской эпопеи и возвращения из плена определился на Обуховский сталелитейный завод.

(...)

В службу вступил в Корпус морской артиллерии Черноморского флота кондуктором 3 класса и прикомандирован к 44 флотскому экипажу в 1854 г., сентября 30.

За отличие, оказанное против англо-французов на Малаховом кургане при сожжении неприятельских туров, подготовленных для заложения ложементов перед гласисом Малахова кургана, награжден Знаком отличия Военного ордена за № 106231 (1855, август 5)⁸.

Прикомандирован к 39 флотскому экипажу (1855, ноябрь 15).

Высочайшим приказом за № 61 за отличие при обороне Севастополя произведен в прапорщики.

(...)

27 августа 1855 г. при штурме Малахова кургана взят в плен, где находился по 30 марта 1856 г.

1855 г., ноября 24, имея от роду 18 лет, по Высочайшему повелению, в бытность в составе Севастопольского гарнизона с 15 апреля по 27 августа, считать каждый месяц за год службы. Награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг.

По собственному желанию переведен из Черноморского в Балтийский флот с прикомандированием к Арсенальной № 1 роте (1857).

(...)

Назначен членом С.-Петербургской комиссии морских артиллерийских приемщиков (1863)...

Награжден Всемилоостивейше за выслугу 25 лет в офицерских чинах и бытность в сражениях орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом (1881).

Высочайшим приказом по Морскому ведомству за № 119 произведен за отличие по службе в подполковники (1883).

⁸ С 1856 г. этот знак стал называться солдатским орденом Св. Георгия.

СЕМЬЯ

Ольга Ильинична Посохова,
мать А.В. Колчака

Генерал-майор
Василий Иванович Колчак,
отец А.В. Колчака

Дети А.Ф. Колчака, дяди А.В. Колчака:
Владимир, Валентина, Николай

Контр-адмирал
Александр Федорович Колчак,
дядя А.В. Колчака (1857–1926)

Гардемарин
Владимир Александрович
Колчак, племянник
А.В. Колчака. 1915 г.

Старший лейтенант Михаил Владимирович Александров (Колчак)
на Севере. 1953 г.

Софья Федоровна Омирова
до замужества. 1892 г.

Софья Федоровна
Омирова-Колчак. 1900 г.

Софья Федоровна Колчак.
Париж, 1927 г.

Софья Федоровна Колчак.
Франция, 1920-е годы

Ростислав, сын адмирала
А.В. Колчака

Сын А.В. Колчака Ростислав Александрович Колчак с женой Екатериной Александровной, урожденной Развозовой, и сыном Александром. Алжир, 1933 г.

Мария Александровна Развозова с внуком Александром.
Алжир, февраль 1933 г.

Ростислав Колчак с сыном
Александром. Париж, 1940 г.

Софья Федоровна Колчак с сыном Ростиславом Александровичем и внуком Сашей. Париж, 1939 г.

Сыновья адмиралов А.В. Развозова, Г.К. Старка, А.В. Колчака. Слева направо: Александр Развозов, Борис Старк (священник отец Борис), Ростислав Колчак. Париж, 1940-е годы

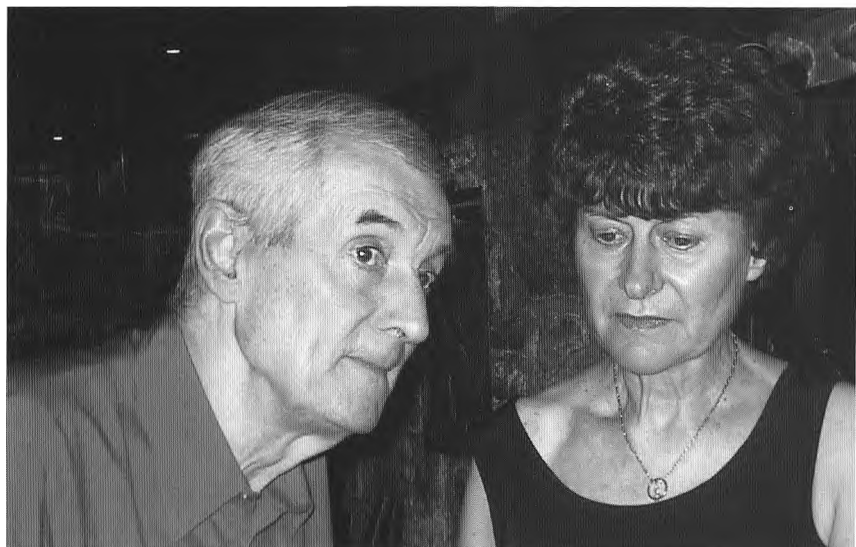

Ростислав Александрович Колчак с женой Екатериной Александровной (в девичестве Развозовой). Париж, 1950-е годы

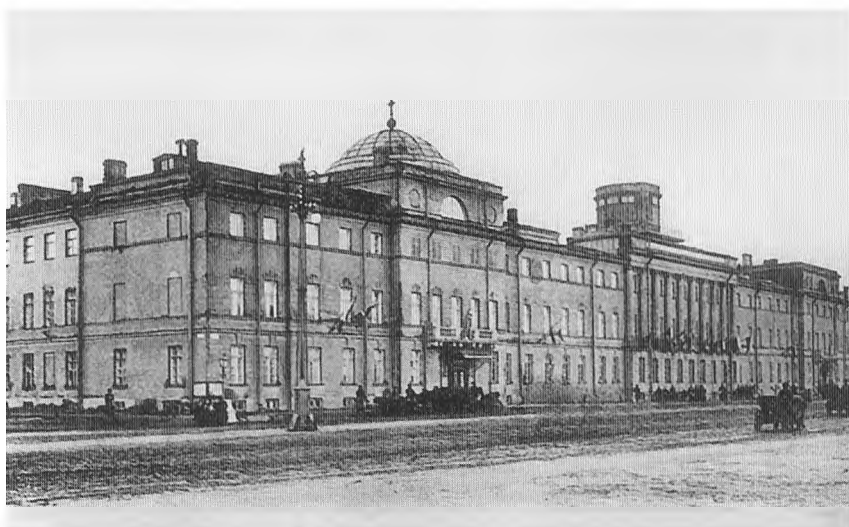
Внук А.В. Колчака, лейтенант Александр Ростиславич Колчак, командир взвода «кочующих кавалеристов» в форме французской армии. Париж, 1956 г.

Александр Ростиславич Колчак с женой. Париж, 2002 г.
(Фото Елены Чавчавадзе)

АРКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Здание Морского кадетского корпуса, в котором с 1888 по 1894 г. учился Александр Колчак

Адмирал Петр Иванович Рикорд (1776–1855). За отличие в учебе гардемарин Колчак был удостоен денежной премии в размере 300 рублей имени известного адмирала П.И. Рикорда, Управляющего Камчаткой с 1817 по 1822 г.

Шхуна «Заря» в норвежском порту после капитального ремонта. 1899 г.

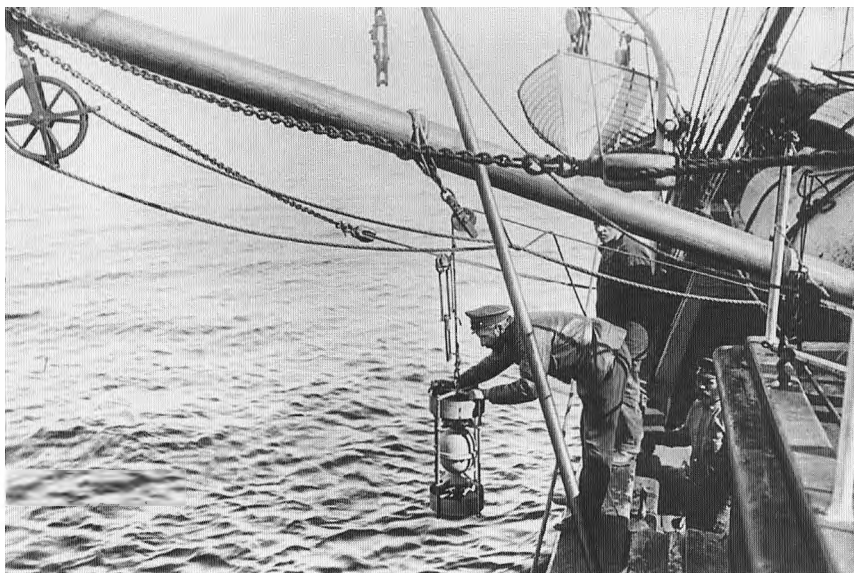
Участники Русской полярной экспедиции; третий слева в верхнем ряду –
А.В. Колчак. 1900 г.

Научный состав Русской полярной экспедиции; в первом ряду слева –
А.В. Колчак, в центре – Э.В. Толль

Летняя стамуха у берегов Харитона Лаптева (Западный Таймыр).
Термин «стамуха» введен в научный оборот А.В. Колчаком. 1900 г.

А.В. Колчак берет пробу воды на гидрохимический анализ батометром
Тимченко. 1901 г.

Лейтенант А.В. Колчак
во время первой зимовки на шхуне «Заря». 1901 г.

Полуостров Таймыр. Вдали виден южный берег острова Колчак, названный именем его первооткрывателя А.В. Колчака. 1901 г. В 1937 г. остров получил наименование о. Расторгуева. Постановлением Правительства РФ от 15 июля 2005 г. № 433 этому географическому объекту вернули первоначальное наименование – остров Колчак

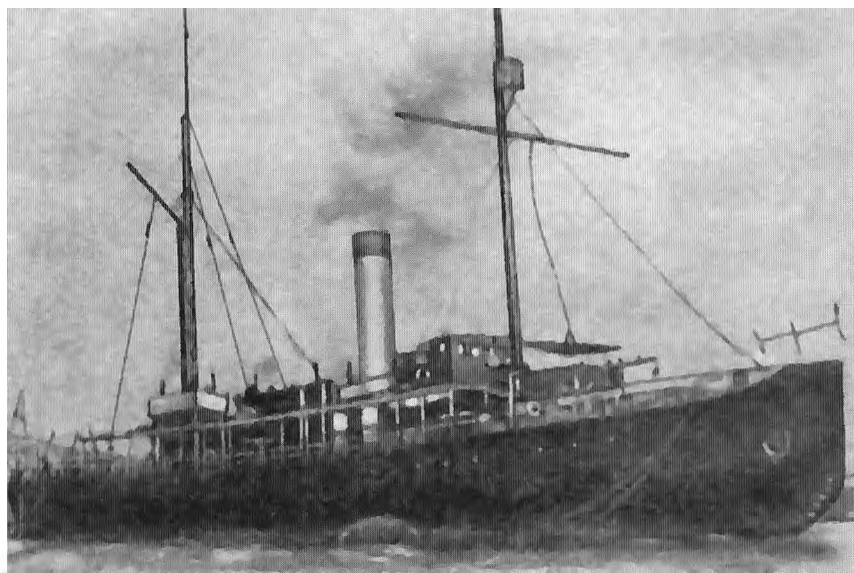
А.В. Колчак во время первой зимовки на полуострове Таймыр.
1900–1901 гг.

Члены экспедиции в таймырском проливе везут дрова на шхуну «Заря».
1901 г.

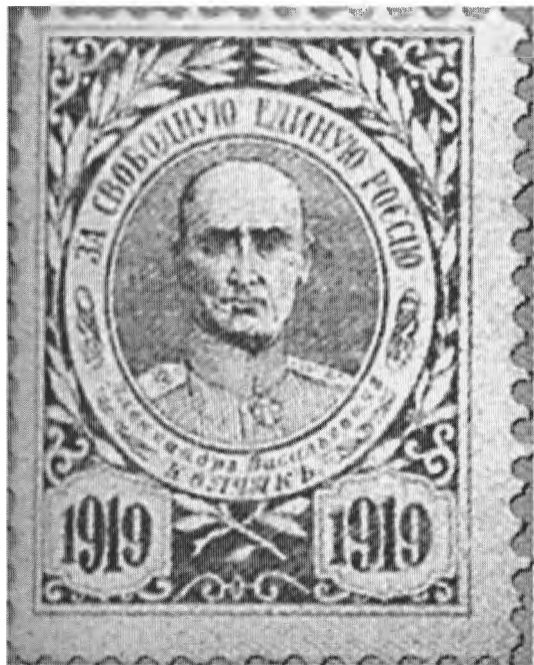
Шхуна «Заря» на месте второй зимовки. 1902 г.

Ледокольный пароход «Таймыр», строился одновременно с пароходом «Вайгач». Во всех арктических экспедициях его сопровождал

Борис Андреевич Вилькицкий (1885–1961) в августе 1913 г. сделал величайшее географическое открытие – обнаружил в сибирской Арктике новую землю и назвал ее Землей Императора Николая II. 1 декабря 2006 г. Дума Таймырского автономного округа приняла постановление о возвращении архипелагу Северная Земля имени Императора Николая II и острову Малый Таймыр имени Цесаревича Алексея, а также о присвоении некоторым островам имен членов семьи Николая II

В 1919 г. выпущены марки: «За свободную единую Россию». Верховный правитель России А.В. Колчак

{...}

Семейное положение: женат на дочери потомственного почетного гражданина Ольге Ильиничне Посоховой; имеет детей: сына Александра, родившегося 4 ноября 1874 г., и дочь Екатерину, родившуюся 17 октября 1875 г., жена и дети вероисповедания православного.

Далее воспроизводим ответы на вопросы анкеты:

- Есть ли недвижимое имущество родовое или благоприобретенное?
- Не имеем.
- Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе? Когда и за что именно?
- Не подвергался.
- В бытность в походах и делах против неприятеля какие оказаны отличия и какие получены раны и контузии?
- В походах и делах против неприятеля находился. В 1855 г. на гласисе Малахова кургана с 15 апреля по 27 мая находился на оном, где был того же 27 мая контужен осколком разорвавшейся неприятельской бомбы в голову, пользовался от контузии в госпитале по 5 июня. С июня по 27 августа 1855 г. находился на гласисе Малахова кургана.

Согласно свидетельству Александровского комитета о раненых от 2 декабря 1882 г. за № 23160, причислен под покровительство означенного комитета в числе раненых 3 класса.

В 1859 г. с 15 июня по 8 сентября находился в отряде винтовых канонерских лодок под командою командира Гвардейского экипажа флигель-адъютанта капитана 1-го ранга Аркаса.

По распоряжению начальства назначен для слушания лекций по металлургии и соприкосновениям с нею наук в Институте корпуса горных инженеров на два года, где и находился с 19 сентября 1860 г. по 17 октября 1862 г. В 1862 г. окончил в Институте корпуса горных инженеров двухгодичный курс⁹ обязательных наук для артиллерийских офицеров, назначаемых на должность приемщиков орудий, снарядов и металлов с горных заводов, из следующих предметов: металлургии, теоретической и аналитической химии пробирного искусства, минералогии, а также прикладной и горной механики, и выдержал в этих науках экзамены.

С разрешения г-на Управляющего Морским министерством командирован на Уральские горные заводы для ознакомления со сталелитейным производством и другими отраслями заводской деятельности, где находился с 3 января по 10 сентября 1863 г.

25 декабря 1863 г. назначен для наблюдения за работами на частных заводах по изготовлению стальных и чугунных снарядов и приему их к морской артиллерии, каковую обязанность и ныне исполняю на Обуховском сталелитейном заводе по званию члена комиссии, учрежденной в Санкт-Петербурге по Высочайшему повелению для приема на флот нарезных орудий и снарядов.

По распоряжению начальства с 5 июля по 20 сентября 1869 г. состоял членом комиссии для приема скорострельных ружей системы лейтенанта Баранова с патроном «Ориосно».

⁹ В кн. *Плотникова И.Ф. «Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность»* [8] на с. 10 ошибочно написано: «Закончил Институт горных инженеров» на самом деле – двухгодичный курс при Институте корпуса горных инженеров.

По распоряжению начальства назначен присутствовать 13 октября 1869 г. при производившихся лейтенантом Барановым исследованиях доброкачественности доставляемых из-за границы металлических патронных гильз, капсюлей и машинок для снаряжения и переснаряжения патронов.

По распоряжению начальства от 9 декабря 1869 г. назначен в снаряжательный отряд С.-Петербургского патронного завода для изучения правил и всех приемов снаряжения металлических патронов и составления по этому предмету подробного описания в сих работах.

По Высочайшему повелению, состоявшемуся 12 июля 1872 г., назначен для производства химических и физических испытаний качества стали в орудиях и снарядах, приготавливаемых Обуховским сталелитейным заводом.

В 1873 г. по приказанию Управляющего Морским министерством командирован на Венскую Всемирную выставку для осмотра артиллерийских орудий и находился в означенной командировке с 27 августа по 25 сентября.

В 1873 г. по распоряжению начальства был командирован с нарезными орудиями и прочим артиллерийским грузом в г. Николаев Херсонской губернии и находился в этой командировке со 2 октября по 11 февраля 1874 г.

В 1878 г. по распоряжению начальства был командирован с пироксилином и разным артиллерийским грузом из С.-Петербурга в г. Николаев и находился в этой командировке с 8 июля по 17 августа.

В 1881 г. с 7 августа по 25 сентября находился в командировке по распоряжению Управляющего Морским министерством в г. Николаеве для осмотра стальных орудий Черноморского флота.

В 1883 г. с 10 августа по 14 сентября находился в командировке с разрешения командира С.-Петербургского порта в г. Николаеве для сопровождения и сдачи там разного артиллерийского груза.

Подписал командир 8 флотского экипажа Контр-адмирал
В. Лазарев
и письмоводитель Н. Ливанов.
Читал Подполковник В. Колчак. С подлинным верно»¹⁰.

Произведенный в 1889 г. в генерал-майоры В. Колчак вышел в отставку и остался на Обуховском заводе заведующим сталепудлинговой мастерской, продолжая служить здесь до 1899 г. [9]. Он был грамотным специалистом-практиком, несмотря на то что его образование сводилось к двум курсам в Горном институте, но он много читал и постоянно совершенствовал свои знания. Им написано несколько специальных статей: «О сталелитейном производстве», «Пудлинговая сталь и ее применение в сталелитейном производстве», «История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники» [10–12].

Окончательно оставив работу и перейдя полностью на пенсионное обеспечение, В.И. Колчак публикует свои воспоминания об обороне Севастополя 1854–1855 гг. сначала в Морском сборнике в 1899 г. [5] и затем отдельной книгой в 1904 г. [13].

¹⁰ Колчак В.И. Послужной список. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 2869.

Конечно, военная служба наполняла жизнь Василия Колчака яркими событиями, которые остались в его сердце навсегда. Цепкая память, острый ум и сохранившаяся юношеская романтика с годами преумножили воспоминания о героических буднях севастопольской эпопеи.

Маленький Александр рос под сильным впечатлением рассказов отца о защите Севастополя, тем более что его отцу пришлось участвовать в военных событиях совсем юным пареньком, только что окончившим в Одессе знаменитую Ришельевскую гимназию, основанную французскими эмигрантами.

Можно себе представить, в какой атмосфере любви к Отечеству, величайшего патриотизма жил Александр Колчак, находясь рядом с отцом – живым свидетелем героических страниц истории Российского Флота. При его жизни выдающиеся русские адмиралы Корнилов, Истомина, Нахимов стали национальными героями.

Василий Колчак – защитник Севастополя¹¹
(по материалам воспоминаний В.И. Колчака
«На Малаховом кургане» [5])

«Я прибыл в Севастополь в первых числах апреля месяца с транспортом пороха в 1000 пудов, мы конвоировали его от Николаева. В Севастополе нас ожидали давно и нетерпеливо: имеющиеся запасы пороха, столь необходимого на бастионах, быстро истощались. Транспорт немедленно был принят и в тот же день переправлен на южную сторону Севастополя. Кончив сдачу пороха, все мы получили предписание в штаб командира порта адмирала П.С. Нахимова для получения дальнейшего назначения» [с. 1–2]. «Мне предписали, – продолжает свои воспоминания Василий Колчак, – на Малахов курган. Мы переехали через Южную бухту к Павловской батарее, отсюда по улицам Корабельной слободки с ее полуразрушенными и опустелыми белыми домиками мы подошли к Малахову кургану, к башне в два этажа; верхний этаж некогда был вооружен пятью морскими орудиями, но они были сбиты неприятельскими батареями еще в начале осады 5 октября (1854 г.). Нижний этаж защищен толстым слоем земли.

¹¹ Учитывая влияние отца на сына Александра, для более полного раскрытия личности Василия Ивановича Колчака, считаю своим долгом рассказать о времени участия молодого Василия в защите Севастополя подробнее. Наверное, не случайно мечта отца и сына воплотится в дальнейшем в учебе Александра Колчака в Морском кадетском корпусе. – В.С.

Представился капитану Н.К. Станиславскому, помощнику начальника артиллерии Малахова кургана.

Меня откомандировали в бомбовый погреб и вместе с другими матросами поручили снаряжать бомбы и пригонять к ним трубки. Когда добирался до погреба вместе со Станиславским, все кругом казалось мне не то страшным сном, не то мучительным кошмаром. Целые сутки я оставался в бомбовом погребе, знакомясь с несложным процессом снаряжения бомб и подгонки к ним трубок» [с. 4, 6].

Станиславский поразил Василия своим спокойствием, а ведь им пришлось вместе проделать тот самый путь, на котором погибли адмиралы В.В. Истомин, В.А. Корнилов, а вскоре и П.С. Нахимов. Кругом были пули, разрывы гранат и глухие шлепки ядер.

Василий Колчак через сутки получил назначение – помощником батарейного командира на гласисную батарею. Все приказания отдавались Станиславским в блиндаже. Тяжелые удары потрясали бревенчатый потолок и стены. Жил Василий в блиндаже начальника артиллерии. Тут же у батареи с левой стороны башни размещались другие бомбардиры. Офицеры на гласисной батарее несли свое дежурство днем и ночью, в случае приближения неприятельских судов открывался огонь. В блиндаже была целая коллекция французских и английских штуцеров, т.е. винтовок военного образца, несколько револьверов, шпаг и сабель, взятых в траншеях во время ночных вылазок к французам.

«Прошло более месяца, – пишет Василий, – нас часто посещал адмирал П.С. Нахимов. Он всегда шел по кургану один, без сопровождения, с ним не было даже адъютантов. Он поднимался в башню, останавливался у 68-фунтового (калибр. – В.С.) орудия и рассматривал в трубу вновь возводимые неприятельские укрепления.

Новый штурм французы начали 26 мая. Неумолкаемо гремела жестокая канонада, обстреливались Камчатский, Волынский и Селенгинский редуты и Малахов курган из тяжелых орудий. Начался штурм передовых редутов. Появился в башне Нахимов. Убит батарейный командир лейтенант Юрьев. Пуля через амбразуру поразила его в сердце. Бомбы лопались и свистели повсюду. Нахимов начал обходить другие редуты. Слышались стоны раненых, они доносились из ночной темноты. Пять матросов с носилками спустились через амбразуру в ров и подняли там французского офицера с раздробленным коленом. Он едва дышал, когда его принесли в башню, лицо его искажено болью, глаза помутнели, на нем щегольской, видимо, новенький синий мундир и бле-

стящие эполеты. На груди под мундиром, когда ему делали перевязку, мы заметили золотой медальон с женской головкой, очевидно, он только что прибыл в армию и в тот же день попал в дело. Ночью были подобраны остальные раненые и убитые французы, их атака на Малахов курган отражена. Синие мундиры – у французов и красные – у англичан, по мундирам их было легко различать.

Через несколько дней новая атака французов отбита, потеряли много убитых; убитых французов перевозили в фурштадских телегах и складывали у Камчатского редута. Там бродили «живые французы и смотрели на всю эту ужасающую картину страданий и смерти серьезно и сдержанно. От прицельных выстрелов мы были защищены земляным бруствером толщиной до 20 футов, но от навесного мортирного огня решительно негде было укрыться. Французы и англичане днем и ночью посылали 10–15 бомб большого калибра в 3 и 5 пудов. Бомба, с оглушительным звуком разрезая воздух, въедается в землю, и в момент разрыва осколки ее с комками земли разлетаются вверх. На следующий день бомбардирование продолжалось с тою же силой.

В этом же месяце Малахов курган лишился своего начальника, капитана 1-го ранга Юрковского. Обходя батарею, он направился к башне, у входа в башню встретил капитана Станиславского. Остановились. В это время близко над ними разорвалась бомба и осколками тяжело ранила в бок Юрковского, Станиславскому же оторвало пальцы на ноге. Ему два раза делали ампутацию, он не перенес ее, несмотря на атлетическое сложение, и через две недели скончался от гангрены. Юровский прожил всего несколько дней.

Нахимов был везде и всюду, воодушевлял всех своим примером. Он каждый день объезжал линию огня и посещал Малахов курган. Матросы и офицеры любили Павла Степановича. Услышат или увидят, что идет Нахимов, – и все лица просветлеют, осветятся теплою сердечною радостью... Казалось, нет смерти, а смерть носилась везде: сверху, снизу, впереди...» [с. 8–11].

Матросы и офицеры всегда восхищались выдержкой и бесстрашием П.С. Нахимова. Очевидцы говорили, что у адмирала особенно улучшалось настроение после очередного отражения неприятельского штурма. Он всячески подбадривал защитников и относился к ним одинаково доброжелательно, будь то матрос или офицер.

Однажды, как вспоминает Василий Колчак, П.С. Нахимов находился на гласисной батарее и, подойдя к командиру 68-фунтового орудия – Георгиевскому кавалеру, отечески похлопал его

по плечу. Оказывается, они вместе были в Синопском сражении на корабле «Императрица Мария». Бомбардир отличился в том сражении, был ранен и награжден. Поговорили о Синопе, адмирал был в хорошем настроении, сказал несколько ласковых слов, и лицо матроса просияло среди завывания пуль и пиликанья бомб.

П.С. Нахимов часто останавливался на совершенно открытых местах и внимательно рассматривал повреждения на батареях, хотя около него летел целый рой снарядов, он мог сделаться жертвою каждой пули, а между тем адмирал стоял и рассматривал с удивительным спокойствием или подбитое орудие, или разрушенный бруствер. Матросы невольно подчинялись смелости такого решительного примера, и уважение к Нахимову возрастало с каждой минутой.

«Он до того не обращал внимания на собственную безопасность в течение девяти месяцев томительной, кровавой обороны Севастополя под самым сильным огнем, что флот и армия смотрели на него как на человека, хранимого Промыслом Бога. Действительно, в нем таилось что-то сверхъестественное. Все были твердо уверены и убеждены, что ни пули, ни снаряды не могут прикоснуться не только к самому Павлу Степановичу, но и к каждому стоявшему около него в самом жарком огне. Надо сказать, что и я испытывал это чувство. Но тяжелая роковая минута уже приближалась» [с. 12].

Василий Колчак был очевидцем гибели адмирала П.С. Нахимова. Вот как он это описывает:

«Около 12 ч. дня 28 июня, когда Нахимов обедал, началась сильная канонада по 3-му бастиону. Наскоро кончив обед, он выехал из дома веселый, обошел и осмотрел все батареи третьего бастиона и поехал на Малахов курган. Было 4 часа пополудни, когда он пришел один на гласисную батарею к обычному своему месту, на банкет, у первого 68-фунтового орудия с левой стороны, и стал осматривать в трубу работы неприятеля. Начальник Кургана С. Керн был в башне, где шло богослужение накануне праздника. Его позвали к адмиралу, Керн вышел навстречу П.С. Нахимову. Затем адмирал поднялся на банкет у следующего орудия и снова стал смотреть в трубу через бруствер. Его адмиральские эполеты были заметной мишенью для неприятеля. Пули посыпались буквально как град. Керн молчал и, затаив дыхание, переживал за Нахимова, начал просить его зайти в башню, отслушать всенощную. С нашей батареи был сделан выстрел из орудия по траншее. В это время несколько пуль ударились о земляной мешок на бруствере подле самого Нахимова. Керн просил

отойти от этого места, Нахимов продолжал смотреть в трубу. Не успел он выговорить «ловко стреляют», как упал, смертельно раненный, на правый бок. Все это произошло так быстро, что Нахимова не успели даже поддержать. Пуля прошла выше виска, над левым глазом, пробила череп и тронула мозг. Адмирал произнес что-то невнятное и не приходил в сознание, прерывисто дышал. Керн, стоявший рядом, бросился к нему первый. С левой стороны стоял тут же, на банкете, сигнальщик, следивший за полетом снарядов и предупреждавший о выстрелах из орудий по батарее. Внизу находился командир батареи мичман Лесли (под конец осады лейтенант) и я. Внезапность рокового события поразила нас, как гром. Эта тяжелая печальная минута не поддается описанию. Наскоро Павлу Степановичу сделали перевязку, на солдатских окровавленных носилках понесли через Аполлонову балку и на катере перевезли в северную сторону, в бараки. Нахимов лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. 29 июня был день ангела Павла Степановича. Ему стало как будто лучше. Он открыл глаза, но, по-видимому, никого не узнавал, ни на минуту до самой смерти не приходил в сознание. 30 июня 1855 г. в 11 ч 7 минут скончался доблестный адмирал, герой Наварина, Синопа и Севастополя.

В 6 часов вечера 1 июля, во время похорон адмирала, неприятель не стрелял. Разнесся даже слух, что англичане, узнав о смерти Нахимова, скрестили реи и приспустили флаги. Нахимова опустили в могилу в храме Святого Владимира, подле Лазарева, Корнилова и Истомина. Матросы, рыдая, бросали горсти земли и, крестясь, расходились» [с. 12–14].

Продолжая свой рассказ о трудных днях защиты Севастополя, Василий Колчак без лишнего пафоса рисует тяжелейшие эпизоды войны, суровые будни матросов:

«В июле на Малаховом кургане стало еще невыносимее. Французы вооружили отбитый у русских Камчатский редут орудиями большого калибра и на расстоянии около 200 саженей от гласиса кургана беспощадно громили батарею днем и ночью. Их снаряды стали пронизывать насквозь наши брустверы, постоянно подбивали станки, сбивали орудия. Мы едва успевали отвечать, а убыль людей на батареях приняла положительно устрашающий характер. Не меньшие потери несли мы во время ночных работ, исправляя повреждения и заменяя подбитые станки и орудия новыми, а вся дорога из артиллерийского депо в Ушаковой балке к батареям открыта огню неприятеля» [с. 15].

По-своему трагичным и в моральном плане тяжелым для Василия Колчака оказался такой эпизод при обороне кургана:

«Лейтенант Лазарев, вновь назначенный начальником артиллерии Малахова кургана, приказал вестовому поставить самовар. Вестовой, по фамилии Юшковой, взял маленький самовар и вышел с ним из блиндажа, залил водой и стал разводить огонь. Вышел и Василий Колчак и стал любоваться вечером. Вдруг он услышал звук приближающегося осколка и увидел, как у самой двери в блиндаж, схватившись рукой за бок, лежал весь в крови несчастный Юшковой и со стоном, прерывающимся голосом произнес: “И как это Вы ничего не сказали”, но упрек Юшковой был несправедлив. Устранить вовремя человека от летящего в него осколка невозможно, и несправедливый упрек из уст умирающего отозвался болью в сердце Колчака. Юшковой умер, считая его виновником своей смерти. А место, где ставился самоварчик, было залито кровью, осколок валялся тут же, и все молчали...» [с. 16].

Некоторые эпизоды, связанные с боевыми заслугами Василия Колчака, в книге описываются так:

«Из полупудовых мортир открыли огонь, и одна граната упала в туры и подожгла их. Все вспыхнуло, и широкое пламя разлилось по траншее французов. В городе разнесся слух, что пожар вспыхнул на Малаховом кургане. Начальник штаба Севастопольского гарнизона, князь Васильчиков, немедленно прибыл на Курган с двумя адъютантами. Ему доложили о пожаре во французской траншее. Князь тут же меня поздравил с Георгиевским кавалером и собственноручно повесил мне на грудь солдатский крестик. Счастливые минуты молодой, неудержимой радости, неожиданного счастья!» [с. 17].

Плен. События, относящиеся к первым дням плена, в книге Василия Колчака выглядят совсем не трагично. Вот его сокращенный рассказ:

«Мы сидели в палатке, у входа стоял часовой. Капитан Дампьер обошелся с нами очень любезно, приказал подать обед и рассказал, как в Альминском сражении был взят в плен русскими, жил в Ярославле, пользовался там радушным и широким гостеприимством, и теперь очень рад случаю быть нам полезным. Принесли обед: индейку и несколько бутылок красного вина. Дампьер извинился, что не может предложить нам ничего лучшего, и очень сожалел, что надо проститься с нами и идти к генералу Боске, тяжелораненному.

В непроницаемой темноте рисовался Малахов курган с его облитыми кровью батареями, где мы еще вчера оставили столько храбрых, где отстаивали каждую площадку, каждый траверс.

Все собравшиеся в лагере генерала Боске пленные отправились с офицером на главную квартиру... Шли долго...

Венсенские стрелки пригласили русских пленных на военный праздник, специально для них устроенный. Раздали военнопленным деньги на предметы первой необходимости. Пленные утром 28 августа вышли из палаток посмотреть на французов. На крыльце одного из домиков показался маршал Пелисье. Он ехал на белой лошади, в сюртуке с эполетами и аксельбантом, как и все офицеры его штаба.

На другой день нас посадили на телеги-фургоны и повезли. Никто не знал, куда везут, но все думали, что во Францию...

Пленные прибыли на корабль... Обед был такой, какого мы никогда не видели за время жизни в Севастополе. Наши милые неприятели обходились с нами, как самые искренние, сердечные друзья. Мы были молчаливы, но к вечеру, сидя перед стаканом вина, наше общество оживилось, сблизилось, и мы провели время очень весело. Говорили о француженках, маскарадах, о береговой жизни офицеров в Тулоне. Около 24 часов отправились спать в каюты с чистым блестящим бельем, с теплыми одеялами. Намеревались идти в Константинополь, но не могли из-за повреждения судовой машины. 5 октября 5-пудовая мортирная бомба с форта "Константин" попала в машинное отделение, значительно его повредила. Корабль ходил для исправления во Францию, но выявились новые неполадки...

Фрегат "Шарлмань" вышел из Севастополя в Константинополь. Плыли до турецкого берега больше суток. Турецкая часть города очень грязная. Изумляли мусульманские храмы. Воздушные минареты мечетей были восхитительны, плоские крыши домов казались странными. Вот и знаменитая мечеть Святой Софии, рядом у пирса бросили якорь. Здесь все узнали, что не едут во Францию, а на английском судне отправляются на Принцевы острова в Мраморном море.

Пленных высадили на деревянную пристань острова Жуаньвильского – самого большого из всех Принцевых островов.

Остров был скучный, зеленел колючий кустарник, белели два каменных здания и колодец. Это греческий монастырь Святого Николая.

К пленным подошли французские офицеры и переводчик, разделили всех на две партии: старших и младших по званию. Старших направили в квартиры близлежащей деревни. Младших оставили ночевать в монастыре.

– Чистая постель и добрый ужин вас ждут, – заявил капитан Лагерр.

“Деревня” была летней резиденцией богатых константинопольских негоциантов, так что о “монастырской” скуке не могло быть и речи... Обедали в гостинице. Поздно добрались до монастыря и с наслаждением растянулись на наших постелях.

Утром пошел посмотреть на греческую церковь. Внутренность церкви вполне напоминала православные храмы: те же клиросы, царские врата, аналой с полустертым образом Николая Чудотворца» [с. 36–38].

Далее Василий Колчак продолжает свой рассказ со свойственными ему оптимизмом и эмоциональностью:

«На берегу моря стоял небольшой двухэтажный дом с выдававшейся в море террасой на сваях; под крышей красовалась огромная надпись: “Гостиница Джакомо”. Вблизи стоял французский сторожевой фрегат “Рандор”. На самом горизонте едва заметной полосой зданий выступал Константинополь.

Остров, предназначенный служить нам “тюрьмой”, был настолько хорош своей природой, что любой художник согласился бы всю жизнь прожить на нем. Один из офицеров, француз, сообщил, что пленные русские будут получать по 200 франков в месяц...

Кругом розы, зеленые сосны, виноградники, шелестели кипарисы. То пройдет грациозная девушка-гречанка за водой с классическим кувшином на голове...

Чудный климат, дачный образ жизни, совершенная материальная обеспеченность слишком манили отдохнуть и забыться после севастопольских страданий. Особенно памятны мне дивные южные вечера и ночи, когда по улицам всюду вспыхивали фонарики; воздух, наполненный звуками музыки, говором и смехом, делался раздражительно мягок и душен, а на темном небе дрожали огромные звезды.

Нас, пленных, поддерживал покойный генерал-адмирал Великий князь Константин Николаевич, главный участник и деятель великих освободительных реформ Александра II. Константин Николаевич был управляющим Русским морским флотом на правах министра¹².

¹² В России Морское министерство учреждено 8(20).09.1802 г. под названием Министерство морских сил, а с 1815 – Морское министерство. После Октябрьской революции Морское министерство 26.10(08.11).1917 г. подчинено Комитету по военным и морским делам. В феврале 1918 г. функции Морского министерства переданы Наркомату по морским делам (с 1923 – Наркомат по военным и морским делам СССР).

В 1939–1946 гг. Наркомом Военно-морского флота был адмирал флота Советского Союза Герой Советского Союза Николай Герасимович Кузнецов.

От его имени пленным морякам несколько раз присылали значительные суммы денег, они говорили о теплой заботе Великого князя о своих заброшенных за тысячи верст на чужбине соотечественниках...

По распоряжению генерал-адмирала через нашего посланника в Вене, господина Демидова, некоторым пленным, в том числе и мне, был прислан Высочайший приказ о производстве в офицеры или награждении орденом.

Чуткая душа Великого князя знала, как нам будет приятно почувствовать, что в России не только не забыли о нашем существовании, но и ценят нашу севастопольскую службу, какова бы она ни была...» [с. 43–44].

В феврале 1856 г. французы объявили о возвращении русских пленных в Россию. От Принцевых островов до Константинополя они плыли всего два часа. Пленным разрешили посмотреть турецкий город Константинополь, и Василий Колчак так описывает свою прогулку: «Невозможные запахи на каждом шагу оскорбляли наше обоняние...» [с. 49].

Далее пленных перевели на два французских фрегата. Один из них «Монтецума», на котором плыл Василий Колчак, направлялся в Севастополь. Настроение у всех было превосходным. «Мы были, – говорит Колчак, – вроде как уже и не пленные». Вечером объявили даже танцы, и русские моряки, забыв о прошлых трудных днях пленного одиночества, веселились от всей души. В танцах они «откалывались», как выразился Василий Колчак, так, что палуба дрожала. Танцы были самые разнообразные – от кадрили и до канкана.

Утром они вышли на палубу, стараясь разглядеть контуры родных берегов. Падал снег. Стальной цвет воды не охлаждал, а радовал душу всех пленных. Возвращались в Севастополь, который они оставили разрушенным и окровавленным. Однако Севастополь их принять не смог, и фрегат повернул в Одессу. После некоторой обычной русской проволоочки всех разместили в лучшем отеле города.

На память Василию Колчаку пришли строки из «Евгения Онегина», которые он привел в книге «На Малаховом кургане»:

Должность морского министра введена в России в 1815 г., в 1855–1857 гг. управляющим и морским министром был Ф.П. Врангель, а Великий князь Константин Николаевич был Главным начальником флота и Морского министерства в 1855–1880 гг. Его сын Великий князь Константин Константинович (1858–1915) являлся президентом Императорской академии наук в 1889–1915 гг.

Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

Сынов Отечества встретила Одесса, залитая весенним солнцем и утопающая в аромате благоухающих ранних цветов на многолюдных одесских бульварах – многоголосых, неторопливых и разных.

* * *

Сам Александр Васильевич Колчак на заседании Чрезвычайной следственной комиссии, производившей его допрос 21 января 1920 г., за несколько дней до расстрела о семье говорил так:

«Моя семья была чисто военного характера и военного направления. Я вырос в чисто военной семье. Братья моего отца были моряками. Один из них служил на Дальнем Востоке, а другой был морской артиллерист и много плавал. Вырос я под влиянием чисто военной обстановки и военной среды. Большинство знакомых, с которыми я встречался, были люди военные. Какими-либо политическими задачами и вопросами я почти не интересовался и не занимался. Как я говорил, когда я поступил в корпус, я начал заниматься исключительно военным делом и затем меня увлекали точные научные знания, т.е. математические и физические науки. Науками социального и политического характера я занимался очень мало. Был один период у меня, о котором я могу сказать несколько слов, когда меня интересовали эти вопросы, – это был период моего пребывания в корпусе уже в последних, старших, классах, когда я начал работать на Обуховском заводе. Я вырос на этом Обуховском заводе и постоянно на нем бывал. Пребывание на заводе дало мне массу технических знаний: по артиллерийскому делу, по минному делу и т.д. В корпусе мне не нужно было заниматься этими предметами, ибо я был знаком с ними гораздо лучше и более обширно, чем преподавалось в корпусе, потому что самая обстановка и среда давали мне чрезвычайно много по этой части. Затем я увлекался заводским делом. Было даже такое время, когда приезжал ко мне на завод английский заводчик, известный по пушечному делу. Мой отец его знал хорошо, и он предлагал, зная мою работу по техническому делу, взять меня в Англию, чтобы я прошел школу там на его заводах и сделался инженером. Но желание плавать и служить в море превозмогли идею сделаться инженером и техником.

Близость завода и возможность получить огромные знания меня, молодого человека, увлекали, и у меня явилась тогда идея – в свободное время пройти курс заводской техники. Я начал дело с самых первых шагов, т.е. начал изучать слесарное дело, и работа на этом заводе сблизила меня с рабочими. У меня

было много знакомых рабочих, которые меня обучали. Они знали меня и благодаря этому соприкосновению с ними, работе в мастерских, постоянному общению с ними, меня заинтересовали на некоторое время вопросы политического и социального порядка. Кое-что я читал по этому вопросу, долго занимался, не могу сказать изучением его, – меня тогда интересовал вопрос рабочих, интересовали вопросы заводского хозяйства, вопрос труда и т.д., – но я повторяю, что я не изучал этого дела; я с ним знакомился, потому что был в такой среде, где об этом говорили, и меня до известной степени это интересовало.

Изучением же этих вопросов я не занимался потому, что у меня не хватало времени. Когда я перешел в последний выпускной класс, где я был занят другим, чисто специальным военно-морским делом, мне пришлось прекратить эти занятия, и я больше не занимался такими вопросами. О вопросах политического и социального порядка, сколько я припоминаю, у меня вообще никаких воспоминаний не осталось. В моей семье этими вопросами никто не интересовался и не занимался. Мой отец, как я говорил, был военный, севастополец: вся среда была военная или техники-специалисты Обуховского завода» [9, с. 274–275].

О родителях:

«Отец мой, Василий Иванович Колчак, служил в морской артиллерии. Как все морские артиллеристы, он проходил курс в Горном институте, затем он был на Уральском Златоустовском заводе, после этого он был приемщиком морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он ушел в отставку в чине генерал-майора, он остался на этом заводе в качестве инженера или горного техника. Там я и родился. Мать моя – Ольга Ильинична, урожденная Посохова. Отец ее происходил из дворян Херсонской губернии. Мой отец был служащий офицер. После Севастопольской войны он был в плену у французов и при возвращении из плена женился¹³, а затем служил в артиллерии в Горном институте.

Я православный, до поступления в школу получил семейное воспитание под руководством отца и матери. У меня есть одна сестра Екатерина; была еще одна маленькая сестра Любовь, но она умерла в детстве. Сестра моя Екатерина замужем, фамилия ее Крыжановская...

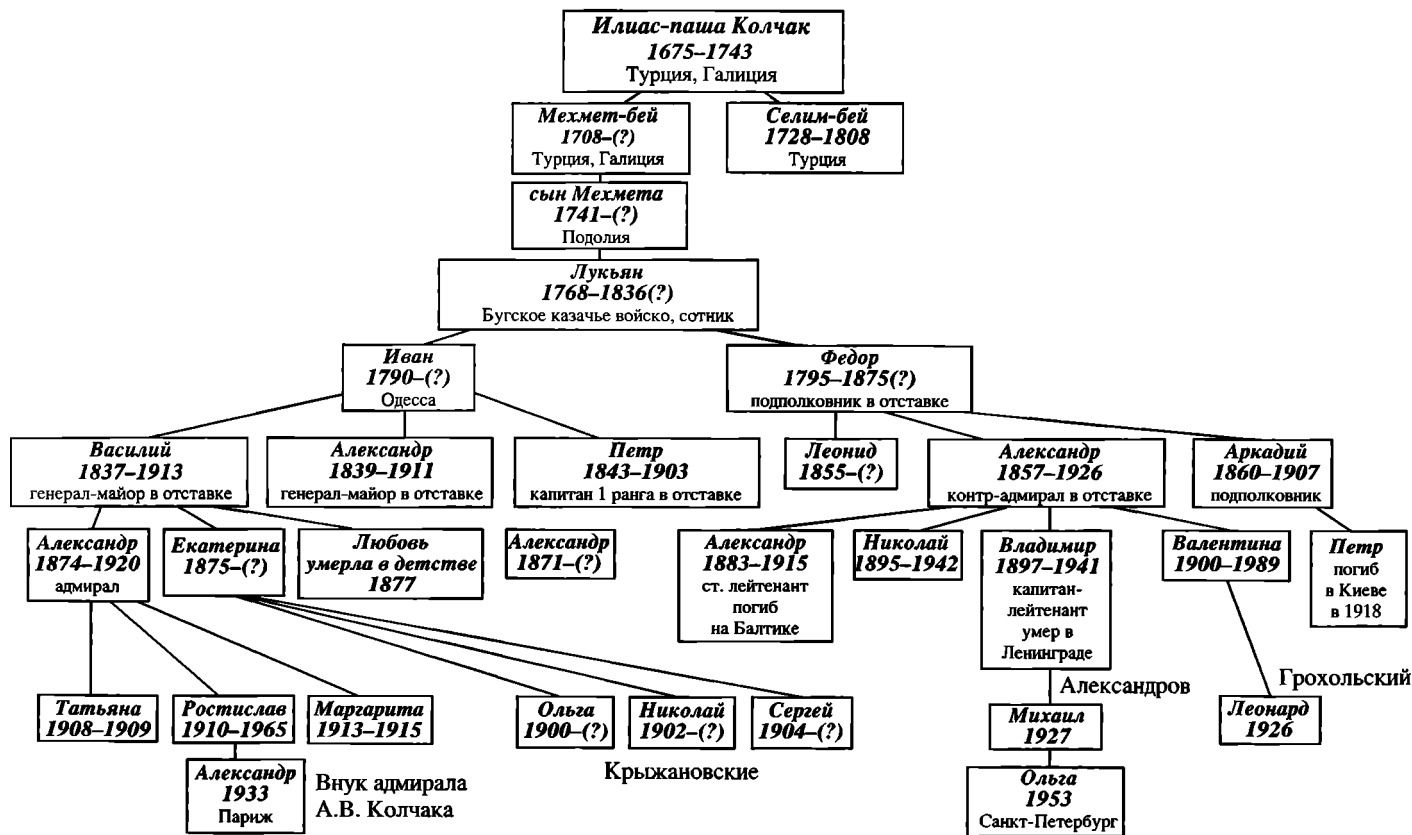
Оба мои родителя умерли. Состояния они не имели никакого. ...Вся семья моего отца содержалась исключительно только на его заработки» [9, с. 244].

Какими многозначительными были для него теперь эти факты, простые события быстротечной жизни...

Генеалогия рода Колчаков

В начале царствования императрицы Елизаветы Петровны, около 1745 г., многочисленное семейство Колчаков получило русское подданство и русское дворянство. Вновь утвержденным в русском дворянстве Колчакам был присвоен и герб, но рисунок герба до нас не дошел, хотя, вероятно, в ревизских книгах его отыскать вполне возможно.

¹³ Неточность. Женился В.И. Колчак позднее, в 1870-е годы, а не сразу после плена (его жена 1855 г. рождения).

Родословная Колчаков за 300 лет, составленная Михаилом Владимировичем Александровым [136]

Небольшое исследование родословной Колчаков провел Ростислав Колчак – сын Александра Васильевича. Материал был впервые опубликован в «Военно-историческом вестнике» в Париже в 1960 г. [3].

«Род Колчаков, – пишет Ростислав Александрович, – внесен во вторую часть родословной книги дворян Херсонской губернии. Вторая книга, как известно, включает роды, получившие потомственное дворянство чинами военными. При ревизиях 40-х годов Колчаки были утверждены в потомственном дворянстве указом Гербальдии Правительствующего Сената от 1 мая 1843 года за № 7054» [3, с. 177].

Доподлинно известно, как пишет Ростислав Колчак, что семья Колчаков ведет свою родословную из Бугского казачьего войска, а семья Посоховых (девичья фамилия матери) – из Донского. Скорее всего, Колчаки происхождения половецкого. Половцы, притесняемые татарами, частично были ассимилированы ими, а частично перебрались в Венгрию. Возможно, фамилия своими корнями уходит к хану Кончаку. Однако корни этих слов весьма различны: «кончак» по-турецки означает «штаны», а «колчак» – «боевая рукавица».

Интересно, что первые записи в исторических документах, содержащие фамилию Колчак, встречаются в Боснии в XVII в., а также обнаружены в документах русской армии Петра Великого в период Прутского похода 1711 г. Один из Колчаков, серб из Боснии, принял мусульманство, возможно, для того, чтобы спасти семью от турок. В 1717 г. Илиас-паша Колчак назначается начальником Хотинской крепости и генерал-губернатором Хотинской провинции. Турки к этому времени окончательно захватили Хотинскую цитадель. Более 20 лет находился Колчак-паша в Хотине. Все эти годы он занимался военно-дипломатической работой и проводил в жизнь турецкую политику по отношению к России.

Сам Хотин и округа его при турках не бедствовали. Сохранилось описание Хотина, написанное неким турецким чиновником и поэтом того времени [2, с. 184]. Богатый Хотин стал даже центром турецкой культуры на границе Польши. Турецкий автор восторженно описывает сады, бани, казармы янычар, дворец командующего, мечети и ворота с надписями в стихах: «Дворец Колчак-паши», «Кладбище, где спят много храбрых мужей». Он говорит и о ценной библиотеке, и о дешёвизне яблок, и о малине, которую вывозили в Константинополь... Все это было особенно дорого турецкому поэту, когда он писал о Хотине уже после того, как Хотин был взят фельдмаршалом Б.К. Минихом (1683–1767), командующим русской армией в 1739 г.

Предыстория взятия русскими Хотина такова: в 1735 г. началась война Турции с Австрией и Россией, что было обусловлено усилением влияния России в Персии и на Кавказе. Турки ведут наступательную войну в Сербии и Венгрии, а войска Миниха и Ласси входят в Крым и уничтожают Бахчисарай. В 1736 г. Колчак-паша и господарь молдавский вызываются в Константинополь для разработки планов предстоящей войны. В 1739 г. Миних идет на Хотин. Он переходит Днестр выше Хотина, занимает Черновцы, и у деревни Ставучаны происходит знаменитое Ставучанское сражение 17 августа 1739 г. Об этом сражении известно, что это была победа русской военной науки и дисциплины над турецкой армией, победа артиллерии над пехотой и конницей.

Колчак-паша, видя поражение турецкой армии, отступил в Хотин с малым числом всадников. В крепости оставалось всего 700 человек гарнизона вместо 10 тыс.

Семья Колчака-паши, его жёны и наложницы и малолетний сын Селим-бей 11 лет, получили разрешение уехать в Турцию. Это будет своеобразной защитой, по мнению Колчака-паши, когда придется объяснять султану причину сдачи Хотина. Старший сын Колчака-паши Махмет-бей был пленен и увезен в Россию в возрасте 35 лет. Но все же боясь, что султан расправится с ним за сдачу Хотина, Колчак-паша не вернулся в Турцию и нашел приют в Галиции у своего друга гетмана Иосифа Потоцкого.

Потомки Колчака-паши обосновались в польской Галиции. Они перешли в православную веру. После третьего раздела Польши при Екатерине II правнук Колчака-паши окажется в Бугском казачьем войске. Прадед Александра Васильевича – Лукьян Колчак был уже сотником Бугского казачьего войска во времена императоров Павла и Александра I. Сотник получил землю в надел в Херсонской губернии, где и остались Колчаки.

«У сотника Лукьяна Колчака было два сына: старший – Иван Лукьянович – унаследовал часть имения, но, продав его, купил дом в Одессе и поступил на гражданскую службу. У Ивана Лукьяновича было много дочерей и три сына, из которых старший Василий Иванович и был отцом Александра Колчака» [3, с. 195].

Итак, первоначальные корни рода Колчаков уходят к турецким берегам Османской империи. Таким образом, в суровом и раздражительном характере Александра Колчака, несомненно, проявились восточные черты его далеких предков.

Александр Колчак и Морской кадетский корпус

Свое дошкольное воспитание Александр получил в семье под руководством отца и матери. Как и отец, все его ближайшие родственники были военными моряками и знали морскую жизнь не понаслышке. Александр постоянно чувствовал дыхание моря, правда, пока Балтийского, но мечты уносили его в океанские просторы, к далеким материкам. Вполне понятно, что учеба в 6-й классической петербургской гимназии не удовлетворяла юношу. Он рано по рассказам и книгам познакомился с полными героизма и самоотверженности морскими баталиями, в которых русские моряки готовы были умереть, защищая честь Андреевского флага. А воспоминания отца о защите Севастополя настолько запали в душу ребенка, что он без Морского кадетского корпуса уже не мог представить свою дальнейшую жизнь и спокойно спать¹⁴.

¹⁴ Морской кадетский корпус 2 июня 1867 г. был переименован в Морское училище (РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 112446. Л. 1). В 1891 г. восстановлено прежнее наименование – Морской кадетский корпус. Положение о корпусе утверждено 22 февраля 1894 г. Имеется 6 классов с годичным курсом, три младших называются общими, а три старших – специальными. Для поступления в младший общий класс требуются познания в объеме курса первых трех классов

Василий Иванович привел своего маленького «несмышленка» в Кадетский корпус и подал на имя начальства такую реляцию:

«В канцелярию Морского училища от подполковника Колчака. Прощение. Желая определить на воспитание в младший приготовительный класс Морского училища моего сына Александра Колчака, я, нижеподписавшийся, имею честь представить при сем метрические свидетельства о рождении и крещении его и мой послужной список. Если по принятии Александра Колчака в училище начальство оно признает нужным невзлюбить его, вследствие дурного его учения или поведения, а также вследствие появления таких болезней, которые препятствуют службе его на флоте, то я обязуюсь по первому требованию училища без замедления взять его обратно на свое попечение. Март 22 дня 1888 года. Подполковник Колчак (подпись).

С.-Петербург, Поварской пер., дом 6, кв. 6»¹⁵.

Уведомление о принятии Александра Колчака было получено 14 апреля 1888 г. за № 423. Мечта отца и сына сбылась.

В 1892 г. как наиболее успевающего по всем учебным показателям в Морском кадетском корпусе А.В. Колчака производят в младшие унтер-офицеры, а вскоре его назначают фельдфебелем (наставником) младшей роты.

Если мы обратим свой взор на приведенный ранее послужной список его легендарного родителя Василия Колчака, то прочтем много поучительного и полезного для воспитания молодого поколения на славной морской ниве и поймем, что знакомство юного Александра Колчака, будущего гардемарина, с героическими традициями Российского Флота состоялось уже давно.

Сам он так вспоминал годы учебы в корпусе: «В Морской корпус я перевелся и по собственному желанию, и по желанию отца. Я был фельдфебелем, шел все время первым или вторым в своем выпуске, меняясь со своим товарищем, с которым поступил в корпус. Из корпуса вышел вторым...» [9, с. 244].

Александр Колчак по собственной инициативе уступил первенство, которое ему предлагали как фельдфебелю при оконча-

реального училища. Прием по конкурсу (ежегодно 60 учащихся); имеют преимущество дети военных чинов Морского ведомства. Воспитанники трех младших классов имеют звание «кадет», а трех старших – «гардемарин». При выполнении ими требований морского ценза производятся после окончания Морского кадетского корпуса (осенью) в мичманы. Больные и неспособные к военно-морской службе награждаются гражданскими чинами: чиновник X или XII класса (Энцикл. слов. / Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Т. 38 (19а). – СПб., 1896. С. 906–907).

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 7174. Л. 2.

нии учебы в корпусе, своему товарищу – гардемарину Д. Филиппову. Колчак в силу своей исключительной порядочности и честности добровольно отдал «пальму первенства» своему однокурснику, удовлетворившись вторым местом. А это было непросто для человека самолюбивого и самонадеянного, каким, в сущности, был Колчак до последних дней своей жизни.

Спустя годы, одноклассник А.В. Колчака по Морскому кадетскому корпусу Д.В. Никитин так вспоминал о нем: «Кадет, среднего роста, стройный, худощавый брюнет с необычным южным типом лица и орлиным носом поучает подошедшего к нему высокого и плотного кадета». Тот смотрит на своего ментора с уважением... Ментор этот, один из первых кадетов по классу, был как бы постоянной справочной книгой для его менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в математической задаче, выход один: «Надо Колчака спросить» [8, с. 14].

М.И. Смирнов – кадет младшей роты, а впоследствии боевой соратник А.В. Колчака, начальник штаба Черноморского флота в 1916 г. (когда Колчак был командующим) и морской министр в омском правительстве – опубликовал в парижской эмиграции в 1930 г. первую биографию А.В. Колчака [14]. Он писал: «В 1893 году гардемарин Колчак был назначен фельдфебелем младшей роты. Здесь я впервые с ним познакомился, будучи воспитанником младшей роты. Колчак, молодой человек, невысокого роста, с сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков, внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак. В нем был виден будущий вождь» [14, с. 8].

Есть и такая характеристика кадета Колчака: «...страстная влюбленность в военное дело, жадность испытующего ума; всегда с книжкой, всегда мечты о подвигах, о великих трудах...» [15, с. 2].

Исследователь-историк С.В. Дроков пишет: «В ученические годы Александр увлекался военной историей и точными науками. Частые посещения Обуховского завода дали ему технико-практические знания по артиллерийскому и минному делу. Отец познакомил его с британским заводчиком У.Дж. Армстронгом, который предлагал ему продолжить обучение на английских за-

водах. Но у юноши возобладало желание служить во флоте» [16, с. 51].

За исключительно большие успехи в учебе выпускникам Морского кадетского корпуса вручались денежные премии и дипломы. Обычно из каждого выпуска награждались первые пять-шесть человек, премии распределялись по старшинству. «За отличие в учебе гардемарин Колчак был удостоен денежной премии в размере 300 рублей имени известного адмирала Петра Ивановича Рикорда (1776–1855), Управляющего Камчаткой с 1817 года по 1822 год» [17, с. 138]¹⁶.

Адмирал П.И. Рикорд отличился и в морских сражениях, командуя эскадрой в Средиземном море во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Его заслуги как ученого-географа и мореплавателя высоко оценены научными кругами, он был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук.

Александр Колчак гордился такой престижной премией, и после окончания корпуса его мечты о путешествии в полярные страны принимают все более отчетливые контуры. «Этого вспыльчивого идеалиста, полярного мечтателя и жизненного младенца отличали на протяжении всей жизни незаурядный ум и исключительная честность», – скажут о нем много лет спустя его соратники по Омску [126, с. 224].

¹⁶ Из отчета начальника Морского училища о высочайшем повелении от 21 мая 1874 г.: «Проценты 300 рублей с капитала 5000, пожертвованного Людьминой Ивановной Рикорд, в память покойного ее супруга, адмирала Петра Ивановича Рикорда, выдавать в премию отличнейшему во всех отношениях воспитаннику, при выпуске его из училища, с наименованием премии этой “премией адмирала Рикорда”» – Морской сборник. СПб., 1875. Т. СXLVIII. № 5. С. 12. Вместе с премией выдавалась книга «Записки флота капитана Рикорда» [121, с. 27].

Назначение на крейсер «Рюрик». Заграничное плавание в Тихом океане. Возвращение в Санкт-Петербург

Морское крещение

После окончания Морского кадетского корпуса Александр Колчак был прикомандирован к 7-му флотскому экипажу и пробыл там несколько месяцев. Осенью 1894 г. после стажировки по штурманскому делу был произведен в мичманы с вручением золотых погон – первого офицерского чина [19].

В 1895 г. он начал плавание на крейсере 1-го ранга «Рюрик», совершив переход из Кронштадта через Суэцкий канал во Владивосток. «Рюрик» строился в Англии на знаменитой судостроительной верфи в Глазго [20, с. 188]. Судостроители оснастили крейсер совершенным для того времени оборудованием: башенные орудия выглядели грозно и даже величественно. Крейсер был по-настоящему хорош, но служить на нем было тяжело. А.В. Колчака назначили помощником вахтенного начальника. Однообразная служба вахтенного офицера не очень нравилась молодому мичману, но он добросовестно выполнял возложенные на него обязанности.

После «Рюрика» молодой мичман перешел на «Крейсер» – корабль такого же типа, но 2-го ранга, на котором уже в должности вахтенного начальника он плавал до конца 1898 г. в Тихом океане, а в мае 1899 г. вернулся в Кронштадт.

В эти же годы А.В. Колчак проводил первые исследования по гидрологии, изучая поверхностную температуру течения и удельный вес морской воды. Молодой исследователь уточняет и совершенствует методы наблюдений и выверяет правильность карт холодных течений у берегов Кореи [21]. Как показали дальнейшие события в период русско-японской войны, карты течений имели огромное стратегическое значение, ими пользовались для размещения минных полей, минных банок и т.д.

ЗАПИСКИ ПО ГИДРОГРАФИИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ГЛАВНЫМЪ ГИДРОГРАФИЧЕСКИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ.

Выпускъ XX.

СОДЕРЖАНІЕ:

	стр.	стр.	
I. Обзоръ зонъ Тихаго океана. З. М.	1	XIII. Уровнемеръ шведской системы. С. Соствозъ.	81
II. Monthly current charts for the Indian Ocean. З. М.	7	XIV. Дополнительныя карты Сѣвернаго Атлантическаго океана за 1898 г. (Pilot-charts of the N. Atlantic for 1898, Washington). Ф. В.	88
III. Monthly current charts for the Atlantic Ocean. З. М.	11	XV. Дополнительныя карты Сѣвернаго Тихаго океана за 1898 г. (Pilot-charts of the N. Pacific for 1898, Washington). Ф. В.	92
IV. Quarterly current charts for the Pacific Ocean. Баронъ З. Мидель.	16	XVI. Наблюдения надъ поверхностными температурами и удѣльными вѣсами морской воды, произведенныя на крейсерахъ «Рюрикъ» и «Крейсеръ» съ мая 1897 г. по мартъ 1898 г. Мичманъ Молчанъ.	95
V. Замѣтка о Куро-Сиво. Переваль Ф. В.	25	XVII. Циклонъ 9-го июня 1898 года въ Желтомъ морѣ. С. Соствозъ.	114
VI. Убѣжище отъ тайфуновъ у китайскихъ береговъ. З. М.	29	XVIII. Атмосферныя теченія, ихъ связь съ распредѣленіемъ атмосфернаго давленія на землѣ и съ характеромъ погоды. М. Поморцевъ.	120
VII. Образование льда въ промежуточныхъ слояхъ морской воды. З. М.	34	XIX. Опыты надъ туманными сигналами въ Сѣверной Америкѣ и во Франціи. Ю. Шольский.	187
VIII. Отчетъ объ астрономическихъ и топографическихъ работахъ шт. кап. Ислямова въ Карабугазской экспедиціи 1897 г. Ис. Ислямовъ.	87	XX. Свѣдѣнія о выброшенныхъ въ Черномъ морѣ и выданныхъ на берегъ бутылкахъ. Ф. В.	233
IX. Гидрографическія работы вѣнгерскаго адмиралства. (Hydrographic office) въ 1896 г. З. М.	53		
X. Поверхностныя теченія въ югозападной части Балтійскаго моря, и ихъ зависимость отъ вѣтровъ. З. М.	57		
XI. Предлагаемыя средства для производства прибрежнаго промѣра. Л. Шубинъ.	65		
XII. Новая сигнальная система штормовыхъ предостереженій у китайскаго побережья. З. М.	76		

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899.

Вышелъ 28 Августа 1899 года.

Авторъ статьи под № 16 — мичман Колчакъ

Работа, выполненная Колчаком, называлась: «Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах “Рюрик” и “Крейсер” с мая 1897 г. по март 1898 г.» [21], опубликована в 1899 г., т.е. более 100 лет назад выпущен первый научный труд «мичмана Колчака», как подписался сам автор публикации.

Те, кто знал совсем молодого Александра Колчака, называли его мечтателем и романтиком. Он грезил полярными странами с их еще не открытыми «белыми пятнами», восхищался подвигами викингов и поморов – смелых мореплавателей, дерзнувших познать неизведанный мир. Самой заветной его мечтой был тернистый путь к таинственному Южному полюсу.

В автобиографии Колчак так напишет о своем увлечении: «Еще будучи в корпусе и во время плавания на Восток (Дальний Восток. – В.С.), я интересовался океанографическими исследованиями в полярной области. Моим всегдашним желанием было снарядить экспедицию для продолжения работ в Южном Ледовитом океане, начатых нашими знаменитыми исследователями – адмиралами Беллинсгаузеном и Лазаревым» [8, с. 17].

Александр Колчак все свободное время уделял книгам. Его очень заинтересовала личность адмирала Жана-Франсуа Батиста де Траверсе¹, который более 17 лет был морским министром России (с 1811 по 1828 г.) [22]. Адмирал де Траверсе родился в 1754 г. на Антильских французских островах, на о-ве Мартиника, где вечнозеленая, буйная субтропическая растительность сказочным разноцветием украшала этот райский уголок земли, «кокетливо» встречающий каравеллы и фрегаты разных стран. Будущий адмирал де Траверсе учебу свою начал во Франции в Морской школе гардемаринов в городе Рошфоре и продолжил ее в школе такого же типа в Бресте.

Семья Траверсе владела большими плантациями сахарного тростника. Когда в 1778 г. началась война между Францией и

¹ В энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Т. 66 (33а). 1901. С. 679) его имя значится как Жан-Франсуа Траверсе:

ТРАВЕРСЕ (Prevôt de Sansac, marquis de Traversay) – дворян. род, восходящий ко второй половине XIV века и происходящий из Прованса. Жан-Франсуа (Иван Иванович), маркиз де Траверсе (1754–1830) выехал в Россию во время революции; был морским министром (1811–1828) и членом Государственного Совета. Один из его сыновей, маркиз Александр Иванович старший (1792–1850), был военным губернатором и главным командиром порта в Архангельске. Род маркизов Траверсе внесен в V часть Родословной книги Казанской губ. (Гербовник. IX. С. 136).

В книге Дю Шатне Мадлен (пер. с франц.) значится Жан Батист де Траверсе; примем за основу написание Жан-Франсуа Батист де Траверсе.

Англией за раздел плантаций сахарного тростника и кофе на Антильских островах, молодой гардемарин успешно участвует в морских сражениях. В возрасте 25 лет ему присваивают звание лейтенанта французского флота, и он становится капитаном военного корабля. Его талант раскрывается в первых же морских баталиях с англичанами.

Де Траверсе участвует в грандиозном морском сражении в заливе Чазепик в 1781 г. В этом сражении французскому флоту удается одержать победу над британскими морскими силами. Эта славная победа на море дает возможность американской армии под командованием Вашингтона совместно с французской армией под командованием М.Ж. Лафайета спустя месяц буквально разгромить британские сухопутные силы в районе Йорктауна в Северной Америке. Эти две блестящие победы обеспечили независимость Соединенным Штатам.

Де Траверсе удается захватить 22 британских корабля и передать их французскому морскому командованию. Ему вручают высокие награды, а слава о нем как лучшем флотоводце своего времени широко распространяется за пределами Франции и даже доходит до России [23, с. 285].

Во время Французской революции (1789–1794 гг.), названной во Франции террором якобинской диктатуры, маркиз де Траверсе попал в число неугодных, ему грозила смертная казнь. Даже выдающемуся химику А. Лавуазье его слава и великие открытия не сохранили гениальной головы, а ведь такие головы рождаются один раз в столетие, а может быть, и еще реже. Таким образом, революция внесла много сложностей в жизнь де Траверсе, ему пришлось даже скрываться.

Французская революция в 1789 г. вызвала мятеж в портах в арсеналах Бреста и Тулона. На судах восстания, экипажи бунтуют. Де Траверсе – капитан военного судна, ему 35 лет, он мечтает о новых славных победах, он целеустремлен, настойчив и готов предпринять любые решительные шаги для реализации своих честолюбивых планов. И случай спешит ему навстречу. Приходит приглашение служить в русском флоте. Императрица Екатерина II приглашает его в Россию, и он с ликующим сердцем отправляется в Санкт-Петербург. Так, в 1791 г. он оказывается на берегах Невы и становится командующим эскадрой парусных и весельных фрегатов на Балтике. Русские фрегаты были особыми, европейский морской флот подобных не имел. Фрегаты отличались от европейских малой осадкой и наличием весел; они были приспособлены к плаванию в Финском заливе на небольших глубинах, усеянных рифами. Спустя два месяца де Траверсе

доверяют командование эскадрой в составе 100 единиц военных шлюпов, вооруженных пушками.

В 1801 г. маркизу де Траверсе присваивают звание адмирала флота Российского. Он становится командующим морскими и сухопутными силами Крыма и Кавказа.

Император Александр I высоко оценил деятельность адмирала и в 1809 г. назначил его управляющим делами Морского министерства, а через два года он становится морским министром. Именно де Траверсе организует экспедицию Беллинсгаузена и Лазарева к Южному полюсу, которая завершается выдающимся географическим открытием шестого континента – Антарктиды в январе 1820 г. [23, с. 288].

В 1819 г. Траверсе организовал две морские экспедиции в районы полюсов, которые в начале XIX в. были наименее изученными морскими акваториями. Одна отправилась в Антарктику, другая – в район Арктики, для того чтобы попытаться найти проход с севера на восток через Ледовитый океан.

В июле 1819 г. из Кронштадта вышли шлюпы «Восток» и «Мирный» под командованием капитана 2-го ранга Ф.Ф. Беллинсгаузена и лейтенанта М.П. Лазарева для поисков Южного материка и одновременно шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный» под командованием капитан-лейтенантов М.Н. Васильева и Г.С. Шишмарева для изыскания Северного морского пути из Тихого океана в Атлантический. Через 120 дней плавания все четыре шлюпа пришли в Рио-де-Жанейро. Затем каждая эскадра отправилась по разным направлениям: одна – к Южному полюсу, другая – к Северному, проходя мимо юга Африки.

Кроме того, морской министр организовал экспедицию под командованием А.П. Лазарева для исследования Новой Земли, Мурмана и полуострова Канина (1819), две экспедиции лейтенантов П.Ф. Анжу и Ф.П. Врангеля, имевшие целью составление карт северного побережья Сибири от устья Лены до Берингова пролива (1820–1823), а также поход мичмана В.С. Хромченко и «вольного» морехода А.К. Этолина на бриге «Головнин» и катере «Баранов», произведших опись восточных берегов Берингова моря (1821–1822).

В этот же период по инициативе Траверсе не прекращались кругосветные плавания. Русский флаг развевался во многих районах Мирового океана, и в этом немалая заслуга морского министра.

Каждая экспедиция, организованная Траверсе, в той или иной степени обогатила науку, но особый вклад внесла экспедиция

Беллинсгаузен – Лазарева, ознаменовавшаяся открытием шестого материка – Антарктиды. Это было величайшее географическое открытие XIX в.

Итак, из Рио-де-Жанейро шлюпы «Восток» и «Мирный» направились к Южному полюсу. 15 декабря 1819 г. они подошли к острову Южная Георгия. Здесь были открыты сначала мысы Парядина, Демидова, Куприянова, залив Новосильского, остров Анненкова, затем – острова Лескова, Торсона и Заводовского. Все названия даны в честь участников экспедиции, причем после того, как лейтенант с «Востока» К. Торсон стал декабристом и был сослан на каторгу, «его» остров переименовали в Высокий. Упомянутые острова принадлежат к группе, названной Беллинсгаузенем Архипелагом маркиза де Траверсе.

Далее шлюпы направились к небольшим островам, которые Кук принял за мысы Большой Земли. Один из них носит имя Кука, а все они значатся на карте как Южные Сандвичевы острова. В таком сохранении старых названий сказалось обычное для русских уважение к их предшественникам.

«Восток» и «Мирный» продолжили свой путь, пересекли Полярный круг и 15 января 1820 г. достигли $69^{\circ}21'$ с.ш. Никто из исследователей не приближался так близко к Антарктическому континенту, как русские мореплаватели. Беллинсгаузен сделал рисунок, который сохранился.

5 марта 1820 г., 104 дня спустя после выхода из Рио-де-Жанейро, шлюпы были вынуждены покинуть район Антарктики – полярное лето заканчивалось. Они направляются к Австралии, плавают в тропических водах. В декабре были открыты: очередной остров, который назвали Петр I, а затем, после пересечения моря (сейчас это море Беллинсгаузена) – Земля императора Александра I.

24 января 1821 г. «Восток» и «Мирный» достигли 60° ю.ш. Мореплаватели наблюдают за американскими судами, которые ведут охоту на тюленей и китов. Встречающимся на пути островам даются имена русских министров Чичагова и Мордвинова, а также названия мест, где русская армия (одна или в составе коалиции) одержала победу над армией Наполеона: Полоцк, Смоленск, Бородино, Березино, Лейпциг, Ватерлоо.

Экспедиция вернулась в Кронштадт после 751 дня плавания с обширными данными по географии Антарктиды.

Тем временем М.Н. Васильев и Г.С. Шишмарев на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный» поднялись в Тихий океан и прошли Берингов пролив. Суда достигли $71^{\circ}06'$ с.ш., но были ос-

Автор книги о де Траверсе Мадлен дю Шатне, урожденная Прево де Сансак де Траверсе, праправнучатая племянница Жана Батиста де Траверсе, специалист по океанографии

тановлены непреодолимым ледяным барьером. Они сообщают информацию, которая дает ответ на важный вопрос, поставленный еще в самом начале XIX в., своему министру. Существует ли перешеек через Северный путь к Берингову проливу между Америкой и Россией? М.Н. Васильев констатирует «сильное течение и сильный прилив». Он почти уверен, что между двумя континентами есть проход.

Изучив все результаты, полученные в экспедициях, Траверсе приходит к выводу, что земли, которая преграждала бы проход через Ледовитый океан, не существует, только льды мешают плаванию из Архангельска в русскую Америку.

В 1828 г. Николай I освободил Траверсе, которому было уже 74 года от обязанностей морского министра, но сохранил за ним функции члена Государственного Совета.

Умер Траверсе в 1831 г. в своем поместье Романщина, расположенном в 120 верстах от Санкт-Петербурга, где и похоронен.

Де Траверсе был не только выдающимся флотоводцем, но и великим государственным деятелем, на протяжении семнадцати лет, с 1811 по 1828 г., от занимал пост Морского министра России.

Маркиз де Траверсе был награжден всеми высшими орденами России и сохранил титул маркиза, который ему пожаловал король Франции Луи XVI, но отказался от титула князя, который ему собирался пожаловать Александр I. Он хотел, чтобы его потомки вспоминали о своем французском происхождении [23, с. 286–288].

Александр Колчак находился долгое время под впечатлением от российских кругосветных путешествий и географических открытий, но главное – его восхищали люди мужественные, бесстрашные, целеустремленные. Ведь рискнул маркиз де Траверсе уехать в Северную Пальмиру на Неве... И блестящая судьба его состоялась. «Человек сумел проявить себя, когда ему были созданы соответствующие условия,» – возможно, так думал юный Колчак, выбирая на карте конечный пункт своих предстоящих путешествий.

Полярные первопроходцы

Так уж повелось, что в полярных странах великие открытия не раз вершили лейтенанты, а на долю седых адмиралов доставались многотомные воспоминания, где сказано-пересказано все, что было и чего не было в славные лейтенантские годы. Многие лейтенанты обязаны Арктике своей славой, а Арктика им – открытыми островами и землями, на которых они, молодые лейтенанты, побывали первыми. Всем известны великие исследователи Русского Севера – лейтенанты Петр Анжу (1796–1869), Фердинанд Врангель (1796/97–1870), Георгий Седов (1877–1914) и многие другие.

Лейтенанты П. Анжу и Ф. Врангель были участниками знаменитой Русской экспедиции 1821–1828 гг. Они продолжили великие начинания, завещанные еще Петром I, в освоении северных провинций Сибири [25, с. 43–45].

М.В. Ломоносов проявлял особый интерес к проблемам Северного Ледовитого океана [26, с. 10]. В отчете о выполненных исследованиях, опубликованных в 1755 г., он указал на «Письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном»; хотя письмо не сохранилось, но в работе Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показаний возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию» текст письма содержится почти полностью.

Полярную экспедицию по проекту М.В. Ломоносова пытались осуществить в 1765 г. Руководство и организация были по-

ручены капитану 1-го ранга (впоследствии адмирал) В.Я. Чичагову (1726–1809). Ему предписывалось отыскать морской путь из Архангельска вдоль берегов Шпицбергена и далее через Северный Ледовитый океан к берегам Северной Америки и Камчатки. В 1764 г. еще при жизни М.В. Ломоносова В.Я. Чичагов начал подготовку к экспедиции.

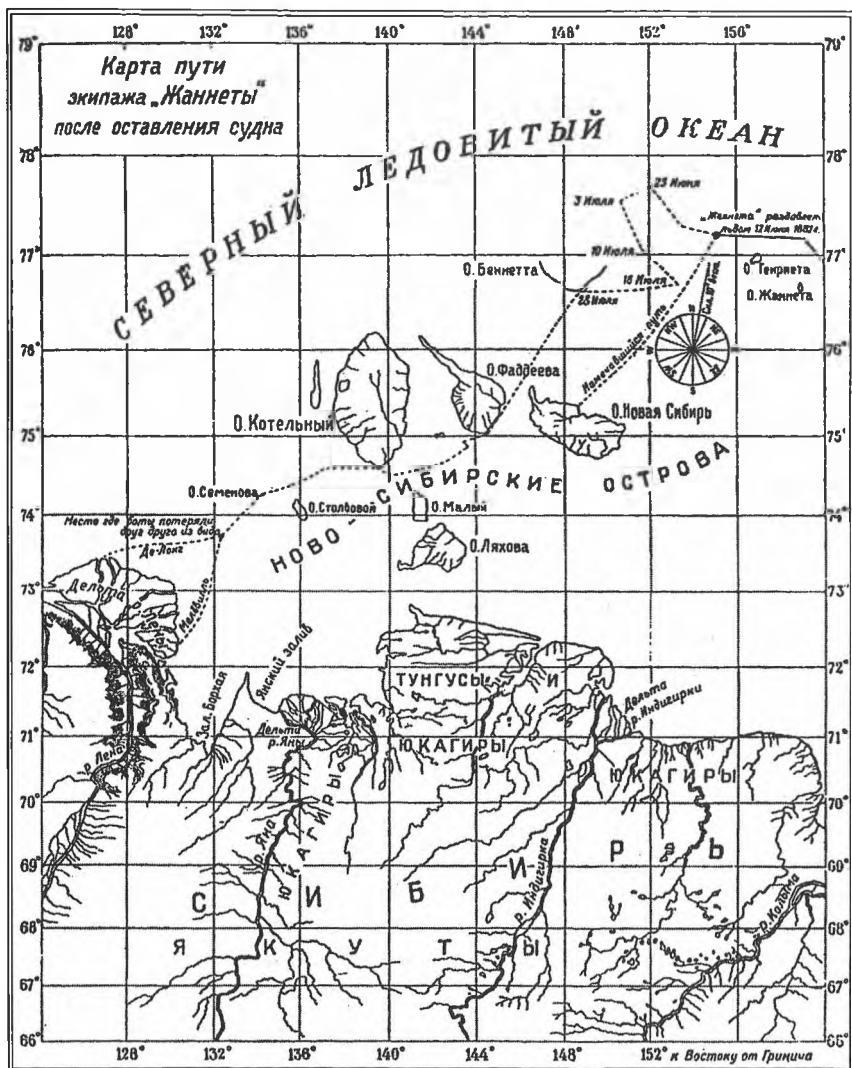
Парусные суда «Чичагов», «Панов», «Бабаев», названные по фамилиям своих капитанов, в 1765 г. вышли из Архангельска и направились в Баренцево море, а дальше шли между Гренландией и Шпицбергенем, пытаясь подняться к 80° с.ш., но, встретив тяжелые, сплошные льды, вынуждены были вернуться. Новая попытка, предпринятая в 1766 г., оказалась столь же безуспешной [27, с. 248].

Таким образом, идея М.В. Ломоносова относительно открытых от льда пространств в Ледовитом океане не подтвердилась. Однако в дальнейшем экспедиции Э.В. Толля и А.В. Колчака обнаружили наличие севернее о-ва Новая Сибирь огромных незамерзающих акваторий, так называемую Великую Сибирскую полыню, которая преградила путь экспедиции лейтенанта Анжу в 1821–1822 гг., передвигавшейся на собачьих упряжках.

Большая заслуга в деле изучения сибирских окраин России принадлежит первой русской экспедиции 1734–1742 гг., состоявшей из отрядов Второй Камчатской экспедиции во главе с лейтенантами Дмитрием и Харитоном Лаптевыми, С. Малыгиным, Д. Овцыным, В. Прончищевым и штурманами Ф. Мининым, С. Челюскиным. По небывалому размаху съемки (от р. Печора до р. Колыма) эти отряды получили название Великой Северной экспедиции.

Экспедиции испытывали огромные лишения, цинга буквально косила людей, но первопроходцы продолжали свое дело, понимая всю важность открытий новых земель для процветания Отечества и расширения его границ и промыслов.

В Арктику устремились и зарубежные исследователи, пытаясь первыми водрузить флаги своих стран на вновь открытых островах. Американская полярная экспедиция к Северному полюсу на паровой яхте «Жаннетта» под командованием Джорджа Де-Лонга в июне 1881 г. осталась без судна. После двухлетнего плавания в арктических водах, выйдя из Сан-Франциско, пройдя Берингов пролив, яхта была затерта льдами севернее о-ва Врангеля. Ледяные челюсти раздавили хрупкую «Жаннетту», и большая часть команды и сам Де-Лонг погибли от холода и голода. Экспедиции удалось открыть три новых острова, получивших названия «Жаннетта», «Генриетта» и «Беннетта». Последний на-

Карта пути экипажа «Жаннетты» после оставления судна 12 июня 1881 г.

зван в честь издателя нью-йоркской газеты Гордона Беннетта, снарядившего экспедицию. Сведения об о-ве Беннетта были совсем скудные, оставались неясными даже размеры открытой Де-Лонгом земли. А к северу от Новосибирских островов многие десятилетия искали Землю Санникова.

Жизнь Александра Колчака сложилась так, что свою полярную одиссею он начал не с Южного полюса, а с Арктики, вернее,

с поисков Земли Санникова. Он уже обрел некоторый жизненный опыт в дальних плаваниях и понимал, с какими трудностями и риском связаны поиски новых путей, новых земель в Арктике. Знал, что, ставя на карту свою жизнь, полярные мореплаватели нередко навеки исчезали в ледяной пустыне. Но все же не бесследно, потому что за ними шли другие...

Вот в начале XIX в. охотник-промысловик Яков Санников увидел в Ледовитом океане, далеко-далеко у самого горизонта, контуры земли. Сам того не ведая, «учинил он вокруг маленькой Земли большую неразгаданность», длившуюся целый век. Четыре поколения полярников искали Землю Санникова!

Одни говорили: «Земля есть». Другие возражали: «Нет такой Земли! Земля – не иголка, затерявшаяся в стоге сена». «А ведь ее все же видели», – снова бросали зерно сомнения третьи. И опять кто-то шел на поиски..., кто-то шел впереди...

В существование этих дальних недоступных островов так крепко уверовал М.М. Геденштром, что первым показал их на своей карте, изданной в 1811 г., с надписью: «Земли, виденные Я. Санниковым» [28, с. 3], полагая, что имеется не один, а целых три острова².

Земля Санникова не давала покоя многим исследователям Арктики, среди них были уже названный нами лейтенант американской армии Де-Лонг, шведский мореплаватель Н.А. Норденшельд, русский естествоиспытатель А.Ф. Миддендорф, адмирал Российского флота С.О. Макаров и многие другие.

Адмирал С.О. Макаров (1848/1849–1904) – один из самых выдающихся деятелей Российского флота. Он всячески поощрял изучение Сибирской Арктики и стремление молодых офицеров в дальних плаваниях заниматься научными изысканиями, которые не были предусмотрены служебными инструкциями.

С.О. Макаров постоянно обращал внимание на строгую запись всех проводимых в море наблюдений, точную фиксацию обнаруженных фактов. «Пропуски в наблюдениях, – пишет он, – не составляют важного недостатка, но непростительно заполнять

² В 1809 г. он посетил восточную часть открытого промышленником Сыроватским в 1806 г. острова и дал ему название Новая Сибирь, которое было утверждено в 1810 г. В 1813 г. был принят на службу в канцелярию известного иркутского губернатора Трескина, с которым подружился [29, с. 304]. М.М. Геденштром продолжил, помимо административных обязанностей, географические изыскания, описывая вновь открытые Земли и акватории в Сибирском регионе. Там он привлек к географическим исследованиям мещанина Якова Санникова, промышлявшего мамонтову кость и летовавшего на северных островах с 1805 г., для описания островов, «особливо тех, что отысканы впервые». Именно Санников первый увидел землю, названную его именем.

пустые места воображаемыми величинами» [30, с. 243]. Он любил повторять одну поучительную фразу, принадлежащую вышедшему в отставку офицеру Тимофею Тимофеевичу Будрину, который отмечал: «Пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, того не пишем...» Слова эти стоят многого, их надо вывесить на поучение молодежи, заключал адмирал [Там же].

Книга С.О. Макарова «“Витязь” и Тихий океан: Гидрологические наблюдения, произведенные офицерами корвета “Витязь” во время кругосветного плавания 1886–1889 г., и свод наблюдений над температурой и удельным весом воды северного Тихого океана» была буквально настольным учебником мичмана Колчака, именно она способствовала появлению интереса к океанографическим исследованиям. Поэтому, плавая на «Рюрик» и «Крейсер», Колчак стремился получить не только практический опыт строевого офицера на военном корабле, но и океанологические навыки и при каждом удобном случае по собственной инициативе проводил химико-гидрологические измерения. В Желтом и Японском морях он изучал плотность, соленость и температуру морской воды. Увлекаясь научными исследованиями, молодой и энергичный А. Колчак добросовестно выполнял все служебные обязанности, а потому всегда был образцом и примером в глазах начальства.

Капитан 1-го ранга, а позднее адмирал Г.Ф. Цывинский, приняв в 1897 г. командование «Крейсером», сразу же обратил внимание на толкового и широко эрудированного мичмана А.В. Колчака: «На крейсер, – писал он, – было прислано с эскадры 100 человек лучших здоровых и грамотных матросов для подготовки в унтер-офицеры. Они были разделены на четыре вахты, и в каждую вахту назначен офицер, он же и учитель своей вахты... Одним из вахтенных учителей был мичман А.В. Колчак. Это был необычайно способный, знающий и талантливый офицер; он обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю всех почти европейских флотов и морских сражений. Служил на крейсере младшим штурманом до возвращения в Кронштадт в 1899 г.» [31, с. 160].

А.В. Колчак в поисках призвания

«Товарищи Колчака по плаваниям отмечали, что он находил время на изучение древних индийской и китайской философий. Культура Востока его влечет и позднее, когда в 1917–1918 гг. он оказался в Японии и Китае. Чтобы иметь возможность читать произведения китайских мыслителей в подлиннике, он изучает

китайский язык» [8, с. 16]. Большой интерес он проявлял к учению секты Зен, уделяющей главное внимание воинствующему буддизму.

В конце XIX в. многие молодые люди, в большинстве своем студенты и будущие офицеры, увлекались философскими воззрениями Артура Шопенгауэра (1788–1860). Его натурфилософия привлекала молодежь, была близка и понятна новому поколению, находящемуся под влиянием революционных настроений в обществе и ожидания больших социальных перемен.

Российская интеллигенция в конце XIX в. оказалась в центре процессов, ведущих к большим экономико-социальным изменениям в обществе, многие настаивали на пересмотре всего существующего уклада жизни в стране. Воздух России все больше наполнялся призывами времен Великой Французской буржуазной революции: «Свобода! Равенство! Братство!». Эти слова будоражили пылкие умы неокрепших социал-революционеров и звали к новым кровавым деяниям. Нередко они замахивались на монархические устои Российского государства. Достаточно вспомнить покушения на Александра II и его убийство народовольцами в 1881 г.

Однако выпускники Морского кадетского корпуса были воспитаны на принципах уважения и защиты существующей системы государственного управления. Да и сама присяга, принимаемая выпускниками военных заведений, вменяла в святую обязанность, когда потребуется, отдать жизнь «за Веру, Царя и Отечество». На основании законов Империи государь в России являлся источником не одной лишь законодательной, но и исполнительной власти, поэтому и власть в управлении на всем пространстве России принадлежала Государю. Эти постулаты были незыблемыми для выпускников Морского кадетского корпуса.

Революционные веяния в стране пока не вносили в жизнь и умонастроения мичмана Александра Колчака каких-либо существенных изменений. Однако стремление к независимости, самостоятельности, поиску главной линии в жизни и даже попытки принять участие в англо-бурской (Трансваальской) войне, несомненно, формировались под влиянием значительных социальных перемен в российском обществе.

Многие идеи Артура Шопенгауэра, в этот период овладевшие русским студенчеством, были близки и А. Колчаку, человеку, жизнь которого была постоянно направлена на поиски нового, неординарного... Кто знает, возможно, именно они способствовали становлению и формированию основных жизненных позиций мичмана.

Американский полярный исследователь Джордж Де-Лонг (1844–1881). Начальник экспедиции к Северному полюсу. Погиб от холода и голода в устье Лены и с ним большая часть команды из 33 человек. Первооткрыватель островов Беннетта, Жаннетты и Генриетты в 1881 г.

Эдуард Толль

Барон Эдуард Васильевич Толль (1885–1902), начальник Русской полярной экспедиции в 1899–1902 гг.

Барон Э.В. Толль со своими детьми

Фритъоф Нансен (1861–1930), норвежский исследователь Арктики, иностранный почетный член Императорской академии наук. В 1893–1896 гг. начальник экспедиции на «Фраме». Лауреат Нобелевской премии мира (1922)

Расчет экспедиции при отъезде в 1893 году.

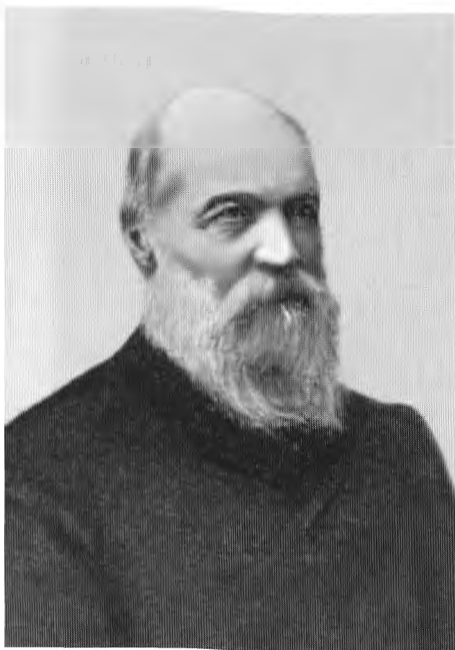
Приходъ. ¹⁾	Расходъ.
Государственная субсидия Кр. 280.000 —	Счетъ жалованья Кр. 46.440 —
Взносы отъ Е. В. Короля и первоначальные частныя » 105.000 —	Премия за страхованіе жизни (для жепатыхъ участниковъ). » 5.361 90
Сборъ Географическаго Общества и Комитота » 20.468 46	Счетъ инвентаря » 12.978 68
Проценты » 9.729 78	» судна » 271.927 08
Недочетъ, покрытый А. Гейбергомъ, Дикомъ и Ф. Нансеномъ » 19.862 50	» провіанта » 39.172 98
Лондонское Географическое Общество (300 ф. ст.)	» убытковъ » 10.612 38
Г. Симонъ, Манчестеръ . . . (100 ф. ст.)	» снаряженія » 57.846 34
Одинъ норвежець въ Ригѣ . (1.000 руб) и многіе другіе » 9.278 62	
Сумма: Кр. 444.339 36	Сумма: Кр. 444.339 36

1) Все суммы даются в норвежских кронах.

Боцман Русской полярной
экспедиции на шхуне «Заря»
Никифор Алексеевич Бегичев
(1874–1927)

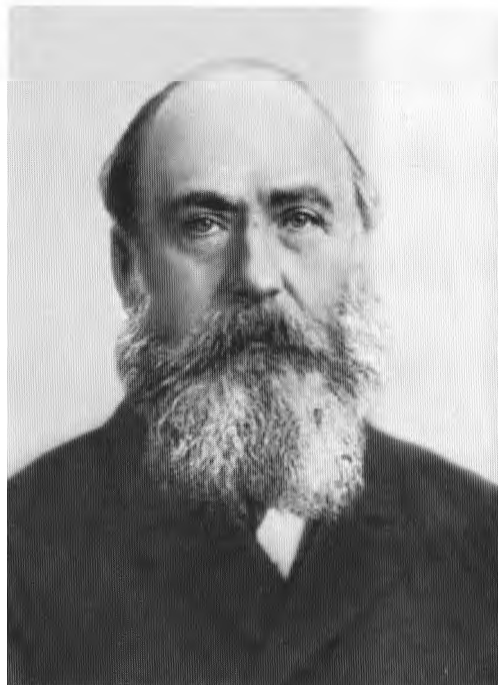
Выдающийся строитель «Фрама» Колин Арчер (1832–1921) так сформулировал свое понимание арктического судостроения: «Если принять во внимание главную идею, положенную в основание плана полярного путешествия д-ра Нансена, ...то легко убедиться, что судно, построенное исключительно ввиду этой цели, должно существенно отличаться от других, построенных до сих пор судов... В вопросе о конструкции этого судна нужно принять во внимание, во-первых, чтобы форма корпуса представляла, насколько возможно, менее уязвимую поверхность для напора льда, и, во-вторых, судно должно быть построено так солидно, чтобы оно было в состоянии оказывать сопротивление наибольшему, возможному в любом направлении давлению извне».

Свердруп Харальд Ульрик (1888–1957), норвежский полярный исследователь, океанолог. В 1893–1896 гг. капитан судна «Фрам»

Проводники Э.В. Толля в экспедиции на о-в Беннетта: второй слева – эвен Николай Протодьяконов, по прозвищу Омук, крайний справа – якут Василий Горохов, по прозвищу Василий Чичак (зять Протодьяконова)

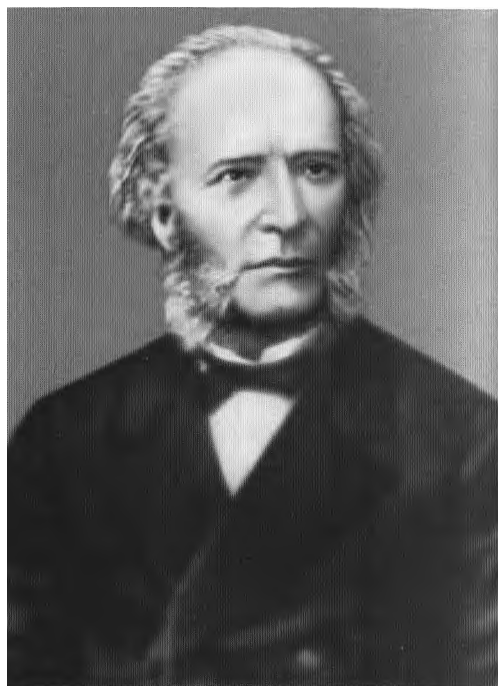
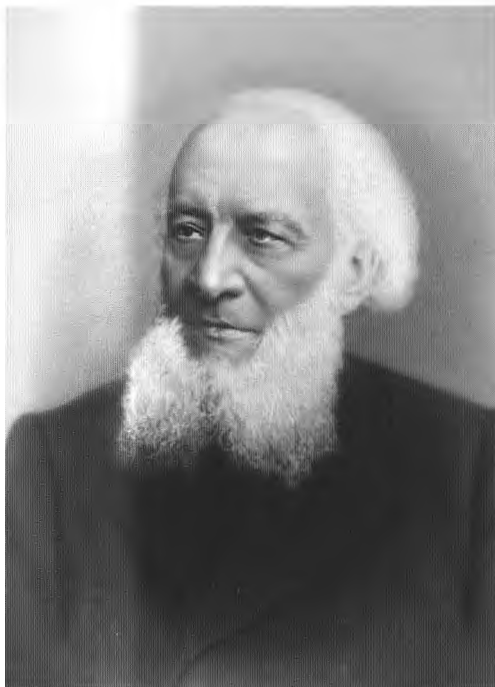

Академик Императорской академии наук Федор Богданович Шмидт (1832–1908). Председатель комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции в 1899–1908 гг. на шхуне «Заря»

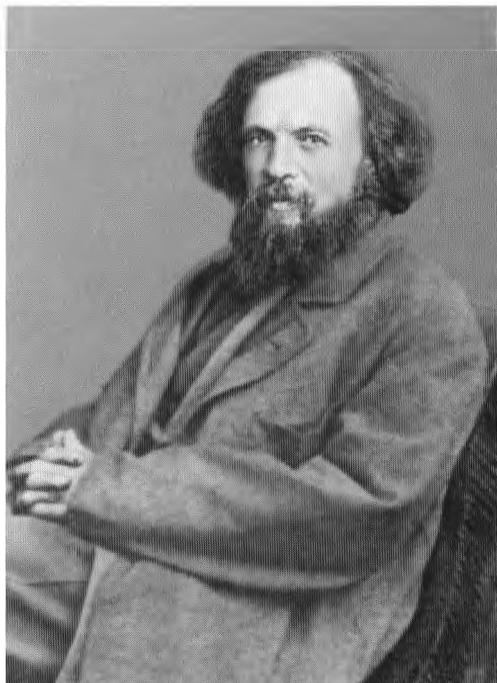

Академик Александр Петрович Карпинский (1846/47–1936). Председатель комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции с 1908 г., впоследствии – первый избранный президент Российской академии наук (1917–1925) и Академии наук СССР (1925–1936)

Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский (до мая 1906 г. Семенов) (1827–1914), русский географ, выдающийся государственный деятель, в 1882 г. назначен сенатором, с 1897 г. член Государственного Совета (департамент законов), действительный тайный советник, почетный член Императорской академии наук (1873). Вице-председатель и глава Императорского Русского географического общества с 1873 г. Исследовал Тянь-Шань в 1856–1857 гг., тогда недоступный для европейцев

Петр Петрович Семенов, организатор многих экспедиций в Центральную Азию. Изучал горную систему Тянь-Шань, впервые составил схему ее орографии

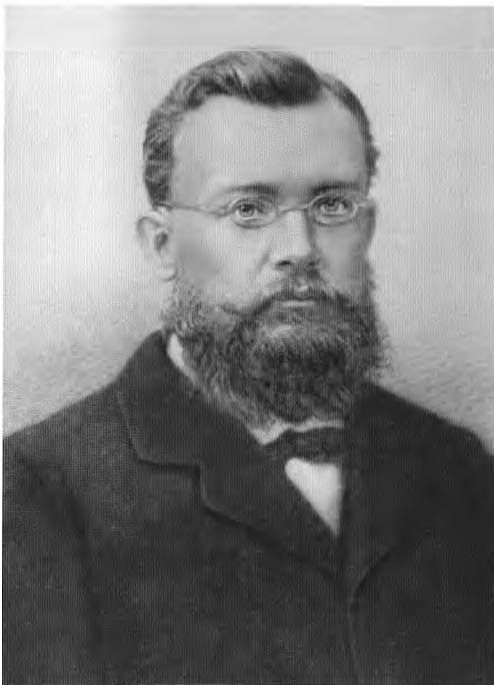

Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907). В 90-е годы вместе с адмиралом С.О. Макаровым и Н.А.Э. Норденшельдом занимался проблемой исследования Северного Ледовитого океана

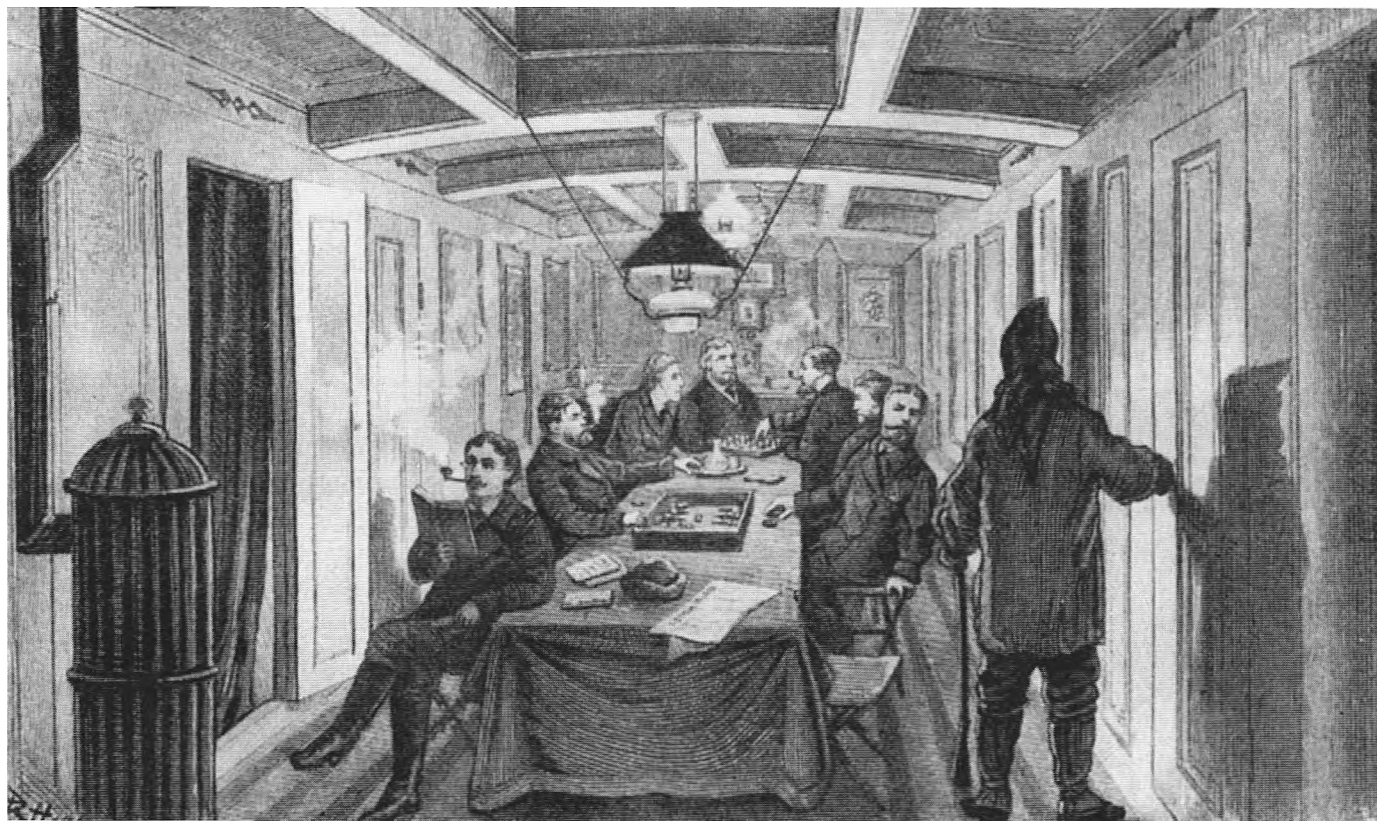

Степан Осипович Макаров (1848/1849–1904), русский флотоводец, адмирал

Александр Михайлович Сибиряков (1849–1933). Российский золотопромышленник, меценат, организатор экспедиции по изучению Арктики и Сибири

Оскар Диксон. При его поддержке организованы Енисейские экспедиции Норденшельда: именем Диксона Норденшельд назвал остров в Карском море

Н.А.Э. Норденшельд и участники экспедиции в каюте «Веги» во время зимовки 1878–1879 гг. Экспедиция впервые прошла северо-восточным проходом из Атлантического океана в Тихий с одной зимовкой

Нильс Адольф Эрик Норденшельд (1832–1901), шведский исследователь Арктики, иностранный член-корреспондент Императорской академии наук (1879). Исследовал Шпицберген и Гренландию

A. E. Nordenskiöld
1870.

Н.А.Э. Норденшельд в 1870 г. Фотография с автографом прислана в Императорскую академию наук (публикуется впервые)

Руаль Амундсен (1872–1928), норвежский полярный путешественник и исследователь. Первым достиг Южного полюса (14.12.1911). Погиб в Баренцевом море во время поисков итальянской экспедиции У. Нобиле

Президент Императорской академии наук в 1889–1915 гг. Великий князь Константин Константинович Романов (1858–1915)

Разве не могли тогда вызвать восхищение и глубокое раздумье у молодого поколения такие строки, написанные Артуром Шопенгауэром [32, с. 155]: «Наша жизнь – безостановочное движение, и полное безделье скоро становится невыносимым, порождая отчаянную скуку. Эту потребность в движении надо регулировать, чтобы методически – и, следовательно, полнее – удовлетворить ее. Поэтому заниматься “чем попало”, делать что придется или по крайней мере учиться чему-нибудь, словом, та или иная деятельность необходима для счастья человека: его силы стремятся быть использованными, а сам он желал бы видеть известный результат их применения. Наибольшее удовольствие в этом мы получаем, если смастерили, изготовили что-либо, будь то корзинка или книга; видеть, как с каждым днем вырастает в наших руках и становится наконец законченным какое-либо творение, доставляет нам непосредственное счастье. Несущественно, художественное ли это произведение, очерк или просто рукоделие; хотя, правда, чем благороднее труд, тем больше наслаждения дает он. С этой точки зрения счастливее всех высокоодаренные люди, сознающие в себе способность создавать серьезные, великие и связанные общей мыслью труды (...).

Для них мир и его жизнь представляют, помимо общего для всех материального интереса, еще другой, более высокий и действительный интерес, дающий материал для их творений (...).

«Во всяком случае, каждый должен по мере способностей заниматься чем-нибудь (...) Трудиться, бороться с препятствиями – это такая же потребность для человека, как рыться в земле – для крота. Бездействие, которое явилось бы следствием полного удовлетворения в силу непрерывных наслаждений, было бы невыносимым. Главное наслаждение – одолевать препятствия, будь то препятствия материальные, как при физическом труде и в житейских делах, или духовные, как в науке и исследованиях, все равно: борьба с ними и победа дают счастье. Если нет повода к борьбе, человек как-нибудь создает его (...) Трудно при праздности найти покой» [32, с. 156].

Энтузиазм молодости и честолюбивые амбиции Александра Колчака получают первую долю вознаграждений. Наплавав в заграничных и внутренних водах определенный морской ценз для чиновничества (морской стаж), Колчак-2 (Колчак-второй, так он значился по списку личного состава флота вслед за своим двоюродным братом 1871 г.р.) получил долгожданный чин лейтенанта в декабре 1898 г.

Звание «лейтенант» в Российском флоте занимало особое место и котировалось весьма высоко. Флотские «табели о рангах»

содержали всего четыре офицерских чина³: мичман, лейтенант, капитан 2-го ранга и капитан 1-го ранга. Непродолжительное время (с 1906 по 1911 г.) вводилось звание «капитан-лейтенант», а с 1907 г. «табель о рангах» дополняется званием «старший лейтенант». Поэтому многие кругосветные плавания возглавлялись лейтенантами, им доверялось и командование крупными военными кораблями. Для выполнения плавательного морского ценза при производстве в капитаны 2-го ранга требовалось иногда от 8 до 10 лет, и юные лейтенанты успевали превратиться в солидных морских офицеров, отягощенных семьями и домашними хлопотами, обременительными не только для военного, но и для гражданского человека. Многим морским энтузиастам, получившим чин капитана 2-го ранга, было уже не до кругосветных плаваний.

Производство в лейтенанты позволило А. Колчаку поднять по службе на ступеньку выше, он становится штурманским офицером 2-го разряда.

³ А. Для получения чина «мишман» требуется совершить не менее четырех плаваний, в том числе одно, продолжавшееся не менее четырех месяцев в звании гардемарина.

В. Для производства в лейтенанты необходимо иметь в общей сложности 50 месяцев плавания, включая в это число как гардемаринское плавание, так и плавание в звании кадета Морского кадетского корпуса.

В. Для производства в капитаны 2-го ранга надо 98 месяцев плавания в общей сложности, в том числе 58 месяцев (до 1891 г. требовалось 48 месяцев) в чине лейтенанта.

Г. Для производства в капитаны 1-го ранга требуется, чтобы производимый проплавал 12 месяцев в должности старшего офицера и прокомандовал кораблем 2-го ранга не менее 12 месяцев.

Д. Для производства в контр-адмиралы необходимо командовать кораблем 1-го ранга и совершить в этом звании внутреннее плавание, продолжавшееся 8 месяцев, или заграничное плавание, продолжавшееся не менее 12 месяцев.

Е. Для производства в вице-адмиралы необходимо, чтобы контр-адмирал совершил в звании начальника отряда или эскадры 12-месячное внутреннее плавание или 24-месячное заграничное.

Для выполнения условия ценза установлены очередное назначение офицера на суда заграничного плавания, а также периодическая смена командиров судов и начальников отрядов и эскадр, причем наблюдается, чтобы никто не оставался на берегу дольше предельных сроков: для адмиралов – 10 лет, для штабс-офицеров – 7, для обер-офицеров – 4 года, по истечении которых офицеры подлежат зачислению во флот или в запас. Имеется положение о предельном возрасте, при достижении которого нельзя более оставаться на действительной службе: для лейтенанта 47 лет от роду, для капитана 2-го ранга 51 год, для капитана 1-го ранга 55 лет, для контр-адмирала 60, для вице-адмирала 65 лет (Морской ценз // *Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А.* Энци. словарь. Т. 38(19а). СПб., 1896. С. 912–913).

Вернувшись весной 1899 г. в Кронштадт, молодой лейтенант недолгое время плавал во внутренних водах по линии Морского кадетского корпуса на крейсере «Князь Пожарский». Как он говорил, это было «худшее, что я только мог представить»⁴.

Вахтенная служба, столь серьезная на военных кораблях, осуществляет контроль за работой сложнейшего судового организма и несет практически всю ответственность за его живучесть и жизнестойкость. Однако однообразие и монотонность работы вахтенного «начальника» производили на А.В. Колчака удручающее впечатление. Молодого лейтенанта можно было понять, ведь он готовил себя для открытия загадочных полярных стран, а на деле превратился в маленький «винтик» огромного корабля, где люди и техника составляли одно целое. Конечно, непосредственно эта морская служба, утомительно повторяющаяся изо дня в день, по сути своей малопродуктивна, она противоречила такой творческой личности, как А.В. Колчак, и, естественно, не могла ему нравиться. Он искал разные другие способы применения своих сил, даже хотел бросить военную карьеру и уйти в коммерческий флот. Так, на крейсере «Князь Пожарский» он встретился с однокашником по Морскому корпусу лейтенантом Стрельманом [33, с. 16]. Их сблизили научные интересы, они вместе решили подать осенью в отставку и заняться гидрологией северной части Тихого океана, т.е. как бы продолжить исследования этого района, начатые адмиралом С.О. Макаровым на корвете «Витязь» [25, с. 31]. Однако Колчак вскоре получил новое назначение на эскадренный броненосец «Полтава» и 4 сентября 1899 г. отбыл в качестве вахтенного начальника к месту дальнейшей службы.

Служба на броненосце «Полтава» была совсем недолгой, всего две недели. Благодаря усилиям А.В. Колчака 17 сентября 1899 г. его назначили на эскадренный броненосец 1-го ранга «Петропавловск». Намечалось плавание из Кронштадта через Суэцкий канал на Дальний Восток. Такое плавание отвечало тем целям, которые лейтенант Колчак наметил себе на ближайшее время. В сентябре «Петропавловск» отплыл из Кронштадта в порт Пирей.

«Ермак» уходит в Арктику

Для России 1899 г. был «урожайным» в деле организации полярных экспедиций. Намечались сразу две. Одну из них на ледоколе «Ермак» возглавил адмирал С.О. Макаров, другую на шхуне «Заря» – известный полярный геолог Э.В. Толль.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об., 2.

В Императорском Русском географическом обществе С.О. Макаров неоднократно выступал с лекциями, в которых доказывал необходимость расширения исследовательских работ в Арктике. Одна из его лекций так и называлась: «К Северному полюсу напролом». Адмирал был уверен, что при наличии мощного ледокола арктические льды перестанут быть тяжелым препятствием для плавания.

И вот Российский флот пополнился таким кораблем. В Англии со стапелей судостроительного завода в Ньюкасле сошел первый российский многотоннажный ледокол «Ермак». Он предназначался для плавания в арктических широтах для проводки караванов судов, тем самым продлевая сроки навигации.

История строительства была не очень долгой, но добиться выделения средств для «Ермака» в сумме более 2 млн рублей было не очень просто. Адмирал С.О. Макаров и химик Д.И. Менделеев совместными усилиями убедили министра финансов С.Ю. Витте в необходимости постройки такого корабля, и вопрос был решен положительно. Ими также был разработан план-программа первых исследовательских рейсов на «Ермаке».

По окончании строительства адмирал С.О. Макаров прибыл в Англию и на ледоколе «Ермак» вернулся в Кронштадт. По этому случаю Д.И. Менделеев 25 февраля 1899 г. прислал ему в Кронштадт поздравительную телеграмму: «Лед, запирающий Петербург, Вы победили. Поздравляю. Жду такого же успеха в полярных льдах» [34, с. 113]. В «Петербургской газете» под заголовком «Новая эра в морской торговле» была опубликована беседа с Менделеевым по поводу постройки ледокола «Ермак» [35, с. 405].

Д.И. Менделеев в одной из своих работ писал:

«У России так много берегов Ледовитого океана, что нашу страну справедливо считают лежащею на берегу этого океана. Мои личные пожелания в этом отношении сводятся к тому, чтобы мы этим постарались воспользоваться как можно полнее и поскорее, сперва со стороны достижения Северного полюса, о котором человечество так долго и безуспешно хлопочет, а потом со стороны правильного торгового движения. То и другое возможно выполнить с успехом, если приложить и труда, и разума, и средств в достаточном количестве. Пути и способы найдутся, если задачу преследовать настойчиво и с любовью, непременно начиная с достижения полюса, а ничуть не с практического (торгового) конца, потому что только на задачу, подобную достижению полюса, найдутся многие преданные люди, а они попутно решат и вторую задачу. Лет десять тому назад сам я с адмиралом С.О. Макаровым рвался к выполнению первой задачи, да вторая много помешала осуществлению. Если бы хоть десятая доля того, что потеряно при Цусиме, была затрачена на достижение полюса, эскадра наша вероятно пришла бы во Владивосток, минув и Немецкое море и Цусиму, а главное, было бы много опытных моряков, привыкших взрывать сопроти-

вляющиеся массы, плавать под водой и вести бой с природою и людьми силою осторожно-смелой предусмотрительности. Словом, по мнению моему, в нашем морском деле — для его успешного и верного движения вперед — лучше всего на один из первых планов поставить завоевание Ледовитого океана, хотя и уверен, что никакая “комиссия” до такого решения не дойдет, потому что комиссии и парламенты “Америки не открывали” и не откроют, хотя необходимы, как фабрики для переделки добытого. Если победили твердыни гор, надо и льды побороть, а у нас их больше, чем у кого-нибудь. А около тех льдов немало и золота, и всякого иного добра, своя Америка. Рад был бы там — у полюса — помереть, ведь не сгниешь» [36, с. 15, 22].

Когда Александр Колчак увидел «Ермак» в Кронштадтском порту, он постарался приложить все силы, чтобы попасть в полярное плавание на этом ледоколе. Однако после возвращения в Кронштадт «Крейсера», на котором он находился, времени на оформление документов у Колчака не хватило по той простой причине, что всего через два дня «Ермак» отходил в свое первое плавание к о-ву Шпицберген. Все усилия лейтенанта оказались тщетными. Этот эпизод своей жизни А.В. Колчак на допросе 21 января 1920 г. изложил так:

«Когда я в 1899 г. вернулся в Кронштадт, я встретился там с адмиралом Макаровым, который уходил на “Ермаке” в свою первую полярную экспедицию. Я попросил взять меня с собой, но по служебным обстоятельствам он не мог этого сделать, и “Ермак” ушел без меня. Тогда я решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что может быть мне удастся попасть в какую-нибудь экспедицию: меня очень интересовала северная часть Тихого океана в гидрологическом отношении. Я хотел попасть на какое-нибудь судно, которое уходит для охраны котикового промысла на Командорские острова, к Берингову морю, на Камчатку. С адмиралом Макаровым я очень близко познакомился в эти дни, так как он сам много работал по океанографии» [9, с. 245–246].

Журналы тогда писали, что «Ермак» не столько прорезает, сколько, продавливая лед, «наскакивает» на ледяную поверх-

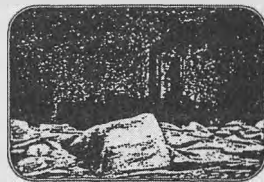
„ЕРМАКЪ“ ВО ЛЬДАХЪ.

Описание постройки и плавания ледокола „Ермакъ“ и сводъ научныхъ матеріаловъ, собранныхъ въ плаваніи.

Въ 2 частяхъ

съ 162 рисунками, чертежами и картами въ текстѣ и на отдѣльныхъ страницахъ и съ 6 картами.

Составилъ вице-адмиралъ
С. МАКАРОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Гилъ съ отдѣломъ рисованія при Фабр. К. Давыдова, Троицк., № 11.
1901

Титульный лист книги С.О. Макарова

ность и своей колоссальной тяжестью вдавливают лед. Корабль обеспечен особыми якорями для зацепления льда снизу. Ледокол имеет 71 непотопляемую переборку, которые устроены так, что в случае появления воды в одной из них автоматически заполняется противоположная, что устраняет возможный крен корабля. «Ермак» снабжен всеми современными научными приспособлениями, автоматическими приборами, имеет каюты 1-го класса для ученых экспедиции на 30 человек. Командует ледоколом капитан 2-го ранга М.П. Васильев. Но главный его командир – адмирал С.О. Макаров. В ответ на донесение о благополучном прибытии в Кронштадт адмирал получил телеграмму от Государя: «Поздравляю Вас с приходом в Кронштадт в это время года, радуюсь вместе с вами блестящему осуществлению Вашей мысли. Николай». Все надеялись, что сроки навигации торговых и промысловых судов, идущих по Северному морскому пути, благодаря «Ермаку», будут продлены на много месяцев, а может быть, она станет круглогодичной. Одним словом, на новый ледокол стремились попасть многие молодые офицеры, но судьба наградила малую горстку таких счастливых. Как мы уже говорили, в их число Колчаку попасть не пришлось...

Однако эта неудача не охладила пылкого и решительного лейтенанта. Он начал добиваться своего включения в состав Русской полярной экспедиции под началом барона Э.В. Толля.

Александр Колчак пытается встретиться с Э.В. Толлем, но его нет в Петербурге. Тогда Колчак находит другой путь и обращается к председателю Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции академику Ф.Б. Шмидту⁵, но окончательного решения об участии в Русской полярной экспедиции добиться все же не удается. Даже беседа с самим Толлем не прояснила арктическую судьбу решительно настроенного лейтенанта.

Это и неудивительно. Будущий астроном экспедиции кандидат физико-математических наук Ф.Г. Зееберг при первоначальном отказе ему как члену научной команды просил, чтобы его взяли простым кочегаром. Сначала получил отказ (26 мая 1900 г.) и

⁵ Шмидт Федор (Фердинанд) Богданович (1832–1908). Русский геолог, палеонтолог, зоолог и ботаник, академик с 1874 г. и почетный член Императорского Русского географического общества с 1904 г. Руководил физическим отделом в Сибирской экспедиции в Амурский край и на остров Сахалин в 1859–1862 гг. В 1866–1867 гг. возглавлял экспедицию Императорской АН в низовья Енисея для исследования трупа мамонта. В 1873–1900 гг. – директор минералогического музея Императорской АН. Автор работ о ледниковых образованиях. Председатель Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции Императорской АН в 1899–1908 гг.

будущий врач экспедиции Г.Э. Вальтер⁶, а ведь до начала экспедиции оставалось всего 25 дней (началась 21 июня 1900 г.).

Подбор состава экспедиции – непростое дело для сложнейших условий плавания в Арктике. Э.В. Толль это хорошо сознавал и всегда при разговоре с очередным претендентом на участие в экспедиции пытался как бы заглянуть в его душу. Толль пристально, изучающе всматривался в человека и стремился понять, что же за личность скрывается за красивыми словами, полными энтузиазма, обещаний и надежд на доброе арктическое содружество...

Толль думал прежде всего о совместимости характеров, о том, сможет ли этот человек ладить с коллективом и добросовестно выполнять свои обязанности. Ведь придется длительное время, возможно 2–3 года, общаться и постоянно находиться на маленьком замкнутом палубном пространстве, каким, в сущности, располагала шхуна «Заря»⁷.

«Первая наиболее важная задача, – писал гидролог барон Ф.Ф. Врангель, – была разрешена самым счастливым образом: барону Толлю удалось привлечь к своему предприятию людей, стоящих и умственно и физически на высоте своей задачи; большинство из них уже побывало на Крайнем Севере и испытало там свои силы» [38, с. 110].

Лейтенант Колчак получил от Толля весьма неопределенный ответ и расценил его по сути дела как отказ...

Но Колчак не унывает, он рожден для великих свершений, и известие об англо-бурской войне окрыляет его новыми идеями. Он отплывает на эскадренном броненосце «Петропавловск» с надеждой в одном из южных портов списаться с корабля и вступить в ряды добровольцев, помогающих бурам защищать Трансвааль...

Англо-трансваальская война⁸

Газеты многих стран 18 сентября 1899 г. объявили: «Мир находится накануне войны».

На южном конце Африки, севернее принадлежавшей Англии Капской колонии, приютилось маленькое государство в полмилл-

⁶ РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 825. Л. 1–3.

⁷ Длина всего 44 м, максимальная ширина палубы около 10 м, водоизмещение 1045 т. Мощность вспомогательной машины у «Зари» – 228 индикаторных сил (это около 250 л.с.), у «Фрама» – 200 л.с., главной машины «Ермака» – 10 тыс. л.с.

⁸ Англо-бурская война в прессе 1899–1900 гг. называлась англо-трансваальской войной.

лиона человек (130 тыс. белого населения и 370 тыс. местного населения), носившее название Южно-Африканская Республика, или Трансвааль. В связи с открытием золотых приисков в окрестностях Йоханнесбурга⁹ Трансвааль стал тем лакомым кусочком, который уже давно стремилась захватить Англия. Коренное население Трансвааля буры – потомки голландских колонистов. Они готовы грудью отстаивать независимость родной страны от несправедливых и корыстных поползновений англичан вмешиваться в их внутренние дела. В столице Трансвааля – Претории – вполне готовы помериться силами за правое дело с богатым и могущественным противником.

Лучшие люди Англии сознавали неправоту своего правительства, но, к сожалению, большинство английских газет, во главе с «Таймс», поддерживали корыстную политику Джозефа Чемберлена (1834–1914). Вооруженное столкновение буров с британскими войсками в Южной Африке неминуемо.

И вот война началась! А в 11 ч утра 18 мая 1900 г. Йоханнесбург был сдан англичанам.

Многие российские газеты и журналы весьма подробно освещали в ноябре–декабре 1899 г. военные события в Южно-Африканской Республике, способствуя тем самым развитию взрывоопасного настроения среди петербургских интеллектуалов-социалистов с их вечным противостоянием государственной системе. Буквально вся русская интеллигенция была на стороне буров, некоторые из сочувствующих отправились волонтерами в Трансвааль, готовые умереть за свободу Южно-Африканской Республики.

Колчак стремился попасть в это сообщество волонтеров и стал серьезно размышлять о поездке в Трансвааль, конечно, с оружием в руках.

Из Петербурга на помощь раненым бурам отправился врачебно-санитарный отряд Российского Общества Красного Креста. На вагоне, в котором из Петербурга в Одессу выехали врачи, висели плакаты с текстами интернационального характера: «На помощь раненым бурам», «Смерть колонизаторам» и т.д. Все отъезжающие были полны решимости защищать тех, кто борется за свою свободу.

События, связанные с англо-трансваальской войной, вдохновили Колчака на решительные действия: «Я думаю, – писал он, – что каждый мужчина, слыша и читая о таком деле, должен был

⁹ Современное название – Йоханнесбург.

испытывать хотя бы смутное и слабое желание в нем участвовать»¹⁰.

В российском студенчестве, военных, медицинском персонале англо-трансваальская война вызывала чувство солидарности и интернационального сплочения, поэтому неудивительно, что в этот «африканский водоворот» устремился и Колчак со своей постоянно ищущей и неудовлетворенной душой.

А.В. Колчака назначают вахтенным начальником броненосца «Петропавловск», и в 1899 г. корабль из Кронштадта берет курс на Владивосток. Первый заход корабля в греческий порт встретил Александра Колчака важным сообщением из России от Президента Императорской академии наук Великого князя Константина Константиновича, которое «помешало», осуществлению южно-африканских планов Колчака; по его ходатайству морское начальство согласилось откомандировать в Русскую полярную экспедицию вместе с лейтенантами Н.Н. Коломейцевым и Ф.А. Матисеном также и Колчака. Это известие догнало Колчака в порту Пирей, и он тут же перешел на русский пароход, отплывающий в Одессу. Далее – поездом в Петербург, и в середине января 1900 г. он уже встречается с Толлем и знакомится с программой предстоящих работ.

Вот что об этом периоде жизни спустя два десятилетия поведал сам Колчак на допросе 21 января 1920 г.:

«Мои работы и некоторые печатные труды обратили на себя внимание барона Толля. Ему нужно было трех морских офицеров, и из морских офицеров он выбрал меня. Я получил предложение через Академию наук участвовать в этой экспедиции. Предложение это я принял немедленно, так как оно отвечало моим желаниям, и в декабре месяце Морское министерство откомандировало меня в распоряжение Академии наук.

Из Пирея я уехал в Одессу, затем в Петроград и в январе явился к барону Толлю и поступил в его распоряжение. Мне было предложено, кроме гидрологии, принять на себя еще должность второго магнитолога экспедиции. Там был специалист по магнитологии – Зееберг, и мне было предложено в качестве его помощника заняться и этим. Для того чтобы подготовить меня к этой задаче, я был назначен на главную физическую обсерваторию в Петрограде и затем в Павловскую магнитную обсерваторию. Там я три месяца усиленно занимался практическими работами по магнитному делу для изучения магнетизма. Это было в 1900 г. С самого начала я работал на Петроградской физической обсерватории, а детально я работал в Павловске. Наконец, экспедиция была снаряжена и вышла в июле месяце¹¹ из Петрограда на судне “Заря”, которое было оборудовано в Норвегии для полярного плавания строителями “Фрама”. Я поехал в Норвегию, где занимался в Христиании (ныне – Осло. – В.С.) у Нансена, который был другом барона Толля. Он научил меня работать новыми методами» [9, с. 246].

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об.

¹¹ Ошибка – экспедиция вышла в плавание 21 июня 1900 г.

Реконструкция шхуны «Заря». А. Колчак – в Норвегию, Ф. Нансен – в Россию. Личный состав экспедиции

Подготовка к экспедиции

Эдуард Толль, решая вопрос о приобретении наиболее подходящего судна для экспедиции, часто советовался с Ф. Нансеном, вел с ним обширную переписку. По мнению Нансена, ледокол «Ермак» адмирала Макарова для этих целей мало подходит по той причине, что имеет значительную осадку. В мелководных арктических морях, особенно когда приходится плавать вдоль береговой линии, он может легко сесть на мель, да и сам ледокол – весьма дорогостоящий корабль. В случае его гибели утрата будет невозполнимой. Лучше всего для плавания в высоких широтах пригодно «обыкновенное парусное промысловое судно или китобой».

Академия наук командировала Э.В. Толля в июле 1899 г. в Норвегию для покупки подходящего судна. Ознакомившись со многими плавсредствами, Толль остановился, учитывая рекомендации Ф. Нансена, на китобойном барке «Геральд Харфингер». По совету президента Императорской академии наук Великого князя Константина Константиновича барк после покупки переименовали в шхуну «Заря». Известный строитель «Фрама» владелец верфи Колин Арчер взялся за переделку «Зари». Был усилен ледовый пояс, установлены паровые лебедки, изменено парусное вооружение, и «Заря» стала походить на шхуну-барк. Были перестроены помещения для геологической, гидрологической и зоологической лабораторий, библиотеки, оборудованы каюткомпания, каюты для членов экипажа и т.д. Сбылась мечта Э.В. Толля: специальное судно может устремиться к заветной цели – Земле Санникова.

В газете «Кронштадтский вестник» 25 марта 1900 г. крупным шрифтом было набрано: «Вчера, 24 марта, в зале Кронштадтского

морского собрания известным исследователем полярных стран Э.В. Толлем была прочитана лекция «О целях Русской полярной экспедиции, снаряженной Академией наук», вызвавшая оживленную дискуссию. Э.В. Толлем был определен план экспедиции. Продовольственные запасы делались из расчетов на три с половиной года. Предстояло изучить Новосибирские острова и исследовать часть полярной области, где еще не приходилось бывать человеку, а возможно, и открыть не только Землю Санникова, но и другие острова. В навигацию 1903 г. экспедиция должна пройти Беринговым проливом к Владивостоку в бухту Золотой Рог.

В обсуждении доклада принял участие С.О. Макаров, который высоко оценил инициативу и мужество Э.В. Толля. Адмирал сказал, что великие русские моряки прошлого руководствовались девизом «сила не в силе – сила в любви», а любовь и вдохновение были присущи таким отважным мореплавателям, как Прончищев, Челюскин, Ласинус, Харитон и Дмитрий Лаптевы. С их именами связаны великие открытия в труднодоступных районах Русского Севера. В заключение С.О. Макаров отметил:

«Направляясь в поиски неведомой Земли Санникова, пусть смелый исследователь Э.В. Толль знает, что моряки ему вполне сочувствуют, глубоко ценят его труды и от души желают полного успеха и благополучия в предстоящей экспедиции» [42, с. 71].

Комиссия, созданная для снаряжения Русской полярной экспедиции (РПЭ), тщательно контролирует расходование выделенных средств, и только с ее разрешения производятся различные платежи. Сохранилось постановление Комиссии от 4 марта 1900 г. о выделении Толлю 60 тыс. рублей на приобретение судна в Норвегии и другие финансовые операции, собственноручно подписанное президентом Императорской академии наук и членами Комиссии – известными учеными и руководителями различных морских и научных ведомств.

Постановление Комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции о выделении 60 тыс. руб. на приобретение экспедиционного судна подписали: президент Императорской академии наук Вел. кн. Константин; шведский полярник Н.А.Э. Норденшельд; палеонтолог академик Ф.Н. Чернышев; генерал-лейтенант К.И. Михайлов – начальник Главного гидрографического управления Морского министерства; геолог академик А.П. Карпинский; гидробиолог, начальник промысловой экспедиции Н.М. Книпович; генерал-лейтенант О.Э. фон Штубендорф – начальник Военно-Топографического отдела Главного штаба Русской армии; директор Главной астрономической обсерватории в

Приложение к протоколу заседания Комиссии

1го марта 1902.

Постановление

Комиссии для снаряжения Русской Полярной Экспедиции

На заседании 4го марта сего года Комиссия постановила выдать на казенную Экспедиции барону Эдуарду Вильгельму Мелло из сумм, отпускаемых на Экспедицию, шестьдесят тысяч (60.000) рублей в подотчетное издрядование и рекомендовать ему приобрести другие крупные платежи, подлежащие по смете, через Правление Восточн. В то же время Комиссия постановила перевести ассигнами 20,400 руб. в распоряжение генерального ружейного конюха в Лондонии г. Магстермана и ружейного конюха в Таммерфорсе г. Беренсона 10,000 рублей

Председатель Комиссии *М. П. Сидоров*

А. Г. Ноддинский

О. А. Чувпеев

К. М. Мессингер

А. Карпинин

М. Киселов

О. Шувалов

С. Саксбург

Н. Замесов

В. Иванов

Г. Тейгум

В. Ф. Фролов

М. Плещинский

Бор. Н. Васильев

Муромский

Борисов

Постановление Комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции о выделении 60 тыс. руб. на приобретение экспедиционного судна

Пулково академик О.А. Баклунд; зоолог академик В.В. Заленский; физик, геофизик академик Б.Б. Голицын; флигель-адъютант-лейтенант граф А.О. Гейден – внук адмирала Л.П. Гейдена (1806–1850) и сын генерала-адъютанта Ф.Л. Гейдена (1831–1900), генерал-губернатора Финляндии; гидролог барон Ф.Ф. Врангель – сын известного исследователя и путешественника Фердинанда Врангеля (1796/97–1870), почетный академик Императорской АН, в 1829–1835 гг. – главный правитель Русских поселений в Америке, в 1855–1857 – Морской министр; директор Главной физической обсерватории академик М.А. Рыкачев¹; барон П.А. Рауш-фон-Траубенберг – штальмейстер Двора (придворная должность), главный конюший Императорского двора; геолог барон Э.В. Толль.

Только что вернувшись из первого арктического рейса ледокола «Ермак», возглавляемого адмиралом С.О. Макаровым [43], и приобретя опыт плавания в высоких широтах на многотоннажном судне, Толль сразу же с головой окунулся в решение экспедиционных проблем, которых с каждым днем становилось все больше и больше.

Члены экспедиции продолжали готовиться самым тщательным образом. Толль поручил энергичному лейтенанту А.В. Колчаку проводить топографические, гидрологические, гидрохимические и магнитные исследования и направляет его в Христианию (ныне – Осло) на стажировку [44, с. 44–45].

В Христианию Александр Колчак приехал из норвежского порта Ларвик, когда там окончились работы по реконструкции шхуны «Заря». Сразу по прибытии в столицу отправился в университетскую лабораторию проф. Фритъофа Нансена. Нансен

¹ Академик М.А. Рыкачев (1840/41–1919), академик (1896) Императорской АН, академик (1917) Российской академии наук (с 1925 г. Академия наук СССР).

Директор Главной физической обсерватории (1896–1913). Занимал пост директора 17 лет, а в обсерватории прослужил 57 лет и отпросился на покой. Его сменил академик князь Б.Б. Голицын (1863–1916), одновременно будучи начальником Главного военно-метеорологического управления, каковым должен быть генерал-лейтенант или соответствующий придворный чин.

Оба академика, Рыкачев и Голицын, имели генеральские звания. Голицын вскоре умер.

На эти две должности назначили генерал-лейтенанта флота академика А.Н. Крылова (1863–1945).

«Хотя я доказывал, – пишет Крылов, – что, сдав в 1882 г. экзамен в Морском корпусе по метеорологии, я с тех пор этим предметом не занимался, но непременный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург привел мне пословицу – на безрыбье и рак рыба, я ему ответил соответствующей пословицей, но тем не менее был назначен» [45, с. 245].

был в зените славы. Всего четыре года минуло с тех пор, как 30 мая 1896 г. «Фрам» с экспедицией после трехлетнего плавания причалил к родным берегам в порту Тромсё. На улицах норвежской столицы еще красовались огромные цветные щиты, прославляющие подвиг отважных мореплавателей.

Знаменитый полярник радушно встретил русского морского офицера, который предварительно прислал несколько писем и получил от Нансена согласие поделиться опытом и оборудованием для проведения исследований в полярных широтах. Нансена интересовали подробности предполагаемого маршрута «Зари». На большом глобусе, стоявшем в кабинете, Колчак показывал ему маршрут. Когда дошел до о-ва Беннетта, открытого Де-Лонгом, сказал, что вот где-то тут совсем рядом неоткрытая Земля Санникова... А потом спросил у Нансена, допускает ли он существование здесь такой Земли.

Нансен ответил, что это не исключено, хотя и весьма проблематично. Посоветовал внимательно понаблюдать в тех краях за перелетами пернатых. Колчак ответил, что в составе экспедиции Толля есть зоолог Бируля и орнитолог – врач Вальтер.

А.В. Колчак рассказал о планах обследования восточного берега Таймыра, который на картах обозначен лишь ориентировочно, островов Котельный, Фаддеевский, Новая Сибирь, а также о том, что особое внимание будет уделено о-ву Беннетта, и о том, конечно, что очень хотелось бы окончательно решить спор относительно Земли Санникова. И наконец, если все сложится благополучно, то вторую или третью навигацию «Заря», возможно, пройдет Беринговым проливом во Владивосток.

Знаменитый полярник был восхищен таким планом. Он, внимательно слушая молодого лейтенанта, время от времени вставлял фразы о том, что, «к сожалению, в полярных широтах все делается значительно медленнее, чем мы намечаем...», о том, как важно не забывать, что «всякая цель должна прежде всего соизмеряться с возможным риском и возможными жертвами». Нансен, одобрив план Колчака, рекомендовал прежде всего беречь себя и еще раз напомнил, что «потерять в Арктике жизнь легче, чем выронить монету из дырявого кармана». Позже, в долгие трудные дни экспедиции, Колчак много раз возвращался к этому разговору с Нансеном [44, с. 44].

Доброе расположение Ф. Нансена к членам экспедиции, возглавляемой Э.В. Толлем, объяснялось также и тем, что Нансен и Толль знали друг друга уже много лет. В 1893 г., когда Толль возглавил экспедицию, снаряженную Императорской академией наук для изучения Новосибирских островов, он по просьбе

Фр. Нансенъ.

СРЕДИ ЛЬДОВЪ

и

ВО МРАКЪ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ.

выпускъ 1. — 2.

Переводъ А. А. Крубера

подъ редакціей Д. Н. Амундана.

(Отдѣльное приложеніе къ III—IV кн. за 1896 г. журнала „Землепобѣда“, изд. Географическаго Отдѣленія И. О. С. Е. А. и Е.).

МОСКВА.

Типограф. Восточнаго ун-та. Т-ва И. М. Кушнеръ и П., Пискаревск. ул., отд. литт.
1897.

Титульный лист первого издания в России (в 1897 г.) книги Фр. Нансена

Ф. Нансена, тогда еще только поднимавшегося на свой «полярный Эверест», организовал несколько продовольственных депо. На Новосибирских островах Толль сумел не в ущерб экспедиционным работам проложить дополнительные маршруты для размещения продовольствия в прибрежной зоне, что было бы крайне необходимо в случае гибели «Фрама» и возвращения членов экспедиции на материк без плавсредств. Все хорошо помнили голодную смерть членов экспедиции Де-Лонга в устье Лены и старались избежать такой трагической участи.

Перед самым началом экспедиции Толль получает от Нансена большой пакет с документами и письмо от 16 июня 1900 г.², в котором Нансен писал, что карты маршрута «Фрама» еще не готовы, поэтому отправляет пока все материалы, что удалось

² ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 65. Л. 5.

собрать по сибирской Арктике: координаты отдельных островов и различных географических точек, личный набросок карты гавани Колин Арчер, где рекомендовал зимовать, не опасаясь, что судно окажется затертым льдами. Он считал чрезвычайно интересным выяснить, как простираются долины рек северо-восточного берега Таймыра и прослеживаются ли они за береговой чертой по морскому дну. Тогда станет понятным происхождение громадного сибирского подводного плато-шельфа.

Нансен в другом письме также указывал, что вода сибирских рек служит главным генератором слоя холодной воды, покрывающей сравнительно теплую и соленую воду течения Гольфстрим в Северном Ледовитом океане [46, 47]. Он рекомендует подробно изучить явление «мертвой воды»: «...Дело в том, что за кораблем на тяжелом нижнем соленом слое воды образуется особая волна опресненной воды, которая затрудняет движение судна. При изучении этой так называемой “мертвой воды” он просил Толля выяснить, насколько она замедляет ход корабля, какова толщина слоя опресненной воды, температура и соленость воды в разных слоях» [42, с. 78].

В конце письма Нансен высказывает доброе напутствие: «На прощанье мы скажем, как говорят эскимосы на восточном берегу Гренландии, чтобы Вам всегда плыть по свободной ото льда воде!»

Толль передал письмо Нансена Колчаку, просил его подумать о «мертвой воде» и взять в плавание все необходимое для экспериментальных исследований.

Ф. Нансен и Императорское Русское географическое общество

Ф. Нансен, посетив по приглашению Императорского Русского географического общества Санкт-Петербург, выступил 15 апреля 1898 г. на торжественном собрании Общества и ответил на ряд вопросов в связи с предстоящими экспедициями в Северный Ледовитый океан С.О. Макарова и Э.В. Толля.

Приводим дословный отчет в «Известиях Русского географического общества», посвященный этим событиям:

«Торжественное собрание почтили своим присутствием Его Императорское Высочество Великий князь Константин Константинович (президент Императорской АН. – В.С.) и Ее Высочество принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская, большинство находящихся в Петербурге почетных членов Общества и ряд высокопоставленных лиц, в том числе королевская шведско-норвежская миссия в полном составе с посланником господином Рейтершёльдом во главе.

Обширный зал был наполнен членами Общества с их семьями и представителями учебных заведений мужских и женских. На эстраде за столом поместились, кроме нынешних членов Совета, и бывшие его члены.

Около 20 ч. 45 мин. приехал Ф. Нансен с супругою, встреченный вице-председателем общества П.П. Семеновым³, поднесшим г-же Еве Нансен роскошный букет. При появлении д-ра Нансена на эстраде он был встречен громом рукоплесканий, долго не умолкавших. Затем взошел на кафедру вице-председатель общества П.П. Семенов и сказал следующее приветствие: «Ваше Императорское Высочество, милостивые государи, милостивые государыни! Сегодня Императорское Русское географическое общество и представители столичного научного сообщества собрались в гостеприимные стены петербургского дворянского собрания, чтобы чествовать оказанные географической науке д-ром Нансеном выдающиеся заслуги, уже достаточно оцененные Венценосным Вождем Русской земли⁴ и Августейшим председателем нашего общества Его Императорским Высочеством Великим князем Николаем Михайловичем⁵. Живой интерес всей России к исследованиям д-ра Нансена объясняется не только большой популярностью географической науки, но и положением, которое Россия занимает на земной поверхности. Действительно, если мы обратим внимание на распределение материков вдоль полярного круга, то окажется, что из 360° этой параллели 134° падают на материки Нового Света, распределяясь между Соединенными Штатами, Канадой и Данией, а 176° – на материки Старого Света, распределяясь очень неравномерно: между Россией – 166° и Скандинавией – 10°.

Эта последняя страна, со своими отважными мореходами, имеет громадное превосходство в том отношении, что обладает единственным уголком прибрежья Северного океана, действительно пригодного к обитанию. Поэтому весьма естественно, что при одинаковом интересе обеих стран к полярным исследованиям, в то время как мы были поглощены трудной и медленной задачей иссле-

³ Семенов-Тянь-Шанский (до мая 1906 г. Семенов) Петр Петрович (1827–1914), из дворян, русский географ, статистик, выдающийся государственный деятель, в 1882 г. назначен сенатором, с 1897 г. состоял членом Государственного Совета (департамент законов), действительный тайный советник, почетный член Императорской АН (с 1873 г.). Вице-председатель и глава Императорского Русского географического общества (с 1873 г.). Исследовал в 1856–1857 гг. Тянь-Шань, тогда недоступный для европейцев, и составил впервые схему орографии и высотной зональности этой горной системы. Организатор многих экспедиций в Центральную Азию. Руководил изданием многотомных трудов по географии России. Большой знаток живописи. Собрал богатейшую коллекцию картин фламандских и голландских художников XVI и XVII вв., которая считалась второй по полноте в Европе. Издал фундаментальный труд «Этюды по истории нидерландской живописи». В 1874 г. избран почетным академиком Академии художеств. Участвовал в деятельности многих благотворительных обществ в качестве председателя, написал несколько статей по вопросам благотворительности. В 1897 г. под его руководством организована и успешно проведена первая в России перепись населения. В том же году П.П. Семенов напечатал работу: «Характерные выводы из первой всеобщей переписи».

⁴ Венценосный Вождь – император Николай II.

⁵ Великий князь Николай Михайлович Романов (1859–1919), председатель Императорского Русского географического общества с 11 февраля 1892 г. по февраль 1917 г. Расстрелян в 1919 г.

дования наших малодоступных северных побережий и успели открыть только группы островов Новой Земли, Новосибирских и крайний угол Нового Света, скандинавы благодаря выгодному географическому положению развили у себя еще в глубокой древности мореплавание и удержали за собой первенствующее место среди исследователей полярных морей, дав в последнее время полярной океанографии два бессмертных имени – Норденшельда и Нансена...» [49, с. 777–778].

После вступительного слова П.П. Семенов вручил Ф. Нансену высшую награду Географического общества – Большую Константиновскую золотую медаль, единогласно ему присужденную Советом Общества еще в 1896 г. как славному исследователю Северного Ледовитого океана.

Затем на кафедру поднялся д-р Нансен и, после краткого приветствия по-немецки, изложил в прекрасной речи, сказанной по-английски, ход своего путешествия, иллюстрируя слова картинками на экране, чрезвычайно эффектно изображавшими разные моменты путешествия. После выступления Ф. Нансен ответил на вопросы, и прежде всего на те, которые были поставлены Э.В. Толлем и С.О. Макаровым:

«...Мы знаем, – сказал Нансен, – Землю Беннетта и Землю Санникова, из которых последнюю барон Толль сам видел, но там может быть и больше таких островов. Главное основание так думать заключается в том, что мы встретили много открытой воды к западу и северо-западу от Новосибирских островов...

Это открытое пространство возникло, по моему мнению, в известных размерах во время преобладающих восточных ветров, нанесших лед на восточные берега Новосибирских островов. Этой открытой воды было, однако, так много к северу от широты Котельного острова, что я не думаю, чтобы Санникова Земля и Земля Беннетта в том виде, как мы их знаем, были бы достаточны для образования ее и для недопущения льда в открытое море с востока.

Нет надобности указывать кому-либо из присутствующих, что исследование этих земель было бы подвигом величайшей научной важности. Я полагаю, что земли эти достижимы на судне каждое лето, и думаю, что достижима даже Земля Беннетта. Если это так, я бы только желал, чтобы Толль избрал этот последний остров для своей зимовки вместо Земли Санникова. На Земле Беннетта он был бы севернее и ближе к сердцу неведомого пространства. Вероятно, ему представился бы лучший случай для произведения важных исследований на севере, чем с Земли Санникова» [48, с. 793–794].

Обсуждая вопросы движения ледокола «Ермак» в Ледовитом океане, Ф. Нансен высказал такие соображения:

«Единственная вещь, в которой я несколько понимаю толк, есть лед... Полярный лед надо, разумеется, рассматривать как собрание льдин, которые в середине этого моря имеют зачастую огромные размеры. Можно думать, что судно в состоянии легко двигаться на достаточном протяжении среди этих полей в открытой воде. Но вряд ли это так, и я опасюсь, что адмирал Макаров не может ожидать встретить сколько-нибудь обширное водное пространство внутри Полярного моря.

⟨...⟩ Я считаю делом нелегким для ледокола пробить дорогу сквозь лед внутри Полярного моря; тем не менее, я отнюдь не считаю этого невозможным, напротив, я полагаю, что кое-что может быть, наверное, сделано: “Фрам” проложил себе путь на юг от 83° 14' с.ш., а столь сильный ледокол должен быть в состоянии сделать много больше. Вопрос в том только, сколько угля будет стоить всякая миля движения вперед и может ли судно, подобное проектированному адмиралом Макаровым, нести достаточно угля, чтобы пробить свой путь на значительном протяжении сквозь тяжелый лед Полярного моря? Относительно этого я не могу иметь мнения, но адмирал Макаров объяснил мне устройство своего судна, и я в восхищении от тщательности, с какою он изучил все возможные затруднения. Я уверен, что куда ни пробьет его ледокол дорогу – на далекое ли или на короткое расстояние внутри неизвестных морей, опыт этот будет иметь величайшее значение и не преминет дать чрезвычайно важные результаты, составит, быть может, новую эру полярного исследования. Что касается меня, то я с нетерпением буду ждать возвращения его из пробного плавания на север, которое, как я слышал и как надеюсь, будет сделано к северу от Шпицбергена осенью 1899 г.» [48, с. 788, 790].

Вице-председатель П.П. Семенов, принявший участие в дискуссии, в своем выступлении сказал, что главный научный интерес, как ему представляется, не в достижении математической точки полюса, а в исследовании пространства, его окружающего, его физических, химических, климатических и других условий. Не достигнутым все еще остается околполярный круг. Большой интерес, по его мнению, вызывает морской путь между островами Шпицберген и Гренландия. Очень важным он считал и морской путь, принимающий за исходную точку Землю Франца-Иосифа. В торговом плане следует разведать путь от северной оконечности Сибири в соседние акватории. Следует также изучить путь от Новосибирских островов с учетом Великой Сибирской полыньи и, конечно, главный камень преткновения – морской путь через Берингов пролив [48, с. 780].

Программа экспедиции на Землю Санникова

На этом же заседании Общества Э.В. Толль изложил программу экспедиции на Землю Санникова. Позднее с ней детально ознакомился Александр Колчак, и эта экспедиция, как никакая другая, вполне отвечала его полярным устремлениям. Он был безмерно счастлив, что ему удалось попасть в состав экспедиции Э.В. Толля.

План экспедиции сводился к таким основным позициям:

«1. Надо отправить подходящее судно через Карское море и мимо мыса Челюскин в устье Лены, до удобного места зимовки на этой реке.

2. Экспедиция начнет свое плавание из устья Лены на север, снарядившись тремя или четырьмя лучшими усть-ленскими, заранее заказанными собачьими нартами, небольшим числом оленей...

3. Достигнув в августе месяце Санниковой Земли и высадив экспедицию со всем ее провиантом на 2 года (на всякий случай), судно вернется к матерiku и по пути, проходя около берега острова Котельного, оставит на его северном конце провиантское депо на случай неудачи плавания следующего года. Затем судно вернется опять в устье Лены до места зимовки.

4. Одна партия экспедиции начнет выполнение своей задачи на Санниковой Земле, совершая на санях и лодках разные экскурсии с целью научных исследований; другая же партия строит доставленное на судне домище для зимовки.

5. Весной и летом следующего года продолжают геологические, физико-географические и топографические работы, по возможности до острова Беннетта, а часть сотрудников экспедиции заканчивает на месте зимней станции метеорологические и магнитные наблюдения круглого года.

6. Летом того же года судно отправится вторично из устья Лены на Санникову Землю и увезет экспедицию домой, взяв на обратном пути, по возможности, новый курс по восточной стороне Новосибирских островов...» [50, с. 385].

Последнее время, утверждал Толль, только иностранцы, и прежде всего американцы и скандинавы, взяли на себя прекрасную миссию стать арктическими первопроходцами, а ведь следовало бы, наверное, нам самим исполнить все это. «Я уверен, – говорил Толль, – что если мы не возьмемся за это дело, то не пройдет и двух-трех лет, как отнято будет от нас последнее поле действий на севере от сибирского берега до Земли Санникова» [50, с. 386].

Э.В. Толль был большим патриотом своего Отечества. С болью в сердце он писал: «Неужели мы отдадим последнее поле действия для открытий нашего севера опять другим народам? Ведь одна из виденных Санниковым земель открыта американцами, именно Де-Лонгом, несчастно погибшим вследствие незнания местных условий в устье Лены. Мы, русские, пользуясь опытом наших предков, уже по географическому положению лучше всех других наций в состоянии организовать экспедиции для открытия архипелага, лежащего на севере от наших Новосибирских островов, и исполнить их так, чтобы результаты были и счастливы, и плодотворны» [28, с. 19].

Вот что писал журнал «Нива» в связи с завершением всех подготовительных и организационных дел в Русской полярной экспедиции под начальством Эдуарда Толля:

«Полярные страны все более и более привлекают к себе внимание просвещенных народов. Кроме русско-шведской экспедиции по градусному измерению на островах Шпицбергена, работы которой еще продолжаются, Императорская академия наук в настоящем году снаряжает новую полярную экспедицию под начальством известного исследователя полярных стран, геолога барона Э.В. Толля, по инициативе которого и предпринимается настоящая экспедиция. Таким образом, конец XIX и начало XX вв. ознаменуются двумя крупнейшими научными предприятиями, которые прольют свет на многие загадочные и неразъясненные явления и обогатят сокровищницу знаний многими научными данными высокого интереса. Комиссия, заведующая снаряжением Русской полярной экспедиции и разработкой ее программы, состоит под председательством Августейшего президента Императорской академии наук Его Императорского Высочества Великого князя Константина Константиновича. В состав ее входят академики: Ф.Б. Шмидт (председатель), директор Николаевской главной астрономической обсерватории в Пулковке О.А. Баклунд, Ф.А. Бредихин, В.В. Заленский, А.П. Карпинский, директор Николаевской главной физической обсерватории генерал-майор М.А. Рыкачев, С.И. Коржинский, князь Б.Б. Голицын и Ф.Н. Чернышев, а также: ген.-лейт. О.Э. фон-Штубендорф, ген.-лейт. К.И. Михайлов, океанолог Н.М. Книпович, барон О.Р. фон-дер-Остен-Сакен, барон П.А. Рауш-фон-Траубенберг, геолог барон Э.В. Толль, граф А.О. Гейден, гидролог барон Ф.Ф. Врангель и зоолог А.А. Бялыницкий-Бируля. Кроме того, в заседаниях Комиссии по снаряжению принимал участие также недавно приезжавший в С.-Петербург шведский ученый и знаменитый полярный путешественник Н.А.Э. Норденшельд. Комиссия, подробно обсудив проект барона Э.В. Толля, пришла к заключению, что экспедиция представляет большое значение и обещает весьма важные результаты не только в научном и практическом отношении, но также и в государственном, содействуя занятию арктических островов и обеспечивая их промысловые богатства за русскими промышленниками» [51, с. 414–415].

Такой же благоприятный отзыв о предстоящей полярной экспедиции дали вице-председатель Императорского Русского географического общества П.П. Семенов и адмирал С.О. Макаров.

Экспедиция сулила получить результаты огромной важности, ажиотаж вокруг нее с каждым днем становился все более интенсивным, и поэтому уже никто не удивлялся тому, что на расходы экспедиции отпускаются крупные суммы; по Высочайшему повелению на полярную экспедицию ассигновано 240 тыс. рублей. Эта сумма не покажется большой, если мы вспомним, что экспедиция снаряжалась на три года, что из этих денег 60 тыс. рублей заплачено за судно, что она брала с собой запасы провианта на 1200 суток, что для участников экспедиции приходилось запастись особой одеждой, приспособленной для пребывания в полярных странах, что экспедиция брала с собой 60 северных собак, а для ее разнообразных работ нужно много различных инструментов и приборов. Этой суммы, вероятно, не хватило бы, если бы экспедиция не встречала всеобщего сочувствия со стороны разных ведомств, учреждений и отдельных лиц, которые всеми дос-

тупными им мерами старались оказать содействие для выполнения ее задач.

К примеру, будет сказано, что одно важное лицо выделило из своих средств на нужды экспедиции 5 тыс. рублей и пожелало остаться неизвестным.

Вот утвержденный министром финансов официальный документ, раскрывающий фактическую картину расходов. На содержание Русской полярной экспедиции было ассигновано:

«1. Согласно Высочайшего утвержденного 24 января 1900 г. мнения Государственного Совета по снаряжению экспедиции – 180 000 р.

2. По всеподданнейшим докладам господ министров финансов⁶ за период с 1899 по 1904 г. ассигновано средств:

– 2.06.1899 на приобретение судна экспедиции – 60 000 р.

– 23.02.1901 на расходы по содержанию экспедиции – 34 066 р. 50 к.

– 30.11.1901 на расходы по снабжению экспедиции углем – 75 000 р.

– 1902 на расходы по содержанию экспедиции и снабжению ее углем – 53 214 р. 70 к.

– 24.01.1903 на расходы по снабжению экспедиции для спасения барона Толля и его спутников, для снятия инструментов с яхты, на завершение научных работ и на вознаграждение участников и их возвращение – 80 000 р.

– 5.03.1904 на расходы по содержанию персонала и на уплату по тем обязательствам, которые имеет Комиссия, снаряжавшая экспедицию – 27 000 р.

Итого: 509 281 р. 20 к.»⁷.

Такие огромные суммы расходов станут известны спустя четыре года, а сейчас общее ликование под громкие звуки фанфар, сопровождающих организацию экспедиции, делало ее весьма популярной и привлекательной. Часть ученой интеллигенции рвалась в состав экспедиции, который был удивительно мал: всего семь человек, из них три морских офицера и четыре научных сотрудника. Экипаж судна во главе с боцманом включал тринадцать человек.

Личный состав экспедиции

Президент Императорской академии наук Великий князь Константин Константинович 8–10 марта 1900 г. утвердил полный личный состав экспедиции⁸.

После долгих обсуждений, дискуссий, раздумий и сомнений удалось завершить отбор участников Русской полярной экспедиции:

⁶ Министры финансов России: С.Ю. Витте – с 1892 г. по август 1903 г., С.Д. Плеске – с августа 1903 г. по март 1904 г., В.Н. Коковцов – с марта 1904 г. по март 1914 г.

⁷ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

⁸ Полный личный состав экспедиции публикуется впервые.

– Барон Э.В. Толль – начальник экспедиции, геолог.

– Лейтенант флота Российского Николай Николаевич Коломейцев – командир экспедиционного судна «Заря». Он многие годы занимался описанием Белого моря, работая в съемочной партии Беломорской гидрографической экспедиции. В 1893 г. в составе экспедиции лейтенанта Леонида Федоровича Добротворского исследовал устье р. Енисей.

– Лейтенант флота Российского Федор Андреевич Матисен – старший офицер шхуны «Заря» – будет выполнять обязанности геодезиста, картографа, минералога и фотографа. Принимал участие в Шпицбергенской экспедиции академика Ф.Н. Чернышева в 1899 г. по градусному измерению.

– Лейтенант флота Российского Александр Васильевич Колчак – второй офицер шхуны «Заря» – будет проводить гидрологические, гидрохимические, топографические и магнитные исследования в экспедиции. В 1895–1898 гг. плавал в Тихом океане, проводил в Японском и Корейском морях гидрологические и гидрохимические исследования, выверял карту течений.

– Старший зоолог Зоологического музея Императорской академии наук Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля⁹ – зоолог и фотограф экспедиции. Работал в 1891, 1895 и 1896 гг. на Соловецкой биологической станции, изучал морскую фауну Белого моря, в 1899 г. участвовал в Шпицбергенской экспедиции.

– Преподаватель физики, кандидат наук Фридрих Георгиевич Зееберг – астроном и магнитолог (он предлагал свое участие даже в качестве кочегара, если бы не оказалось другой вакансии). По рекомендации директора Пулковской обсерватории академика О.А. Баклунда и профессора Юрьевского университета Г.В. Левицкого удалось включить Зееберга в научный состав.

– Доктор медицины Герман Эдуардович Вальтер – врач, бактериолог и второй зоолог. Принимал участие в научно-промышленной экспедиции 1899 г. на судне «Андрей Первозванный» у

⁹ Бялыницкий-Бируля (Бируля) Алексей Андреевич (1864–1937), из дворян. Как зоолог, зоогеограф, орнитолог и фотограф работал в Русской полярной экспедиции 1900–1903 гг., проявил мужество, находчивость и стойкость в труднейших условиях Сибирской Арктики. В 1923 г. избран членом-корреспондентом Российской академии наук по Отделению физико-математических наук, секция биологическая. По «делу Академии наук» был арестован 14 ноября 1930 г., суд приговорил его 10 февраля 1931 г. к трем годам лагерей. Отбывал заключение в Карелии. Последние годы жизни не занимался научной работой (*Перченко Ф.Ф.* «Дело Академии наук» и «Великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: Репрессированные ученые Академии наук СССР. – М.: Наука, 1995. С. 224, 239).

Мурманского побережья и у Новой Земли под руководством профессора Н.М. Книповича.

В состав команды вошли: боцман Никифор Бегичев, механик Эдуард Огрин, матросы рулевые Семен Евстифеев, Сергей Толстов, Алексей Семьяшкин (заменен впоследствии Петром Стрижеввым), Иван Малыгин (заменен впоследствии Степаном Расторгуевым), Василий Железников, Николай Безбородов, второй механик Эдуард Шервинский, старший кочегар Иван Клух, второй кочегар Гавриил Пузырев, третий кочегар Трифон Носов, повар Фома Яскевич.

Начальник экспедиции Э.В. Толль старался вникнуть во все личные нужды участников плавания и оказать поддержку их семьям, выделяя на это некоторые средства [42, с. 78–79].

Александр Колчак все еще не до конца верил, что будет участником экспедиции, но когда он увидел свою фамилию и список личного состава экспедиции, утвержденный президентом Академии наук, он понял, что теперь долгожданная Арктика, такая недоступная, такая холодная и далекая, ищет с ним свидания. Его душа ликовала, и сам он ходил окрыленный, уверенный в себе и безмерно счастливый! [52].

Прощание с Петербургом

Вот и пришел тот день, когда шхуна «Заря» покинула красивый порт в Бергене (Норвегия) и в середине мая 1900 г. взяла курс на Мемель. На борту шхуны находились командир «Зари» лейтенант флота Н.Н. Коломейцев и второй офицер лейтенант флота А.В. Колчак. Колчаку приходилось плавать в Тихом океане на крейсерах и исполнять обязанности штурманского офицера, а поэтому, когда командир отлучался, Колчак уверенно вел шхуну по заданному курсу. Зайдя по пути в Мемель, они взяли на борт начальника экспедиции Толля и на всех парусах пошли в Петербург. «Заря» ознаменовала собой важный этап в отечественной океанологии. На этом первом в России научно-исследовательском судне для проведения в море комплексных исследований было успешно завершено полное переоборудование шхуны с учетом выполнения специальных работ в арктических условиях.

Ранним утром 29 мая 1900 г. на Неве у набережной Васильевского острова пришвартовалась пахнущая свежей краской новенькая, «как с иголки», сверкающая белизной корпуса и палубных надстроек шхуна «Заря». Жители Петербурга – чиновный люд, курсистки, гардемарины, приказчики из соседних

лавок, знатные дамы и даже надворные и тайные советники с большим любопытством и нескрываемым интересом рассматривали пришедший из Норвегии прекрасный корабль.

– Ах, как жаль, – кокетливо восклицали очаровательные курсистки, разгуливающие по набережной, – что женщины нужны морякам только на берегу...

Они пытались заговорить с молодыми, озабоченными своей почетной миссией лейтенантами, но те были неприступны, как крепость [53, с. 35].

Наверное, не было в Петербурге в те дни молодых офицеров, которые бы не мечтали отправиться на шхуне в дальнее плавание. А когда узнавали, что судно уйдет на поиски легендарной Земли Санникова – загадочной, недоступной и вот уже сто лет ускользающей от исследователей, то глубоко сожалели и искренне огорчались, что им не удастся принять участие в этом славном морском походе, наполненном романтикой поиска.

А на шхуне полярники уточняли количество прибывающего груза по имеющимся документам. Ящиков поступало так много, что порой казалось совсем нереальным найти возможность все их разместить.

Лейтенант Колчак гордо и важно ступал по палубе, проверял такелаж и принимал высокопоставленных гостей, которых Толль приглашал для осмотра шхуны.

Н. Коломейцев писал в отчете:

«Все участники Русской полярной экспедиции были осчастливлены Высочайшим посещением Венценосным Вождем Государства Российского императором Николаем II шхуны “Заря” 11 июня 1900 г. Его Величество подробно осматривал судно и в конце обратился к начальнику экспедиции барону Толлю с милостивым вопросом, не нужно ли чего-нибудь для экспедиции? А нужна была настоятельная. Экспедиции не хватало угля. Вследствие Монаршей милости уголь был отпущен из складов Морского ведомства, как и многие другие материалы, которых нельзя было достать в продаже. Морское ведомство открыло Толлю и Колчаку, последний отвечал за поставку и размещение грузов на шхуне, свои магазины.

На “Заре” 19 июня был отслужен молебен в присутствии Ее Величества королевы греческой¹⁰ и Августейшего президента Императорской академии наук Великого князя Константина Константиновича Романова. Королева благословила всех участников экспедиции, подарив каждому молитвенник и Евангелие» [54, с. 344].

День за днем к «Заре» подвозили различные грузы, и палубной команде приходилось работать в поте лица, аккуратно разме-

¹⁰ Великая княгиня, королева греческая Ольга Константиновна Романова (1851–1926), родная сестра Великого князя Константина Константиновича.

шая в лабораторных помещениях оборудование: физические и химические приборы, геодезический инструмент, гидрологическую аппаратуру, биологические сети, тралы, ковши, батометры для отбора проб воды и многое другое. Самым тяжелым грузом оказалось топливо – уголь; от его количества зависело все: дальность плавания, обогрев помещений, приготовление пищи и, конечно, баня.

В таких заботах 22 дня пролетели, как один день. Отход «Зари» назначили на 21 июня 1900 г. День стоял теплый, солнечный. Множество друзей пришли проводить смелых первопроходцев, отправлявшихся в полярное плавание. Восторгам и добрым пожеланиям не было конца! Никто из присутствующих, конечно, не задумывался о вечных льдах и вечном холоде, которые совсем скоро ожидали всех участников экспедиции. «Заря», последний раз качнувшись у пирса от легкого бриза, нежно поцеловав причал, отвалила к чистой воде малым ходом.

Командир шхуны Коломейцев без помощи буксира провел «Зарю» мимо множества судов, вельботов, лодок. Кругом раздавались крики «ура!» и звуки бравурной музыки, поскольку на некоторых военных кораблях имелись оркестры. «Заря» направилась к Кронштадту.

В Кронштадте был дополнительно погружен уголь высшего качества, приняты хронометры, взрывчатые вещества и другие необходимые предметы.

Там же Толля сердечно принял адмирал С.О. Макаров, который в дружеской беседе поделился своим опытом и дал ряд наставлений и советов. «Кронштадтский вестник» 24 июня 1900 г. писал, что С.О. Макаров на прощальном банкете, устроенном в честь Русской полярной экспедиции, шуточно отметил, что Толль благодаря своему мягкому и отзывчивому характеру окажется «в качестве буфера между офицерами, учеными и командой». В заключение адмирал пожелал всем доброго пути и больших успехов на благо Родины и науки.

На следующий день экспедиция покидала Кронштадт. Макаров прибыл на шхуну «Заря» проводить отважных исследователей и моряков [42, с. 79–80].

Проводы «Зари», по мнению Александра Васильевича, не были особенно торжественны, «вообще в Петербурге, не говоря уже про Россию, многие и не знали про нашу экспедицию; но так как большинство интеллигентного общества едва ли знает о существовании Новосибирских островов, а многие едва ли найдут на карте Таймыр или Новую Землю, то было бы странно претендовать на иное отношение» [52, с. 34].

Адмирал Макаров был хорошо знаком с научным составом экспедиции. И вообще всегда поддерживал офицеров, стремившихся во время плавания службу совмещать с научными работами, наблюдениями. Он подошел к лейтенанту Колчаку, отца которого Василия Ивановича Колчака, генерал-майора, морского артиллериста, участника обороны Севастополя 1855 г., давно и хорошо знал. Адмирал по-отцовски тронул за плечо молодого лейтенанта и пожелал доброго пути.

Последние напутствия, последние рукопожатия, судно покинуло кронштадтский рейд. «Заря» ушла в долгое арктическое плавание.

Обогнув скандинавские страны, шхуна прибыла в норвежский порт Тромсё. Здесь произвели догрузку судна. Взяли 1500 пудов сушеной рыбы для собак и 50 т угля, дополнительно погрузили 10 т антрацита в брикетах. В случае гибели шхуны из него можно сложить дом.

Сюда, в Тромсё от Нансена доставили закупленное гидрологическое и гидрохимическое оборудование, приборы для измерения направления и скорости течения, батометры Тимченко для отбора проб воды, глубоководные термометры, химическую посуду и т.д.

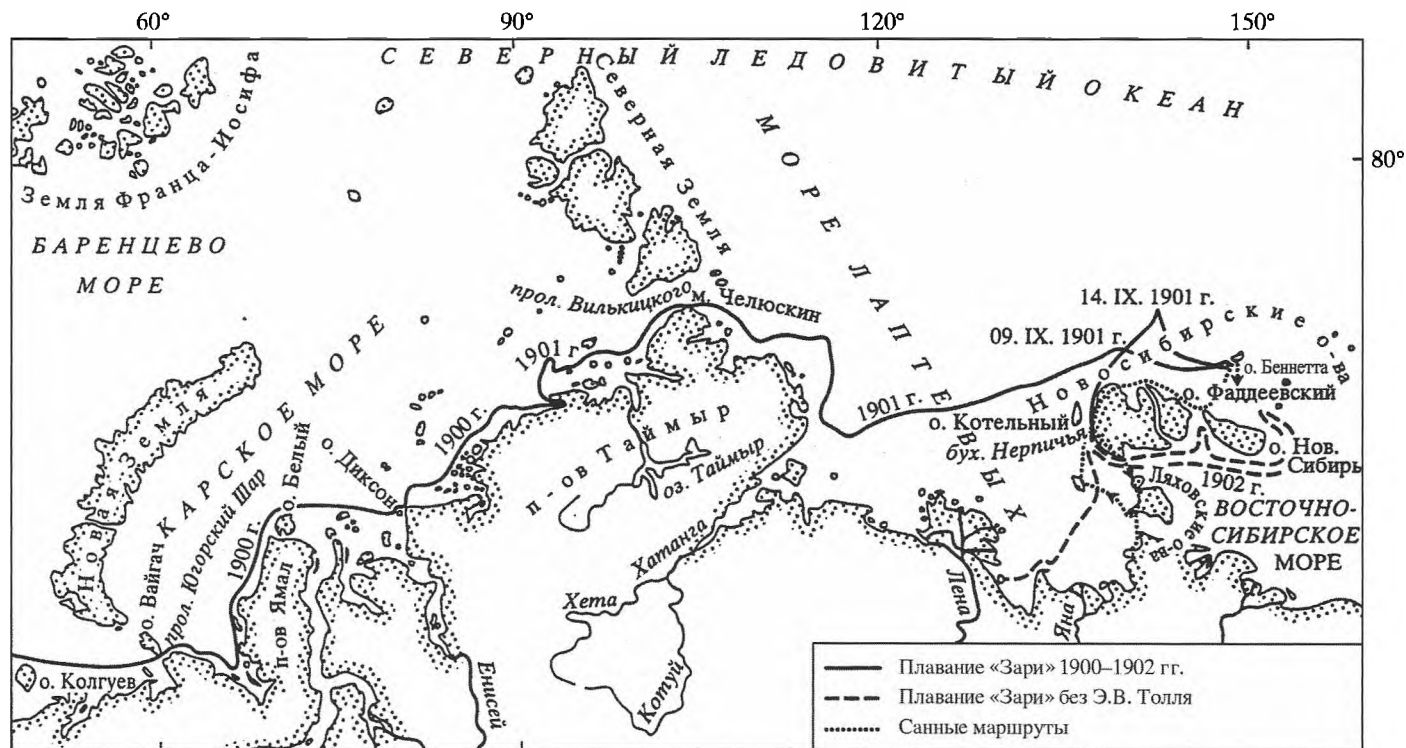
После недельного визита «Заря» покидала гостеприимный порт Тромсё. Жителям этого маленького городка, потомкам мужественных викингов, не впервые было провожать корабль, уходящий в бескрайнюю пустыню Ледовитого океана.

Вот она какая, Арктика!

Начиналась первая для лейтенанта А.В. Колчака арктическая экспедиция. Все было впереди. Он был молод, полон сил и энергии...

С начальником экспедиции бароном Э.В. Толлем у А.В. Колчака сразу сложились вполне хорошие деловые отношения. «Наш гидрограф Колчак, – пишет Толль в своем дневнике, – прекрасный специалист, преданный интересам экспедиции. Руководство драгированием он также взял на себя. Бируля тоже замечательный работник, кроме того, он располагает к себе благородством своего характера. Насколько могу, пытаюсь помогать обоим в их работе и вообще стараюсь быть “первым слугою своего штата”» [55, с. 16].

Поздно вечером 23 июля 1900 г. «Заря» прошла в одной миле от порта Вардё. Семь лет назад из этого порта вышел в плавание

Маршруты полярной экспедиции на шхуне «Заря» в 1900–1902 гг.

тогда еще никому не известный «Фрам». Благополучно преодолев следующие 96 миль, «Заря» пришвартовалась 24 июля в Екатерининской гавани, что в Кольском заливе, в Александровске-на-Мурмане (ныне город Полярный). Здесь экспедицию встречали сотрудники зоологической станции во главе с крупнейшим гидробиологом России Николаем Михайловичем Книповичем. Для ученого встреча «Зари» была весьма приятным событием, ведь он был членом комиссии по организации Русской полярной экспедиции. За торжественным обедом было много разговоров о Земле Санникова, и Толль заверял, что «на этот раз она уже не ускользнет от полярников и будет изучена снизу доверху».

В Екатерининской гавани стояло промысловое судно «Андрей Первозванный». На нем под руководством Н.М. Книповича осуществлялась рыбопромысловая разведка в Баренцевом море под флагом Императорского неевского яхт-клуба [56]. Под тем же самым флагом начала свое плавание и шхуна «Заря».

Основное оборудование на «Заре» было поставлено еще при содействии Зоологического и Геологического музеев академии наук, Павловской и Пулковской обсерваторий. Многие музеи¹¹ и учреждения оказывали РПЭ широкое научное содействие и помощь. Ученые присылали свои труды и пополняли библиотеку на судне ценными изданиями. Географическое общество передало на «Зарю» полную серию своих трудов [42, с. 77].

Экспедиция пользовалась таким вниманием еще и потому, что с «высочайшего дозволения» президента Императорской академии наук шхуна «Заря» вышла в плавание под его личным вымпелом. Н.М. Книпович также передал на «Зарю» кое-что из ихтиологического оборудования и карты глубин некоторых прибрежных морских акваторий.

В Екатерининской гавани на «Зарю» погрузили 60 ездовых собак, из них 40 прибыли из Западной Сибири, а 20 – из Восточной Сибири.

Партию из 40 остяцких¹² собак доставил на «Зарю» норвежский поставщик А. Тронтгейм из Тобольской губернии. Он уже давно осел в России и занимался скупкой и перепродажей собак для полярных экспедиций. А. Тронтгейм, став хорошим специалистом-собаководом, подбирал лучших ездовых собак по

¹¹ Музеи до революции были одной из форм научных учреждений в России, позднее переименованы в институты.

¹² Название «остяцкие собаки» произошло от названия народа, населяющего Остяко-Вогульский автономный округ (существовал до 1940 г.), ныне это Ханты-Мансийский автономный округ в составе Тюменской области.

имеющимся у него заказам, например, Гренландские экспедиции часто прибегали к его услугам.

Другая партия, состоявшая из 20 восточно-сибирских лаек (были отобраны самые лучшие собаки из Усть-Янска), отправилась на «Зарю» под командой двух опытных проводников. Лайки совершили почти полукругосветное путешествие, пока попали на судно. Начали они свой путь от Усть-Янска через Верхоянск, Иркутск, Москву, Архангельск и, наконец, прибыли в Александровск-на-Мурмане. Их везли на оленьих нартах, почтовых лошадях, санях, в телегах, по железной дороге. Собаки стойко выдержали все эти весьма необычные для них переезды общей протяженностью 12 тысяч километров.

Прежде чем удалось переправить ездовых собак на «Зарю», многие вопросы приходилось согласовывать с губернаторами, и всей этой операции предшествовала большая служебная переписка. Относительно 20 восточно-сибирских лаек была отправлена 29 марта 1900 г. реляция иркутским Военным генерал-губернатором на имя архангельского губернатора.

Приводим ее дословный текст, сохранившийся в Государственном архиве Архангельской области (ГААО):

«Господину Архангельскому Губернатору

Для предпринимаемой ИМПЕРАТОРСКОЮ С. Петербургскою Академией Наук полярной экспедиции на Землю Санникова приобретены в Якутской области ездовые собаки, в числе двадцати штук, которые, по распоряжению начальника экспедиции барона Толля, должны проследовать отсюда через Москву в Архангельск, а оттуда пароходом в Екатерининскую гавань, где они будут приняты экспедицией после Иванова дня. Собаки должны прибыть в Иркутск к апрелю месяцу и после короткого отдыха будут отправлены далее. Сопровождают их урядник Якутского городского казачьего полка Степан Расторгуев и якутский мещанин Петр Стрижев.

Сообщая об изложенном, имею честь обратиться к Вашему Превосходительству с моею покорнейшею просьбою не отказать в Вашем содействии к отправлению названных Расторгуева и Стрижева с собаками из Архангельска в Екатерининскую гавань и к возможному предохранению собак, обычным кормом которых служит рыба, от падежа.

Генерал-Губернатор,

Генерал-от-Инфантерии

(Горемыкин)¹³»

К животным, в том числе и к собакам, Колчак вообще-то был равнодушен, но эти собаки пробудили в нем самые искренние симпатии. Ведь им вместе предстояло пройти сотни километров сквозь торосы Арктики. Лейтенант часто подходил к собакам, давал им немного еды и как бы приучал к себе. Он вспоминал

¹³ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 7323. Л. 6, 6 об.

ИРКУТСКИЙ
ВОЕННЫЙ
ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРЪ.

КАНЦЕЛЯРІЯ.

№ 2326

9 Марта 1900.

№ 2326

г. Иркутскъ.

Господину Архангельскому Губернатору.

*Сержантъ Сав. Машков
(Полковникъ Сав. Машков)
имѣя прибуль въ Иркутскъ
изъ Иркутска Соб., чинъ
Сав. Машков, съ собаками, съ которыми
идеть къ чинамъ Сав. Машков.*

3
Академіасъ Наукъ долярной экспедиціи на земляхъ Санникова
приобрѣтены въ Якутской области эвонныя собаки, въ числѣ
двадцати штукъ, которыя по распоряженію начальника эк-
спедиціи барона-Тодля, должны прослѣдовать отсюда черезъ
Москву въ Архангельскъ, а оттуда пароходомъ въ Екатари-
нинскую гавань, гдѣ они будутъ приняты экспедиціей послѣ
Иванова дня. Собаки должны прибыть въ Иркутскъ къ апрѣлю
мѣсяцу и послѣ короткаго отдыха будутъ отправлены да-
лье. Сопровождаютъ ихъ урядникъ Якутскаго городского
казачьяго полка Степанъ Расторгуевъ и Якутскія кѣшанинъ
Петръ Стриженъ.

Сообщая объ изложенномъ, ниже честь обратиться къ
Вашему Превосходительству съ моею покорнѣйшею просьбою
не отказать въ Вашемъ содѣйствіи къ отправленію на в-
важныхъ Расторгуева и Стриженъ съ собаками изъ Архан-
гельска въ Екатеринбургскую гавань и къ возможному предо-
храненію собакъ, обычными кормомъ которыхъ служить рыба,
отъ падежа.

Генералъ-Губернаторъ,

Генералъ-отъ-Инфантеріи

А. Горемыкинъ

Служебная записка Иркутского военного генерал-губернатора, генерала от ин-
фантерии А. Горемыкина на имя архангельского губернатора г-на Энгельгардта

слова Нансена о том, что на Севере хорошие, крепкие собаки – самое дорогое, чем обладает полярник: проблемы транспорта решают собаки, проблемы тепла – собаки, в стужу полярники спят между собаками, а в случае острой нехватки продовольствия собачье мясо спасает полярников от голодной смерти.

31 июля в 5 ч пополудни «Заря» снялась с якоря в Екатерининской гавани и ушла на северо-восток в холодные арктические воды. В порту Александровск списали двух нижних чинов: Малыгина и Семяшкина. Как пишет в своем отчете Н.Н. Коломейцев, «...первого за неисправимо дурное поведение и пьянство, второго – по болезни. Хотя вместо них и поступили два человека из Якутской губернии – приведшие собак казак Расторгуев и мещанин Стрижев, тем не менее, считаю, что и без того малочисленный состав команды еще более ослабился. Исключая случай с Малыгиным, вся остальная команда показала себя с самой лучшей стороны, и я считаю своим приятным долгом упомянуть об этом. После погрузки угля (79,88 т) весь личный состав яхты воспользовался любезным предложением г-на Книповича и побывал в бане, принадлежащей Научно-промысловой экспедиции. В полдень 18 июля отслужено на яхте напутственное молебствие, и в 5 ч. вечера мы вышли из последнего, связанного с цивилизованным миром, пункта. В 8 ч. вечера, пройдя Кильдинский пролив, задул легкий северо-восточный ветер, и он нес косые паруса. К вечеру 19 июля ветер засвежел и, поставив все паруса, яхта могла делать по 6 узлов. Начиная от порта Александровска ежедневно останавливались в море для гидрологических и биологических исследований, что занимало до 2 ч. времени» [56, с. 374–375].

Весь комплекс гидрологических исследований выполнял А.В. Колчак, а биологическую программу – А.А. Бялыницкий-Бируля.

Шхуна «Заря» 12 августа приблизилась к о-ву Кузькину (Диксон), на восточной стороне которого лежит известный порт Диксон, открытый Норденшельдом в 1878 г. Подойдя ближе к берегу острова, экипаж увидел семь мирно разгуливающих или лежавших белых медведей. Как только был брошен якорь, устроили охоту на белых медведей. Не видевшие раньше ни судов, ни человека животные с любопытством поглядывали на пришельцев, владеющих смертоносным оружием. Они тут же поплатились за свою доверчивость: все семеро были убиты.

За шесть дней стоянки у о-ва Кузькина было обнаружено 19 медведей, один из которых даже поплыл из любопытства к «Заре» и попал прямо под пули. В продолжение всего плавания

от гавани Диксон до залива Миддендорфа было встречено 30 медведей, из которых 14 было убито.

Вот так проникновение человека в Арктику приносило ее животному миру катастрофическое сокращение численности, которое усугубилось в наши дни. Завышение предела нагрузок на звенья животного мира, т.е. разрушение сбалансированных систем, может привести к тяжелым необратимым последствиям.

За три месяца плавания «Заря» добралась до сплошного пакового льда. Пытались найти чистую воду, но безуспешно. Колчак, Толль и Коломейцев сошли на лед, чтобы ближе ознакомиться с ледовой обстановкой, и поняли, что дальше «Заре» не пробиться. Все трое очень сожалели об этом и не могли примириться с мыслью, что придется остаться здесь зимовать, не пройдя до мыса Челюскин или хотя бы как можно дальше вдоль западного берега Таймырского полуострова максимально приблизившись к мысу Челюскин ($77^{\circ}43'$ с.ш. и $104^{\circ}18'$ в.д.).

Огромное ледяное поле остановило «Зарю». Толль решил вернуться в залив и ждать момента, когда счастливый случай даст возможность выйти в чистую воду.

В своем отчете президенту Императорской Академии наук Толль писал:

«В этом заливе, экспедиция невольно провела время от 15 августа по 3 сентября. На западе Таймырского полуострова он является первым изученным заливом, поэтому я предлагаю назвать его в память первого научного исследователя Таймырского края А.Ф. Миддендорфа, совершившего свою достопамятную экспедицию по поручению Императорской Академии Наук в 1843 г., заливом Миддендорфа. Астроном Зееберг на двух пунктах: на острове, лежащем в устье северного прохода в залив, и на берегу гавани в NW-й бухте залива Миддендорфа определил долготу и широту местности. Первый пункт $75^{\circ}52'$ с.ш. и $92^{\circ}59'$ в.д.

Сильное движение льда на месте первой стоянки на якоре вынудило нас войти в NW-ю бухту залива, которая, благодаря своему защищенному положению, доставила «Заре» спокойное убежище. Я предлагаю назвать ее в честь основателя климатологии России К.С. Веселовского, последнего сотоварища А.Ф. Миддендорфа, гаванью Веселовского.

Лейтенант Коломейцев снял компасом и дальномером большую часть залива Миддендорфа, притом он же и, кроме того, лейтенанты Матисен и Колчак проверяли глубины залива. Зоологи А.А. Бялиницкий-Бируля и д-р Вальтер, при своих экскурсиях на байдарках и пешком по тундре и на окружающие горы, сверх того обогащали познание географии этого края, а я старался получить картину геологии окрестностей. Конечно, драгировочные и гидрологические работы продолжались и здесь. Таким образом получилась, соответственно позднему времени года, лишь относительно полная картина географии и биологии залива Миддендорфа. Однако зимовать здесь мне не хотелось. Несмотря на полную безопасность для судна в гавани Веселовского, неглубокой и полный отмелей фарватер залива представлял для такого глубоководящего судна, как «Заря», опасность при выходе из него. Затем я опасался, что «Заря» будет затерта в будущем году льдами в заливе, так как уже теперь вход, через который мы

вошли, затерло льдом во время нашей стоянки в гавани. Остался еще другой проход в него, но по-видимому более мелкий. Я поручил лейтенанту Коломейцеву измерить этот вход, – и действительно, пройти через него оказалось возможным при надлежащей осторожности. Наконец 3 сентября “Заря” благополучно вышла из залива Миддендорфа, но пройти далеко к северу нам не удалось. Едва только мы успели обогнуть ближайшие острова, как перед нами открылась сплошная масса льда, заставившая нас вернуться к тем же островам» [57, с. 341–342].

Они предположили, что за ледяным барьером, остановившим шхуну, было чистое море. Небо на востоке все время темное – признак чистой воды, да и река Таймыра своей теплой водой должна сделать то, что делают воды Оби и Енисея. В Таймырском заливе у льда, преградившего дальнейшее движение на восток, встали на якорь.

Начальник экспедиции Толль 18 сентября объявил первую зимовку, командир «Зари» остановил машину. Итак, зимовка началась!

В отчете о работах, произведенных в навигацию 1900 г., Колчак писал: «Гидрологические работы начаты на переходе из Екатерининской гавани к Югорскому Шару первого августа н.с. С этого дня велись наблюдения над температурами и удельными весами поверхностного слоя морской воды через промежутки времени около 4-х часов и глубоководные работы, производившиеся на станциях, которые были предусмотрены один раз в сутки, когда яхта находилась в море. По проходе Югорского Шара начали брать с каждой станции образцы морской воды для дальнейших исследований. На яхте производились только объемные анализы на содержание хлора» [58, с. 361]. Далее он писал: «Со времени вступления в Карское море одновременно с наблюдениями над поверхностным слоем воды велись записи о форме и состоянии встречаемого льда. Наблюдения над поверхностной водой состояли в определении ее температуры и удельного веса с помощью ареометров¹⁴. При ареометрических работах по возможности выполнялись и были принимаемы в расчет последние исследования и указания профессора Нансена...» [Там же].

В обязанности Колчака входили не только гидрологические, но и гидрохимические исследования. Определение солёности воды проводилось прямо на ходу судна. А на общий химический анализ пробы брали в химическую склянку и консервировали. Анализ проводился только на якорных стоянках – в порту Диксон, фьорде Миддендорфа и на месте зимовки «Зари».

¹⁴ Ареометр – прибор, измеряющий плотность жидкости. Колчак использовал его для определения удельного веса морской воды.

Лейтенант становится полярным исследователем

Научные отчеты Колчака за 1900 г. показывают, насколько глубоко лейтенант вдавался в детали и тонкости гидрологических и гидрохимических исследований.

Интересны общие итоги исследований, выполненных А.В. Колчаком за время навигации в 1900 г. С 1 августа по 15 сентября он провел наблюдения на 32 станциях: из них в открытом море – на 17, а на якорных стоянках у берегов и в бухтах западного Таймыра – на 15. Собрано около 100 образцов воды и грунта, проведено 65 объемных анализов по определению содержания хлора [58, с. 364].

Начиная с 1 августа 1900 г. им регулярно велись исследования по гидрологии и гидрохимии: через каждые 4 ч измерялись температура воды и удельный вес поверхностного слоя, а глубоководные исследования проводились один раз в сутки на гидрологических станциях, когда шхуна останавливалась и ложилась в дрейф. Пройдя пролив Югорский Шар, Колчак на каждой станции производил отбор проб воды для последующей их транспортировки и изучения основных компонентов солевого состава в стационарных химических лабораториях на берегу [60].

Во время плавания Колчак выполнял только объемные анализы по определению содержания хлора, а затем по хлору рассчитывал соленость морской воды.

Наиболее сложный, с большими физическими нагрузками и, конечно, более разнообразный этап в деятельности Колчака приходится на зимний период, когда шхуна перестала вздрагивать от могучих ударов гигантских льдин и вмерзла в лед [61, с. 195–197].

На берегу научные сотрудники экспедиции и члены команды, невзирая на ранги и титулы, стали возводить различные сооружения. Устройство магнитной станции задержалось из-за пурги и подвозки дров. Доктор Вальтер продолжал активно добывать мясо. Только за один день он застрелил пять оленей, а вскоре и белого медведя – любимое мясо собак. Широко использовался и медвежий жир, который помогал быстро затягивать раны, порезы и ссадины.

Дни летели быстро, но на зимующем судне соблюдался строгий распорядок. Около 7 ч утра дежурный будил Матисена для проведения метеорологических наблюдений. В 8 ч утра дежурный, проводивший суточные ежечасные наблюдения, сдавал дежурство своему преемнику. Научный состав собирался в кают-компанию на завтрак. Колчак и Толль появлялись с

некоторым опозданием, но не позже 9 ч. В 9 ч все убрали со стола.

Зеберг вместе с рабочими отправлялся на о-в Наблюдений, где продолжались сооружение снежного домика и установка магнитных инструментов. Уже был протянут трос на ледяных столбах почти до самого острова. Дощатый домик для магнитных наблюдений полностью готов, установлены столбы и инструменты. Завершалась установка астрономической снежной хижины и ледяного павильона для абсолютных магнитных наблюдений, которые включают три элемента¹⁵. Оставалось построить снежный домик для наблюдателей, которые будут посменно проводить суточные дежурства для варьирующих наблюдений, включающих ежечасные отсчеты, и одновременно выполнять ежечасные метеорологические наблюдения.

Зеберг уже начинал работать у унифуляра¹⁶. У него всегда был при себе револьвер на случай появления белого медведя [55, с. 97].

Метеорологические наблюдения на о-ве Наблюдений проводились с 22 ноября 1900 г. по 30 апреля 1901 г., их выполнял лейтенант Матисен при участии дежурного по экспедиции.

Гидрологические исследования, как уже говорилось, были целиком возложены на Колчака. На левом борту «Зари» он установил ледяной футшток (приливомер) для изучения уровня моря. Футшток был устроен так: на глубину 10 сажен (21,8 м) опускался груз до 100 кг, металлический тросик с грузом опускался по блокам в прорубь, а на другом его конце на деревянной стойке крепился как бы противовес до 40 кг из двух гирь, который двигался по шкале в случае опускания или подъема льда. Груз был неподвижен, а двигалась деревянная рама со шкалой, разделенная на футы и дюймы. Деление ноль помещалось внизу, немного выше поверхности льда, нарастание делений шло кверху [42, с. 95].

А когда выпадали дни, вернее, полярные ночи с ясным звездным небом, Колчак проводил определение широты и долготы различных географических объектов. Иногда ему помогал матрос Железников, освещая теодолит, держа хронометр и записывая все данные наблюдений.

Научный состав экспедиции 3 ноября 1900 г. отметил дни рождения «близнецов», зоолога Бялыницкого-Бирули и доктора

¹⁵ Три магнитных элемента, так называемое склонение и наклонение магнитной стрелки и горизонтальная составляющая, характеризуют состояние магнитного поля Земли и расположение его силовых линий.

¹⁶ Геофизический инструмент – магнитный теодолит, служит для определения элементов магнитного поля.

Вальтера, они родились в один день и в один год, им исполнилось по 36 лет. Повар Фома приложил много стараний и приготовил красивый праздничный стол с различными угощениями.

На завтрак подали пирог и холодное блюдо из мозгов с гарниром, на обед был приготовлен ароматный суп с маленькими паштетами, потом тушеное жаркое из оленины и компот из консервированных фруктов, пирог, разряженный двойным вензелем из жженого сахара. После обеда все пили кофе «Мокко», а Бируля припас к этому случаю бутылочку абрикосового ликера. Когда ликер был выпит, доктор дополнил торжества бутылочкой бенедиктина, которая вскоре оказалась пустой. Один из виновников праздничного застолья Бяльницкий-Бируля нес дежурство в ледяном домике, ему каждый час приходилось бороться со снежной бурей, чтобы добраться до о-ва Наблюдений, снять показания термометра и определить силу ветра.

За вечерним чаем разговор перешел в научный спор о том, почему таймырская земля необитаема и в чем состоит причина ее вековой незаселенности. Толль попытался связать эти вопросы с проблемами ледникового периода.

Первая санная совместная поездка Колчака и Толля к фьорду Гафнера началась 23 октября 1900 г., она была совсем непродолжительной, заняв всего 9 дней, и завершилась 31 октября.

Для Колчака это было весьма важное событие. Он впервые сел в арктические нарты, впервые увидел полярных собак в работе.

В 9 ч 30 мин утра Колчак и Толль отправились в первое путешествие к фьорду Гафнера. «На нартах, – пишет Толль, – было уложено 864 кг груза. Запряженные собаки нетерпеливо завывали. Был великолепный ясный день, 16 °С мороза при легком ветре, дувшем в спину. “Заря” красовалась в уборе флагов. Все сотрудники экспедиции, за исключением вахтенного, хотели проводить нас и, где нужно, помочь тащить сани, но едва был дан сигнал к отправке сопровождающего свистом для сдвига с места погрузившихся в снег саней, как собачья стая с диким воем рванулась полным ходом вперед, невзирая на то что проводник тормозил движение палкой и кричал собакам: “Стой, стой!”. Стараюсь не отстать, я встал на полозья, а гидрограф (Колчак. – В.С.) взобрался на высоко нагруженные сани, как на брамрею гротмачты, и сел на поклажу верхом. Сопровождавшие нас люди бежали вслед, но после тщетных усилий не отстать исчезли вскоре из вида, и мы едва слышали их последнее “прости”. Талант карикатуриста у доктора надолго оставался скрытым. Он использовал этот полный комизма отъезд на фьорд Гафнера для очень

удачной карикатуры, которой мы любовались по возвращении» [55, с. 82–83].

Обследования фьорда Гафнера и восточной части п-ова Таймыр дали важные научные результаты, но их получение было сопряжено с величайшими трудностями и даже со смертельным риском [62, с. 224–225]. Колчак и Толль выполнили детальную маршрутную съемку по пути к фьорду Гафнера с целью устройства там продовольственного депо, уточнили форму Таймырской губы и определили ее истинные контуры [63, с. 161].

Исследователи описали острова и полуострова, вдававшиеся в Таймырский залив, определили координаты п-ова Короля Оскара. Толль писал в дневнике: «Судя по времени пребывания в пути, мы проехали на восток 28 км. Таким образом, к моему немалому удивлению, оказалось, что ширину Таймырского залива нужно сократить вдвое по сравнению с принятой Нансеном; следовательно, он (залив. – В.С.) имеет форму фьорда» [55, с. 86].

Колчак долго готовился к съемке островов, находящихся в Таймырском заливе, где зимует «Заря». Это место зимовки стали называть рейдом «Зари». Сняли высокие телефонные шесты, на которых был протянут провод в снежный домик. Эти шесты будут ими использоваться для устройства знаков при тригонометрической съемке островов, окружающих залив. Вся эта ответственная работа была поручена Колчаку, поскольку все свои обязанности он выполнял самым тщательным образом. Много времени ему пришлось уделить мензульной съемке рейда «Зари», но закончить ее тогда он не успел в связи с уходом в санную поездку на восточный Таймыр. Возвратившись на «Зарю», он выставил триангуляционный знак на северо-западном входном мысу в Таймырский залив и определил тригонометрические координаты этого пункта.

«На месте настоящей зимовки, – пишет Колчак, – в Нерпичьей бухте в сентябре месяце (1900 г.) по замерзании рейда произведен вокруг “Зари” промер по льду и начата “выставка” триангуляционных знаков. Всего при входе и по берегам Нерпичьей бухты выставлено 16 знаков. Триангуляцию рейда предполагаю провести с появлением солнца в конце января и феврале месяцах (1901)» [62, с. 225].

О своих гидрологических работах в период первой зимовки и навигации 1901 г. Колчак пишет, что «с постановки шхуны на зимовку наблюдения над температурными и удельными весами подледной воды и измерение толщины льда производилось в течение октября ежедневно... Наблюдение над температурами воды

на глубине я также делал при помощи батометров Петтерсена, один из которых был приспособлен для закрывания на желаемой глубине грузом, опускаемым по линю. Придонную воду я доставал также и донным батометром Гамберга, главным образом для исследования работы этого батометра при низких зимних температурах» [64, с. 221].

Колчак обращает внимание на то, что проведение наблюдений в зимний сезон связано со многими трудностями. При измерении температуры ошибка составляла $-0,2$ °С, а если термометр перенести в теплое помещение ($+15$ °С), то ошибка в показаниях была уже $+0,1$ °С. Температура в батометре преимущественно измерялась в лаборатории; за время переноса от проруби в помещение в изолирующих отделениях успевал образоваться лед, а в центральном помещении вода охлаждалась ниже действительной температуры; в таком случае приходилось переделывать все вновь, причем батометр необходимо было высушить, так как влажный он не закрывается. «Если происходила задержка в привязывании прибора, то он часто до такой степени успевал охладиться, что будучи опущен в воду и выдержан около получаса, был поднимался обмерзшим и незакрывшимся. Ввиду того что температурные перемены в воде происходят в пределах $0,5$ °С, наблюдения во время зимы являются до некоторой степени продолжительными и неудобными» [64, с. 222].

Далее Колчак отмечает, что регулярные исследования толщины льда позволили собрать изумительный материал, помогающий раскрыть процессы формирования льда. Первоначально измерения производились ежедневно, потом они стали выполняться реже. Было обнаружено, что увеличение толщины льда полностью прекратилось в середине мая. Однако в начале июня наблюдалось временное утолщение льда от замерзающей пресной воды тающего снега, которая образовала у нижней поверхности морского льда слой до 10 см. Дело в том, что пресная вода, как известно, замерзает при 0 °С, а морская – при температуре $-1,4$ °С, следовательно, пресная вода, сползая под лед и соприкасаясь с холодной морской подледной водой, моментально замерзает, и образуется прослойка пресного льда [46, с. 33].

Эти исследования Колчака оказались очень важными и послужили ему основой для написания фундаментальной монографии «Лед Карского и Сибирского морей» [65].

По его наблюдениям, толщина льда, исключая образование пресного льда, в течение мая и июня не менялась, а с 10-х чисел июля началось энергичное таяние и разрушение ледяного покро-

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
MÉMOIRES
DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.
VIIIe SÉRIE.

ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ ОТДЕЛЕНІЮ.
Томъ XXVI. № 1.

CLASSE PHYSICO-MATHÉMATIQUE.
Volume XXVI. № 1.

Научные результаты Русской Полярной Экспедиціи 1900—1903 гг., подъ начальствомъ барона Э. В. Толля.
Отдѣлъ В: Географія физическая и математическая. Вып. 1.

Résultats scientifiques de l'Expédition Polaire Russe en 1900—1903, sous la direction du Baron E. Toll.
Section B: Géographie physique et mathématique. Livr. 1.

ЛЕДЪ КАРСКАГО И СИБИРСКАГО МОРЕЙ.

А. Колчакъ.

Съ 11 таблицами и 60 рисунками въ текстѣ.

(Доложено въ заседаніи Физико-Математическаго Отдѣленія 22 марта 1906 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1909. ST.-PÉTERSBOURG.

Титульный лист монографии А.В. Колчака

ва, который имел наибольшую мощность весной 1901 г. – 182 см. Рейд вскрылся 11–12 августа при средней толщине годовалого льда около 75 см.

В декабре и январе Колчак вел наблюдения над температурами льда на двух глубинах – 30 и 50 см. Эти измерения он прекратил, когда лед, в котором были установлены термометры, дал трещину, и в дырах появилась вода, раздавившая при замерзании термометры.

Наблюдения за высотой прилива были начаты командиром «Зари» лейтенантом Коломейцевым с декабря 1900 г. и продолжались по май 1901 г. Ежечасные отсчеты прилива делались вахтенным под контролем Колчака, а во время его отсутствия записи выполненных наблюдений проверял будущий командир «Зари» лейтенант Матисен¹⁷.

Во время навигации каждые 4 часа велись систематические наблюдения за температурами поверхностной воды и производился промер глубин. Колчак отмечает, что из-за большой перегруженности он не имел возможности выполнять каждые 4 часа измерения удельного веса морской воды. Большую часть определений удельных весов он проводил на мостике в рубке, не соблюдая принятые предосторожности, которых ранее придерживался при работе в лаборатории. Часть определений удельных весов выполнил астроном Ф.Г. Зееберг.

Колчаку даже приходилось ограничивать объем наблюдений на станциях, когда он не успевал обрабатывать все количество воды для гидрохимических исследований. При исследовании солености воды Колчак ограничивался большей частью придонной водой, которую доставал батометром Тимченко. На станциях велись также наблюдения над прозрачностью воды с помощью диска Секки.

Во время второй зимовки Колчак проводит наблюдения над поверхностной водой и толщиной льда через день, а каждые две недели определяет температуры до дна через один метр и удельные веса через пять метров. Эти наблюдения в соответствии с планом намечено было вести всю зиму, т.е. и в 1902 г.

В течение навигации с каждой станции брались образцы грунта и воды. Часть взятой воды сохранялась для полного анализа по окончании экспедиции, другая часть была взята для опре-

¹⁷ Приказом Э. Толля от 3 февраля 1901 г. командиром шхуны «Заря» был назначен лейтенант Матисен, а лейтенант Коломейцев командирован с поручением организовать две угольные базы на островах Котельный и Диксон [55, с. 102].

деления хлора методом титрования, которое Колчак выполнил в сентябре вскоре после постановки шхуны на зимовку.

Пробы морской воды впоследствии были отправлены для полного гидрохимического анализа известному гидрохимику А.А. Лебединцеву на Никольский рыболовный завод, расположенный в Новгородской губернии в поселке Велье. Лебединцев даже получил аванс в размере 50 руб., однако гидрохимические материалы Русской полярной экспедиции (РПЭ) так и не были опубликованы Колчаком, хотя это планировалось. А.А. Лебединцев приобрел большую известность как гидрохимик, выполнив впервые точные анализы по определению содержания сероводорода в Черном море в 1890-е годы [25, с. 37–42].

Пурга и безопасность полярников. Новый год. Театр на шхуне «Заря». Матисен — новый командир шхуны

Работа и отдых

В напряженной и большой работе время пролетало быстро. Проводился значительный комплекс наблюдений: метеорологические, астрономические, магнитные, гидрологические, гидрохимические, орнитологические, гидробиологические, геологические, зоологические, ботанические, наблюдения за полярными сияниями и т.д. Выполнялась геодезическая съемка местности, опись берегов, рек, заливов. Много сил уходило на организацию быта, заготовку продуктов, на ежедневные поездки за плавником и охоту. Те немногие, кто обладал опытом полярных зимовок, знали, как пагубно бывает безделье в подобных условиях, поэтому от каждого требовалось выполнение определенных обязанностей.

Два месяца назад зимовщики проводили солнце. Эти грустные проводы состоялись 31 октября 1900 г., и началась долгая полярная ночь. Ноябрь выдался «пуржливый», да и декабрь не лучше. Сильный шторм 29 декабря доставил экспедиции много хлопот. Дежурство на о-ве Наблюдений в этот день выпало на долю доктора Вальтера. Во время пурги Зеeberg заблудился. Выйдя из ледяного домика, он не нашел дорогу в сторожку. Ветер со скоростью 12–14 м/с при -30°C буквально сбивал с ног, кругом стояла сплошная стена снега и ледяной крошки. Полностью потеряв ориентировку и боясь замерзнуть, Зеeberg стал кричать и звать на помощь. К счастью, доктор услышал какие-то отдаленные звуки и дал из сторожки свет керосиновым прожектором. Пришлось отменить все поездки за дровами, хотя топлива оставалось всего на три дня для камбуза, а жилые помещения и лаборатория обогревались керосином. В последней температура не превышала 1°C .

Новые волнения экспедиции доставил Расторгуев. Он нес дежурство вместе с доктором и после возвращения Вальтера не появлялся более часа, хотя они вышли из сторожки вместе, но в пути потеряли друг друга из виду. Что было делать? Искать человека, затерявшегося в сильную пургу, не имело никакого смысла, так как это привело бы к новым осложнениям. Ищущие могли заблудиться сами. В этих случаях держатся за канат, чтобы не потерять направление в сплошном снежном мареве. Ракеты и фейерверки светят в такую пургу крайне слабо, их почти не видно. Пытались поднять фонарь на мачту, а второй – очень сильный – зажечь на острове, но когда стали реализовывать план сигнальных огней, к радости всех, появился Расторгуев. Толль, чтобы предотвратить в будущем подобные несчастья, строго приказал во время снежной пурги дежурным не разъединяться и идти вместе, связанными канатом по два человека [55, с. 110].

Наступившие Святки¹ внесли некоторое разнообразие в нелегкую жизнь участников экспедиции. В сочельник² 18 января подняли из трюма заветный ящик с подарками президента Императорской академии наук Великого князя Константина Константиновича. На крышке красовалась загадочная и притягивающая, как магнит, надпись: «Вскрыть на Рождество 1901 г.». Ящик содержал несколько бутылок рома, вина, коньяка и рождественские сувениры для каждого члена экспедиции, заранее вложенные в пакеты и подписанные.

Старший машинист Огрин и раньше в свободные минуты развлекал членов команды пением и игрой на цитре и гармонике, а к Новому году он подготовил со своей труппой грандиозное «гала-представление». Судовые таланты скрывались под звучными псевдонимами артистов: механик Огрин – Э. Огрини, он же г-жа Акулина Огрини, повар Яскевич – Ф. Фомини, матрос Толстов – С. Танти, кочегар Пузырев – П. Луиджи и даже боцман Бегичев, долго уклонявшийся, согласился стать актером Н. Боцмани.

«ТЕАТР НА ЯХТЕ “ЗАРЯ”
Воскресенье 31 декабря 1900 г.

1 отделение

1. «Боже, Царя храни». Русский гимн. Исполн. все участвующие.

¹ Святки – святые дни от Рождества до Крещения с 7 по 19 января по новому стилю.

² Сочельник – день (18 января) накануне Крещения – 19 января. Крещенский сочельник – строгий пост. Разрешалось одно блюдо из круп и вареных овощей, которое называлось «сочиво». Отсюда слово «сочевник», переделанное в народе в «сочельник».

2. Вариации на мотивы латышских народных песен. Исполн. на цитре Э. Огрини.

3. «Русский посланец». Комический монолог. Исполн. Ф. Фомини.

4. а) «Парикмахер»,

б) «Укротитель зверей», комический выход клоунов.

Исполн. С. Танти, П. Луиджи и И. Боцмани.

Антракт 15 мин.

2 отделение

1. «Надо разжевать, только не хочу», магический фокус с куплетами.

Исполн. Э. Огрини.

2. Выход музыкальных клоунов.

Исполн. С. Танти и П. Луиджи.

3. «В гостях». Сцена из жизни.

Исполн. г-жа Акулина Огрини и гг. С.Т. и Ф.

Антракт 15 мин.

3 отделение

1. «Мы слесаря». Трио.

Исполн. Э. Огрини, П. Луиджи и С. Танти.

2. «Накинув плащ...». Серенада.

«Среди долины...» Народная песнь.

Исполн. все участвующие.

3. «Камаринский». Народный танец.

Исполн. все участвующие и кордебалет.

Антракт 15 мин.

4 отделение

1. «Прощание старого года». Монолог.

Исполн. Э. Огрини.

2. «Новый год». Живая картина.

Конец.

Начало ровно в 8 ч. вечера» [66, с. 391].

Э.В. Толль в своем дневнике описывает новогодние торжества так:

«Рождество позади! Как прошли у нас на судне Рождественские праздники? Наши “ребята” из команды провели их очень весело. Толстов устроил красивую елку, соорудив деревянный остов и ветви из проволоки, искусно обернув все темно-зеленой бумагой. На кончиках ветвей бумага была мелко нарезана, так что сходство с елкой было вполне достигнуто. Она была украшена елочными свечами, золотыми звездами и пестрыми бумажными цепочками, изготовленными обоими отцами семейства – Евстифеевым и Расторгуевым. Стол, на котором была зажжена елка, покрыли флагом, стены украсили бумажными флажками и маленькими знаменами. На столе для каждого было приготовлено

по полной тарелке угощения: миндаль, изюм, винные ягоды, конфеты, пряники и по четыре плитки шоколада, и на всех две бутылки рома для жженки.

Все выглядели торжественно в парадной одежде, когда я вошел и приветствовал их словами: “Поздравляю Вас с праздником”. На матросской куртке Расторгуева сверкала медаль. Фома (повар Яскевич. – *В.С.*) выглядел также празднично в матросской форме. Затем начался розыгрыш подарков. Главным выигрышем был аккордеон, который пал на долю маленького застенчивого Безбородова. Еще были шашки, домино, зеркало, головные щетки, коробки сигар и т.д. Кроме того, каждый получил на память по перламутровой чарке. В заключение торжества я просил в нескольких словах команду не забывать о том, что празднование этого вечера знаменует искреннюю дружбу, без которой не может завершиться ни одно задуманное дело» [55, с. 112].

Научный состав проявляет озабоченность и беспокойство

В кают-компании все было значительно спокойнее и не так торжественно. В этот вечер Зееберг вел наблюдения в магнитно-метеорологическом снежном домике. Бялыницкий-Бируля находился в угнетенном состоянии духа и не выходил из своей каюты. Немного суетился доктор Вальтер, раскладывая рождественское угощение: орехи, миндаль, изюм, печенье, пряники... Матисен вскрыл пакет с подарками, среди которых было несколько бутылок кахетинского вина. Завели фонограф, и все стали слушать «Адмиральский марш».

Толь и Вальтер решили навестить Зееберга и отнесли ему рождественское угощение. Офицеры – Колчак, Матисен и Коломейцев – поудобнее устроились в креслах и стали пить кахетинское, высказывая друг другу добрые новогодние пожелания.

Обычно Колчак и Матисен, обсуждая какой-либо вопрос, всегда переходили на повышенные тона, так как оба имели совершенно противоположные мнения, а потому согласия практически никогда не достигали. Колчак, нервный и вспыльчивый, всегда круто обрывал разговор, иногда в обидной для Матисена форме, но последний, в силу мягкости своего характера, все ему прощал.

На этот раз все проходило тихо и мирно, очевидно, новогодние события и кахетинское располагали к дружелюбию, да и

слишком много впереди было беспокойного, неопределенного и таинственного...

Колчак не имел желания продолжать новогодний разговор и раньше всех ушел в свою каюту. Он помнил слова Толля: «Мы прибыли сюда не разговаривать, а получить конкретные результаты нашей деятельности». В ближайшие дни Колчаку предстояло провести серию абсолютных магнитных наблюдений и закончить отчеты. Он решил хорошо выспаться и встать со свежей головой.

Вскоре после праздников Коломейцев начал готовиться к предстоящему походу в связи с организацией угольного склада для «Зари». Коломейцев должен взять с собой все отчеты и письма родным и близким. Командиром шхуны был назначен Матисен. Дело в том, что суеверный Коломейцев запрещал Толлю заходить в судовую рубку, считая, что у того «черный глаз» и с судном что-нибудь вечно случается при его появлении. Подобные размолвки осложняли работу экспедиции в целом, и Толль принял решение о замене командира.

Совместная работа в экспедиции сглаживала грани, существующие между научным составом и командой матросов, которых принято называть согласно морскому уставу «нижними чинами».

Экипаж матросов стал называть ученых и начальника экспедиции по имени и отчеству вместо обращения «Ваше Высокоблагородие». Это был важный фактор для сплочения коллектива и уважения чести и достоинства человека.

Однако Коломейцев не мог с этим примириться, и чувство неприязни к Толлю росло у него изо дня в день. Их дальнейшая совместная работа стала невозможной.

«Произошел разрыв, в результате которого Коломейцев подал рапорт с просьбой освободить его от обязанностей командира судна и направить на материк. В официальной версии отъезд Коломейцева связывался с необходимостью организации вспомогательной угольной станции на острове Диксон на случай возвращения “Зари” на запад и на острове Котельном, если “Заря” обогнет мыс Челюскин» [67, с. 52].

В своем донесении Президенту Академии наук Толль так мотивировал отъезд Коломейцева:

«Удачная организация этих станций зависит от исполнительности того лица, по возможности моряка, которому будет дано это поручение, так как письменные заказы, отправленные отсюда на устье Енисея в Дудино и в г. Якутск, едва ли достигли бы цели. Я не знаю более подходящего для выполнения этой задачи лица, как лейтенант Коломейцев. Он весьма подходящее лицо, между прочим и потому, что он лично знаком с местными условиями на Енисее» [57, с. 352].

Матисен вместе с Колчаком перераспределили время для несения вахт. Решили ночью стоять по 4 ч, а днем по 6 ч.

Команда обеспечивала жизнь на судне. Несколько матросов поехали в поисках дров к южному берегу о-ва Нансена. На одной из остановок собака почуяла медвежье логово и стала рыть снег над ним. Удивленная медведица высунула в проделанное отверстие голову, и Стрижев, самый смелый и ловкий, нанес медведице два удара топором по голове и замахнулся в третий раз, но топор выскочил из рук. Стрижев помчался на судно за ружьем, а медведица тем временем вылезла из берлоги и пыталась бежать к южному берегу. Она была оглушена ударами топора и плохо ориентировалась, но вскоре повернула обратно к берлоге: там у нее остались малыши. Собаки моментально ее окружили. Толстов нанес ей ломом страшный удар. Разъяренные собаки бросались на медведицу, и она некоторых из них даже изрядно поранила. Пока медведица убегала к морю, из берлоги достали двух очаровательных медвежат и поместили их на нарты. Но собаки в одно мгновение набросились на малышей, разорвали их на куски и съели. Наверное, медвежата родились всего несколько дней назад и по величине были не больше лайки. Когда пришли Матисен и Колчак с ружьями, вернувшаяся медведица, стоя на задних лапах, защищалась от окруживших ее собак. Матисен приблизился к ней на расстояние примерно в десять шагов и всадил ей пулю в лопатку. Колчак, видя, что драма завершилась, выстрелил в воздух. Мяса молодой медведицы хватило всего лишь на два дня для прокорма экспедиционных собак [55, с. 119].

Колчак весь вечер и даже утром был расстроен, картина гибели медвежат и их матери его потрясла. Придя в себя, он сел в каюте за стол и продолжал дописывать свои письма, которые Коломейцев должен был доставить в Петербург; до р. Хатанги его будет сопровождать Расторгуев, а затем последний отправится обратно на «Зарю». Коломейцеву, однако, пришлось два раза возвращаться из своих поездок на «Зарю» (они заблудились), и только третье путешествие оказалось удачным.

Коломейцев сказал о своем отъезде Бегичеву, хотя ни словом не обмолвился о разрыве с Толлем.

«На Новый год, – вспоминает Бегичев, – командир Коломейцев сказал мне, что он покидает судно и едет с казаком Расторгуевым к реке Таймыре и оттуда через тундру на Хатангу, где живут люди... в Дудинку, Туруханск и дальше. Посылает его начальник экспедиции для заготовки и доставки по реке Енисею на Диксон 100 тонн угля для нашего судна и на 20 человек теплой одежды» [см. 67].

3 февраля Коломейцев и Расторгуев, забрав почту, оставили «Зарю». Они предполагали пройти по пути, некогда совершенному Лаптевым и Миддендорфом, – вверх по течению Таймыры, через Таймырское озеро, по рекам Россохе и Блудной до станка Рыбное. Здесь они надеялись найти зимние стойбища оленеводов. Но простая оплошность путешественников, забывших захватить примусную иголку, лишила их возможности продолжать путь. Это казалось пустяком, а между тем из-за этого пустяка они остались без горячей пищи. При таких условиях продолжать путешествие было невозможно.

21 февраля они возвратились на судно.

«Как-то утром, – рассказывает Бегичев, – вахтенный матрос увидел идущих с северо-востока двух человек и нарту. Все мы вышли наверх посмотреть, кто это идет. Это были Коломейцев и Расторгуев. Они ездили семнадцать суток, но устья Таймыры не нашли. Сильные пурги, морозы и вприбавок темное время не давали совершенно ходу вперед. Иной раз пурга не давала им возможности поставить даже палатку. Одежда и спальные мешки у них были замерзшие. Мы их встретили, но барон Толль, как только узнал, что вернулся Коломейцев, то сию минуту ушел к себе в каюту. Он почему-то сильно был недоволен возвращением Коломейцева».

Отдохнув несколько дней, 5 марта Коломейцев и Расторгуев вторично вышли тем же путем, но через двадцать шесть суток, претерпев много лишений, снова вернулись, не найдя и на этот раз устья Таймыры.

Коломейцев предложил Толлю изменить свой маршрут: идти на Гольчиху вместо Хатанги. Толль согласился.

Отпраздновав праздник Пасхи на судне, Коломейцев 18 апреля со своим спутником – урядником Расторгуевым отправился в путь третий раз, теперь уже на запад – к Гольчихе.

«Неужели мне придется отправлять почту еще в четвертый раз?» – спрашивает Толль в своем дневнике. Но Коломейцев не вернулся.

До мыса Стерлигова его и Расторгуева провожали Бялыницкий-Бируля со Стрижевым» [67, с. 52–53].

Некоторых членов экспедиции поразила цинга, тяжелая болезнь для всех экспедиций и кругосветных плаваний. Толль был весьма встревожен тем, что цинга появилась, несмотря на хорошее питание, частые путешествия, работу на свежем воздухе и нормальное жилье. «Тщательное лечение принесет заболевшим, надо надеяться, скорое исцеление. Это йод внутрь, полоскание полости рта раствором марганцово-кислого калия, обтирание

тела раствором уксуса, употребление лука, повышенный рацион клюквенного экстракта и лимонной эссенции – вместо одного раза дважды в неделю, компот и большое количество овощных блюд. Клюквенный экстракт и соки, которые доктор предложил выдавать с Рождества, следовало бы давать уже с осени, и тогда, возможно, беда была бы предотвращена. Но кто же мог думать, что так случится?» – горевал и разводил руками Толль [55, с. 124].

Колчака эта болезнь миновала, он был невероятно рад и стал активно употреблять лук. В марте он начал проводить измерения базиса для тригонометрической съемки от «Зари» до острова в заливе, а астроном Зееберг весьма удачно работал с пассажным инструментом³.

Была середина марта, но солнце уже заметно грело, полярный день набирал силу, отодвигая полярную ночь до следующего года. С наступлением первых светлых дней Толль направил Матисена для маршрутной съемки архипелага Норденшельда.

Зоолог Бялыницкий-Бируля, сопровождавший третий поход Коломейцева по берегу Харитона Лаптева, вышел 18 апреля и вернулся на шхуну «Заря» 6 мая. За это время они вместе с Коломейцевым достигли мыса Прощания, расположенного к северу от мыса Стерлигова. А Коломейцев и Расторгуев направились к о-ву Диксон и далее к Гольчихе. Им удалось 27 мая достигнуть Гольчихи. Таким образом, за 40 суток они прошли 768 км со средней суточной скоростью 19 км. Коломейцев был прав: путь на Гольчиху оправдал себя. В двух первых походах партия Коломейцева делала в сутки от 3 до 8 км. Это объяснялось тем, что тундра в значительной степени покрыта холмами, тонкий слой снега и наста на поверхности не выдерживал тяжелых нарт, и они, проваливаясь, скребли по камням. Путь на Гольчиху оправдал себя во всех отношениях, даже снег вдоль берега был значительно плотнее.

Спустя 18 лет норвежцы не смогли преодолеть то, что оказалось по силам русским полярникам. В 1919 г. по берегу Харитона Лаптева отправились два норвежских полярника из экспедиции Р. Амундсена. Они вышли из бухты Мод близ мыса Челюскин и направились к о-ву Диксон, чтобы переправить на материк почту и часть научного материала по поручению Р. Амундсена.

Выполнить эту важную миссию в незнакомых условиях Си-

³ Пассажный инструмент – астрономический прибор, служащий для определения момента прохождения светила через вертикаль. Применяется также для поправки часов и определений широты места наблюдения.

бирской Арктики поручили двум участникам экспедиции – Тессему и Кнудсену. Им предстояло пройти от гавани Мод до о-ва Диксон около 900 километров. Р. Амундсен знал, что к западу от архипелага Норденшельда на побережье находятся продовольственные склады, устроенные одной из полярных экспедиций в 1915 г.

Через Анадырскую радиостанцию Амундсен сообщил в Норвегию, что осенью 1919 г. два участника экспедиции отправились на остров Диксон, однако до начала лета 1920 г. они там не появились.

Были предприняты поисковые экспедиции. В советско-норвежской участвовали знаток северных областей Никифор Бегичев и норвежский капитан Якобсен с переводчиком Карлсеном.

Океанолог, исследователь Арктики, чл.-корр. АН СССР (1933) В.Ю. Визе писал:

«В начале июня 1921 года Бегичев с 500 оленей прибыл на остров Диксона, и 8 июля поисковая экспедиция выступила отсюда, к мысу Вильда. 18 июля этот мыс был достигнут, и участники экспедиции нашли здесь гурий⁴, внутри которого оказалась жестянка из-под консервов со вложенной в нее запиской, оставленной Тессемом и Кнудсеном 18 ноября 1919 года. Они сообщали, что находятся в хорошем состоянии и собираются продолжать путь к острову Диксона, имея провизии на двадцать дней.

Не зная, какой именно путь избрали Тессем и Кнудсен, участники поисковой экспедиции решили разделиться на две партии: норвежцы пошли к Диксону прямым путем через тундру, Бегичев же должен был идти по берегу. На мысе Стерлигова Бегичев нашел брошенную нарту, а 10 августа, дальше к западу, у мыса Приметного, он сделал страшную находку. Около остатков костра валялись консервные жестянки с иностранными этикетками, гильзы и рукоятка сломанного складного ножа, а среди головешек Бегичев увидел полуобуглившиеся кости сожженного человеческого трупа и череп... Какая полярная драма разыгралась здесь? Тайна ее, вероятно, никогда не будет раскрыта. Мы знаем только, что останки принадлежали Кнудсену» [70, с. 280].

Веши и останки Кнудсена были найдены в 25 км к югу от мыса Стерлигова [42, с. 106–107].

По инициативе Комсеверпути были снаряжены геолог Урванцев и Бегичев. Летом 1922 г. они нашли на материковом берегу, против острова Диксона, в глубокой расщелине скелет человека, прикрытый полуистлевшей одеждой. В кармане вязаного жилета лежали золотые часы, на внутренней стороне которых было выгравировано имя Тессема. Тут же были найдены хронометр, компас и в прорезиненном пакете донесения Амундсена и научные материалы его экспедиции. Тессем не бросил их, несмотря на то что, очевидно, находился уже в совершенно истощенном состоянии. Из 900 километров, которые ему надо было пройти пешком по тундре, он не дошел до места своего спасения всего каких-нибудь четыре километра.

В 1924 году команда норвежского судна «Veslekari» поставила на месте гибели Тессема сделанный из плавника крест со следующей надписью:

⁴ Пирамидка из камней, льда и т.п., куда вкладывается записка.

TESSEM – ~~~

† 1920

MS MAUD NORGE

TECCEM – ~~~

† 1920

шхуна «Мод», Норвегия [70, с. 281].

Бялыницкий-Бируля за время своей экскурсии выполнил около 500 км маршрутной съемки и определил 9 астрономических пунктов. Поход Бирули оказался удивительно плодотворным, он собрал обширную коллекцию позвоночных [68, с. 15]. Его наблюдения за жизнью наземных животных, в частности за белым медведем и за полярными птицами, вошли в его рукопись геоморфологического характера с интересными зарисовками, но она так и осталась неизданной [69]. Рукопись была представлена в Полярную комиссию Императорской Академии наук [42, с. 112].

Труднейшая дорога длиной в 41 день

Для съемок Таймырского полуострова Э.В. Толль и А.В. Колчак наметили санную поездку вдоль берегов. Они провели топографическую съемку местности на всем пройденном ими 500-километровом пути. Уточнили очертания берегов, описанных еще штурманом Челюскиным – помощником Харитона Лаптева. Также значительно уточнили карту, полученную Толлем и Колчаком от Нансена, выполненную норвежцами во время плавания «Фрама» – набросок окрестностей полуострова Таймыр.

Эта санная поездка – одна из многих во время зимовки 1901 г., где каждый километр, пройденный теми, кто отважился сказать новое слово о морях и землях в полярных широтах, – досталась им нелегко. Сохранившийся дневник начальника экспедиции Э.В. Толля достаточно выразительно раскрывает работу и жизнь полярников. После трагической гибели Толля его дневник впервые был опубликован вдовой ученого Эммелиной Толль в 1909 г. в Берлине на немецком языке.

«С 25 апреля до 26 апреля, – записывает Толль в своем дневнике, – находимся у мыса Колчака⁵. Запас продовольствия опустили в яму и укрепили над нею на скалистом берегу на заметном месте лыжу с флагом, а над самым складом установили вторую лыжу» [55, с. 156].

В первые дни в этом санном походе вместе с Толлем и Колчаком участвовали матросы Железников и Носов. Колчак взял себе каюром рулевого Железникова, который всегда сопровождал

⁵ Толль назвал выступ суши на полуострове Таймыр в 1901 г. именем А.В. Колчака.

его, как мы уже говорили, при гидрологических и топографических работах, а Толль пригласил кочегара Носова – сильного и выносливого, уже не раз это доказывавшего в поездках. Они шли справа от нарт, а ученые – слева.

В упряжке Толля в качестве передовых вожakov были его любимая собака Туркан и любимая собака Колчака Печать. Турканом якуты называют птицу гагу. Самец гаги имеет брачный наряд, напоминающий черный плащ с белым воротником на груди. Такое прекрасное оперение, сверкающий оранжевый буторок на клюве, зеленые круглые, как яблоко, щеки – все это представляет изумительное зрелище. Собака Туркан и была названа в Усть-Янске именем этой птицы благодаря своей черной спине, белым шее и груди. Туркан принадлежал к числу сильнейших и красивейших ездовых усть-янских собак. Другая собака – Печать – хорошо слушала команду и сильно тянула. Во второй паре были Соколка и Шахмат, в третьей – Ласка и Крошка. Нарты Колчака в первой паре тянули Серган и его тезка Черный Серган, во второй паре – Туркан-второй и Собака. В третьей паре шли Леска и умная и крепкая собака Деничка.

Через несколько дней каюров Железникова и Носова отправили на «Зарю» с одними нартами, а большую часть продовольствия и 48 кг собачьего корма заложили с подветренной стороны гранитного валуна на южном берегу перед сужением Таймырского залива. Рядом с валуном воткнули в снег лыжную палку – знак продовольственного склада. С собой взяли консервы на 30 дней из расчета на двух человек и набор других продуктов.

Приведем записи из дневника Толля:

«Понедельник 29 апреля, – пишет в дневнике Толль, – в 1 час 7 минут ночи мы подошли к продовольственному складу у мыса Флага. Тем временем погода прояснилась, ветер стих и температура упала до -33°C . Попытка оттапливаться взятыми с собою дровами оказалась неудачной, так как они были сырые.

1–5 мая (...) Чтобы не ехать по торосам, направились по довольно отлогому снежному скату. Здесь сани перевернулись, и полозья попали в трещину. Чтобы не сломать сани при подъеме, пришлось наполовину разгрузить их. Разгрузка и погрузка заняли почти час времени, и мы только к 3 часам ночи добрались до мыса при входе в залив. Было тепло. Собаки сильно устали и проголодались. Леска в пути поела помет передовых собак; вероятно, вчера во время кормежки соседние собаки похитили у нее рыбу, и дело обошлось без драки благодаря ее добродушию. Весь день она ухаживала за Крошкой, у которой было укушено ухо, и заботливо зализывала ее рану.

Снег глубокий и рыхлый; тяжело бежать по такому снегу и одновременно безостановочно кричать.

(...) Раскопка склада продвигается с трудом. Моя ошибка заключалась в том, что установленный знак был слишком короток и оказался полностью покрыт снегом. Пришлось срыть весь пригорок, чтобы найти верхушку лыжной палки.

Собаки утомлены и сильно похудели. Я отвязал передовых собак, и они тотчас улеглись спать. Сегодня после обеда, расчищая снег, я услышал и одновременно увидел первую пуночку (птица. – В. С.).

⟨...⟩ Весь вчерашний день прошел в бесполезном раскапывании снега. Колчак пребывал в трудовом экстазе, а я был рассержен своей непростительной ошибкой, что не установил более высокого знака.

Однако Колчаку так и не удалось прокопать до склада: огромные снежные наносы и корка льда надолго упрятали продовольствие, возможно, до лета. Колчак понял, что напрасно тратит силы, и прекратил поиски» [55, с. 156–159].

Далее прервем цитирование, а лишь кратко попытаемся пересказать эти путевые записи, относящиеся к его, Толля совместно с Колчаком, путешествию.

Они решили двигаться к мысу Инклинаторному, там были оставлены небольшие запасы продовольствия. Удалось отыскать 8 банок пеммикана (мясные консервы, приготовленные из оленины по особому способу, взятому у индейцев Северной Америки), 25 банок гороха, сало, собачий корм – сушеную рыбу.

Колчак стремился достигнуть побережья и считал нецелесообразным маршрут внутрь Таймыра. Ему хотелось добраться до мыса Челюскин – самой северной точки Сибирского региона.

Собаки бежали с трудом, их подбадривали следы куропаток и песцов, бедные голодные животные возбуждались при виде любого предмета черного цвета, принимая его за еду. Ночью собаки отказывались двигаться дальше. Колчак и Толль часто впрягались в нарты сами, всячески подбадривая собак, особенно на подъемах. В день проходили около 20 км. К 11–15 мая собаки были настолько утомлены, что не могли проходить более 12 км в сутки. Некоторые из них падали, и вся упряжка превращалась в беспорядочную «живую глыбу» измученных животных. Запасы продуктов, керосина, корма для собак быстро убывали. Рыбы оставалось на 11 дней, а скудного пропитания для людей – на 14. Однако из-за пурги Толль и Колчак вынуждены были провести в пути больше дней. Накапливалась непреодолимая усталость...

Голодные, измученные люди не сдавались, по-прежнему проводили топографическую съемку, наносили высоты, делали геодезическую привязку и не теряли надежду сквозь ураганы пробиться к «Заре». Ветер порой достигал такой шквальной силы, что собаки были не в состоянии продвинуться вперед даже на метр.

К 20 мая для экономии керосина и продуктов решено было варить пищу только один раз в сутки. Уменьшили рацион в два раза, следили за собаками, чтобы те, что посильнее, не отнимали рыбу у слабых, иначе слабые могли быстро погибнуть.

Страшный шторм бушевал целую неделю. По утрам приходилось откапывать полуживых собак, нарты, палатку, собачьи хвосты вмерзали в лед.

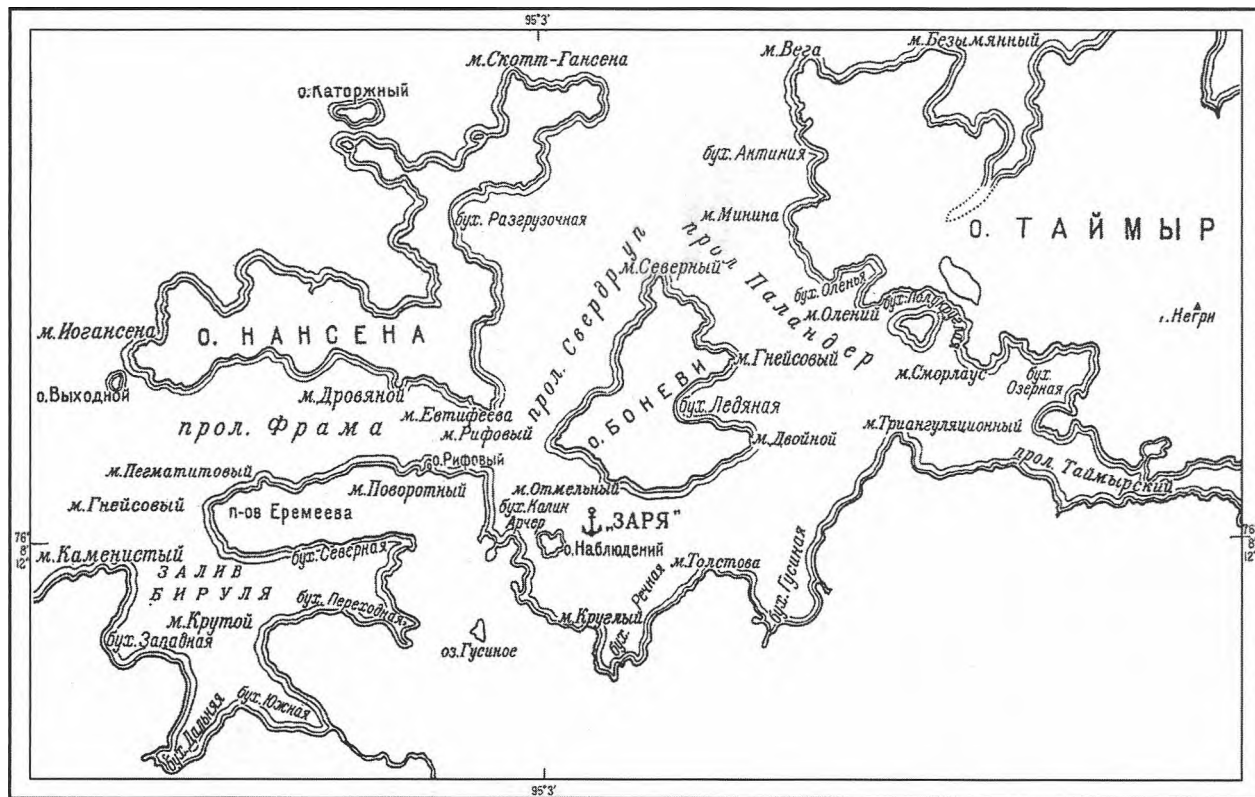
Нередко нарты тащили лишь пять собак, остальные бежали рядом. Пришлось Лайку и Крошку освободить от ужасных страданий выстрелом из ружья. А до «Зари» оставалось еще 200 км. В лучшем случае их можно было пройти за девять дней. Хватит ли сил у людей и собак?

22 мая Толль записал, что питания для собак осталось на три дня, а для полярников – на 5–6 дней. Э.В. Толль по своей фанатичности чем-то напоминал Седова, который ушел к Северному полюсу явно без каких-либо шансов вернуться. В критических ситуациях бывает, что полярники переоценивают свои возможности, не считаясь со здравым смыслом. Однако А.В. Колчак никогда не терял голову, его рассудительность и вдумчивость не раз помогали Толлю принять правильное решение. Например, Толль намеревался пройти вдоль побережья, чтобы уточнить и исправить данные топографической съемки, полученные ранее. Колчак убедил его, что для измученных людей такая работа непосильна. Постоянная сырость в палатке, влажные спальные мешки, вечно мокрые ноги – все эти тяготы совсем измотали людей.

«Сегодня съели последний сухарь, – пишет Толль 28 мая, – осталось немного крошек, которые бережем в качестве приправы к супу... Мы оба обессилели, питаюсь в штормовом лагере одной четвертью рациона. Чувствую себя особенно плохо – болит голова и наступила апатия, а также потерялся голос. Гидрограф (Колчак. – В.С.) бодрее и сохранил достаточно энергии, чтобы дойти сюда, в то время как я готов был сделать привал в любом месте» [55, с. 168–169].

Собаки гибли одна за другой от голода. Колчак особенно любил собаку по кличке Печать, он предложил не пристреливать ее, а ослабевшую и полуживую довести на нартах до «Зари». На нартах уже лежала Леска, привязанная сверху, чтобы не свалилась в пути. Колчак и Толль впряглись в лямки и потащили нарты в упряжке вместе с несколькими собаками, не желавшими двигаться, когда им не помогали. Полярники сами еле переступали, нестерпимо болели руки, ноги, все тело.

В эти тяжелые дни ни Колчак, ни Толль не были уверены, что им удастся добраться до шхуны. Ах, если бы встретился медведь или олень, тогда все были бы спасены. Вот о чем они больше всего мечтали! Движение с каждым днем становилось все медленнее. Рацион собак сократился в 3–4 раза. Собаки, везущие

Район первой зимовки экспедиции (рейд «Зари») по карте, составленной Э.В. Толлем

нарты (их было шесть), получали по целой рыбе, остальные – четыре, идущие рядом, – по половине.

30 мая в четверг экспедиция достигла мыса Миддендорфа и направилась к Таймырскому проливу. Собаки узнали свой старый след, приободрились. Но тут полярники из-за тумана прошли мимо своего продовольственного склада, который остался позади в пяти километрах. А до «Зари» было еще 35 км. Решили не возвращаться, а двигаться к шхуне. Люди уже более суток ничего не ели. Все, что у них осталось, отдавали собакам.

31 мая в пятницу Толль и Колчак все-таки дотянули до «Зари». Последние 10 км были особенно трудными. Вместо еды для подкрепления сил выкуривали по трубке. И лишь когда увидели мачты шхуны, поняли, что спасены, что дома и живы!

В один из дней Толль сделал запись о «скромных итогах» и целесообразности всего предприятия: «Спрашивается, каковы будут результаты всех пережитых трудностей и невероятных лишений? Пока произведена только съемка побережья на небольшом протяжении к северо-востоку, причем установлено, что... Таймырская бухта ни в коем случае не фиордообразная. Далее, брошен беглый взгляд в глубь полуострова, на скрытый туманами пустынный ландшафт. О геологии этих мест не удалось составить себе ясного представления. И это немного стоило нам полных лишений более 40 дней тяжелейшей работы и жизни нескольких собак! Вчера после долгого времени я увидел маленькую стайку из пяти-шести пуночек, пролетающую в двух километрах отсюда в глубь страны. В остальном все мертво» [55, с. 171]⁶.

Желая увековечить заслуги Колчака, Толль назвал его именем один из вновь открытых ими островов у берегов Таймыра. Остров Колчак находится между 66–68° в.д. Во времена СССР и до 2005 г. это был о-в Расторгуева, Таймырский залив, Карское море.

После знакомства с восточной частью Таймырского полуострова Колчак и Толль убедились в необходимости внести существенные поправки в картографический материал.

Колчак, наблюдая полное несогласие прежних географических карт с местностью, пришел к выводу, что допущена ошибка в определении широты устья р. Таймыры (современное название «Нижняя Таймыра»), часто служившей исходным пунктом

⁶ Отметим, что в книге П.В. Витенбурга [42, с. 112–114], изданной в 1960 г., это 41-дневное 500-километровое обследование п-ова Таймыр, предпринятое Э. Толлем и А. Колчаком с 20 апреля по 31 мая 1901 г., изложено в совершенно искаженном варианте, а фамилия А.В. Колчака отсутствует. Так советской цензурой фильтровались исторические факты.

Большой Северной экспедиции, проводившей опись берегов Сибири еще в 1734–1742 гг. По данным XVIII в., широта устья р. Таймыры $75^{\circ}36'$ с.ш., а достигнутая Колчаком и Толлем бухта лежала на $76^{\circ}17'$ с.ш. Разница составила немногим меньше одного градуса, т.е. более 76 км.

В своем отчете по поводу обследования западной части п-ова Таймыр Толль писал:

«Наша экспедиция продолжалась всего 41 день, из которых 9 пошли на стоянки во время сильной пурги, а 4 – на безуспешную работу по раскопкам депо. В течение остальных 28 дней мы совершили около 500 верст.

Лейтенантом Колчаком была проведена маршрутная съемка, опиравшаяся на 9 астрономических пунктов. В первое время нашего пути им же производились на каждой стоянке магнитные наблюдения, но на десятый день, ввиду необходимости облегчить нарту, пришлось оставить инклинометр, который мы закопали вместе с некоторыми излишними вещами в снежный откос на берегу моря» [61, с. 197].

А.В. Колчак в своем отчете делает такие выводы:

«На основании маршрутных съемок во время санных поездок в октябре 1900 г., апреле и мае 1901 г. составлена маршрутная карта Таймырского пролива⁷ (залива. – В.С.) и Таймырской бухты до устья р. Таймыры⁸, опирающаяся на 12 астрономических пунктов, в 9 из которых имеются определения широты и долготы. В трех точках найдена одна широта.

Астрономические определения координат произведены большей частью по наблюдениям солнца большим призмозеркальным кругом Пистора в искусственный горизонт; несколько звездных определений вычислено по высотам, взятым малым теодолитом Гильдебрандта» [62, с. 224].

Однако экспедиция продолжалась, и Толль регулярно сообщал о ее результатах руководству. Краткие итоги за 9 месяцев работы Толль излагает в телеграммах президенту Академии и председателю Комиссии РПЭ.

⁷ В XIX в. в связи с малой изученностью Восточно-Сибирского региона России Таймыр обозначался на картах как обособленная островная территория. Такие представления, как видим, сохранялись длительное время, вплоть до начала XX в. Составляя свою карту в 1908 г., Колчак использовал раннюю карту северо-восточной части Карского моря.

⁸ Часть южного берега бухты Нерпичья и устье новой реки сняты лейтенантом Коломейцевым и зоологом Бялыницким-Бирулей.

ТАЙМЫРСКИЙ ПРОЛИВЪ
Съ частью берега Лейтенанта Харитона Лаптева
По картѣ Северо-восточной части Карскаго моря,
составленной Лейтенантомъ Колчакомъ въ 1908г.

◆ Место бухты Лопатина Русской Полярной Экспедиции.

Иркутскъ 1908 г. Л. Брусилова.

Карта Таймырского пролива (наличие не подтвердилось) с частью Берега лейтенанта Харитона Лаптева.
Составлена А.В. Колчаком в 1908 г.

Примѣчанія.

Карта составлена: отъ острова Вилькицкого до мыса Остеро-Восточнаго по описи Енисейской экспедиціи Полковника Вилькицкого въ 1896 г.; южный берегъ Лантской губы и берегъ Лейтенанта Харитона Лаптева по описи Лейтенанта Коломейцева (Русская Полярная Экспедиція барона Толля) въ 1901 г.; означенные пунктиромъ берега и острова Пясинскаго залива по описи штурмана Мичина въ 1740 г.

Глубины нанесены на основаніи промеровъ Шведской Полярной Экспедиціи Норденшильда въ 1878 г., Енисейской Экспедиціи Полковника Вилькицкого въ 1896 г., Норвежской Полярной Экспедиціи Нансена въ 1893 г., Русской Полярной Экспедиціи барона Толля въ 1900 г., а также съ карты штурмана Мичина 1740 г. (глубины Мичина подчеркнуты) и картъ издаваемыхъ Главнымъ Гидрографическимъ Управленіемъ.

Берегъ Лейтенанта Харитона Лаптева нанесенъ по картѣ Лейтенанта Коломейцева, составленной на основаніи маршрутной съемки, произведенной имъ во время пути по льду на собакахъ съ мѣста 1-й зимовки Русской Полярной экспедиціи на устье рѣки Енисей въ Апрель и Май 1901 г.

Определенные во время этого пути астрономическіе пункты расположены близъ берега на льду и имѣютъ приблизительную точность: въ широтѣ $\pm 15'$, а въ долготѣ $\pm 4'$. Координаты этихъ пунктовъ взяты съ оригинальной картѣ Лейтенанта Коломейцева. Наиболее вѣроятной является погрѣшность въ долготѣ, которую надо считать въ астрономическихъ пунктахъ на $5\frac{1}{4}'$ къ востоку противъ показаній на картѣ.

Наибольше сомнительной частью картъ надо считать область острововъ Челльманъ и шхеры Мичина, съ обширными необследованными заливами Мичина. Этотъ районъ имѣетъ характеръ шхеръ и многие острова остались не нанесенными на карту, будучи неустойчивы за туманомъ и пасмурностью. Также весьма неопредѣленной является группа Каменныхъ острововъ, число которыхъ по картѣ Мичина доходитъ до семидеяти. Положеніе возможныхъ проливовъ, указанныхъ на картѣ, главнымъ образомъ, основано на данныхъ описи штурмана Мичина 1740 г., а потому нуждается въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

При пользованіи картою надо имѣть въ виду условія съемки и промеровъ, произведенныхъ Полярными Экспедиціями и потому полагаться столько на точность и полноту описи берега Лейтенанта Харитона Лаптева нельзя.

Теченіе въ районѣ до острововъ Челльманъ, повидимому, зависитъ отъ аліянія Енисей и имѣетъ N-е направленіе. Среди острововъ наблюдаются сильныя приливо-отливныя теченія, хотя высота прилива не превышаетъ $2\frac{1}{2}$ —3 фута въ сизигіи.

Движеніе льда у береговъ, вообще, зависитъ отъ вѣтровъ; шхеры даютъ всегда возможность избѣгнуть напора ледяныхъ полей, при W-ѣхъ вѣтрахъ подходящихъ къ мористой части острововъ и шхеръ. Шхеры въ Августѣ свободны отъ большаго массъ льда, въ это время ледъ въ нихъ разбитъ и проходимъ. Шхеры у берега Лаптева вообще мелководны (глубины мѣтѣ 10 сажень) и, повидимому, имѣютъ много подводныхъ опасностей.

Левая часть берега Харитона Лаптева, гдѣ ледъ допускаетъ, необходимо употреблять *Symbatine Centre James'a* или имѣть лотовыя, а также держать наготовѣ секстанъ и хронометръ для наблюденій, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ для опредѣленія, что иногда не удается по недѣльямъ. Рекомендуется обращать особое вниманіе на неподвижныя льдины, обмѣлывающія иногда на глубинахъ до 6 сажень и служащія естественными знаками отраженія подводныхъ опасностей. Гуантъ въ шхерахъ и у берега Лаптева вообще хорошъ: густой иль или иль съ пескомъ. На берегахъ много плавленнаго (выкидного) льса, но къ северу отъ острововъ Челльманъ количество его постепенно убываетъ. Вся берега указанные на картѣ, необитаемы; лѣтомъ облыны порта Диксона, на материкѣ случайно можно встрѣтить диланъ, а на р. Пясинъ самоповодъ. На южномъ берегу Пясинскаго залива имѣется рядъ развалинъ старыхъ зимовей промшленниковъ; изъ нихъ нанесено приблизительное положеніе зимовей Моржево по картѣ Мичина и развалины двухъ зимовей восточнѣхъ Лейтенантомъ Коломейцевымъ, съ глазотверными планами. Зимовья эти теперь не посѣщаются и никакого значенія для мореплавателей не имѣютъ.

Лейтенантъ Колчакъ.

Телеграмма № 360

Подана в Енисейске 25.VI 1901 г. 7 ч. 45 мин. по пнч.

Получена в Стрельне 25.VI 1901 г. 6 ч. 11 мин. по пд.

Срочная

*Великому князю Константину Константиновичу,
президенту Академии наук в собственные руки*

“Заря” прошла все Карское море до Таймырского пролива, где 13 сентября барьер несломанного льда и наступление зимы заставили меня – 76°8' и 95°6' – стать на зимовку на защищенном рейде вблизи гаваней Актинии и Арчера; во время вынужденных состоянием льда остановок по Таймырскому побережью открыто и исследовано несколько бухт и заливов, добыто во время плавания много научного материала по зоологии и гидрологии. Зимняя ночь прошла благополучно; на магнито-метеорологической станции производились ежечасные и другие наблюдения. В октябре устроил в фьорде Гафнера депо, куда, как к исходному пункту, отправляюсь на днях с лейтенантом Колчак(ом) для исследования полуострова Челюскина. Другой санной поездкой лейтенанта Матисена в марте месяце исследованы острова, лежащие к северу от места зимовки; лейтенанта Коломейцева отправил к устью Енисея на Дудино с поручением устроить угольные станции. Командиром “Зари” назначил лейтенанта Матисена. Подробности в рапорте. Все члены экспедиции здоровы. Между командой явились после зимней ночи случаи легкого заболевания цингой, все уже здоровы, кроме одного, который еще поправляется; все в добром духе.

“Заря”. 1 апреля 1901 г.

Толль

Телеграмма № 365

Подана в Енисейске (Коломейцевым. – В.С.) 25.VI 1901 г. 7 ч. 50 мин.
Получена в С.-Петербурге 26.VI 1901 г.

Академику Шмидту

Прошел благополучно до Таймырского пролива, где зимую. Вблизи гавани Арчера устроена станция с ежечасными и другими наблюдениями. Санным путем Матисен исследовал группу островов Норденшельда. Коломейцев отправлен по берегу к устью Енисея с поручением устроить угольные станции. Я с Колчаком отправляюсь поперек полуострова Челюскина. Матисена назначил командиром “Зари”. Подробности письменно. Все здоровы.

“Заря”. 3/16 апреля 1901 г.

Толль» [71, с. 250].

Установились светлые, тихие дни, озаренные ярким лунным светом. Колчак решил отправиться на 5–6 дней на охоту для пополнения мясных экспедиционных запасов. Его поездка оказалась очень удачной. Он привез пять с половиной оленьих туш, хорошей охоте благоприятствовала великолепная погода. Да и Егор Чикачев, который вызвался помогать, был отличный каюр,

а потому собаки быстро везли их по прекрасно выбранной им дороге. Повар Фома встретил Колчака с распростертыми объятиями и обещал приготовить вкусный обед.

После обеда в кают-компании разгорелся оживленный спор с участием Толля, Колчака, Матисена и Бялыницкого-Бирули по поводу загадочной Атлантиды, погрузившейся в океан по непонятным причинам... Колчак и Матисен даже пытались на этом фоне затронуть загадочную судьбу Земли Санникова, но делали это тактично и очень осторожно, потому как реакция Толля была крайне нервной и раздраженной, если кто-то осмеливался не то чтобы сказать, а даже подумать о возможном исчезновении Земли Санникова. «Наша задача, – говорил Толль, – найти Санникову Землю, чего бы нам это ни стоило». Он вспоминал немецкого философа Иммануила Канта, обращая внимание других на такие его высказывания: «Жизнь не может идти путем постепенного, спокойного развития вперед, она полна напряжения неотступной борьбы...».

Эти мысли импонировали и Колчаку, именно так он смотрел на свою жизнь, находясь постоянно в поиске, преодолевая препятствия, которые чаще всего сопровождают сильных личностей и обходят слабых.

Поиски Земли Санникова.

Толль пытается использовать остров Беннетта как трамплин к новым открытиям

Вспомогательная геологическая экспедиция К.А. Воллосовича

Э.В. Толль пригласил Воллосовича¹ в качестве начальника вспомогательной партии для изучения четвертичных отложений и организации продовольственных баз на Новосибирских островах по пути следования Русской полярной экспедиции на юг в случае гибели судна. Удалось организовать 8 продовольственных баз-депо.

К.А. Воллосович прибыл из Петербурга в Усть-Янск 2 февраля 1901 г. и, окончательно сформировав санную партию из 11 человек, 28 марта выехал на Новосибирские острова [72, с. 245]. Партия имела транспортные средства, состоящие из пяти нарт по 14 собак в каждой и из 20 оленей. Обязанности промышленников были распределены так: 5 человек при собачьих нартах, двое при оленях и один при метеорологической станции.

После обследования Новосибирских островов Воллосович вернулся на «Зарю» со своей вспомогательной партией, в которую входили ссыльный студент-естественник Ционглинский², ссыльный технолог Бруснев³ и каюры-промысловики: мещанин

¹ Воллосович Константин Алексеевич – геолог, кандидат естественных наук, работал по заданию С.-Петербургского минералогического общества в экспедиции академика Ф.Н. Чернышева по берегам европейской части Ледовитого океана. В 1880-е годы находился в ссылке в Архангельске, изучал ледниковые отложения Архангельской области. Опубликовал ряд научных работ, наиболее важные из них: «Геологические наблюдения в нижнем течении Северной Двины» и «О постплиоцене в нижнем течении Северной Двины».

² Ционглинский Осип Францевич – студент естественного отделения Варшавского университета, сослан по политическим мотивам.

³ Бруснев Михаил Иванович – инженер-технолог из С.-Петербурга, в качестве ссыльного поселенца прожил в Верхоянске более четырех лет.

из села Русское Устье Егор Чикачев, якуты Василий Горохов и Николай Гулитов, тунгусы Степан Сергеев, Николай Протодяконов и Петр Слепцов, юкагиры Конон Томский и Семен Барабанский. В. Горохов и Н. Гулитов были приглашены в качестве переводчиков.

На Новосибирских островах К.А. Воллосович сразу же взялся за организацию продовольственного депо для Русской полярной экспедиции. Работа эта потребовала большого напряжения сил и мобилизации имеющихся транспортных средств партии. В течение весны и большей части лета все силы были брошены на доставку тяжелых грузов на Новосибирские острова, что при далеких и трудных переездах связано с большой затратой времени. Работы по устройству баз-депо удалось завершить только 2 сентября 1901 г.

«Запасы провизии, – пишет в отчете Толлю Воллосович, – заложены в землю на аршин⁴ ниже оттаивания почвы, заделаны бревенчатым помостом, забиты землей и снегом, окружены деревянными срубами и на каждом поставлен высокий столб с надписью времени устройства, вашей фамилии (Толля. – В.С.) и номера склада. Возле столба – лом, лопата, кайло, топор и запас топлива. В каждом депо имеется ящик (без полотна) с запиской, в которой указано, где устроены склады провизии на Новосибирских островах и сколько положено в каждый склад.

На Новосибирских островах, кроме депо РПЭ, находились достаточно крупные запасы провизии, принадлежащие усть-янским купцам и промышленникам, которые разрешили пользоваться этими запасами за плату в размере их действительной стоимости. Воллосович в своем отчете дает точные сведения относительно размещения купеческих запасов продовольствия. На о-ве Большой Ляховский возле склада экспедиции находился амбар с запасами муки, крупы, сухарей, всего около 12 пудов, принадлежащий усть-янским купцам И. Санникову и Кушнареву. Другой склад расположен на о-ве Малый Ляховский, в двух верстах от стана Михайлова и содержал 7 пудов муки и 4 пуда сахара. Принадлежал склад Степану Сергееву, тунгусу кункугурского рода. Третий склад был размещен на о-ве Фаддеевском у юго-западного берега, в девяти верстах к северо-западу от устья р. Тугуттах, у стана Николая Куртаха. Там имеется 5 пудов ржаной муки, 2 пуда рыбьего жира и 3 пуда юколы. Все продукты принадлежали купцу Кушнареву.

В ноябре 1901 г. партия Воллосовича перед отъездом на материк оставила на о-ве Котельном два хорошо устроенных амбара с

⁴ 1 аршин = 71,12 см.

остатками провизии и оленьих шкур. В одном амбаре у самого устья р. Елисейской сложено замороженное оленьё мясо около 70 пудов, а в другом, около стана метеорологической станции, находилось более 50 пудов муки, крупы, сухарей и других продуктов, а также некоторый запас собачьего корма – «хачемасу и пиры». Амбары с провизией были хорошо укреплены и предохранены от расхищения песцами и белыми медведями [72, с. 247].

После возвращения Воллосовича с Новосибирских островов туда отправились Бялыницкий-Бируля и Колчак. Лейтенант Колчак проведет на о-ве Новая Сибирь астрономические и магнитные наблюдения и вернется на «Зарю», а Бялыницкий-Бируля останется на 3–4 месяца для проведения обширных орнитологических и гидробиологических исследований и будет там дожидаться прихода «Зари». Бялыницкий-Бируля соберет также биологические коллекции, а в горах – геологический материал.

Плавание шхуны «Заря» в навигацию 1901 г.

Освобождение «Зари» из ледового плена произошло 12/25 августа. Это был день, когда участники экспедиции загорелись новыми надеждами на осуществление планов исследования о-ва Беннетта и Земли Санникова. «Радуюсь столь неожиданно скорому, – пишет Толль в отчете, – и счастливому освобождению после 11-месячной зимовки, мы продолжали полным ходом начатое плавание. Добрались до островка, у которого ледяной барьер преградил нам дальнейший путь в прошлом году, до места, столь нам несимпатичного, что я тогда же назвал этот островок “Каторжным”. Мы опять нашли по одну его сторону тот же барьер, но с другой стороны лед был в движении. Так как “Заря” была не в состоянии бороться со льдом, который быстро несся противным нам течением, то мы были принуждены уйти за мыс острова Нансена и ждать открытия фарватера. Наконец, 17/30 августа проход очистился настолько, что мы прошли его без всякого столкновения с плавающими льдинами» [61, с. 202].

«Заря» обогнула мыс, и в честь этого знаменательного события были подняты кормовой флаг яхты и вымпел «Зари» с Андреевским крестом и литером «К» под императорской короной – личный вымпел президента Академии наук Великого князя Константина Константиновича.

Впервые на русском судне у места, достижение которого стоило столько трудов и жертв нашим экспедициям XVIII в., взвился флаг России. Колчак и Зееберг сошли на берег и провели на-

блюдения. Совершенно ясное небо дало возможность выполнить удачно все астрономические, магнитные и гидрологические исследования, осмотреть и измерить несколько стамух, изучить ледяной покров вдоль береговой линии [74, с. 4, 13].

Шхуна «Заря», дав полный ход вперед, направилась к о-ву Котельный, а экипаж, выйдя на палубу, салютовал памяти наших предшественников, показавших беспримерные уроки мужества и героизма в схватках с ледяными преградами. Пока позволяло состояние машины, судно нигде не останавливалось, курс был взят на Нерпичью губу, а дальше – к о-ву Беннетта.

Наконец, из-за тумана 29 августа открылся мыс Эммы. Ближайшее расстояние, на которое удалось подойти шхуне к о-ву Беннетта, составило 12 миль⁵. Хорошо была видна снежная вершина, поднимавшаяся на 700–900 м. Около судна стали довольно часто появляться моржи, летало много кайр и других видов чаек. Бялыницкий-Бируля даже распознал весьма редкую розовую чайку, очевидно, все эти птицы гнездились на скалах о-ва Беннетта.

Лед, окружавший остров поясом до 12 миль шириной и около 14 футов⁶ толщиной, был серьезным препятствием и не позволял «Заре» приблизиться к берегу. Температура воды в эти дни была –1 °С. Для того чтобы выгрузить на берег партию зимовщиков во главе с Толлем, требовалось доставить на о-в Беннетта более 30 т груза, в том числе и стройматериалов для постройки жилых и научных помещений. Доставить на собаках, причем через трещины и возможные полыньи, такую массу груза на расстояние более 22 км просто невозможно. Поэтому Толль, посоветовавшись со своими офицерами Колчаком и Матисеном, после двух суток ожидания перемены в состоянии льда принял решение лечь на обратный курс. К тому же котел шхуны требовал чистки, а машина и помпы – ремонта после шторма. Во время последней ночной стоянки на судно стал наползать лед, из него чудом удалось выбраться и повернуть к о-ву Котельному.

«Заря» прибыла в Нерпичью губу 3/16 сентября и сразу же встала на якорь для ремонта машины и помпы, в которой начиналось вскипание воды от накопившейся на стенках соли. Ремонт продлился несколько дней. За это время следовало запастись плавником. Обилие хорошего плавника дало возможность протапливать в достаточной мере жилые помещения и держать их в сухости. Сырость представляла большую опасность для здоровья, и нередко на этой почве возникали суставной ревматизм и пневмония.

⁵ Миля морская = 1,852 км.

⁶ Фут = 30,48 см = 0,3048 м.

Что касается другого средства для поддержания крепкого здоровья, а именно свежей провизии, то с этим все обстояло благополучно. Охотники из партии Воллосовича заготовили так много мяса диких оленей, что его с избытком хватило на все месяцы полярной ночи.

Число участников экспедиции во время второй зимовки несколько возросло. Толль пригласил К.А. Воллосовича перезимовать на «Заре» в качестве члена главной экспедиции и со всеми вытекающими отсюда льготами. По мнению Толля, если Воллосович останется на «Заре» и зимой будет иметь некоторые удобства для научных занятий по сравнению с теми, что его ожидают в Усть-Янске, то он наверняка выиграет во времени для разъездов будущего года.

Толль, конечно, в первую очередь руководствовался научными соображениями. Новосибирские острова так обширны, что первые рекогносцировочные экспедиции 1886 и 1893 гг. дали лишь общую картину. Воллосович, занятый в основном организацией складов, тоже не имел возможности детально изучить геологию островов, хотя ему и удалось сделать ряд геологических открытий. Он намерен был продолжить работу следующей весной, надеясь получить от Комиссии разрешение на это.

Сам Воллосович рассчитывал вернуться на материк в мае через Усть-Янск, откуда отправиться летом на Булун и далее вверх по р. Лене. С ним должны быть отправлены под личный его надзор в Академию наук все коллекции, собранные экспедицией. Также на материк будут посланы Бруснев, Ционглинский и Стрижев, последний – до Усть-Янска – с поручением приобрести две нарты собак и вернуться на них с почтой в феврале. Эти обстоятельства благоприятно влияли на поддержание духа и сил членов научной экспедиции и команды, каждый из которых надеялся получить почту, причем первую после ухода из Екатерининской гавани, а минуло уже 20 месяцев с тех пор, как они покинули Петербург [61, с. 204–205].

На имя председателя Комиссии по снаряжению РПЭ Толль отправил телеграмму:

«4 декабря 1901 г. Петербург
Академии наук

Телеграмма

Академику Шмидту

29 августа подошли на 12 миль к мысу Эммы, но непроходимый пояс льда заставил повернуть. Пошел по краю пака до 77°32' с.ш. и 142°00' в.д.; отсюда должен был идти к Котельному острову для чистки котла, исправления помпы, поврежденных во время шторма 3 сентября. Нашел хорошую гавань в Нерпичь-

ей губе, где настигла нас зима 11 сентября; здесь встретил Воллосовича и предложил ему с нами зимовать; он при трудных условиях очень удачно исполнил свою сложную задачу; результаты его геологических исследований богаты. Все благополучно, все здоровы.

“Заря”. 25 октября 1901 года

Толль» [75, с. 249].

Работы по ремонту судна были закончены 24 сентября. «Заря» была готова к выходу в море, но утром в тот же день температура упала до $-6,5$ °С. Накануне появился блинчатый лед и окружил со всех сторон судно. Бухта покрылась тонким слоем «сала» при температуре воды $-1,0$ °С. «Сало» вскоре стало смерзаться в молодой лед.

«Окончательно решив остаться здесь, Толль поздравил Матисена с успешным завершением навигации. Плавание продолжалось ровно 25 суток, из которых ходовых было 15. Пройденное за это время яхтой расстояние составило 1350 миль, угля израсходовано 65,7 т. По произведенному пересчету осталось еще 75 т угля, т.е. на 1549 миль плавания при благоприятных условиях», – пишет П. Виттенбург [42, с. 137].

Колчак проводил за время плавания весь комплекс гидрологических и гидрохимических анализов [58], о которых он доложил в своих отчетах [64, с. 221–223; 62, с. 224–225].

Во время зимовки в Нерпичьей губе предстояло провести большую работу по изучению и детальному описанию с геодезической привязкой всех близлежащих островов.

Колчак и каюр Стрижев по указанию Толля готовились в эти дни к обследованию о-ва Бельковского. Колчак получил геологический молоток, и в его обязанности будет входить не только гидрология, но и сбор образцов четвертичных отложений.

Колчак и Стрижев на нартах пересекли 30-километровый пролив Зари, отделяющий о-в Бельковский от о-ва Котельный. С крутых западных берегов Котельного невооруженным глазом хорошо был виден о-в Бельковский. Колчак объехал остров и положил его на карту. Во время экскурсии он собрал штUFFы палеозойских сланцев и диабазы, а также образцы других горных пород. К югу от о-ва Бельковский Колчак обнаружил еще небольшой скалистый остров и назвал его в честь своего каюра островом Стрижева [42, с. 155].

На о-ве Бельковский Колчак продолжал изучать различные разновидности льда для своей монографии, посвященной проблемам гляциологии. К северу от берега мыса Плавник на расстоянии около двух десятков километров ледяной покров в море состоял из тонкого, не более 15 см толщиной, льда, видимо, образовавшего

гося совсем недавно и покрытого сверху рассолом. Это интересное явление уже встречалось Колчаку, и он отметил в своих записях, что им обнаружены огромные поля льда нового образования, совершенно лишенные снега и с выступившим на их поверхности рассолом. В 5–6 км от берега Колчак обнаружил ряд темных полынй и трещин, уходящих как в юго-западном, так и в северном направлении параллельно западному берегу острова.

У северо-западной оконечности острова Колчак исследовал огромную береговую стамуху⁷, высотой более 10 м, вплотную к берегу находились мощные многолетние нагромождения льда. Огромные торосы осеннего и зимнего ледолома по мере удаления от берега нарастали и превращались в непреодолимую преграду на пути исследователей. Он проводил интересные наблюдения в связи с образованием морозного тумана, через завесу которого была видна дымящаяся поверхность воды, покрытая ледяным «салом» и дисками блинчатого льда. «Издали такие испарения представляются в виде очень устойчивых форм, которые благодаря рефракции света принимают нередко фантастические очертания, похожие на контуры земли» [42, с. 157].

Колчак и Стрижев благополучно вернулись на «Зарю» 25 мая и через неделю отправились на обследование внутренней части о-ва Котельный, надеясь вдоль реки Балыктах дойти до морского берега. Предстояло также исследовать Землю Бунге. Этот остров расположен между островами Котельный и Фаддеевский и назван в честь зоолога и начальника полярных экспедиций А.А. Бунге (1851–1930). Далее Колчак, посетив о-в Фаддеевский и переехав снова на Котельный, пересек плато Толля и измерил высоту самой высокой горы о-ва Котельного Малакатын-Тас, достигающей высоты 320–345 м, ранее измеренной К.А. Волло-совичем. Затем Колчак спустился к устью Балыктаха и прошел «Полярную Сахару» – Землю Бунге.

Обрывистые ледяные берега Фаддеевского острова, как показали исследования Колчака, представляют собою в значительной части ископаемый лед, прикрытый сравнительно тонким слоем наносов. Весь юго-восточный берег имеет вид ледяной стены, кое-где замаскированной остатками этих наносов. Мощная масса льда, прорезанная повсюду трещинами, заполненными рыхлыми отложениями, более или менее глубокими оврагами и

⁷ Термин «стамуха» (поморское слово), введенный в научный оборот Колчаком, представляет собой скопление торосистого льда высотой до 10 м, севшего на мель и иногда принимаемого полярниками за остров. (О терминах, введенных в научный оборот Колчаком, будет сказано в главе 8.)

руслами тундровых речек и ручьев с характерными конусами байджежахов⁸ на обрывах и крутых склонах, типична для всех Новосибирских островов. Толщина льда в обнажениях непостоянна и достигает местами 25 м. Такие мощные залежи льда также типичны для многих мест противоположного сибирского побережья.

Колчак провел в эту поездку очень важные наблюдения за распространением ископаемого льда под уровнем моря. Он наблюдал, что пласты льда покрыты во многих местах солоноватыми морскими глинами с остатками морских моллюсков. В удаленных от берега частях Фаддеевского острова Колчак обнаружил на высоте, превышающей современный уровень моря более чем на 25 м, такие же глины. Древние ледники, пережившие трансгрессию моря, т.е. наступление моря на сушу в результате опускания океанского дна, могут простираться под уровнем моря. И в прибрежной части Фаддеевского острова, и в прилегающих к Новой Сибири морских акваториях, а именно в Благовещенском проливе, Колчаком обнаружено сплошное ледяное дно, которое только местами было покрыто тонким слоем илистых четвертичных отложений.

Этот феномен нахождения пресного льда в соленой морской воде на протяжении длительного геологического времени объяснили Колчак и Толль, и их гипотеза нашла широкое научное признание. Дело в том, что образование пресного льда на нижней поверхности ледяного покрова в море связано с таянием снежного покрова и поступлением пресной воды в пограничную зону лед – морская вода. Море при температуре $-1,4\text{ }^{\circ}\text{C}$ находится еще в жидком состоянии благодаря значительной концентрации солей, а пресная вода, опустившись под лед, сразу же замерзает. Таким образом, происходит наращивание прослойки пресного льда и, по мнению Колчака, его мощность может достигать от нескольких сантиметров до одного метра [73].

Вскоре после Нового года у членов экспедиции возникли новые беспокойства. Стал плохо себя чувствовать доктор Вальтер. Ему даже предложили перебраться в бревенчатую поварню Волосовича, где было намного лучше, чем в сырой кают-компани. Толль предполагал взять Вальтера, если, конечно, он поправится, и Зееберга в санно-байдарочную экспедицию на о-в Беннетта, чтобы там провести третью зимовку.

⁸ Байджежахы – якутское название конусообразных глинистых бугров высотой 4–6 м и редко более 2 м в диаметре. Образуются вследствие стаивания ископаемого льда.

Доктор находился уже несколько дней в поварне Воллосовича, но самочувствие его не улучшалось. У него участился пульс и усилился кашель.

«Я глубоко сомневаюсь, – пишет Толль в дневнике, – что он сможет принять участие в третьей зимовке на острове Беннетта, как он на это рассчитывает. Этот человек так мало бережет себя и мало о себе думает, что я должен особенно внимательно отнестись к нему» [55, с. 257].

Толль в свободное время обычно садился за партию шахмат с доктором, но теперь «милому Вальтеру», как его все называли, было не до шахмат. Его болезнь тревожила всех и больше всего его самого. В один из дней доктор дежурил на наблюдательной станции и снимал показания барометра. Помогавший ему Шервинский, видя, что доктору стало плохо, пытался уговорить его вернуться на «Зарю». Вальтер не хотел об этом и слышать. Он попросил Шервинского снять показания термометра и унифуляра и сам записал в журнал результаты наблюдений. Вскоре после ухода Шервинского доктор Герман Вальтер умер, сидя за рабочим столом, последняя его запись прервалась в 11 ч утра 3 января 1902 года... У Гёте Толль нашел такие строчки, которые можно отнести и к доктору Вальтеру, – они точно раскрывают характер этого замечательного человека: «...У него был спокойный нрав, в обращении он был прост, был хорошим товарищем, снисходительным, скромным и заботливым. Он мог простить и забыть обиду, но никогда не мог примириться с тем, что переходит границы честности, добра, порядочности...» [55, с. 261].

О Сибирской полынье

Толль все чаще беседовал со своими спутниками, которые будут сопровождать его на о-ве Беннетта. Для этого он включил в список экспедиции предварительно Егора Чикачева, Василия Горохова, Николая Протодьяконова и Николая Куртах. Окончательно в состав экспедиции вошли Горохов – зять Протодьяконова, и сам Протодьяконов. Им был предписан оклад в 300 рублей в год, остальные получали по 200 [79; 80].

Толль много рассказывал своим будущим проводникам о предстоящих трудностях, если придется остаться зимовать на о-ве Беннетта. В случае неудачной охоты они вынуждены будут питаться собаками и рыбой. Больше всего Толля беспокоила Сибирская полынья, которая могла стать серьезным препятствием на пути движения к Земле Санникова [81].

М.М. Геденштром в своих научных трудах одним из первых упоминает о Сибирской полынье [82]. Он пытался оценить причины ее происхождения и считал, что в основе лежат процессы не термического, а динамического характера. Некоторые географы допускали возможность проникновения отдельных теплых струй Гольфстрима к Новосибирским островам, хотя оснований для таких суждений было крайне мало.

Колчак и Толль считали выводы Геденштрома наиболее обоснованными; последний писал: «По северную сторону островов Новосибирских, в широте 76° , представляется открытый Северный океан, никогда не замерзающий потому, что даже в марте месяце видно было на нем только немного настоящих льдин. Эту незамерзаемость моря можно только объяснить обширностью его, дающую полную власть ветрам разрушать сцепление его поверхности, невзирая на сильнейшую стужу» [82, с. 109].

Движение льдов вдоль северной окраины Сибирского моря (ныне море Лаптевых), по мнению Толля, лежало в основе образования этой постоянно существующей обширной полыньи, не замерзающей и при температуре до 30° ниже нуля. «Наряду с этим преобладание достаточной силы южных ветров, отгоняющих к северу дрейфующий лед, должно, со своей стороны, способствовать существованию полыньи. При смене ветра на полынье быстро образуются шуга и молодой блинчатый лед, который при сжатиях легко торосится и образует нагромождения, вследствие чего полынья может сомкнуться. В течение осени и зимы такой процесс повторяется несколько раз.

В результате обмена мнений члены экспедиции, принимавшие участие в обсуждении феномена полыньи, пришли к выводу, что это вопрос очень сложный и чрезвычайно важный по своим последствиям. Прежде всего потому, что полынья лежит на пути к стоящей перед экспедицией цели и что с ней, вероятно, придется в скором времени встретиться яхте “Заря”» [42, с. 141].

По поводу полыньи Колчак имел свою позицию и, будучи специалистом по вопросам ледообразования, полагал, что в основе этого явления лежат рельеф дна и роза ветров, обуславливающая специфические метеоусловия. Частая смена направления ветра, по мнению Колчака, не способствует образованию плотной ледяной массы, и ледяная шуга приходит в постоянное движение, сохраняя открытую воду на значительном пространстве Сибирской полыньи.

Последние распоряжения Толля перед походом на остров Беннетта

В феврале–марте 1902 г. Толль отправил две телеграммы президенту Императорской АН – его последние корреспонденции на Большую Землю. На этом переписка Толля с руководством Академии наук приостановилась, как оказалось ... навсегда.

Приводим тексты телеграмм:

«Императорский телеграф в Зимнем Дворце

Телеграмма № 100

Подана в Якутске 4 марта 1902 г., 9 ч. 28 м.н. (ночи. – В.С.)

Получена в Петербурге 4 марта 1902 г., 11 ч. 50 м.дн. (дня. – В.С.)

Великому князю Константину Константиновичу

21 декабря скоропостижною смертью вследствие болезни сердца, появившейся, вероятно, после суставного ревматизма, скончался доктор Вальтер. В нем Русская полярная экспедиция лишилась самоотверженнейшего члена, команда яхты Вашего Императорского Высочества своего возлюбленного врача, а я лично своего близкого друга. Прошу Ваше Императорское Высочество разрешить К.А. Воллосовичу пригласить врача из Якутска. 15 января уезжаю с Воллосовичем на встречу почты и намерен вернуться обратно через Большой Ляховский (в тексте ошибочно: Ляхов. – В.С.), Столбовой и Бельковский. Между тем Матисен отправится с острова Котельного к северу для исследования вопроса о существовании полыньи и причины ее образования, а после его возвращения лейтенант Колчак с тою же целью отправится на север от острова Новой Сибири. Старший зоолог Бируля отправится на лето для разностороннего исследования острова Новой Сибири, откуда его снимет “Заря” в самом начале плавания. Работы продолжают безостановочно и успешно. Все остальные члены экспедиции и вся команда пользуются хорошим здоровьем.

Яхта “Заря”. 8/21 января 1902 г.

Э. Толль

Императорский телеграф в Зимнем Дворце

Телеграмма № 99

Подана в Якутске 4 марта 1902 г., 9 ч. 24 м.н.

Получена в Петербурге 5 марта 1902 г., 1 ч. 50 м.н.

Великому князю Константину Константиновичу

⟨...⟩ Благодаря усердию экспедиции Воллосовича есть, однако, возможность исполнить разносторонние санные экскурсии еще до начала плавания; кроме того, будет обследован морской берег около Быковской протоки. Воллосовичу я поручил вести переговоры с владельцами “Лены”, которая могла бы оказать существенную пользу “Заре” при входе в дельту, особенно, если при этом придется ее разгрузить. Надеюсь, таким образом, на “Заре” или хотя бы на пароходе “Лена” довести всех участников экспедиции и все научные матери-

алы до Якутска, на случай же необходимости по каким-нибудь обстоятельствам покинуть “Зарю”. Экспедиция, благодаря трудам и распоряжениям вспомогательной партии, вполне обеспечена нартами и складами провизии.

Аджергайдах. 11/24 февраля 1902 г.

Э. Толль» [76, с. 250–251].

Толль и астроном Зееберг вместе с двумя якутами завершали подготовку к своей поездке в «Америку», как шутя барон в разговоре с промысловиками называл открытые американцами острова Беннетта, Жаннетта и Генриетта. Все снаряжение, тщательно упакованное в кожаные мешки, способные защитить имущество от воды и снега, разместилось на трех нартах. Для провизии, корма для собак и другой поклажи были подготовлены две двойные байдарки для переправы через трещины и полыньи.

Шхуна «Заря» освободилась от ледового плена

Спустя год Ф.А. Матисен в марте 1903 г. в «Известиях Императорской АН» опубликовал подробный отчет. Считаю полезным привести из него некоторые фрагменты:

«Снять на судне две партии людей с тех берегов, к которым мы не могли подойти из-за льда даже в редко благоприятное для плавания лето прошлого 1901 г., можно рассчитывать только при условиях необыкновенного счастья.

Для ввода “Зари” в Лену имеются отрицательные данные. Пароход “Лена” входил с трудом, имея осадку всего около 4 футов, между тем как “Заря” сидит 16 ф. Кроме того, движение «Зари» против быстрого течения будет крайне медленно и потребует большого количества угля. До Жиганска около 530 миль от устья. Считая ход против течения максимально 3 узла⁹ и только в светлое время дня, потребуется около 2-х недель хода и приблизительно 45 т угля...

2 июня лейтенант А.В. Колчак уехал на одной нарте для исследования внутренней части острова Котельного и Земли Бунге, а 5 июня барон Толль, астроном Ф.Г. Зееберг с якутом Василием Гороховым и тунгусом Николаем Протодьяконовым оставили судно для следования на остров Беннетта, огибая с севера остров Котельный. С их отъездом приступили к необходимым работам перед началом плавания. На берегу в постройках, где находились магнитные приборы, был устроен склад провизии и корма собакам. На судне в отдельном помещении на верхней палубе сложили все предметы первой необходимости и документы для быстрой выгрузки в случае потери судна. На входных мысах Нерпичьей губы, а также на оконечностях косы лагуны выставили знаки. В машине начали сборку...

26 июня вернулся лейтенант Колчак. Пройдя поперек острова Котельного, он измерил его высоту барометрически, затем с устья реки Балыктаха перешел Землю Бунге к южной оконечности острова Фаддеевского, а оттуда направил-

⁹ Узел = 1 миля в час.

ся по берегу Земли Бунге вдоль южной оконечности Котельного. Кроме барометрических работ, результатами поездки было дополнение съемки острова Котельного, определение 6 астрономических пунктов по пути и интересный сбор для орнитологической коллекции.

1 июня уехал на одной нарте с одним матросом на остров Бельковский с целью дополнить астрономические определения, так как во время пребывания на нем лейтенанта Колчака погода была для них неблагоприятная. Мне удалось сделать две серии полных наблюдений на Восточном берегу и Южной оконечности и снять несколько фотографий *вновь открытого лейтенантом Колчаком небольшого скалистого острова к югу от Бельковского и обвалов с подпочвенным льдом на юго-восточном берегу* (курсив мой. – В.С.)...

За день до моего возвращения 7 июля в проливе между косами образовалась полынья по направлению самой быстрины течения кабельтова¹⁰ в три величины, по которой начало носить взад и вперед льдины при отливе и приливе, причем она с часу на час все увеличивалась, придвигаясь к судну. Лед кругом “Зари” был еще от 90 до 105 см толщиной, и она стояла, плотно вмерзши в него. Для того чтобы иметь возможность управлять судном на случай, если полынья приблизится к нему или лед всей массой благодаря заберегам придет в движение, лейтенант Колчак приступил к пироксилиновым взрывам и сделал их 14, получив несколько трещин во льду.

9 июля полоса льда в 1/2 кабельтова отделяла судно от полыньи. Вечером я приказал разводять пары, и на другой день машина была испробована. Вся команда с участием трех якутов начала обкалывать кайлами и пешнями и пропихивать ледяными пилами плотно примерзший лед у самого борта. 10, 11 и целый день 12 июля продолжалась эта работа. К 6 ч. вечера судно было окружено пробитой и пропиленной щелью и связь его с окружающим кольцом толстого, до 1 1/2 метра льда, была нарушена. Еще накануне лед пришел в движение, подавшись всей массой к северо-востоку под влиянием отливного течения и ветра, причем под берегом западной косы образовалась широкая полынья и “Зарю” подвинуло к северной косе с глубины 10 с.¹¹ на 5 с. В 7 ч. вечера при начавшемся отливе лед, окружавший “Зарю”, надавил на западную косу и на конце ее, у знака, выдвинул на берег с большой силой льдины в рост человека толщиной. Затем лед обломился в направлении юго-запада несколько впереди форштенья судна и, отойдя от общего блина, запер проход между косами. Нужно было освободить судно во что бы то ни стало, потому что на расстоянии 1–2 кабельтовых во все стороны по радиусам от места “Зари” находился берег или мель, на которые лед, получивший движение вследствие заберегов¹², мог каждую минуту выпереть судно. Для этой цели снова начали делать пироксилиновые взрывы во льду, чтобы выбраться по крайней мере во внешнюю полынья. При участии двух человек получались, без затраты большого труда, очень хорошие результаты: мина из двух шашек пироксилина, сухой и мокрой, взрывалась подряд по прямой линии на расстоянии 28 шагов от судна и вначале давала только отверстие в 1–2 аршина диаметром, а при повторении – трещины во все стороны. До 2 ч. ночи было сделано 18 взрывов, которые разбили сеть трещин лед вдоль всего правого борта, так что можно было отделять одну от другой разбитые льдины с помощью пешен и шестов. Кончался прилив, кото-

¹⁰ 1 кабельтов = 185,2 м = 0,1 мили (морской).

¹¹ Сажень = 2,13 м.

¹² Заберег водяной – полоса воды в прибрежном льду, получающаяся в результате весеннего таяния льда у берегов.

рым отвело льдину, запиравшую проход между косами, и после еще одного взрыва «Заря» отделилась наконец от зимней формы и в 6 ч. утра 13 июля, раздвигая форштевнем лед, вышла из лагуны во внешнюю полынью, где встала на якорь у самой закраины сильно разъеденного льда на расстоянии 2–3 кабельтов от косы. Наружный борт судна после двух зимовок и навигаций во льду сильно обтерся, в особенности по ватерлинии, и некоторые доски ледяной обшивки потрескались; канатка висела ключьями по всем пазам, что было хорошо видно при большой прозрачности воды» [80, с. 68–70].

Таким образом, рано утром 13 июля «Заря» вышла в образовавшуюся полынью лагуны. Начался новый период судовой жизни по маршруту «Зари» в навигацию 1902 г.

Приезд нового врача

Возвращаясь на несколько месяцев назад, расскажем о новом члене экспедиции Владимире Николаевиче Катине-Ярцеве.

В среду 7 мая 1902 г. Толстов, несший вахту, доложил незадолго до полуночи, что на собачьей нарте подъезжают Стрижев и с ним еще два человека. Стало всем ясно, что на судно пожаловал новый врач – В.Н. Катин-Ярцев. Впечатление он произвел самое благоприятное. Высокий, крепкий (вид здорового человека) блондин с небольшой бородкой, прекрасной улыбкой; когда он смеялся, зубы поблескивали, придавая его лицу ироничный, но доброжелательный вид. В.Н. Катин-Ярцев, будучи студентом знаменитой Медико-хирургической академии, где преподавал выдающийся химик А.М. Бутлеров, был осужден в 1897 г. и выслан в Восточную Сибирь как политический ссыльный. Первоначально он находился в маленькой деревушке Иркутской губернии, а затем его перевели в Якутск. Когда поступил запрос из Русской полярной экспедиции, министр внутренних дел разрешил Катину-Ярцеву принять участие в плавании и выехать 19 марта из Якутска. Доктор был женат, имел ребенка, но вот уже 5 лет находился вдали от семьи¹³.

Барон Э.В. Толль, А.А. Бялыницкий-Бируля, Ф.А. Матисен, А.В. Колчак, Ф.Г. Зееберг и часть матросов спустились по трапу на лед и обступили нарты. Лай новых собак смешался с лаем собак, оставшихся у судна. Посыпались вопросы к новоприбывшим. Но больше всего каждого из встречающих интересовали

¹³ Интересно добавить, что после Октябрьской революции Колчак встретил Катина-Ярцева в 1918 г. в Харбине. Там врач-революционер спасался от режима большевиков, позиции которых защищал в студенческие годы, за что был арестован и сослан в Сибирь.

письма: Катин-Ярцев привез с собой последнюю почту. Толль получил 17 писем из дома, а Колчак – 12. Такое же большое число писем получили и другие участники экспедиции из научного состава.

До «Зари» Катин-Ярцев добирался разными транспортными средствами: плыл по Лене на пароходе, значительную часть пути преодолел на лошадях, потом на собаках и оленях. Он ехал по маршруту Якутск – Верхоянск – село Казачье – Усть-Янск – Новосибирские острова.

«Вблизи Казачьего, – пишет Катин-Ярцев, – я в первый раз увидел езду на собаках. Штук шесть псов, ростом немного больше обыкновенных дворняжек, везли нарту. В нарте сидела внушительных размеров якутка, а рядом с собаками вприпрыжку бежал каюр-якут. Собаки обнаружили слишком большую симпатию к нашим оленям, так что каюру пришлось их успокаивать с помощью довольно солидной дубины, и они с лаем и визгом продолжали свой путь» [84, с. 86].

Если взять географические карты выпуска 1900-х годов, то вряд ли на них можно отыскать село Казачье. Это административно-географическое недоразумение. Можно отыскать более мелкие села, состоящие из двух-трех юрт, а села Казачьего, насчитывавшего по тому времени более сотни жителей, на старых картах нет.

В документах врача конечным пунктом назначения стоял Усть-Янск, а дальше Катина-Ярцева должны были доставить на судно «средствами экспедиции». На языке чиновных документов – открытых предписаний – Усть-Янск и есть село Казачье, хотя на самом деле Усть-Янск находился на 30 верст ниже по течению Яны и состоял из двух обитаемых юрт. Село Казачье, одно из самых северных селений Сибири, играло важную роль культурного и торгового центра обширного, хотя и чрезвычайно малонаселенного края.

Когда Катин-Ярцев добрался до р. Муксуновки, то встретил там каюра Стрижева, посланного Толлем ему навстречу. Стрижев, уроженец села Казачьего, хотел повидаться с семьей, поскольку приехал еще 17 апреля, но пурга задержала его на пять дней. Он было уже выехал в Казачье, но молва сообщила, что врач едет, и ему пришлось вернуться обратно. Вместе с ним был каюр-тунгус Алексей, вскоре приехал посланный Брусневым со свежими собаками юкагир Семен. К ним присоединились еще три инородца-промышленника. Все вынуждены были разместиться в небольшой избушке с двумя крошечными ледяными окнами и камельком. В этой поварне из-за пурги им пришлось за-

держаться на три дня. В Муксуновке вместе с местными жителями Катин-Ярцев и его спутники встретили великий праздник Пасху (1902).

Перед отъездом Катина-Ярцева из села Казачье проводить его пришли несколько человек. Катин-Ярцев угостил всех на прощание привезенными из Якутска мерзлыми яблоками. Яблоки произвели фурор: некоторые не ели их лет десять, другие вообще не видели никогда. Это была его последняя встреча с обитателями севера. Впереди доктора ждала радостная, волнующая и многообещающая встреча с «Зарей» и незнакомым коллективом, с которым придется ему делить хлеб и соль, холод и голод на протяжении долгих месяцев полярных скитаний.

Толль и его партия уходят на остров Беннетта

Эдуард Толль, как бы предвидя ледовые капризы Арктики и зная о малых запасах угля на «Заре», предпринял летом 1902 г. санно-шлюпочный переход к о-ву Беннетта. Это его решение обернется трагическим финалом. Но другого выхода, как мы сейчас понимаем, у Толля не было. Он слишком много авансов выдал Академии наук, прессе, коллегам и вернуться без открытия Земли Санникова уже не мог. Толль был таким же арктическим фанатиком, как Седов, ушедший к Северному полюсу без должной подготовки.

Огромные финансовые средства, выданные Толлю в кредит «под бурные овации» и будущие открытия, заставляли начальника экспедиции предпринимать отчаянные шаги, но что может сделать один человек или даже несколько, сражаясь с многометровым льдом, снегом, торосами! Люди, находясь в объятиях шквальных ветров, в окружении студеной воды, напоминающей расплавленный свинец, могут и не выдержать...

Трагедия состояла еще и в том, что главная цель экспедиции – обследование района Земли Санникова – целиком оставалась за пределами досягаемости. Тяжелейшие льды сделали этот район для шхуны недоступным. Судно ни с какой стороны не могло подойти даже к о-ву Беннетта, все попытки израненной «Зари» оказались тщетными.

Толль вспоминал, каким ликующим было начало экспедиции, «звон фанфар» и речи ораторов, предвещавших новые открытия...

На пути к Земле Санникова перед Толлем возникло немало трудностей внутреннего порядка. Ближайший помощник Толля Матисен дает яркую характеристику настроения своего начальника в этот период. Мы читаем в дневнике командира яхты «Заря»: «Как только Толль принял решение идти на остров Беннетта с Зеебергом и двумя каюрами, Протодьяконовым и Гороховым, с этого момента начальнику экспедиции сделалось все окружающее безразлично. Он весь ушел в свои две байдары, две нарты и двух якутов», – пишет П. Виттенбург [42, с. 161]. В эти дни Толль перенесся мысленно в далекий мир манившей его страны холодов и льдов...

Толль не раз говорил лейтенанту Матисену, что он всецело придерживается высказанного А.Ф. Миддендорфом взгляда на экспедиционное судно как на временное жилище и склад продовольствия, которое должно вести экспедицию по возможности дальше к северу и в случае надобности должно быть оставлено.

Матисен не сумел понять Толля и сделал ошибочный вывод о стремлении начальника экспедиции к полной изоляции: «Толль не хотел больше плавать на судне, а хотел просто от него избавиться... Не верю в его планы – это план необузданной фантазии! Начальник экспедиции не имеет права покидать судно и личный состав экспедиции. Пример Нансена не может служить оправданием для такого поступка, так как, несмотря на исключительно счастливое окончание экспедиции, он в принципе заслуживает порицания»¹⁴.

А тем временем на «Заре» программа работ экспедиции выполняется уже без Толля. Доктор Катин-Ярцев продолжает медицинский осмотр всех участников экспедиции и находит состояние своих пациентов вполне удовлетворительным. Доктор, человек общительный, удачно вписался в коллектив научных сотрудников; он мало-помалу стал привыкать к судовой жизни, подключаясь к различным научным исследованиям. Катин-Ярцев оставил подробное описание «Зари»:

«В носовой части судна под рубкой и командирским мостиком находилась кают-компания, в которую выходило четыре каюты с левого и три с правого борта. В этих каютах помещались: начальник экспедиции барон Э.В. Толль; командир “Зари” Ф.А. Матисен; я; Ф.Г. Зееберг; А.А. Бялыницкий-Бируля – рядом с пустой каютой, которую занимал бывший командир судна лейтенант Н.Н. Колемейцев и где впоследствии помещались часть библиотеки, и лейтенант А.В. Колчак. Наши каютки были все одинаковы. В каждой – небольшой

¹⁴ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

столик, высокая койка с ящиками под ней, умывальник. Каждая освещалась небольшим круглым иллюминатором, в просторечии называемым окном. Кают-компания – довольно большая комната, в которую свет проникал сверху через люк со стеклянной рамой, поднимавшейся для вентиляции. Посредине кают-компании стоял большой обеденный стол, у передней стены – пианино, подарок Великого князя, вблизи пианино – софа. В простенках между каютами были устроены полки для библиотеки экспедиции. Портреты – патрона экспедиции Великого князя Константина Константиновича и д-ра Нансена, в широкополой шляпе и плаще, более похожего на испанского идадьго, чем на полярного путешественника, – украшали кают-компанию. Через маленькую переднюю кают-компания сообщалась со шканцами (средняя часть судна, около грот-мачты). Другая дверь вела в крошечный коридорчик, а оттуда – на бак (носовая часть палубы) и на нижнюю палубу, где помещалась команда.

В чистом и светлом помещении нижней палубы вдоль стен были устроены койки, на которых размещались матросы, кроме машинной команды: боцман Бегичев, Толстов, Железников, Евстифеев, Стрижев, Безбородов. Рядом находился камбуз (кухня) с поваром Фомой Яскевичем. Небольшие сенцы соединяли помещение команды и камбуз с нижним трюмом, где были сложены съестные припасы, коллекция и часть багажа экспедиции. Люк из этого трюма, сообщавшегося еще с ниже его находившимся, выходил на шканцы.

Кормовую часть верхней палубы занимала лаборатория. Лаборатория состояла из четырех комнат. Первая – собственно передняя, сообщавшаяся с отделением трюма, служила для склада коллекций и т.п. и выходила на корму. В следующей лейтенант Колчак работал по гидрологии, о чем свидетельствовали глубинные термометры, градуированные цилиндры, прибор для титрования соли морской воды и т.д. Здесь же лежали на полках коробки для коллекций, в ящиках – банки с коллекциями морской фауны.

Эта комната сообщалась с двумя остальными. Камни на столе в лаборатории барона Толля, книги на полке красноречиво говорили о специальности хозяина. Тут же маленькая каморка для фотографии, которой занимались лейтенант Матисен, а отчасти барон и А.А. Бялиницкий-Бируля. Последняя комната в лаборатории была отведена для зоологических и ботанических работ. Здесь трудились А.А. Бялиницкий-Бируля и мой предшественник д-р Вальтер.

Под лабораторией находилось машинное отделение с темным помещением, которое избрала себе местом жительства машинная команда, предпочитавшая его “нижней палубе”. Здесь помещались: машинист Огрин, помощник его Шервинский, чочегары Пузырев, Носов и Клук.

В отдельном помещении хранились пиронафт, который употреблялся для освещения, керосин, спирт и т.д.

Экспедиция была всесторонне снаряжена, а для измерения глубин и работ на больших глубинах обставлена много богаче нансенской. К сожалению, работать на больших глубинах экспедиции так и не пришлось.

За время стоянки судна у острова Котельного экипаж его увеличился несколькими инородцами, которые в обычных разговорах именовались у нас якутами, хотя среди них были юкагиры и тунгусы (ламуты?). Так как они, действительно, объякутились почти до полной потери своей национальности, то в этом отождествлении их с якутами и местный элемент – в лице Стрижова – не находил большой неправильности. Инородцев было шесть человек. Трое из них уезжали с К.А. Воллосвичем, двое должны были ехать с бароном.

Однообразно и несложно протекала жизнь на судне. Часов с семи утра кают-компания начинала просыпаться. Это был час метеорологических наблюде-

ний, которые производились 3 раза в сутки (раньше были ежечасные): в 7 ч. утра, в 13 ч. пополудни и в 21 час. В наблюдениях участвовала поочередно вся кают-компания, а заведующим метеорологией был лейтенант Матисен.

Один за другим поднимались члены кают-компания. Кофейник и чайники с чаем и кипятком перемещались со стола на керосинку и обратно, пока все встанут. После чая каждый занимался своим делом: барон у себя в лаборатории; астроном Зееберг или возился на свежем воздухе с астрономическими наблюдениями, или тщательно занимался приготовлениями к далекому путешествию; лейтенант Матисен, если не был занят в лаборатории фотографией, пользовался освободившимся в кают-компаниях столом для черчения карты. Я или снимал шкурки с птиц, или читал, или практиковался, как новичок, в ходьбе на лыжах.

В полдень мы снова сходились в кают-компанию для завтрака. К завтраку почти всегда имелось мясное блюдо из оленины. За завтраком следовали чай и приятная беседа. Затем опять каждый принимался за свою работу – до трех часов, когда в кают-компаниях сервировался пятчасовой чай. В 6 ч. мы обедали. Какао и сгущенное молоко для желающих находилось постоянно в ящике под обеденным столом.

Изредка после вечернего чая устраивался коротенький музыкальный вечер. Ф.А. Матисен сыграет что-нибудь из Чайковского, Шуберта... Иногда заводили граммофон, слушали инструментальные номера, они звучали недурно. Ф.А. Матисеном были записаны пение матросов “Зари” и наша декламация.

У команды пока было немного работы, и нередко в часы досуга раздавались с нижней палубы звуки гармоники или треньканье гитары. Обедала команда в 12 ч., а в 6 ч. вечера ужинала.

Все члены кают-компания поочередно дежурили. Дежурство продолжалось сутки. На обязанности дежурного, кроме метеорологических наблюдений, лежал присмотр за порядком на судне. Дежурный должен был наблюдать за уборкой жилых помещений, присутствовать при вечерней молитве на нижней палубе, делать обход судна в ночное время в предупреждение пожара, на случай ночной тревоги спать одетым. Матросы и повар несли двухчасовую вахту. На обязанности вахтенного лежало бдение и неустанное смотрение. Покажется ли медведь или стадо оленей на горизонте, произойдет ли вообще что-нибудь экстраординарное, он должен доложить. По праздникам, обыкновенно через воскресенье, на нижней палубе совершалось перед завтраком богослужение, состоявшее из чтения и пения молитв. За священника был лейтенант Колчак, а в его отсутствие – квартирмейстер Толстов» [85, с. 92–95].

За все время экспедиции Колчак проводил почти все религиозные службы и делал это, как глубоко верующий человек, с искренним увлечением и с большим чувством долга. Члены научного состава экспедиции про него в шутку говорили: «Колчак – самый православный из всех православных на судне».

Покойный доктор Вальтер заведовал на судне всем хозяйством и занимался орнитологией и бактериологией. Катин-Ярцев продолжил орнитологические изыскания, а бактериологию из-за недостатка времени и отсутствия нужных руководств упразднили.

Хозяйственные функции перешли к Колчаку. Он выдавал продукты, составлял меню, одним словом, выполнял миссию диетврача, начпрода с участием повара Фомы.

Экспедиция, помимо свежего мяса, регулярно поставляемого охотниками, в своих запасниках имела неплохой ассортимент: пеммикан (мясной порошок, приготовленный по способу североамериканских индейцев), бульон в плитках, шоколад, сгущенное молоко, датское масло, сухари в виде галет, различные консервы и т.д.

А барон Толль и Зееберг продолжали свое фантастическое путешествие в погоне за призраком таинственной Земли Санникова.

В. Катин-Ярцев вспоминал: «Спутники Толля были опытными охотниками и искусными стрелками: эвен Николай Протодьяконов¹⁵, по прозвищу Омук, и якут Василий Горохов, по прозвищу Василий Чичак, много сезонов летовали в тундре, добывая мамонтовую кость, соболей, рыбу. Они не пасовали, выходя один на один с медведем, и были хорошо приспособлены к суровой жизни дикой природы. Они отлично ориентировались в Сибирской Арктике, но, как ни странно, оставались людьми совершенно сухопутными и боялись воды.

Толль допускал, что вода без края и конца может их пугать, а потому готов отпустить сопровождающих, и дальнейшее путешествие намеревался осуществить вдвоем с астрономом Ф.Г. Зеебергом. Толль считал, что залогом успеха любого предприятия должно быть добровольное участие, и если по каким-либо причинам человек выказывает нервозность и раздражение, с ним лучше расстаться.

У Толля было одно замечательное качество: несмотря на свое аристократическое воспитание, он умел прекрасно ладить с инородцами, не прибегая к мерам принуждения. В отличие от прежнего командира яхты Коломейцева, который требовал, чтобы нижние чины обращались к нему: «Ваше Высокоблагородие...», Толль разрешил называть себя по имени и отчеству и этим снискал огромное расположение и уважение не только всей команды, но и всех местных жителей, которые знали его с 1893 г. Колчак в своих демократических и гуманных взаимоотношениях с рядовым персоналом был достаточно сдержан, но как человек воспитанный, умный и тонкий, он понимал, что позиция Толля более рациональна в сложных условиях арктической жизни, чем ортодоксальный подход Коломейцева».

Толль поручил Катину-Ярцеву уложить сушившиеся в комнате, соседней с лабораторией, третичные глины и упаковать экс-

¹⁵ В некоторых архивных документах указывается, что Н. Протодьяконов – тунгус.

педиционную библиотеку. Судовая аптека пополнилась полбутылкой коньяка и полбутылкой мадеры, переданными врачу Толлем перед отъездом. В пустой каюте оставалось полдюжины бутылок шампанского. Они должны были дожидаться встречи с тем, кто уходил в опасное путешествие на остров Беннетта.

«Вечером барон Э.В. Толль, астроном Ф.Г. Зееберг, каюры Протодяконов и Горохов (зять Протодяконова) покинули лагерь “Зари” и на 3-х нартах, из которых одну рассчитывали бросить на Новой Сибири, ушли в неизвестность.

Матросы Толстов и Евстифеев поехали проводить уезжавших и вернулись через четыре дня с огромным количеством камней для геологической коллекции, собранной недалеко от стана Дурново Толлем.

Езда на деревянных полозьях становилась затруднительной, таяние в дневное время увеличилось, рыхлый снег прилипал к полозьям, и поэтому барон Толль вынужден был взять у провожавших нарту со стальными полозьями в обмен на третью из своих нарт» [85, с. 110].

Тяжелые льды преодолеть не удалось

Шхуна «Заря», освободившись от ледовых оков, направилась к губе Нерпичьей. Экспедиция предполагала зайти дальше в лагуну Нерпалах, но мощные движения льдов преграждали путь. С каждым приливом и отливом происходило значительное перемещение торосистого льда. Сжатое со всех сторон судно с 7 августа стало дрейфовать на юго-восток, временами освобождаясь ото льда, и снова вынуждено было становиться на ледяной якорь. Шхуна «Заря» оказалась в зависимости от движения льда, продолжая вместе с ним невольное путешествие, западные и северо-западные ветры нагоняли огромные глыбы льда. Матисен постоянно находился на мостике и следил за движением льда и его напором на судно. Надо было своевременно проводить маневрирование, чтобы судно не было раздавлено ледяными тисками.

Колчак и Катин-Ярцев, оставаясь вдвоем в кают-компани, обсуждали различные проблемы предстоящего плавания. Если позиция судна становилась безопасной, в кают-компанию спускался Матисен. Когда кок Фома приносил обед, два офицера и врач, с большим удовольствием начиная трапезу, вели разговоры.

«Избалованные вкусными обедами из оленины, – пишет Катин-Ярцев, – мы без особенного восторга принялись за консервы,

и даже отвратительная нерпа была не так противна, внося разнообразие в наше меню. Фома делал из нерпичьего мяса котлеты и бефстроганов. Обезжиренное и подвергнутое в течение суток вымачиванию в уксусе нерпичье мясо, не теряя своего черного цвета, в значительной степени утрачивало амбре смазанных сапог. Наш повар в приготовлении жаркого из нерпы превосходил самого себя. Острые приправы много содействовали ослаблению неприятного вкуса мяса. Из пеммикана и норвежских сельдей у нас приготавливался недурной форшмак» [86, с. 145].

Наконец, от выжидания и вынужденного дрейфа «Заря» 16 августа перешла к активному плаванию. Был взят курс к лагуне Нерпалах. Шхуна вошла в лагуну, на больших глубинах встала на ледяной якорь и легла в дрейф. Матисен и Колчак опасались, что «Зарю» может вынести на мель, ведь топка была погашена на несколько часов, но, к счастью, все обошлось.

Судно находилось непрерывно под парами 36 суток, и котел дал течь, так как поступало 120 т воды в сутки: «После прекращения паров и осмотра котла и машины, последняя оказалась в исправности, в котле же обнаружена в трех местах огневого ящика течь по швам. Места эти были прочищены и котел вычищен», – писал Ф. Матисен [80, с. 74]. А вот как об этом вспоминает Катин-Ярцев:

«На судне оживленно шли работы. Чинился котел, перегружался уголь. Посреди угля в нижнем трюме нашли труп петуха. Он залетел туда еще в Норвегии. Тогда его не могли найти и он, очевидно, погиб голодной смертью два года назад (находился в замороженном состоянии. – В.С.). Северо-западный ветер перешел в северный. Закончив работы, команда вымылась в бане. Поварня, склад провианта, баня были заколочены. Иностранцы из вольных промышленников стали пассажирами “Зари”. Собаки приняты на борт судна. Большая канитель была с перевозкой собак, которые с самого начала протестовали против морского путешествия. Когда вельбот с собаками причалил к судну, щенки, как природные моряки, отважно поднимались по трапу, а старых псов, недовольных и грустных, приходилось втаскивать на руках.

Наконец счеты с косой покончены, и уже утром 21 августа “Заря” снялась с якоря. Припертая ветром к северной косе, льдина суживала и без того узкий проход. Глубина спускалась до 17 футов при посадке судна в 16 футов. Однако выбрались без приключений» [87, с. 91].

Началось плавание в открытых водах. Температура –3 °С. На борт было принято 49 ездовых собак, в трюмах осталось 60 т угля, все свободные площади были забиты дровами. Суточный расход угля составил 3 т, но при использовании дров его потребление снижалось вдвое [80, с. 74]. Когда в навигацию 1901 г. курс был взят на о-в Беннетта, шхуна приблизилась к острову на 12 миль. Его ледовые купола были хорошо видны, в навигацию же

1902 г. все оказалось гораздо хуже – тяжелые льды позволили подойти только на 90 миль. Так началась полоса неудач в жизни Эдуарда Толля.

Массы льда были прижаты к северо-западным и северным берегам островов Котельного, Фаддеевского и Новой Сибири. Южные акватории были полностью свободны ото льда. В сложной ледовой обстановке Матисен всегда привлекал Колчака, имеющего достаточный штурманский опыт плавания в Индийском и Тихом океанах. Они вместе прокладывали новый курс судна. Тяжелый лед не давал возможности пробиться на север, поэтому решили спуститься к югу и, обогнув Михайлов стан, через Благовещенский пролив стремились достичь мыса Высокого и о-ва Беннетта.

На о-ве Новая Сибирь надо было снять Бялиницкого-Бирулю, который не вызывал большего беспокойства, и можно было надеяться на его самостоятельное возвращение. «Так как положение Бирули, – пишет в своем отчете Матисен, – можно было считать обеспеченным в смысле возвращения, и, кроме снятия его, я должен был сделать попытку снять барона Толля с острова Беннетта, я решил, не теряя напрасно времени, идти кругом Новой Сибири и постараться подойти к мысу Высокому с севера и выяснить состояние льда под Беннеттом. Этот путь приближал к обеим целям. От южного берега Новой Сибири тянется целый ряд отмелей, которые мы огибали, не приближаясь к нему ближе чем на 20–30 миль. Туман, лед и малые глубины затрудняли плавание. Вся масса льда двигалась настолько быстро по направлению переменного течения, что обратные курсы не всегда обеспечивали выход на глубину, и приходилось пробираться ощупью среди разбитого льда, стараясь удалиться от мелей» [80, с. 77].

Обогнув мыс Медвежий, 24 августа «Заря» вошла в пролив и далее путь держала на север. Колчак провел первую в навигацию 1902 г. гидролого-зоологическую станцию. Застопорили машину, и команда была вызвана наверх. Колчак брал пробы грунта, воды с различных горизонтов для проведения количественного анализа основных химических компонентов, содержащихся в морской воде, проводил определения температуры на глубинах и в поверхностном слое, измерял плотность морской воды с помощью ареометра для последующего расчета ее солёности. Далее под руководством Колчака было проведено драгирование и траление. Драга опускалась с помощью стрелы на дно. Судно давало малый ход, и огромный, тяжелый механизм двигался по дну, захватывая все на своем пути: раковины, звезды, актинии, медузы, одним словом – всех обитателей придонного слоя. Затем судно

останавливалось, драга поднималась, а все ее содержимое оказывалось на палубе. Морской водой смывалась грязь, и загадочные обитатели глубин представляли перед исследователями.

Колчак стал ежедневно проводить гидрологические и зоологические станции: по одной в сутки, нехватка времени не давала возможности делать их чаще. По сути дела, Колчак из научного состава остался в единственном числе для проведения всех исследовательских работ. Как уже было сказано, Матисен отвечал за судно, а Катин-Ярцев как человек новый только входил в курс дела и сосредоточился в основном на орнитологии.

После выполнения одной из станций и взятия проб, когда «Заря» дала ход, вскоре на горизонте увидели огромную глыбу льда, напоминающую скалистый остров. Подойдя к нему ближе, Колчак провел измерения: оказалось, что высота «острова» равнялась 57 футам (17,37 м). Вот такая «льдинка» застряла на мели. Как мы уже говорили, Колчак стал называть такие льдины поморским словом «стамуха». Глубина вокруг стамух более 6 саженьей. «Заря» пошла дальше. Вскоре Матисен из «бочки» и вахтенный с мостика увидели землю. До нее было огромное расстояние – около 120 миль; приблизиться и исследовать эту землю не представлялось возможным, ведь главная задача – снять людей с берегов Новой Сибири и Беннетта. К ночи «Заря» была окружена густым мощным льдом и сплошным туманом, пришлось встать на ледяной якорь. Целые сутки судно дрейфовало вместе со льдом то на север, то на юго-восток, очевидно, в зависимости от прилива и отлива, так как наступило безветрие.

Матрос Железников 31 августа увидел огромного тюленя, лежавшего на льдине. Он поплыл к нему на байдаре. Тюлень, вероятно, спал. Приближение человека его разбудило, он приподнял голову, но меткий выстрел уложил его на месте. Зверь оказался огромным, пришлось его буксировать к судну и поднимать лебедкой. Вес составил более 25 пудов (400 кг), длина 2,85 м, в обхвате 1,85 м. В желудке у него Катин-Ярцев нашел массу круглых червей, еще живых, и массу полупереваренных морских тараканов; в тонких кишках – множество ленточных глистов в 1–2 аршина длиной. При своей огромной величине животное производило странное впечатление кожаного мешка, набитого салом. Голова, казавшаяся непропорционально малой, короткие лапы, сравнительно небольшие зубы «обличали» полную беззащитность, скрывавшуюся за толстой броней из шкуры и сала [87, с. 98].

Эта добыча особенно восхитила инородцев, охотников-промышленников. Они приехали на Новосибирские острова за пуш-

ниной и мамонтовой костью, но Семен заболел, все их планы рухнули, а потому они упросили командира «Зари» взять их с собой на материк. Они не уставали повторять: «Зир – хорошо, мясо – плох. Зир – олады стряпай можно». Захлебываясь от удовольствия, Семен и Гаврила с вожделием смотрели на тюленя и, перемешивая русские слова с якутскими, сопровождали свою речь оживленной мимикой и восклицаниями.

Кок Фома приготовил мясо тюленя, основательно вымочив его в уксусе, и оно оказалось намного более сносным, чем мясо нерпы, хотя тоже не пряник.

Командир Матисен и гидролог Колчак подолгу находились на мостике и внимательно всматривались в окружающую ледяную пустыню. Ледовая обстановка не предвещала ничего хорошего. Обе попытки проникнуть к о-ву Беннетта или подойти хотя бы к мысу Высокому на Новой Сибири оказались тщетными: вокруг судна был сплошной лед. Единственный выход – двигаться на восток в густой, но разбитый лед, что надо было делать немедленно, так как проход становился совсем узким, и судно в любой момент могло быть затерто льдами. Выбраться удалось. Матисен и Колчак наконец-то смогли облегченно вздохнуть.

Судно 1 сентября легло на обратный курс. Решили сделать еще одну попытку и пройти западнее о-ва Бельковский. По мнению Колчака, там мог быть разреженный лед, что даст некоторые шансы для плавания к мысу Эммы на о-ве Беннетта.

«Во время перехода, – пишет Матисен, – было перегружено последнее количество угля из трюма в ямы, при этом определенлся избыток его около 9 тонн. Этот уголь, лежавший в самом низу, был очень плохого качества, сильно измельчен и смешан со льдом от замерзшей трюмной воды. Суточный расход его возрос до 4,2 тонны, так что угля оказалось больше лишь на 2 дня хода, против предполагаемого перед началом навигации количества 75 тонн.

До 5 сентября¹⁶ я пробивался во льду на север и убедился, что при постоянных переменах курса и малых ходах, а также вследствие стоянок в продолжение нескольких часов темного времени, когда идти во льду невозможно, суточный расход угля не соответствует пройденному расстоянию и что при таком состоянии льда остающегося запаса не хватит на путь до Беннетта и обратно. Кроме того, срок ожидания бароном Толлем судна истек 3 сентября, и он мог уже не быть на мысе Эммы, предприняв обратный путь» [80, с. 81–82].

¹⁶ Даты приведены по новому стилю.

«Заря» прошла мимо восточной стороны о-ва Столбового и взяла курс на мыс Буор-Хая.

Судно вошло в залив Буор-Хая, на берегу которого в поварне размещался М.И. Бруснев с тремя якутами. Встреча с Брусневым состоялась незамедлительно. Он рассказал, что на Быковском мысу живут люди, среди них норвежец И.И. Торгерсен с женой и детьми и что они остаются здесь зимовать. Норвежец – бывший матрос с судна «Лена», сопровождавшего «Вегу» в экспедиции Норденшельда 1878–1879 гг. Это судно было продано фирме купчихи А.И. Громовой и теперь курсировало по маршруту Якутск–Булун.

«После оживленного разговора с М.И. Брусневым, – пишет Катин-Ярцев, – и чая с плохим коньяком все народонаселение берега было принято на шлюпку и доставлено на борт “Зари”. Один из промышленников, Николай, был уже на Котельном, где видел “Зарю”, а двое его товарищей в первый раз в жизни видели судно, и удивлению их не было предела. Спутник барона Толля в его прежних экспедициях, старик Джергили, только из-за того и взялся сопровождать М.И. Брусневу, что надеялся повидаться с бароном и кстати посмотреть диковинную выдумку чуждалных людей – большой дом, каких не бывает, удивительный дом, который плавает по морю, близкому, но неведомому для него; видит он его не иначе, как под толстой корой льда.

Его сопровождал семнадцатилетний сын Степан, уже жених, но выглядевший совсем мальчиком. Старик Джергили являлся носителем старинных тунгусских традиций, и юный Степан доставлял ему немало огорчений, явно предпочитая якутскую речь и якутские обычаи. Не найдя барона, Джергили, когда узнал, что командир его замещает, сказал по-якутски, обращаясь к Матисену: “Тебя вижу – все равно, что его вижу”, и выразил желание ехать за начальником экспедиции на оленях, когда замерзнет море. Пушка, ракеты, электричество вызывали младенческий восторг у старика» [87, с. 101–102].

Все участники экспедиции должны были перейти на «Лену», оставив на «Заре» одного-двух вахтенных дежурных. Однако пароход «Лена» не появился, и точных сведений, когда судно придет, не имелось. Поэтому Матисен решил произвести промер Быковской протоки, чтобы выяснить возможность захода «Зари» при осадке 16 футов в устье Лены. С этой целью Колчак должен был произвести все промерные работы.

Возвращение «Зари» в бухту Тикси

Лейтенант Колчак 10 сентября 1902 г. с четырьмя гребцами съехал с судна на берег, оставил там шлюпку, а сам на лодке-четверке направился в Быковскую протоку. Через день он вернулся с известием, что «Лена» пошла к Тикси с норвежцем Торгерсеном в качестве провожатого. В полдень судно показалось на горизонте, в 15 ч встало рядом с «Зарей» на якорь. Привезенные известия относительно проходимости Быковской протоки оказались самые неутешительные: «Лена» шла местами по глубинам менее 2 м и натыкалась на мели, а осадка «Зари» составляла 4,88 м.

Таким образом, экспедиции пришлось воспользоваться «Леной»: «Администрация парохода была уполномочена владелицей его Громовой принять груз и личный состав экспедиции и ждать только до 13 сентября, так как, выйдя позже, пароход рисковал замерзнуть в пути до Якутска. А между тем последний рейс парохода – самый важный для края, от него зависит судьба многих промышленников, возвращающихся с ним обыкновенно в Якутск и не имеющих средств прозимовать на месте промыслов. Таким образом, для того чтобы воспользоваться пароходом «Лена», в распоряжении экспедиции оставалось всего два дня» [84, с. 83–84].

Лейтенант Колчак на пароходе «Лена» отправился искать более удобную стоянку для «Зари» и нашел ее около р. Сого за небольшим островом, который он назвал именем Бруснева. За этим островом при глубине около 6 м два судна встали борт к борту, и началась перегрузка наиболее ценного экспедиционного оборудования и ящиков с коллекциями с «Зари» на «Лену». Матросы «Зари» доставили на «Лену» около 3 т бурого угля, добытого в 10 км выше г. Жиганска из открытых угольных пластов. (Лучший средний пласт мощностью в 2 м содержал достаточно чистый уголь, и десять человек за три часа добыли и загрузили его в трехпудовые мешки.) Это топливо дало возможность «Лене» сделать необходимые маневры для транспортировки грузов с «Зари».

Погрузка готовых ящиков была окончена в один день, потом подавали оставшееся имущество по мере его укладки. После обеда, когда команда начала собирать свои вещи, случилось несчастье. Разряжая винтовку системы «Маузер», матрос Безбородов нечаянно прострелил разрывной пулей ногу кочегару Т. Носову между ступней и коленом. Рана получилась ужасная. Вся кость была раздроблена. Доктор Катин-Ярцев приступил к перевязке, командир Матисен приказал максимально ускорить отъезд.

«На другой день, – пишет в отчете Матисен, – перевезли с большой поспешностью команду на «Лену», взяли немного провизии и меховые вещи, перенесли раненого в отдельную, приготовленную доктором каюту, а в 14 часов я перешел на пароход и отвалил от борта “Зари”, отсалютовавшей нам флагом и вскоре скрывшейся из вида за мысом острова. Ужасное несчастье с нашим товарищем в самый последний момент, тяжелые минуты расставания с судном, на котором было так много пережито, и наше возвращение не вместе со всеми делали этот день одним из самых памятных за все время экспедиции» [80, с. 85].

По просьбе доктора «Лена» шла малым ходом: он продолжал перевязки раненому. Так как М.И. Бруснев не успел с Матисеном и Колчаком обговорить в Тикси дела, то Бруснев тоже поплыл на «Лене» до села Булуна: надо было согласовать вопросы по поводу отправки партий на те острова, на которых будут дожидаться прихода Толля, и вопросы по поводу окончательного решения оплаты за охрану «Зари».

Капитану «Лены» А.Ю. Ершевскому помогали два лоцмана-якута, моряки слабые, но без них было бы совсем худо. Лоцманы правили наугад, «Лена» то и дело цеплялась за отмели днищем. Фарватер им не был известен, и к вечеру они запутались вконец. На ночь встали на якорь. Матисен и Колчак утром пытались помогать бедолагам-лоцманам, но все же «Лена» крепко села на мель. А когда отлив усилился, она оказалась просто на суше. На «Лене» находилось 36 человек. Колчаком все продовольственные запасы были взяты под строгий учет. Сколько им придется сидеть на мели, знал только Господь Бог. Верующие усердно молились. Возможно, это и помогло: через пять дней начала прибывать вода, усилился ветер. Вечером после дружных усилий пароход сошел с мели и, выйдя на глубину, встал до утра на якорь. Непредвиденную зимовку с печальными последствиями удалось избежать.

Доктор делал для больного все, что было в его силах. Накануне утром, когда к нему зашел Матисен, Носов «просил со слезами на глазах за Безбородова, чтобы тот не пострадал вследствие этого несчастья». Матисен, как мог, успокаивал беднягу, но печальный финал был близок. Носов 23 сентября рано утром скончался. Во время одной из стоянок Носова похоронили на берегу.

По пути на «Лену» загружали громовские бочки с рыбой, но уполномоченный В.Е. Горинович брал их в ограниченном количестве – судно и так было перегружено. Фирма Громовой вела заготовку рыбы в огромном количестве.

Катин-Ярцев, знакомясь с постановкой рыбного дела на Лене, оставил весьма любопытные заметки:

«Рыбные промыслы на Лене поставлены далеко не рационально. Причиной этого выставляется обыкновенно недостаток рабочих рук при спешности заготовки, главную роль, однако, играют недостаток инициативы, экономическая и общекультурная отсталость и халатность. Прекрасная ленская рыба (кета и др. – В.С.) благодаря плохому качеству соли и плохому способу засолки пропадает. Великолепная икра “по недостатку времени” выбрасывается вместе с остальными внутренностями, и даже пресыщенные псы ее не едят. А приготовленная здесь икра имеет горьковатый вкус, и песок хрустит у вас на зубах, когда вы ее едите. Такая хищническая эксплуатация богатств реки скоро даст себя почувствовать. А между тем при обилии и отличном качестве рыбы в Лене и ее притоках здесь мог бы с успехом функционировать завод рыбных консервов, подобно существующему в Томске, который перерабатывает обскую рыбу; его изделия расходятся по всей Сибири, их можно встретить даже у инородцев в глухих углах Якутской области. С развитием самостоятельности среди русского купечества, и избалованного, и стесненного в то же время излишней опекой, приложению капитала на Лене откроются новые пути, и питающийся прокисшей в ямах рыбой инородец, которому нечего бояться “свариться в фабричном котле”: настолько он иммунизирован купцами, получит возможность жить по-человечески. Но... Улита едет, когда-то будет, а теперь инородец вымирает.

Прежде рыба доставлялась с Булуна в Якутск на каюках – больших лодках. В последние годы каючный промысел, если и не совсем исчез, то близок к этому: пароход “Лена” делает в навигацию три рейса к низовьям реки, таская за собой очень вместительную баржу. В навигацию 1902 г. был на Булуне и готовый пароход.

Немалое зло представляет истребление пароходами леса на топливо. Еще в нижнем течении реки, где рейсирует пока одна “Лена”, куда ни шло, а вверх от Якутска и вниз до Алдана пароходов ходит порядочно. Между тем у Булуна и Жиганска есть месторождения каменного угля, который лежит настолько поверхностно, что хоть сейчас грузи на баржу. Пробы этого угля привезены В.Е. Гориновичем на “Зарю”. Уголь (бурый) найден был, по испытании его на “Заре”, хотя и не отличным по качеству, но вполне пригодным для машины.

Берега Лены очень живописны и привлекли бы немало туристов, если бы не были так изолированы от цивилизованного мира. Прорезывая в нижнем течении – вблизи устья – гористую тундру, река представляет зрелище мрачной и величественной красоты. То, широко разливаясь между берегами, течет она спокойно и плавно, то, ущемленная между высокими и крутыми стенами, быстро мчится к далекому Ледовитому морю» [87, с. 109].

Путешествие экспедиции по Лене подходило к своему благополучному завершению: показались убогие домики села Булун, самого важного населенного пункта Верхоянского округа по своему торгово-промышленному значению. Находясь несколько дней в Булуне, пароход принимал пассажиров и загружался топливом. Желаящие посетили баню. Однако Колчак простудился и заболел ангиной, у него поднялась температура, и доктор стал его интенсивно лечить. Пришлось несколько дней пролежать в

каюте, и «прелесть плавания по Лене была несколько испорчена».

Далее «Лена» пересекла полярный круг, и, таким образом, «арктические территории» у всех участников экспедиции остались уже как история в их прошлой жизни. Остановка была в Жиганске. Матисен и Колчак нанесли визиты местному начальству, но оно-то и составляло все население малюсенького «городка», где проживали семьи священника, псаломщика и купца. Для совершения религиозных обрядов – требы – батюшка разъезжал по очень большой округе.

«Местный купец, – пишет Катин-Ярцев, – подобно всем купцам этого отдаленного края, ведет кочевую торговлю. Когда-то Жиганск представлял из себя нечто большее, чем теперь, но его выжгли и разграбили ссыльнопоселенцы, а с тех пор он так и не смог оправиться. В церковном архиве, говорят, сохранились любопытные документы... В Жиганске мы были около 4 октября. Снег уже толстым слоем покрывал землю. С Жиганска русло Лены, усеянное множественными островами, достигает более 10 верст в ширину. Между островами находится большой остров Аграфены, названный так по имени шаманки, оставившей по себе страшную память в суеверных умах местного населения. К устью Вилюя должен был выйти нам навстречу пароход “Громов”, но было уже поздно, и он ушел обратно. Шла небольшая шуга. Рыбпромышленники, обосновавшиеся здесь, уже не надеялись на приход “Лены”. Один из них стал нашим спутником. Проехали устье Алдана, прикрытое островом и поэтому малозаметное. Ближе к Якутску земля еще не была покрыта снегом. 13 октября 1902 г. мы были в Якутске» [87, с. 111].

Застать в Якутске пароход, который плыл вверх по Лене, экспедиции уже не удалось, навигация закончилась, и все участники стали дожидаться зимнего пути, чтобы дальше двигаться на почтовых оленях и лошадях, разделившись на партии, а далее поездом в Петербург.

В своем отчете Матисен писал, что Носова похоронили в Булуна:

«...После панихиды тело было перенесено в церковь на берегу, и на другой день был совершен обряд похорон. На могиле близ церковной ограды поставили временный деревянный крест, который будет впоследствии заменен памятником, заказанным в Москве на пожертвования товарищей покойного» [80, с. 88].

Матисен и Колчак, закончив переговоры с М.И. Брусневым во время плавания до Булуна, разработали план действий для оказания Толлю и Бялыницкому-Бируле некоторой помощи. Бруснев должен был ехать на Новосибирские острова. К остав-

шимся на «Заре» экспедиционным собакам он должен был документировать еще несколько и приготовить шесть хороших нарт, в Усть-Янске приобрести нужное количество рыбы для корма собакам и нанять пять промышленников-якутов. После окончания полярной ночи около 13–15 февраля эта партия должна отправиться на острова. «Возможно, к этому времени Толль и Бируля вернутся на материк, тогда Бруснев еще с осени заготовит для них у Чай-Поварни у Святого Носа достаточное количество ездовых оленей, на которых все вернувшиеся доберутся до Казачьего. Если же на материке никто не появится, тогда Бруснев вместе с квартирмейстером Толстовым и проводниками на шести нартах отправятся на острова им навстречу...» [80, с. 87].

Спустя два десятилетия на судебном процессе в Иркутске в январе 1920 г. А.В. Колчак так осветил основные этапы своей деятельности в экспедиции:

«Экспедиция ушла в 1900 г. и пробыла до 1902 г. Я все время был в этой экспедиции. Зимовали мы на Таймыре, две зимовки на Новосибирских островах, на острове Котельном; затем на 3-й год барон Толль, видя, что нам все не удастся пробраться на север от Новосибирских островов, предпринял эту экспедицию. Вместе с Зеебергом и двумя каюрами он отправился на север Сибирских островов. У него были свои предположения о большом материке, который он хотел найти, но в этом году состояние льда было таково, что мы могли проникнуть только к Земле Беннетта. Тогда он решил, что на судне туда не пробраться, и ушел. Ввиду того, что у нас кончались запасы, он приказал нам пробраться к Земле Беннетта и обследовать ее, а если это не удастся, то идти к устью Лены и вернуться через Сибирь в Петроград¹⁷, привезти все коллекции и начать работать по новой (Спасательной. – В.С.) экспедиции. Сам он рассчитывал самостоятельно вернуться на Новосибирские острова, где мы ему оставили склады. В 1902 г. весной барон Толль ушел от нас с Зеебергом, с тем чтобы потом больше не возвращаться: он погиб¹⁸ во время перехода обратно с Земли Беннетта. Лето мы использовали на попытку пробраться на север к Земле Беннетта, но это нам не удалось. Состояние льда было еще хуже. Когда мы проходили северную параллель Сибирских островов, нам встречались большие льды, которые не давали проникнуть дальше. С окончанием навигации мы пришли к устью Лены, и тогда к нам вышел старый пароход “Лена” и снял всю экспедицию с устья Тикси. Коллекции были перегружены на “Лену”, и мы вернулись в Якутск, затем в Иркутск и в декабре месяце 1902 г. прибыли в Петроград. На заседании Академии наук было доложено общее положение работ экспедиции и о положении барона Толля. Его участь чрезвычайно встревожила Академию. Действительно, предприятие его было чрезвычайно рискованное. Шансов было очень мало, но барон Толль был человеком, верившим в свою звезду и в то, что ему все сойдет, и пошел на это...» [9, с. 247].

¹⁷ На допросе Колчак называл Санкт-Петербург Петроградом.

¹⁸ В 1902 г. участники экспедиции еще не знали о гибели Толля. Об этом будет известно только после возвращения Спасательной экспедиции под руководством Колчака.

Так завершилось грандиозное предприятие, длившееся два с половиной года, и всех участников ждала встреча с Петербургом. Конечно, для раздумий и грусти было много оснований, но встреча с родным домом, такая долгожданная, такая близкая, такая манящая, поднимала настроение. Все с нетерпением стремились ускорить приближение тех прекрасных мгновений, которые вселяют что-то возвышенное и ликующее в наши души, когда мы чувствуем дыхание родной Земли, отчего дома!

Здравствуй, Петербург!

Великий град, Петра творенье!

Возвращение.

Обсуждение в Императорской академии наук бедственного положения Э.В. Толля и организация Спасательной экспедиции. А.В. Колчак возглавил эту экспедицию

Первые дни в Петербурге

Участники экспедиции вернулись в Петербург в начале декабря 1902 г. Встреча Александра Колчака с отцом была радостной, волнительной и немного грустной. Василий Иванович пополнил, малость сдал, но, как сказал сын, «выглядел молодцом». Пришла встречать Александра Колчака и невеста Софья Федоровна Омирова, или просто Соня. Почти трехлетняя разлука сделала их отношения еще теплее, они горячо обсуждали множество событий, произошедших в жизни каждого за это долгое время расставания.

Приближался новый 1903 год. Решили его встречать в доме Колчаков в Поварском переулке в просторной семикомнатной квартире, где жил один отец-генерал. Конечно, Александр поделился с Соней своими тревожными мыслями относительно отсутствия известий от Толля и Зееберга, а также от Бялыницкого-Бирули, с которым в экспедиции они были самыми преданными друзьями.

Александр открыл Соне свои самые сокровенные мысли: он окончательно решил для себя принять участие или даже готов руководить экспедицией, которая должна быть послана для оказания помощи барону Толлю. Хотя Александр не знал, состоится ли она вообще, так как «пока не было нужных средств», но он твердо сказал Соне, что буквально ближайшими днями изложит свой план спасения письменно и подаст бумагу академику Ф.Б. Шмидту – председателю Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции (РПЭ).

Соня мило улыбалась, внимательно слушала, но, как девушка умная и догадливая, сразу же поняла, что их свадьба опять откладывается и, скорее всего, на неопределенное время. Ей в

будущем 1903 г. исполнится 27 лет. Это, конечно, не беда и срок некритический, но засиживаться девушке в невестах – хорошего мало, что всегда оказывается делом очень щекотливым и вызывает массу малоприятных толков и разговоров в ближайшем женском окружении. Мало-помалу она смирилась со всеми грандиозными планами Александра.

Долг, честь и достоинство морского офицера не только для Александра, но и для Сони были всегда превыше всего. Соня полностью согласилась с необходимостью участия Александра в Спасательной экспедиции и обещала, сдерживая надвигающиеся слезы, ждать его до завершения всех полярных дел. Александр был рад, что у него с Соней полное взаимопонимание, именно такой он и представлял себе свою будущую жену – жену морского офицера.

Александр сообщил Соне, что уже разговаривал по телефону с секретарем экспедиции Валентином Львовичем Бианки и доверительно поведал ему, что если будет организована спасательная партия даже на лодках, то он готов ее возглавить.

Отец поддержал сына и сказал ему, что именно с таких позиций чести и достоинства он исходил, когда в 17 лет стал участником величайшего исторического сражения – обороны Севастополя.

Навестил Александр и сестру Катю. Она была замужем за Николаем Николаевичем Крыжановским – инженером-путейцем. У них родился сын, которого назвали в честь отца и деда Николаем.

* * *

Находясь в Петербурге, Колчак и Матисен приложили много усилий, чтобы команда «Зари» полностью получила зарплату и дополнительные финансовые вознаграждения за безупречную и беспримечную работу в Русской полярной экспедиции.

«Когда вернулись в Петербург, – вспоминает боцман Бегичев, – мы рассчитались в Академии наук. Нас поместили в 18-й флотский экипаж. Каждый получил порядочно денег. Тут же мы нагрянули в василеостровский трактир “Золотой якорь” и стали отмечать возвращение. Вот тут-то мы и показали всем в Петербурге “Северный полюс”. Яскевич и Клух пытались сдерживать ребят, но где там, разве русского матроса остановить малыми силами. Некоторые из нас пропились дотла...» Сам же Никифор Алексеевич, богатырского роста и могучей силы, всегда оставался на высоте, сдерживая разгулявшегося российского

матроса. Колчаку рассказывали о гулянии матросов «Зари», но он только разводил руками, понимая, что за два с половиной года монашеской жизни ребята имеют право на «арктическую разминку».

В Петербурге у Колчака особенно обострилось чувство ответственности и товарищеского долга. Толль, несомненно, нуждался в помощи, и с каждым днем у Колчака становилось все тревожнее на душе. Необходимо было действовать быстрее и решительнее, инерция размеренной академической жизни раздражала Колчака, и он старался ускорить окончательное решение многих вопросов [88], и первое заседание Комиссии для снаряжения РПЭ состоялось 9 декабря 1902 г. Председательствовал академик Ф.Б. Шмидт. Присутствовали академики О.А. Баклунд, А.П. Карпинский, М.А. Рыкачев, Ф.Н. Чернышев, генерал-лейтенант К.И. Михайлов, гидролог Ф.Ф. Врангель, гидробиолог Н.М. Книпович и другие. Для участия были приглашены Матисен, Колчак, Воллосович. Обсуждались вопросы организации Спасательной экспедиции [89; 90].

Матисен и Колчак сделали подробные сообщения о выполненных работах за два с половиной года работы РПЭ. Главный вопрос, о котором говорили все, это выделение кредитов для организации Спасательной экспедиции. Для этого надо было наметить программу всех необходимых мероприятий с учетом численности предполагаемого состава и сделать конкретный предварительный расчет. Однако решать все эти вопросы надо на более высоком уровне и, конечно, с непосредственным участием президента Императорской академии наук Великого князя Константина Константиновича.

Спустя месяц такое совещание состоялось.

Обсуждение в Императорской академии наук бедственного положения Э.В. Толля

На первоначальном этапе обсуждались два варианта Спасательной экспедиции на о-в Беннетта. Один из них – на шхуне «Заря», другой – на лодках-байдарках. Этим вопросом занималось и высшее начальство – президент Академии наук Великий князь Константин Константинович. В один из дней он пригласил командира шхуны «Заря» лейтенанта Матисена. Молодой лейтенант долго готовился к этому визиту. В назначенный час в полной парадной форме он предстал перед властителем мира науки. Президент был вежлив и обходителен. Усадив Матисена в позолоченное кресло, долго рас-

спрашивал об условиях плавания в Арктике, о возможности малых судов выдерживать натиск движущихся масс льда, о состоянии «Зари» и о многом другом. После минутного молчания президент выразил намерение послать «Зарю» на о-в Беннетта со спасательной миссией. «Мы предполагаем, – строго сказал хозяин кабинета, – поручить это Вам и надеемся, что Вы оправдаете оказанное Вам доверие и привезете барона живым и невредимым» [91, с. 80].

Ф.А. Матисен подтвердил, что тоже обеспокоен, и сделает все, чтобы помочь барону вернуться. Он и команда готовы отдать свои жизни ради великого дела спасения арктических первопроходцев, но после двухлетнего плавания в Полярном бассейне корпус «Зари» пришел в полную негодность, и пытаться его исправить в Тикси совершенно невозможно, так как требуются сухой док и квалифицированные мастера. Поэтому дальнейшее плавание на «Заре», по мнению Матисена, приведет к новым жертвам, которых и так в Арктике более чем достаточно. Однако Августейший президент продолжал говорить о том, что мы должны послать Спасательную экспедицию и что это наша святая обязанность.

Приведем запись этого разговора:

«– Я понимаю, Ваше Императорское Высочество, – твердо сказал Матисен, – спасение барона Толля – дело чести России, за которое нужно браться, будучи твердо уверенным в благополучном его исходе. Лучше всего послать на остров Беннетта ледокол “Ермак”, иначе...

– Иначе, – раздражаясь, прервал Матисена Великий князь, – мы скомпрометируем Академию наук и его Императорское Величество в глазах иностранных государств...

– Простите за откровенность. Ваше Императорское Высочество, но я не могу взять на себя смелость браться за дело, в успех которого не верю, я не смею подвергать опасности жизнь вверенных мне людей, хотя бы даже во имя спасения моего уважаемого начальника. Таково было его последнее желание, и я не вправе его преступить.

Президент, уже не скрывая недовольства, встал, давая понять, что аудиенция окончена.

– Вы свободны, господин лейтенант. – И уже не обращая внимания на шагавшего к дверям лейтенанта, сказал своему секретарю: – Узнайте в гидрографии, нет ли там кого посмелее. Э-эх! Измельчала наша молодежь! Им бы только в Маркизовой луже плавать...¹

С пылающими щеками вышел Матисен из кабинета... Разница в положении, высокий титул президента не позволили ему ответить на оскорбление» [91, с. 81].

¹ Маркизова лужа – так называли Финский залив в связи с тем, что морским министром в России с 1811 по 1828 г. был француз по происхождению, получивший титул маркиза прямо «из рук» Людовика XVI, – маркиз де Траверсе (1754–1831). Впоследствии в России – адмирал, организатор арктических, антарктических и кругосветных экспедиций [92, с. 536].

В С.-Петербургском архиве РАН сохранился протокол совещания по вопросу об оказании помощи барону Э.В. Толлю и его спутникам от 7 января 1903 г. На это совещание были приглашены: председатель Комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции академик Ф.Б. Шмидт, члены ее – академик Ф.Н. Чернышев, барон П.А. Рауш-фон-Траубенберг, генерал-лейтенант П.Е. Кеппен (правитель дел Императорской академии наук), лейтенант Ф.А. Матисен, начальник санной партии экспедиции К.А. Воллосович и секретарь экспедиции и комиссии зоолог В.Л. Бианки. Лейтенант Колчак на это совещание приглашен не был. Вероятно, посчитали, что достаточно лейтенанта Матисена. Председательствовал президент Императорской академии наук Великий князь Константин Константинович Романов. Открывая заседание, председатель сказал, что Академия наук встревожена судьбой Толля и его спутников и постарается незамедлительно принять нужные решения. Чтобы правильно понять позицию Академии наук, приводим выдержки из протокола Комиссии и описание дискуссии, проходившей на этом совещании:

«Президент Императорской академии наук, осведомившись относительно времени отправления барона Э.В. Толля с астрономом Ф.Г. Зеебергом на остров Беннетта и зоолога А.А. Бялыницкого-Бирули на остров Новая Сибирь, о составе их партий, снаряжении и запасах провизии, с которыми выступили ученые, и выяснив вопросы, как долго могут они продержаться там, куда пошли, что могло задержать их возвращение после того, как они убедились, что “Заря” их не снимет, и почему партии не могли быть сняты, Его Императорское Высочество изволили перейти к рассмотрению вопроса, можно ли рассчитывать, что плавание нынешнего года будет счастливей и что “Заре” удастся подойти вплотную к островам или ей придется держаться в море, а для снятия ученых нужно будет спустить особую партию на лодках, которые уже и доберутся до острова Беннетта по льду и через полыньи...»².

Итак, лейтенант Ф.А. Матисен объяснил, что плавание 1901 г., когда «Заре» удалось подойти к о-ву Беннетта на 12 миль, должно считаться исключительно благоприятным, что, по всей вероятности, при спасательной экспедиции так же придется остановиться, как и в прошлом году, намного дальше от берега острова, при этом десант на далекое расстояние невозможен и рассчитывать в этом случае на возвращение его нельзя, как, впрочем, ни на что в полярном плавании.

Академик Ф.Н. Чернышев обрисовал то положение, в котором может находиться теперь барон Э.В. Толль с его партией. С одной стороны, можно предположить, что барон Толль не добрался до о-ва Беннетта из-за полыньи между островами Беннетта и Новой Сибирью и, кроме того, потерял на переходе по льду собак. Если это предположение более вероятно, тогда барон Толль находится, как и А.А. Бялыницкий-Бируля, на одном из островов Новосибирского архипелага, и участь его не может внушать особенных опасений: в марте возможно получить известия от обеих партий. С другой стороны, нельзя закрывать глаза и на

² ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

вторую, печальную альтернативу: барону Толлю удалось перебраться на о-в Беннетта, но он лишен возможности вернуться с него на Новосибирские острова. В этом случае необходимость употребить все средства для спасения его и его спутников исчерпывается принятием следующих мер:

- 1) отправлением вспомогательной партии на собаках и устройством летовки на Новосибирских островах, что уже сделано;
- 2) снаряжением Спасательной экспедиции на «Заре» к о-ву Беннетта.

Академик Ф.Н. Чернышев во втором случае считал выбор судна типа «Зари» неудачным для плавания в Норденшельдовом море, так как шхуна могла не достичь острова, а потому предложил в подспорье «Заре» воспользоваться лодками, употребляемыми мезенскими поморами для зимних промыслов среди льдов. Несколько человек, опытных мезенских поморов, предпочтительно с офицером во главе, могут на этих лодках легко преодолеть пояс льда в 20 миль, а «Заря» будет служить базой, на которую, добравшись до о-ва Беннетта и сняв оттуда барона Толля с его партией, лодки доставят их на базу – «Зарю». Если же лодкам не удалось бы вернуться на «Зарю», то они свободно могли дойти до одного из Новосибирских островов. Конечно, подобная экспедиция «Зари» должна обойтись сравнительно дорого, возможно, и понапрасну в случае пребывания барона Толля на Новой Сибири, тем не менее снарядить ее необходимо ввиду спасения человеческих жизней.

К.А. Воллосович также из-за малого шанса «Зари» достичь о-в Беннетта на достаточно близком расстоянии предложил план по спасению Толля начать с достижения Новой Сибири на тех же мезенских лодках и при помощи той же партии мезенских поморов под командой одного офицера и в виде самостоятельной Спасательной экспедиции. Для этого необходимо офицеру лично отправиться на Мезень, нанять там партию опытных поморов, в том числе одного хорошего мастера, взять две-три лодки, лучше всего в разобранном виде, направить тех и других через Москву, Иркутск, Якутск, Верхоянск и Усть-Янск, а далее по зимнему пути через океан добраться на Новосибирские острова, где экспедиция, собрав разобранные лодки, сможет двинуться на о-в Беннетта, прибыв туда еще в мае, тогда как «Заре» удастся дойти до него не ранее июля. На каждом из островов Новосибирского архипелага устроить летовки небольших партий для оказания помощи возвратившимся с о-ва Беннетта.

Против этого плана Ф.Н. Чернышев высказал следующие соображения: с расстоянием в 90 миль, отделяющим Новую Сибирь

от о-ва Беннетта, мезенским лодкам справиться будет вряд ли под силу и перевозить лодки в разобранном виде вряд ли удобно, а в неразобранном они могут пострадать, тем более, по данным лейтенанта Матисена, в прошлое плавание «Заря» не подходила к о-ву Беннетта даже на 90 миль, и вообще шанс приближения судна на такое расстояние тоже невелик (см. с. 151).

Его Императорское Высочество, убедившись доводами лейтенанта Матисена о том, что сам барон Толль никоим образом не рассчитывает на помощь со стороны «Зари» и будет стараться перебраться на Новую Сибирь самостоятельно, перешел к рассмотрению вопросов относительно стоимости двух предложенных экспедиций и к выяснению вопроса, сколько жизней будут подвергаться опасности в попытках спасти ученых и их спутников.

Лейтенант Матисен предположил, что, по предварительному его расчету, плавание «Зари» должно обойтись в 67 тыс. руб., а страховка жизни участников экспедиции и присоединение десантной мезенской партии увеличивают смету до 84 тыс. руб. По второму вопросу лейтенант Матисен пояснил, что это предприятие может поставить всех спасателей в положение не менее опасное, чем сама партия барона Толля. При этом им было отмечено, что, судя по смете, опасности будут подвергаться 22 человека; также было обращено внимание на то, что из письма барона Толля на имя М.И. Бруснева следует, что экспедиция барона Толля может уже и не быть на о-ве Беннетта ко времени прибытия туда «Зари».

Расчеты академика Ф.Н. Чернышева относительно стоимости экспедиции, предложенной К.А. Воллосовичем, показали, что при участии в ней одного офицера и 12 человек мезенских поморов на двух лодках она обойдется в 25 тыс. 800 руб., число же подвергающихся опасности жизней уменьшится, следовательно, до 13.

Сопоставив все, касающееся как того, так и другого варианта экспедиции, Его Императорское Высочество высказал опасение, что при незначительных шансах на успех, которыми можно будет мотивировать отпуск сравнительно крупной суммы на снаряжение экспедиции на «Заре», такие средства на нее вряд ли будут отпущены и что было бы целесообразнее остановиться на организации экспедиции на мезенских лодках. Если последняя, может быть, и отнимает некоторый, до известной степени проблематичный шанс на успех, то, с другой стороны, сокращает риск людьми почти вдвое.

Академик Ф.Н. Чернышев считал своим долгом обратить внимание Комиссии на то, что экспедиция на «Заре» дает все же

большой шанс на спасение, чем экспедиция на мезенских лодках, а если дело идет о спасении человеческой жизни, то вопрос о средствах является уже второстепенным, и можно надеяться, что таковые будут отпущены.

Председатель Комиссии заметил, что вопрос о той или другой спасательной экспедиции еще не решен и будет зависеть от суммы, которая будет для этого отпущена.

Вслед за тем Его Высочество осведомился о лице, которому можно было бы поручить экспедицию на мезенских лодках, если придется остановиться на ней, и когда надо приступить к ее организации.

Секретарь Комиссии В.Л. Бианки доложил, что он связывался по поводу возможности подобной экспедиции на лодках с лейтенантом А.В. Колчаком и что последний выразил свою готовность стать во главе ее. Президент Академии наук Великий князь Константин Константинович поручил лейтенанту Матисену переговорить с лейтенантом Колчаком об этом окончательно.

Относительно времени организации было выяснено, что необходимо отправиться на Мезень и приступить к снаряжению тотчас же.

Далее приводим текст протокола в оригинале:

«...Его Императорское Высочество изволили перейти к вопросам: что делать с “Зарей”, если она не понадобится более для помощи отрезанным на островах ученым; возможно ли ее плавание для промышленных целей от Лены к устьям рек, лежащих восточнее, и не пожелают ли местные торгово-промышленные фирмы попытаться использовать судно; наконец, следует ли продать “Зарю” или испрашивать разрешение на безвозмездную ее уступку, по указанию местных властей, для означенной цели.

Относительно этих вопросов выяснилось, что ввод “Зари” в Лену вряд ли возможен из-за мелкости фарватера в устье этой реки, что для плавания по Лене судно непригоже как вследствие своей большой осадки, так и по слабости машины, обуславливающей тихий ход, тогда как для коммерческих целей необходимо судно быстрое. Далее, для плавания вдоль берегов Сибири нужно иметь конечный пункт, в котором судно могло бы ремонтироваться, в чем “Заря” нуждается уже теперь, доков же там нет; наконец, помимо своей неисправности, “Заря” непригодна в качестве грузового судна для своей функции вдоль берегов Сибири еще и потому, что вместимость ее, за вычетом места для угля, очень незначительна, всего около 9 тыс. пудов. Впрочем, фирма Сибирякова, по заявлению К.А. Воллосовича, справлялась, не будет ли “Заря” продаваться.

По мнению академика Ф.Н. Чернышева и лейтенанта Ф.А. Матисена, единственное, что остается сделать с “Зарей”, это послать офицера разгрузить ее, т.е. снять с нее все ценное снаряжение и научные инструменты.

Ввиду высказанного Его Императорское Высочество изволили высказать убеждение, что необходимо сделать запрос в Иркутск, не пожелает ли одна из торгово-промышленных фирм купить “Зарю”.

Академик Ф.Б. Шмидт доложил, что лейтенант Матисен подал на его имя заявление, что отказывается от предложения стать во главе Спасательной экс-

педиции на “Заре”, мотивируя свой отказ полной неуверенностью в возможности достижения намеченной цели. Лейтенант Матисен изложил причину своего отказа более подробно. Барон П.А. Рауш-фон-Траубенберг обратил внимание совещания на то, что отказ лейтенанта Матисена еще более осложняет вопрос о снаряжении Спасательной экспедиции на “Заре”.

Его Императорское Высочество изволил поручить разоружение “Зари” лейтенанту Матисену»³.

В заключение было рассмотрено состояние кредита Русской полярной экспедиции, наличность которого оказалась всего в 3800 руб. 75 коп., а с депозитом в виде пожертвования от неизвестного лица – 1000 руб. и с остающимися на руках у секретаря Комиссии – 5045 руб. 55 коп., и постановили составить сметы необходимых ассигнований на 1903 г.

Директор Главной физической обсерватории академик М.А. Рыкачев на совещании не присутствовал, но от коллег-академиков узнал все подробности и был потрясен тем, что Толль до сих пор не вернулся. Он ценил его как специалиста и очень был с ним дружен, а теперь искренне переживал все случившееся. Рыкачев немедленно по телефону связался с Кронштадтом и передал все адмиралу С.О. Макарову. Адмирал был человек решительный и сразу же заявил, что готов на «Ермаке» идти на помощь Э.В. Толлю.

М.А. Рыкачева, мягко говоря, удивил отказ Матисена идти на «Заре» спасать Толля, и он сел за пространное письмо академику Ф.Б. Шмидту, чтобы изложить свое мнение по этому вопросу. Дата на письме 10 января 1903 г.:

«Глубокоуважаемый Федор Богданович!

Узнав об отказе лейтенанта Матисена отправиться во главе предприятия на “Заре” спасать барона Толля и его спутников, находящихся на острове Беннетта, а также о снаряжении санной экспедиции, позволяю себе просить Вас внести на обсуждение Комиссии следующие соображения.

Отмена опасного предприятия – плавания на утлой, расслабленной “Заре” в полярных льдах, с самым малым шансом на успех и с риском для самой “Зари” и ее экипажа, не представляет повод к особому сожалению. Снаряжение санной экспедиции имеет то преимущество, что дает надежду на несколько месяцев ранее достигнуть до барона Толля; это крайне важно, а при известных обстоятельствах это, быть может, единственное средство для спасения бедствующих членов экспедиции.

Но не следует скрывать от себя, что далеко нельзя быть уверенным, что санной партии удастся достигнуть Беннетта и благополучно оттуда вернуться с начальником экспедиции и его спутниками. Весьма возможно, что санная партия вернется, не достигнув Беннетта. Возможно, с другой стороны, что партия, достигнув Беннетта, не в состоянии будет вернуться на Новую Сибирь. Эти возможные два случая необходимо предвидеть и заблаговременно обсудить, как в

³ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 48–50, 48 об., 50 об.

этом случае поступить. По моему мнению, единственным средством спасения Толля и его спутников было бы снаряжение за ним ледокола “Ермак”. Это судно – лучшее в мире для борьбы с полярным льдом. Снарядив “Ермак”, Комиссия может со спокойной совестью сказать, что ничего не упустила, что возможно для спасения оставшихся на островах Новой Сибири и Беннетта начальника и членов Русской полярной экспедиции.

Желательно, чтобы вопрос этот был обсужден заблаговременно, для того чтобы в случае неудачи санной экспедиции Комиссия немедленно могла бы приступить к выполнению намеченной программы. Желательно привлечь к обсуждению этого вопроса адмирала Макарова, командиров “Ермака” – теперешнего Н.Н. Коломейцева и бывшего М.П. Васильева, а также лейтенантов Матисена и Колчака, пока последний еще не отправился для снаряжения санной экспедиции.

Из прилагаемого письма С.О. Макарова Вы усмотрите о его готовности принять участие в наших совещаниях, а из прилагаемого перечня его положений о способности “Ермака” бороться со льдами видно, во сколько раз могучее в борьбе со льдом “Ермак”, чем всякое другое судно.

Примите уверение в моем глубоком уважении и совершенной преданности.

Академик М. Рыкачев⁴.

Адмирал С.О. Макаров после предложения академика М.А. Рыкачева об использовании «Ермака» для поиска людей с большим энтузиазмом согласился отправиться на помощь Толлю и его соратникам, затерявшимся во льдах. Адмирал еще раз хотел показать всем недоюжинные способности «Ермака» в борьбе со льдом, ведь было и много сомневающихся даже в такой высокой инстанции, как Адмиралтейств-Совет.

Предлагаем вниманию читателей Перечень положений, которые подготовил собственноручно 9 января адмирал С.О. Макаров и передал их академику М.А. Рыкачеву (приводим полностью):

«1. Полярный лед при ударе ледокола “Ермак” разламывается, и даже большие торосы при ударе в них дают трещины и распадаются.

2. Если лед легкий, 3–5 футов, и ослаблен действием летнего солнца, то ледокол может идти сплошными полями с полным успехом.

3. Если лед тяжелый, с торосистыми нагромождениями, то ледокол, выбирая путь между льдинами, может с успехом двигаться, разбивая перешейки и даже поля, но при условии, чтобы лед не находился в сжатии, ибо надо иметь место, куда сдвинуть льдины.

4. Сжатие льдов у берегов Новой Земли, которые тянутся на 600 миль, в лето 1901 г., вследствие условий ветра, было непрерывно в течение почти 4-х недель. У островов меньшего размера сжатие не может быть столь продолжительным, ибо каждая перемена ветра и течения нарушает условия сжатия. На просторе сжатие и ослабление льда чередуются в сравнительно короткие промежутки, поэтому опыт показал, что плавание ледокола на просторе всегда было бы вполне успешно.

⁴ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

5. Замечено, что в случае необходимости пробиться через очень тяжелое поле большую пользу оказывает выпускание больших масс воды через лед из носовой части ледокола. Во время плавания в 1901 г. на "Ермаке" была приспособлена лишь одна помпа для такого отливания воды, теперь же для успеха плавания в балтийских льдах к такой же работе приспособлено еще три помпы, дающие вместе до 10 т воды в минуту. Поэтому "Ермак" будет в будущие годы успешнее работать в полярных льдах, чем в 1901 г.

6. Во время плавания 1901 г. выяснилось, что при пробивании насквозь торосов большую пользу приносит опускание якорей, которые при движении ледокола назад могли сдвигать со своего места густую кашу льда, ослаблявшую удар в лед. В 1901 г. сломался брашпиль, и это помешало пользоваться якорями для указанной цели. Повреждение брашпиля есть случайность, которая, вероятно, не повторится, ибо крепость брашпиля усилена.

7. Для сдвигания разбитого льда на "Ермаке" во время плавания 1901 г. своими средствами сделали особое приспособление, которое помогало делу; если же это приспособление сделать средствами порта, то значительно улучшится работа ледокола в сжатом торосистом льду. Приспособление обойдется около 2 тыс. рублей.

8. Большую задержку при разбивании торосов производит отсутствие возможности отступить назад из опасения повредить руль. С этой целью спроектирован небольшой кормовой таран, который прикроет руль и даст возможность более смело работать кормою, что увеличит набег и, следовательно, улучшит способность ледокола пробиваться через тяжелые торосистые поля. Приспособление обойдется в сумму не более тысячи рублей.

9. Ледокол "Ермак" в первоначальном его виде с передним винтом не мог безнаказанно для себя бороться с полярными льдами, при ударах в которые корпус страдал и даже получалась пробоина. После переделки носовой части ледокол "Ермак" при разламывании полярного льда не повреждался.

На основании всего сказанного выше можно прийти к заключению, что "Ермак" может работать во льдах Ледовитого океана, что на просторе его работа будет успешнее, чем у берегов, и что нет ничего невероятного, если ему удастся проникнуть в такие места, которые еще никогда не были посещены человеком и остаются совершенно неизученными.

9 янв. 1903 г.

С. Макаров»⁵

А.В. Колчак бросает вызов своей полярной судьбе

Комиссия для снаряжения РПЭ, ознакомившись со всеми доводами адмирала С.О. Макарова, пришла к заключению, что «Ермак» мало подходит для плавания в мелководных арктических морях по двум причинам. Во-первых, ледокол имеет большую осадку и не сможет подойти сколько-нибудь близко к островам, во-вторых, нельзя исключить возможности вынужденной зимовки в Арктике, а состав команды так велик, что ор-

⁵ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 61, 61 об., 62.

ганизация питания выльется в огромную проблему, которую вряд ли удастся благополучно разрешить в течение долгой полярной зимы.

Комиссия поддержала предложение отправиться на о-в Беннетта на шлюпках. Лейтенант Колчак, получивший опыт полярных работ и скитаний, возмужавший и окрепший нравственно и физически, был назначен в 28 лет начальником Спасательной экспедиции. В его распоряжение были выделены все необходимые финансовые средства. Некоторые академики, умудренные опытом работ в Сибирском крае, весьма скептически оценивали реальные возможности намечаемого предприятия. Они говорили: «Это безумие – плавать на шлюпках в Ледовитом океане». Но другого выхода не было, и Колчак добровольно решил стать этим безумцем. Долг и честь офицерского мундира говорили ему, что такое решение – самое верное: совесть его будет чиста, и он сможет смотреть на прекрасный мир не пряча глаз. А что сказали бы его отец Василий Иванович или невеста Соня, если узнали бы, что он в последнюю минуту заколебался, а возможно, и струсил и напрочь отказался? Позволил же себе отказаться лейтенант Матисен от плавания на «Заре», но он, конечно, имел весомые доводы. При обсуждении лодочного варианта командир «Зари» Матисен о своем желании возглавить экспедицию многозначительно промолчал, возможно, потому, что Колчак его опередил, не будет же он забирать «хлеб» у своего полярного коллеги.

Одним словом, счастливый (возможно, это и в самом деле так) жребий пал на Колчака. Он сам так вспоминает ту пору отчаянной и смелой лейтенантской молодости: «Академия была чрезвычайно встревожена, и тогда я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас, немедленно, не откладывая ни одного дня, снаряжать новую экспедицию на Землю Беннетта для оказания помощи барону Толлю и его спутникам, и так как на “Заре” это сделать было невозможно (был декабрь, а весной надо было быть на Новосибирских островах, чтобы использовать лето) – “Заря” была вся разбита, то нужно было оказать быструю и решительную помощь. Тогда я, подумавши и взвесивши все, что можно было сделать, предложил пробраться на Землю Беннетта, и если нужно, даже на поиски барона Толля на шлюпках. Предприятие это было такого же порядка, как и предприятие барона Толля, но другого выхода не было, по моему убеждению. Когда я предложил этот план, мои спутники отнеслись к нему чрезвычайно скептически и говорили, что это такое же безумие, как и шаг барона Толля. Но когда я предложил самому взяться за выполнение

Енисейск
 списк нанятых в г. Мезени
 лейтенантом Колчаком для
 снаряжения экспедиции

№ п/п	Имя, отчество и фамилия	Возраст	Видные дела	За какой срок требуется нанять его уральские края
1,	Василий Васильевич <u>Мезенин</u>	46	Никомский уезд и в каровые трам.	На Котко зашир, в Сибирь ехать в мае и до Штутгарта - всего 9 мес.
2,	Михаил Александрович <u>Свечель</u>	30	Сибирь	На Штутгарта - 2 года
3,	Евгений Николаевич <u>Скрябин</u>	40	Никомский уезд и отец нежилец	На Штутгарта - 2 года
4,	Александр Карамышев <u>Соболев</u>	28	Сибирь	На Штутгарта - 2 года
5,	Александр Карамышев <u>Скрябин</u>	34	Никомский уезд и в доме жилец	На Штутгарта - 2 года
6	Михаил Александрович <u>Ильинский</u> записки мажоранта	27	Сибирь	На Штутгарта - 2 года

Нанятые в г. Мезени

(подпись) Колчаков - Иосиф

Список лиц, нанятых в г. Мезени лейтенантом А.В. Колчаком в 1908 г.

этого предприятия, то Академия наук дала мне средства и согласилась предоставить мне возможность выполнить этот план так, как я нахожу нужным» [88, 247–248].

Далее он вспоминает:

«...Я решил съездить в Мезень и нанять там поморов-тюленепромышленников, по возможности из участников экспедиции Ф.Н. Чернышева на Шпицберген. 29 января я получил первые суммы, ассигнованные на мою экспедицию, и, дав необходимые заказы шерстяных вещей, консервов и оружия для шлюпочной партии, 1 февраля выехал в Мезень, откуда съездил в Долгощелье, поселок на берегу Мезенского залива, являющийся отходным пунктом промышленников, отправляющихся на тюлений промысел. В Мезени я нанял 6 человек бывших участников Шпицбергенской экспедиции, из которых четверо остались со мной до конца моего предприятия. Возвратясь из Мезени в Архангельск, я получил телеграмму о благополучном возвращении А.А. Бялыницкого-Бирули с Новой Сибири с известием, что барон Толль до ухода этой партии не являлся с севера. Это известие имело для меня первостепенное значение...» [88, с. 499].

Перед приездом Колчака в Архангельск председатель Комиссии академик Ф.Б. Шмидт уведомил архангельского губернатора телеграммой о большой важности намечаемой экспедиции. В ней говорилось:

«Подана 8.1.1903. 8 ч. 47 мин. СПб.

Получена канцелярией Архангельского губернатора. 9.1.1903 г.

Телеграмма

Прошу Ваше Превосходительство приказать безотлагательно мезенскому исправнику выбрать для Русской полярной экспедиции восемь человек самых опытных мезенских поморов, предпочтительно из участников Шпицбергенской экспедиции, в том числе одного хорошего шлюпочного мастера, и подготовить две отборные лодки для зимних промыслов. Для заключения условий с людьми и осмотра лодок прибудет около 20 января лейтенант Колчак.

Академик Шмидт⁶»

В Архангельске Колчак остановился в самой фешенебельной по тем временам гостинице Троицкой. Он незамедлительно послал телеграмму В.Л. Бианки в Санкт-Петербург, в которой запрашивал о судьбе Толля, и за неимением сведений о нем считал необходимым немедленно отправиться в Мезень для дальнейшей организации Спасательной экспедиции:

⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2323. Л. 93, 94.

 Телеграфъ

ВЪ *Архангельскъ*

Губернатору

Изъ *Петербургъ* № *7724*

Ранъ	Суть словъ	Подана
<i>8 1/2</i>	<i>8 1/2</i>	<i>8 1/2</i>
Служебная отметка		

Приказъ № *614*

Приказъ *Шмидта*

Прошу Ваше превосходительство
 приказать директорамъ Архан-
 гельскому исправному войскамъ для
 Рижской полковой Эмюдеции воспол-
 нить самымъ тщательнымъ обра-
 зомъ намыве представленномъ
 изъ участника Штундбергской
 Эмюдеции въ томъ числѣ ядраго
 соршана шлюпочнаго материала и
 приготовить для отборныхъ людей
 для Рижскихъ промисловъ рибъ
 наилучшия условия съ мадриш и
 осмотра людей прибудетъ ономъ
 20 января лейтмантъ Колманъ

Академикъ
Шмидтъ

Телеграмма академика Ф.Б. Шмидта губернатору Архангельска
 г-ну Энгельгардту от 8 января 1903 г.

Телеграмма

«Получил от Матисена известие, что Бируля вернулся. Телеграфируйте срочно: Архангельск. Троицкая гостиница. Есть ли вести о Толле. Жду ответа, чтобы поехать Мезень.

Колчак»⁷.

В феврале 1903 г. уездный исправник Мезени уведомил архангельского губернатора о завершении Колчаком всех дел специальным служебным рапортом, который был незамедлительно получен 4 февраля 1903 г. в Архангельске:

«Рапорт

Имею честь Вашему Превосходительству донести, что лейтенант господин Колчак прибыл в 9 ч. вечера 27 числа (января 1903 г. – *В.С.*), в то же время мною были оповещены все лица, участвовавшие в Шпицбергенской экспедиции, которым и было предъявлено предложение господина лейтенанта с подробным разъяснением той задачи, какая будет на них возложена. Затем в 12 ч. ночи вместе с лейтенантом выехали в с. Долгощелье для осмотра лодок, какие требуются для экспедиции, и на случай подбора людей, если в Мезени бывшие участники (экспедиции. – *В.С.*) откажутся.

Осмотренная господином лейтенантом “кедовская” лодка, хотя и признана удобной для требуемой цели, но тяжела, и доставка ее в Усть-Янск будет сопряжена с непреодолимыми препятствиями, что и порешило воспользоваться одной из шлюпок типа норвежской китобойной, имеющейся на “Заре”. Та шлюпка почти такой же емкости и устройства, что и осмотренная, и после приделки к ней полозьев будет вполне пригодна для передвижения по торосам. Намеченные охотники для следования в экспедицию уже выехали. В Мезени почти от всех участвовавших в Шпицбергенской экспедиции получили согласие отправиться вновь в предложенную Колчаком. Причем господином лейтенантом было выбрано 6 человек, из них за старшего назначен мещанин Василий Иглин, бывший в разных экспедициях в течение 9 лет, все остальные по 2 года. Выбранные лица все трезвые, хороших нравственных качеств, список к сим прилагается.

30 января после обеда и общего молебна отправляю их в путь и для скорейшего следования выдал им билет Вашего Превосходительства на предмет бесплатного получения 2-х пар лошадей на земских станциях.

На дорогу и на их нужды лейтенантом выдано 300 рублей.

29 января 1903 года

Уездный исправник (подпись неразборчива)»⁸.

В Мезени Колчак подобрал из тюленепромышленников четырех надежных охотников-каюров Алексея Мартемьяновича Дорофеева 28 лет, Илью Яковлевича Инькова 27 лет, Алексея Матвеевича Олупкина 34 лет и Михаила Михайловича Рогачева

⁷ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 8.

⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2323. Л. 96, 96 об., 97.

25.I.05

343. 8 стр 161

СРОЧНАЯ

8

<p>Телеграфъ</p> <p>Вз ПБГЪ. ПОЧТ. УЛ. 15</p>	<p>Телеграмма</p> <p>Срочно на Академию Наукъ Бианки</p>
---	--

Изъ Архангельска № 1888

<p>Принята 25/10 1903.</p> <p>от 195 № 711 Врх</p> <p>Прислано <u>Вильф</u></p>	<table border="1"> <tr> <th>Разр.</th> <th>Степ. слог.</th> <th>Подана.</th> </tr> <tr> <td></td> <td>28 м.</td> <td>25 м.</td> </tr> <tr> <td></td> <td>са.</td> <td>ю.</td> </tr> <tr> <td></td> <td>ца.</td> <td>н. пополу.</td> </tr> </table> <p>СРОЧНАЯ</p>	Разр.	Степ. слог.	Подана.		28 м.	25 м.		са.	ю.		ца.	н. пополу.
Разр.	Степ. слог.	Подана.											
	28 м.	25 м.											
	са.	ю.											
	ца.	н. пополу.											

Получилъ отъ Мати-
сена извѣстие что би-
рюля вернется телегра-
фическимъ срочн. Архан-
гельскъ стѣжкая велики-
ица естъ ам вѣсти о
томъ могу ои въ ма 1903
561 гхатъ мезень
Колчака

Т-80 СКОРОПЕЧАТИ А. А. АРХАНГЕЛЬСКЪ, МОСКВА. Ф. № 1.

Телеграмма А.В. Колчака на имя В.Л. Бианки

30 лет для путешествия на о-в Беннетта. Во вновь организуемой экспедиции к великой радости Колчака согласились участвовать имеющие большой опыт соплаватели по «Заре» боцман Никифор Бегичев 29 лет и старший рулевой Василий Железников (возраст последнего неизвестен). Все мезенские охотники, за исключением А.М. Олупкина, были не женаты – то ли так случайно совпало, то ли Колчак специально подбирал для такого рискованного похода людей, не связанных семьей, но из всего списка он выбрал самых молодых, этот фактор для него оказался главнейшим.

Колчак и участники экспедиции после кратковременных, но напряженных сборов 22 февраля 1903 г. выехали в Иркутск, а в 20-х числах марта уже через Якутск отправились дальше на север в село Казачье. Лейтенант Матисен присоединился к ним. Ему Академия наук, как говорилось выше, поручила снять с «Зари» все мало-мальски ценное оборудование и отправить его в Петербург, так как шхуну «Заря» намеревались продать или передать, в зависимости от ее состояния, фирме Громовой. Для плавания по Лене она не годилась – слишком большая осадка. Интересовались «Зарей» также представители известной сибирской фирмы Сибиряковых, одним словом, все эти вопросы предстояло решить Матисену. «Заря» была закрыта в бухте, и над ней был учрежден надзор. Эту миссию поручили выполнять норвежскому промышленнику И.И. Торгерсену, и по собственному желанию остался на «Заре» матрос-рулевой Сергей Толстов в надежде встретить первым Толля, к которому он был очень привязан.

Колчак, находясь в Иркутске с конца февраля 1903 г., несмотря на свою занятость, нашел время и силы побывать в иркутском Русском географическом обществе и выступить 6 марта с лекцией «О современном положении Русской полярной экспедиции». Колчак, закончив свое выступление, сказал, что барон Э.В. Толль в скором времени лично посетит гостеприимный зал иркутского Русского географического общества и «сделает здесь более обстоятельное и более интересное сообщение»⁹.

Жители Иркутска, в основном, конечно, местная интеллигенция, проявили большое внимание к вопросам исследования северных акваторий и особенно интересовались Сибирским регионом. Они тепло и радушно встретили лейтенанта Колчака как важного представителя Императорской академии наук, отправляюще-

⁹ Текст доклада А.В. Колчака приводится в Приложении 3.

гося в самое ближайшее время в спасательную поездку на о-в Беннетта.

В Якутске к экспедиции присоединились Степан Расторгуев и механик Эдуард Огрин. Матисен и матросы прибыли 28 апреля в бухту Тикси, перевалив труднодоступный Верхоянский хребет при 40-градусном морозе [42, с. 177].

Заведующий городским музеем в Якутске Павел Васильевич Оленин – политический ссыльный, в недалеком прошлом студент Московского университета – по просьбе Колчака включился в работу по транспортировке вельбота из Тикси к мысу Святой Нос. Оленин хорошо знал Сибирь. Одно время он даже работал консерватором музея Якутского отдела Географического общества, поэтому был весьма полезным человеком для экспедиции.

Перед отправкой на о-в Беннетта Колчак пишет письмо академику Ф.Б. Шмидту с детальной информацией:

«Якутск, 14 марта 1903 г.

Кончил 15 марта

Ваше Превосходительство!

Отправив 21 февраля вперед команду, я на следующий день выехал из Иркутска вместе с матросом Железниковым и 8 марта в 5¹/₂ утра прибыл в Якутск на несколько часов прежде лейтенанта Матисена и нижних чинов.

По прибытии в Якутск я немедленно прибыл к г. губернатору Владимиру Николаевичу Скрипицыну и во все учреждения для устройства немедленного движения людей и грузов дальше через Верхоянск и Усть-Янск. Сведения, сообщенные мне Его Превосходительством, были не особенно благоприятны: подтверждение на улов рыбы в Усть-Янском улусе, отсутствие собак и собачьего корма и, наконец, совершенно не предвидимая никем летовка Бруснева и Тонтова с партией промышленников 15 человек на островах и, наконец, в высшей степени затруднительное движение на Верхоянск и Усть-Янск от Якутска по новому пути.

Ввиду ночного времени и необходимости быстрых переходов при малых перевозочных средствах на станциях представляется невозможным одновременная отправка более 4-х человек или 30 пудов грузов, да и то еще при условии промежутков времени между отправляемыми партиями в 2–3 дня. Со стороны Его Превосходительства уже было сделано все, что представлялось возможным для увеличения перевозочных средств станций: предупреждения их о проезде большого числа людей и грузов и т.п. По соглашению же с Его Превосходительством я повысил плату вместо 3-х до 5 копеек за версту с лошади, чтобы привлечь инородцев с саниями на станции. На другой день 9 марта я послал первый транспорт в 29 пудов с каюром и матросом; во вторник я получил почтой все грузы, но и высланные с лейтенантом Матисеном поступили одновременно со мной. На Верхоянск я мог отправить людей только в среду 25 марта и сегодня второй партией – грузы, около 32 пудов. В воскресенье уходит лейтенант Матисен, и т.о. я не могу уехать из Якутска ранее вторника, причем часть груза еще в количестве 30 пудов и состоящая из консервов остается позади меня, и я не знаю, успею ли получить ее в Усть-Янске. По сведениям о пар-

тии Бруснева оказывается, что она ушла с очень ограниченными запасами провизии с расчетом на склады. Это обстоятельство заставляет меня идти на острова непременно с некоторыми запасами, т.к. я на склад в полной мере рассчитывать уже не могу. Во всяком случае, окончательные решения могут быть приняты только на месте, т.к. отсутствие точных сведений о положении вещей в Усть-Янском улусе не позволяет сказать что-либо определенно. Одним из самых огромных препятствий является краткость времени. При самых благоприятных условиях я рассчитываю через месяц, т.е. около 14–15 апреля, быть в Усть-Янске и возможно скорее двинуться на острова ближайшим путем, т.е. на южную оконечность острова Котельного. Я не знаю, удастся ли послать грузы или идти с вельботом прямо с Большого Ляховского острова на Новую Сибирь, т.к. начало таяния может застичнуть транспорт в открытом море и затруднить передвижение, тогда как достигнувши Котельного, я всегда могу рассчитывать на вельботе пройти вдоль южного берега острова к Новой Сибири и мысу Высокому, являющемуся отходным пунктом шлюпочных экспедиций. В настоящее время на пути в бухту Тикси находится посланный с вельботом заведующий якутским музеем П.В. Оленин. Насколько удастся ему выполнить это сложное и крайне затруднительное по погодным условиям поручение, покажет будущее. Я прошу Ваше Превосходительство считать его на службе экспедиции на жаловании в 200 руб. в месяц. Считаю долгом также предупредить Ваше Превосходительство, что предприятие, если оно будет выполнено и доведено до конца, потребует, вероятно, еще новых ассигнований. Отсутствие собак в Усть-Янске и посылка за ними на Индигирку, закупка большого количества оленей для корма собак, наем нескольких каюров, сопровождающих отдельные небольшие партии грузов и людей, необходимых ввиду населения, не знающего русский язык, увеличение почти вдвое платы и прогонов ввиду скорости и своевременной доставки грузов – вот главные статьи, которые не могли быть приняты во внимание при составлении сметы. При дальнейшем ходе экспедиции я считаю долгом известить Ваше Превосходительство о положении дел моей партии по прибытии в Верхоянск и при отправлении партии из Усть-Янска.

Ваше Превосходительство! Прошу принять уверение в полном уважении и готовности к услугам.

Лейтенант Колчак»¹⁰.

При огромной занятости по организации Спасательной экспедиции Колчак находит время для проведения геодезических исследовательских работ, о чем также сообщает в коротком письме из Иркутска председателю Комиссии по снаряжению академику Ф.Б. Шмидту:

«Императорская Академия наук

Марта 14 дня, 1903 г.

Командир Новосибирской партии

Во время пребывания моего в Якутске в течение 10, 11 и 12 марта удалось выполнить частью работы по определению долготы Якутска по телеграфу относительно Иркутска. Участие начальника физической обсерватории в Иркутске А.В. Вознесенского дало возможность получить время и сличение

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 159. Л. 6–8. 5 об. – 7 об.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

П. п. кандид. Ново-Сибирской
партии.

автог. 14 янв. 1903 г.

Во время пребывания моего Л. Кузнецов в поселке
10/11 и 12 марта, удалось измерить разность
работы по определению разности времени по телеграфу
отстоящего Иркутска. Успехом работы
фактически observations Л. Кузнецов А. В. Вознесенский
дало возможность получить время и измерение хронометров
между Якутском и Иркутском непосредственно по
телеграфу на протяжении около 2800 верст. Окончательные
определения будут сделаны лейтенантом Матисеном
при возвращении его предстоящею осенью в Якутск.
При дальнейшем ходе экспедиции я считаю долгом
информировать Ваше Превосходительство о положении дел
в моей партии по прибытии в Верхоянск и при
отправлении на острова из Усть-Янска.

Прошу принять Ваше Превосходительство
уверение в полном уважении и готовности
к услугам.

Лейтенант Колчакъ

Автограф А. В. Колчака. Письмо академику Ф. Б. Шмидту о работах
по определению долготы Якутска

хронометров между Якутском и Иркутском непосредственно по телеграфу на
расстоянии около 2800 верст. Окончательные определения будут сделаны лей-
тенантом Матисеном при возвращении его настоящею осенью в Якутск.

При дальнейшем ходе экспедиции я считаю долгом известить Ваше Пре-
восходительство о положении дел в моей партии по прибытии в Верхоянск и
при отправлении на острова из Усть-Янска.

Прошу принять Ваше Превосходительство
уверение в полном уважении
и готовности к услугам
Лейтенант Колчак»¹¹

¹¹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 46.

Колчак отправил тремя партиями людей и грузы из Якутска в Верхоянск, а сам выехал 13 апреля через Верхоянск в село Казачье, куда прибыл 30 апреля. Последняя партия с грузами и людьми пришла в Казачье. Когда Колчак получил тревожное сообщение о затруднениях по доставке 40-пудового вельбота из Тикси в Казачье на расстояние около 402 км, он, недолго раздумывая, немедленно выехал сам на одной нарте, но вельбота в пути не встретил.

Благодаря огромным усилиям и энергии П.В. Оленина и Н.А. Бегичева удалось приобрести 161 собаку, нарты и другие принадлежности для санных переходов на острова. Колчак, завершив подбор якутов и промышленников для экспедиции, отправил людей, вельбот и грузы в Аджергайдах, в этот последний на материке населенный пункт, расположенный у самого северного края Сибири на берегу Ледовитого океана.

Академия наук, проявляя большую заботу о людях, отправила сибирской администрации на местах предписания об оказании помощи и содействия участникам экспедиции.

В архиве АН сохранился весьма любопытный документ: верхоянский окружной исправник 7(20) мая 1903 г. отправил якутскому губернатору отчет такого содержания:

«Во исполнение предписания Вашего Превосходительства от 24 февраля и 9 марта с.г. за № 1706 и 2221 имею честь донести, что командированные Академией наук лейтенанты флота Матисен и Колчак проследовали с 12 матросами и с грузом через Верхоянск к местам своего назначения в последних числах марта месяца, и г. Колчак выехал из с. Казачьего на Новосибирские острова 27 апреля. Какое только требовалось содействие с моей стороны для скорейшего следования гг. Матисена и Колчака с матросами и грузом по вверенному мне округу, оно было им оказано.

7 мая 1903 г.

Подписал

Окружной исправник Б.Ф. Качоровский»¹².

Итак, А.В. Колчак выехал из Петербурга в Иркутск в феврале 1903 г. Спасательная экспедиция продолжалась. Подступила весна, времени катастрофически не хватало. Основные пункты маршрута экспедиции выразительно говорят о сложности всего предприятия: Петербург – Иркутск – Якутск – Верхоянск – село Казачье на р. Яне – село Аджергайдах – мыс Святой Нос – пролив Дмитрия Лаптева – о-в Большой Ляховский – о-в Малый Ляховский – пролив Санникова – мыс Медвежий, рядом Михайлов стан на о-ве Котельный – Земля Бунге – о-в Фаддеевский –

¹² ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 39.

ВЕРХОЯНСКІЙ

ИСПРАВНИКЪ

Господину Якутскому Губернатору.

Мая 7 дня 1908 г.

№ 629

Во исполнение предписаній Вашего Превосходительства: отъ 24 февраля и 9 марта сего года въ №№ 1706 и 2221, имѣю честь донести, что командированные Академіей Наукъ лейтенанты флота Матисенъ и Колчакъ прослѣдовали съ 12 матросами и съ грузомъ черезъ Верхоянскъ къ истокамъ своего назначенія въ послѣднихъ числахъ марта мѣсяца и г. Колчакъ выѣхалъ изъ С. Казачьяго на Ново-Сибирскіе острова 27 мая, апрѣля. Какое только требовалось содѣйствіе съ моей стороны для скорѣйшаго слѣдованія гг. Матисенъ и Колчакъ съ матросами и грузомъ по вѣренному мнѣ округу оно было имъ оказано. Подписалъ Окружный Исправникъ Качоровскій.

В ѣ р н о: Дѣлопроизводитель

В. Качоровскій

Служебная записка исправника Качоровского от 7 мая 1903 г.

пролив Благовещенский – мыс Высокий на о-ве Новая Сибирь – мыс Преображения на о-ве Беннетта.

По мнению Колчака, от села Казачьяго путешествіе приняло характер арктической экспедиции: лесная растительность сменялась тундрой с ее низкорослым покровом. «В первых чис-

лах мая, – пишет он, – мы все собрались на Аджергайдахе, представляющем последний наш отходный пункт на материке, и 18 мая весь состав экспедиции из 17 человек, в том числе 8 каюров (якутов и тунгусов) с 10 нартами по 13 собак и вельботом, поставленным на две нарты, запряженные 30 собаками, направился через Абельяхскую губу к мысу Святой Нос» [88, с. 501]. Арктическая протяженность маршрута – более 1000 км. Двигались только ночью, когда подмораживало. Всем участникам приходилось помогать собакам и впрягаться в лямки. Торосы местами были совершенно непроходимыми, дорогу для вельбота рубили в ледяных глыбах и общими силами перетаскивали 40-пудовую (600 кг) махину.

Примечание.

Интересные и поучительные свидетельства о Качоровском оставил С.Е. Лион. Он в феврале 1880 г. из теплой Одессы был отправлен по этапу в Верхоянск. Приговор ему вынес сам Одесский генерал-губернатор, граф Тотлебен и, не найдя ничего более доказательного, сформулировал его так: «Несомненно принадлежит к социально-революционному сообществу, но за неимением улик ссылается в Восточную Сибирь»¹³.

В Верхоянске С.Е. Лиона поместили на жительство в одну юрту вместе с семьей политическими ссыльными. Все они состояли под надзором знакомого нам уже исправника Качоровского и его помощника Ипатьева. Для Верхоянского округа Качоровский был не просто начальником, а Царем и Богом.

Вся почта проверялась исправником, а письма шли полгода в один конец и столько же в центральную Россию. Ссыльные выбрали Лиона порученцем для встреч с администрацией, как наиболее образованного. Такие встречи всегда были мало приятными, если не сказать «омерзительными», по выражению Лиона.

«Дело в том, что Качоровский был не только малообразованный, невежественный человек, но и очень глупый, да при этом трусливый, как паршивый заяц. К нам он питал большое уважение, считая нас образованными и всезнающими, но и в то же время сильно побаивался, как бы мы не учинили какой-нибудь антиправительственной выходки или побега, так как это повредило бы его карьере.

Жизнь в этой проклятой дыре, именуемой совершенно незаслуженно “городом”, была невыразимо тосклива, мрачна и безнадежна, тем более, что ссылали тогда бессрочно, т.е. на всю жизнь, – ссылали и забывали»¹⁴.

Качоровский был чем-то очень взволнован. Дело в том, что казачий командир заполярного улуса Булун прислал ему секретное донесение. От Булуна до Верхоянска 900 километров, и вот в этой глухомани появились неведомые чужестранцы, говорят на непонятном языке и выдают себя за американцев. Качоровский решил их арестовать, предполагая, что это контрабандисты, но для окончательного решения счел необходимым посоветоваться с Лионом. Ссыльный интеллигент сразу же догадался, что обнаружены участники амери-

¹³ *Де-Лонг Дж.* Плавание «Жаннетты». М., 1936. С. 9. (Предисловие С.Е. Лиона.)

¹⁴ Там же.

канской полярной экспедиции, ведь ему – Лиону – приходилось об этом читать в газетах.

Лион предупредил Качоровского, что незнакомцам надо оказать помощь, и чем быстрее, тем лучше, и тогда вознаграждения посылаются на окружного исправника, как из рога изобилия.

Лион оказался прав, одним из немногих, кто добрался живым до Булуна, был главный инженер экспедиции Де-Лонга на «Жаннетте» Мельвилль.

Лион, хорошо владея английским, выяснил на первых порах при разговоре с Мельвиллем самое главное. Судно «Жаннетта», раздавленное льдами, затонуло в 770 км от Сибирского побережья и участники экспедиции (6 офицеров и 27 человек команды) тремя отрядами направились к устью Лены.

На трех лодках, одна с Де-Лонгом и еще с 12-ю членами, другая с Мельвиллем плюс девять человек и последняя партия, возглавлявшаяся лейтенантом Чиппом, пытались перебраться на материк в устье Лены. Разыгравшийся сильный шторм разбросал плавсредства, а отсутствие точных карт, шторм, голод и холод сделали свое страшное дело. Остались в живых лишь несколько человек.

Вот такая трагедия разыгралась в Сибирской Арктике в августе–декабре 1881 г., а окружной исправник Качоровский и политический ссыльный Лион оказались невольными свидетелями еще одной Арктической драмы, случившейся с теми, кто пытался достичь загадочной точки на Земном Шаре, которая называется очень просто:

«Северный полюс»!

С Малого Ляховского острова Колчак отправил на материк две партии с 24 собаками и 4 каюрами для уменьшения численности летовки на Новосибирских островах. Наконец, 23 мая экспедиция добралась до южного побережья о-ва Котельный. «Мы остановились, – пишет Колчак, – в поварне, называемой Михайлов стан, построенной экспедицией Воллосовича неподалеку от мыса Медвежьего, и немедленно принялись за организацию летовки на Котельном острове. После совета с каюрами решил освободиться от части собак, которых мы не в состоянии были прокормить до обратного зимнего пути; я оставил 80 лучших собак, а остальных 49 убил при помощи стрихнина; разделил каюров на две партии, из которых одна должна была летовать на северо-западном берегу Котельного, а другая с моим помощником П.В. Олениным отправилась на летовку на юго-восточный берег в район низовьев рек Глубокая и Балыктах, имея задачей обследование этой части острова и прилегающей к ней Земли Бунге. Сам же я с шестью людьми из состава вельботной команды остался на Михайловом стане» [88, с. 502].

Колчак решил здесь, на Михайловом стане, дожидаться вскрытия моря и тогда идти на вельботе на южную сторону Земли Бунге и Фаддеевского острова в Благовещенский пролив, перейти его и выйти к мысу Высокому Новой Сибири для дальнейшего следования на о-в Беннетта.

Несмотря на занятость, Колчак нашел время написать академику Шмидту о необходимости финансирования тех специалистов, которые продолжали в С.-Петербурге обработку материалов, собранных экспедицией. Новые ассигнования были выделены для директора Главной физической обсерватории в С.-Петербурге академику М.А. Рыкачеву и известному гидрохимику А.А. Лебединцеву, впервые в России выполнившему количественные анализы по определению содержания сероводорода в Черном море. Он участвовал в знаменитых глубоководных черноморских экспедициях в 1891–1892 гг., впервые проводивших исследования придонных вод на глубинах до 2000 м. Данные Лебединцева по Черному морю вошли в золотой фонд классических гидрохимических исследований в России, впервые открывших великую «сероводородную тайну» черноморских вод. С этого момента химическая структура вод Черного моря привлекла внимание разных специалистов, исследования которых прояснили многое в столь своеобразном и уникальном бассейне. Поэтому обращение Колчака именно к А.А. Лебединцеву совсем не случайно, последний считался гидрохимиком высокого ранга. Безусловно, это было вызвано желанием Колчака выполнить анализы по содержанию основных химических компонентов в пробах воды, собранных по пути следования шхуны «Заря» с максимальной точностью.

Вот что ответил академик Ф.Б. Шмидт:

«Русская полярная экспедиция

Председатель Комиссии для снаряжения экспедиции

В Правление Императорской академии наук

Имею честь покорнейше просить Правление выдать из сумм Русской полярной экспедиции:

1) 500 рублей академику М.А. Рыкачеву под отчет на расходы по вычислению метеорологических наблюдений, собранных экспедицией, и

2) 50 рублей Арсению Арсеньевичу Лебединцеву авансом на расходы по обработке гидрологического материала (проб воды) экспедиции.

Обе ассигновки прошу выписать на имя казначея Академии В.А. Рышкова. С.-Петербург

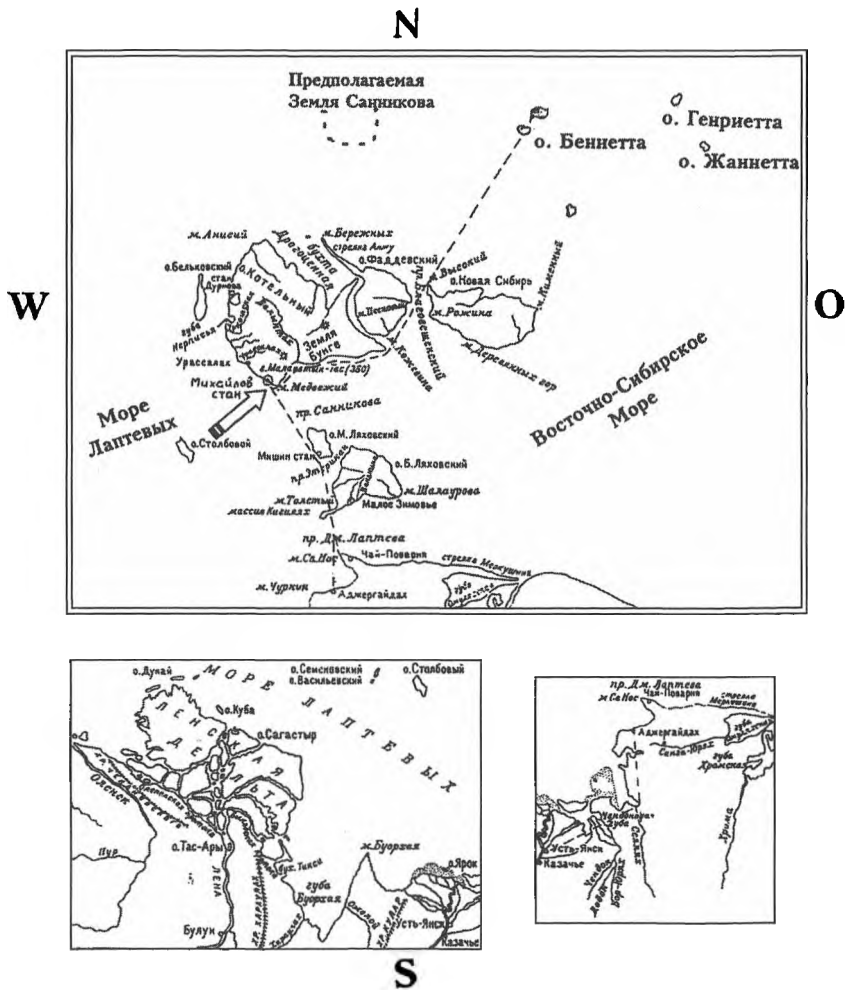
31 октября 1903 г.

Академик Шмидт»¹⁵.

Возможности Колчака, связанные с проведением исследовательских работ в период движения Спасательной экспедиции к о-ву Беннетта, были очень скромные. «С нашими ограниченными средствами, – пишет в отчете Колчак, – научных работ произ-

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 49.

водить мы почти не могли; я вел обычные метеорологические наблюдения, делал астрономические определения для вывода широты и долготы стана и для определения поправки хронометров, занимался сбором посттретичных остатков млекопитающих и делал наблюдения над льдом и явлениями, связанными с ледяным покровом у берегов. Мой помощник П.В. Оленин, распола-

Схематическая карта движения Спасательной экспедиции лейтенанта А.В. Колчака на о. Беннетта (май–август 1903 г.). Пунктирная линия – маршрут движения вельбота спасателей к о. Беннетта. Обратный путь соответствует той же пунктирной линии продолжением движения из Аджергайдаха на собачьих упряжках в Усть-Янск

гавший также очень скудными средствами, занимался, согласно моей инструкции, ботаническими и зоологическими работами» [89, с. 152].

Спасатели убеждены: остров Беннетта будет достигнут

В Арктику пришла весна. Лед в море посинел, стали оседать и разваливаться торосы, грязно-бурая тундра покрылась цветами альпийских растений, птицы начали выводить птенцов и собираться в стаи, готовясь к отлету на юг, а лед все еще стоял неподвижно.

«Часть из нас, – писал Колчак, – с утра до вечера проводила все время на охоте, стараясь экономить небольшие запасы провизии, привезенные с собой. Олени, гуси и утки и отчасти рыбы из породы лососей, которых мы ловили самодельными ставными сетями, перегораживая ими устья тундреных речек, обеспечивали нам постоянно запасы свежей пищи, и прибегать к консервам приходилось сравнительно нечасто. С образованием широкой полыни в устье речки мы приступили к испытанию вельбота, перешли паруса, несколько раз испробовали его нагрузку, испытали прочность приделанных полозьев и приемы для вытаскивания вельбота на лед для передвижения его тягой» [88, с. 503].

Знакомясь с тем, что писал Колчак, приходишь к удивительному выводу: за минувшее столетие в жизнь и работу небольших исследовательских групп в Арктике внесено весьма мало существенных изменений. Личное мужество, осторожность, трезвая оценка сил – вот что лежит в основе успеха любого арктического предприятия.

Первую попытку выйти в море Колчак и его спутники предприняли 21 июля, но, дойдя до мыса Медвежьего, убедились, что лед в своем первом движении приблизился к берегам и сомкнул все полыни и трещины до самого горизонта.

Пришлось ждать несколько дней. Путь спасателей лежал от о-ва Котельный вдоль южного берега Земли Бунге к о-ву Фаддеевскому, вдоль берегов последнего к мысу Благовещения, с которого семеро смельчаков, как уже говорилось, предполагали перебраться через Благовещенский пролив на Новую Сибирь к мысу Высокому, служившему стартовой площадкой для многих полярников, пытавшихся овладеть Арктикой.

После выхода с Михайлова стана и почти до Новой Сибири шел сплошной снег, вернее даже не снег, а белая стена,

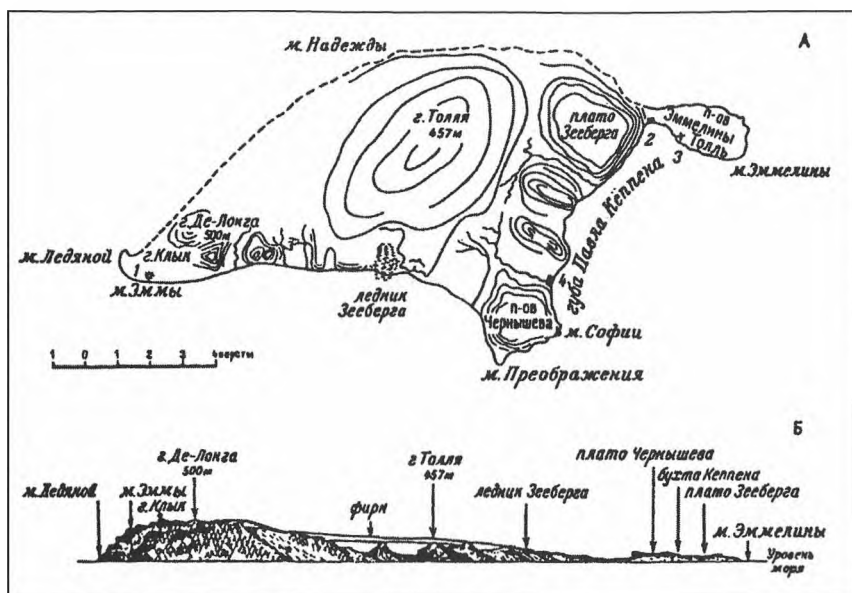
превращавшаяся в потоки воды, вымачивая отважную семерку хуже дождя. Все испытывали ощущение холода сильнее, чем в сухие морозные дни. Время от времени, чтобы отдохнуть и согреться, они предпринимали высадку на берег. Вельбот, нагруженный до предела, часто садился на мель. «Приходилось вылезать всем в воду, – повествует Колчак без лишнего пафоса, – и тащить, насколько хватало сил, вельбот ближе к берегу; затем мы переносили палатку и необходимые вещи на берег, разводили костер из плавника, отдыхали и затем принимались снова бродить по ледяной воде¹⁶, пока не удавалось вытащить вельбот на глубокое место, где мы ставили паруса и отправлялись дальше» [88, с. 504].

Тяжелым для всех был переход к берегам Фаддеевского острова, вельбот приходилось останавливать на торосах, около суток во время шторма все оказались в жестких объятиях ледяного хаоса, и спасатели молили Бога не дать им погибнуть. Вокруг не видно ни зги, слышен только грохот от напирającego льда. Торос, образуя трещины, готов был развалиться и унести в лютую пучину отважных смельчаков, бросивших вызов природе, живой по своим, неведомым людям законам.

Колчак обнаружил уникальное явление – существование пресного льда под слоем морской воды. По его мнению, эти древние ледники, пережившие трансгрессию моря (наступление моря на сушу) и простирающиеся под уровнем моря, образуют вблизи берегов Фаддеевского острова и Новой Сибири настоящее ледяное дно, прикрытое только местами тонким слоем илистых отложений. Колчак дает объяснение этому странному феномену – образованию пресного льда в соленой морской воде – и подробно разбирает ледяные метаморфозы в своей знаменитой монографии «Лед Карского и Сибирского морей», о которой мы будем говорить в специальной главе.

Молодой Колчак всегда стремился к исследовательской работе. Его ранние публикации за 1899 г., посвященные гидрологическим наблюдениям и выверке карт холодных течений у берегов Кореи, несомненно, представляют большой научный и практический интерес [21]. В этом же арктическом плавании важнейшим разделом науки о море для Колчака становится гляциология. Однако он понимает всю серьезность возложенного на него в 1903 г. поручения как на руководителя Спасательной экспедиции, и этому он отдает все силы и весь свой трехлетний опыт, накопленный в северных широтах.

¹⁶ Температура замерзания морской воды –1,19 °С при солёности 35 г/кг, или 35‰.

Остров Беннетта (А) по съемке Э.В. Толля, Ф.Г. Зееберга с дополнениями А.В. Колчака и орографический профиль (Б) с юго-запада [42, с. 195]
 Цифры на карте: 1 – гурий Толля, 2 – место первой постройки дома, 3 – крест в память погибших участников экспедиции Толля, 4 – дом, где были найдены документы и четыре ящика геологических коллекций Толля

«Нам пришлось, – вспоминает Колчак, – два раза перебираться через Благовещенский пролив, и мы провели около 3 суток на этом 25-верстном пространстве в самой тяжелой, серьезной работе, осложняемой туманом и снегом, то вытаскивая вельбот на стоячие льдины, чтобы избежать напора и не быть увлеченными стремительно несущимися массами льда, то снова спуская его на воду. Эта работа оставила у нас впечатление наиболее трудной части нашего плавания на Беннетт» [88, с. 509].

На Новой Сибири партия Колчака встретила инженера Бруснева, летовавшего там на случай возвращения Толля. Были обнаружены следы стоянки Толля перед его отправлением на о-в Беннетта.

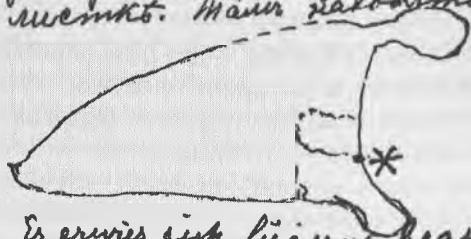
Последняя стоянка Толля на мысе Высоком была обнаружена М.И. Брусневым в марте 1903 г. К деревянному столбу была прикреплена консервная банка и дощечка с надписью «Для писем». Очевидно, Толль предполагал, что «Заря» прежде всего окажется в этих местах. Внутри банки лежало последнее послание Толля, которое было весьма лаконичным и сугубо деловым:

21 июля благополучно дошли
на Беннетта. Отправились сюда
по восточному берегу на север.
Одна из птиц из 3х птиц хвостарезаная
на 7 августа была на 9.00 на север

25 июля 1902.
от Беннетта, или Дюна

В. Г. Зееберг

23 X 1902 Сентябрь.
Нам оказалось больше удобным, восточный
горы где мы не имеем никаких препятствий
места. Там находимся документы.

Зееберг

Es erwies sich für uns bequemer, an dem
hier auf diesem östlichen bezeichneten Ort das Land
zu bauen. In ihm befinden sich die Documente.
Zeeberg.

Записки Э.В. Толля и Ф.Г. Зееберга президенту Императорской академии наук,
обнаруженные А.В. Колчаком на о. Беннетта 17-20 августа 1903 г.

«Склад (депо) находится в 30 км к юго-востоку отсюда, около 4 км дальше – амбар. В последнем уложены коллекции (4 ящика), ящик с фотографическими пластинками, 1 ящик с барографом и тренога; кроме того, две медвежьи шкуры. Коллекции намокли, если они здесь останутся, то будут потеряны. Мы пришли сюда 4 июля вечером. Отправляемся дальше 12 июля днем. Все благополучно. Толль, мыс Высокий. 11 июля 1902 г.» [90, с. 174–175].

На мысе Эммы спасатели обнаружили бутылку с тремя записками, которые находились здесь уже больше года (см. с. 284–287)¹⁷.

Записка от 21.VII: «21 июля благополучно доплыли на байдарках. Отправимся сегодня по восточному берегу к северу. Одна партия из нас постарается 7 августа быть на этом месте. 25 июля 1902 г. Остров Беннетта, мыс Эммы. Бар. Толль».

Другая записка Толля, озаглавленная «Для ищущих нас», содержала план о-ва Беннетта, на котором были нанесены основные объекты (их одиннадцать) и указано место постройки дома с датой 26 августа и 14 сентября 1902 г.

И записка, написанная Зеебергом: «Нам оказалось более удобным выстроить дом на месте, означенном здесь на этом листке. Там находятся документы. 23 октября 1902 г. Зееберг» [42, с. 182].

Из найденных в бутылке текстов напрашивался вывод, что группа Толля готовилась к зимовке на острове, если не будет снята «Зарей». И вдруг в поварне, которая была указана на схеме Зееберга, Колчак обнаружил последние записи Толля. Это был отчет на имя президента Императорской академии наук на двух языках: русском и немецком, перечень оставленных инструментов и такой текст: «Отправимся сегодня на юг. Провизии имеем на 14–20 дней. Все здоровы. Э. Толль. Губа Павла Кёпшена острова Беннетта. 26.X–8.XI 1902 г.» [94, с. 159].

Колчак, еще и еще просматривая найденные документы и вчитываясь в текст письма на имя президента АН Великого князя, пытался как бы между строк найти причину ухода Толля с острова в глубокую полярную ночь. В который раз уже Колчак читал: «Прошли благополучно на двух байдарках оставшиеся 23 км до острова Беннетта...». Это была последняя весточка, полученная от исчезнувшей навсегда четверки.

Казалось очень странным, что Протодьяконов и Горохов, хорошо знающие арктические погодные сюрпризы и коварный нрав Ледовитого океана, не поспешили соорудить хотя бы примитивную избу из плавника на случай возможной зимовки.

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 73. См. также: Приложение к отчету Толля: Изв. Имп. АН. 1904. V серия, май. Т. XX, № 5. С. 158–160 и две таблицы факсимиле документов.

Для ищущих нас.

Вторая составленная
Понедельник 26 августа 1902 г.
на основе моего исследования.
впервые составленная

- 6. Прямая гора в виде зуба в южной вершинной части Дюна
- до точки а. у этой горы южные склоны безлесны. Потом вступают 2
- складчатые горы без тесных пород и восточный и западный, кт. ...
- возвышенности через внутренние тесные горы, кривые ...
- 3. Изучающая долина дикого в 1 м вершины вале берла и ...
- фундаментальности выветрели чьи скелеты ...
- 4. ...
- 5. Впадина между горам 4 и 6. Пространство береговой скалы
- у 6 около вершины.

8. Число и состав ... (восточная часть) ...

9. ...

10. Широкая долина и глубокая ...

11. Поворотный полуостров. и т. д.

12. ...

13. ...

14. ...

15. ...

16. ...

17. ...

18. ...

19. ...

Записка Э.В. Толля «Для ищущих нас». Понедельник 26 августа 1902 г., о. Беннетта и впервые составленная схема о. Беннетта

большой промоине спуститься к обрывистому безымянному мысу, выдающемуся в море.

«Я шел передом, – как вспоминает Бегичев, – увидел впереди трещину, с разбега перепрыгнул ее. Колчак тоже разбежался и прыгнул, но попал прямо в середину трещины и скрылся под водой. Я бросился к нему, но его было не видно, потом показалась его ветряная рубашка. Я схватил его за нее и вытащил на лед. Он совершенно потерялся. Но это было недостаточно. Под ним опять подломился лед, и он совершенно погрузился в воду и стал тонуть. Я быстро схватил его за голову... вытащил еле живого на лед и осторожно перенес... к берегу. Положил на камни и стал звать Инькова, который стоит возле трещины и кричит: “Утонул, утонул!” – совершенно растерялся. Я крикнул ему: “Перестань орать, иди ко мне!” Он подошел. Мы сняли с Колчака сапоги и всю одежду, потом я снял с себя егерское белье и стал одевать на Колчака. Оказалось, он еще живой. Я закурил трубку и дал ему. Он пришел в себя. Я стал ему говорить, что может он с Иньковым вернуться назад в палатку, и я пойду один. Он сказал: “Я от тебя не отстану, тоже пойду с тобой”. Я пошел по камням, где были крутые подъемы и спуски. Он совершенно согрелся и благодарил меня, сказал, что в жизни никогда этого случая не забудет...

В первую минуту обрадовался лейтенант – спасен! жив!... Несколько месяцев во время странствования с Бегичевым по северу будет он помнить, испытывать чувство благодарности к своему спасителю. На что даже решится – пригласит Бегичева быть шафером на своей свадьбе. Это ль не честь для простого боцмана!» – пишет биограф Бегичева Н. Болотников [91, с. 102–103].

Не единожды исследователи спасали из объятий смерти друг друга в экстремальных условиях коварной Арктики. Фритьоф Нансен как-то ведь сказал: «Потерять в полярных широтах жизнь легче, чем выронить монету из дырявого кармана». И Колчак многократно убеждался в справедливости этих слов, выстрадавших великим арктическим первопроходцем. Колчак часто вспоминал выдающуюся историческую фигуру – знаменитого адмирала де Траверсе, вышедшего победителем в сражениях невероятных и, казалось бы, проигранных [23].

Да, исследователи Арктики исчезали в ней надолго. В то время мир еще не имел тех колоссальных удобств, которые принесло радио. А первые транспортные самолеты тогда еще не только не видели голубого неба, они даже не сделали свои неуверенные и робкие пробежки по земле. Целых три года норвежцы не имели никаких вестей об экспедиции Фритьофа Нансена, а «Фрам»

все эти трудные и холодные годы блуждал в полярных широтах и вернулся победителем. А что же с Толлем и его спутниками?

Остров Беннетта, как неприступная крепость, был окружен многими препятствиями: вода, лед, туман. Всюду на горизонте, как только рассеивался туман, проглядывали черные, отвесно спускающиеся в море скальные стены острова с четко различимыми шапками двух ледников.

Особенно тревожными оказались последние сутки перед приходом на остров. В открытом море не удалось обнаружить больших льдин, и пришлось спасателям ночь провести в страшной тревоге: льдина, на которой они разместились, ночью треснула, и вельбот оказался в воде. Только благодаря бдительности и бесстрашию боцмана Бегичева, бросившегося в ледяную воду наперехват вельботу, удалось удержать и сохранить единственное плавсредство, без которого все семеро оказались бы на грани гибели, но смерть и на этот раз отступила перед мужеством...

Остров Беннетта представляет собой как бы прямоугольник. На юго-западе – мыс Эммы, это название ему дал в 1881 г. Де-Лонг в честь своей жены; на юго-востоке – мыс Софии, в честь невесты Колчака; на северо-востоке – мыс Эммелины, в честь жены барона Толля. Два последних мыса были названы Колчаком в 1903 г. при посещении острова.

«Разве нет задач, – писал гидролог Ф.Ф. Врангель, – более неотложных, более близких, требующих меньше затраты сил нравственных и физических, чем исследования безлюдных, мертвых, неприглядных областей вечного снега? Нужно ли оправдывать личные жертвы, приносимые людьми ради идеи: расширить круг человеческих знаний, стать властелином Земли?

...Все это вызывает готовность переносить лишения, даже рисковать своей жизнью, служит порукою тому, что общество, воспитавшее в своей среде такой энтузиазм, еще юно, бодро, мужественно» [38, с. 112].

Многие столетия о-в Беннетта, как, впрочем, и другие не менее притягательные кусочки арктической земли, были знакомы только птицам да белым медведям – бродягам, ищущим счастья среди торосов и стамух. Однако даже зверь не всегда мог добыть пропитание в северных широтах. В экстремальных условиях жизнь удается спасти далеко не каждому...

Еще в 1886 г., изучая вместе с зоологом А.А. Бунге (1851–1930) Новосибирские острова, Э.В. Толль обнаружил у горизонта очертания земли. И на картах России в виде загадочного пунктира появилась гипотетическая Земля Санникова. Тогда Государь Император, услышав в который раз о Земле Санникова,

то ли в шутку, то ли всерьез прилюдно соизволил обнадежить смельчаков и посулил: «Кто откроет эту землю-невидимку, тому и принадлежать она будет. Дерзайте, лейтенанты!»

После величайших испытаний отважные полярники достигли о-ва Беннетта. А.В. Колчак в своем отчете об обследовании о-ва Беннетта достаточно подробно описывает встречу с этим недоступным феноменом. Дата завершения отчета 9/22 марта 1904 г.

Приведем часть отчета Колчака, который до настоящего времени не цитировался ни в одном издании:

«Море было очень чисто ото льда, и к вечеру 16 августа я был поставлен в затруднение найти надежную льдину для ночевки. Пришлось вытануться на старую полуразрушенную льдину и поставить на ней палатку. Ночью поднялся свежий южный ветер, льдину разломало, и мы едва не лишились вельбота. На другой день, 17 августа, я продолжал идти под парусами, ничего не видя за туманом. Только в половине второго часа дня поднявшийся наконец туман открыл нам прямо по курсу скалы и обрыв южного берега острова Беннетта вблизи мыса Эммы. Пройдя массы довольно редкого мощного льда без особых затруднений, я в 5 ч вечера пристал к берегу острова. Еще не вышли мы из вельбота, как Железников, стоявший с крюком на баке, достал лежащий у уровня воды блестящий предмет, оказавшийся крышкой от алюминиевого котелка, который находился в партии барона Толля. Выйдя на берег, мы сейчас же нашли небольшой керн с лежащей под ним медвежьей шкурой, вблизи которого виднелись следы стоянки: обугленные куски плавника, олени и птичьи кости, пустые патроны, сломанные черенки охотничьих ножей, отрезанные бронзовые наконечники палаточных кольшксов и т.п. Факт пребывания барона Толля был установлен таким образом сразу. Вытнув вельбот и переночевав, я с Бегичевым и помором Рогачевым пошел на другой день на мыс Эммы, где по условию должен был находиться знак барона Толля. Нам пришлось перебираться через внутреннее плато острова, покрытое фирном, так как берег во многих местах совершенно недоступен и представляет из себя отвесные обрывы в несколько сот футов высоты (высота плато около 900 футов). Приближаясь к мысу Эммы, мы нашли в двух местах следы пребывания партии барона Толля: остатки костра, рубленое бревно плавника, олени рога со следами топора и обрывки в торой медвежьей шкуры, вероятно, съеденной другим медведем. На мысе Эммы, на россыпи на высоте около 60'¹⁸ над морем мы увидели керн с воткнутым однолопастным байдарочным веслом высотой около 3¹/₂-4' (...)

Перебравшись через два ледника, из которых один был шириною более одной версты, мы прошли к низкой части острова, где на берегу лежало много плавника. Мы нашли здесь две песцовые пасти и 4 ящика с геологическими коллекциями. Пройдя возвышенный полуостров юго-восточной части острова, который я назвал именем академика Чернышева, мы увидели небольшую поварню и через несколько минут были у ней. Поварня оказалась пустой и до половины наполненной снегом, смерзшимся в твердую ледяную массу, из-под которой торчали кусок дерева и куча камней от полуразобранного камина.

¹⁸ Минуты переводятся в метрическую систему с помощью прямоугольного треугольника ABC, в котором известен один катет (a) и $\text{tg } A$ острого угла, другой катет $|h|$ – высота объекта определяется по формуле $\text{tg } A = a/h$. См.: *Выгодский М.Я.* Справочник по элементарной математике. М.: Наука, 1972. С. 337.

На полках мы нашли анемометр Фуса, ящик с мелкими геологическими образцами, которые я взял с собой, и жестянку приблизительно с 40 снаряженными дробовыми патронами, “Морской календарь”, чистые записные книжки, несколько листов “Астрономии” Цингера, пустые жестянки из-под пороха и консервов, отвертку и несколько пустых склянок. На сторонах маленькой поварни около 10’ в поперечнике лежала шкурка медвежонка, летняя обувь барона Толля и Зеберга, обрывки платья, берданка без затвора и кожаная португеза для геологического молотка со сломанным складным футом. Окончив осмотр, мы приступили к разламыванию льда, и скоро нашли под кучей камней обшитый парусиной ящик с кругом Пистора, в котором лежал четвертый и последний документ, адресованный на имя Президента Академии наук, на двух языках, русском и немецком, и содержащий краткое извещение о переходе партии барона с Новой Сибири на Беннетт, краткое описание острова Беннетта, оказавшегося небольшим скалистым островком около 40 верст в окружности, и извещение об уходе партии барона Толля с 14–20-дневным запасом провизии на юг 8 ноября 1902 г.

Продолжая ломать лед и разбирать камни, мы вынули испорченный фотографический аппарат, совершенно изломанный инклинатор Краузе и ящик с нетронутыми фотографическими пластинками. Больше ничего не было. Снаружи около поварни стоял столб без надписи со сброшенной изломанной самодельной будкой для термометров, валялись куски рубленного дерева и несколько жестянок из-под консервов, одна из которых была наполнена топленным медвежьим жиром. Взяв документ, круг Пистора и жестянку с геологическими образцами, я отправился на место стоянки, куда и пришел к 6 ч. утра 19 августа (1903 г. – В.С.). Придя к палатке, я сейчас же послал трех человек к поварне еще раз осмотреть все и хорошенько взломать лед, чтобы убедиться, что там ничего более не осталось. На обратном пути люди должны были взять часть геологических коллекций, которую я накануне отобрал из оставленных бароном ящиков. К вечеру посланные вернулись, не принеся ничего нового. Я решил оставить Беннетт при первой возможности, считая дальнейшие поиски не оправдывающими риска позднего возвращения на Котельный: во-первых, конец августа надо считать концом шлюпочного плавания, во-вторых, запасы провизии, равно как и ограниченное количество платья и патронов, не позволяли мне задерживаться на Новой Сибири или Фаддеевском. Остров Беннетта представился мне почти во всей своей окружности, я видел, что это небольшой островок, с любого конца которого можно в течение дня дойти до поварни, и признаю невозможным, чтобы кто-либо из партии барона, высадившись на берег этого острова и будучи живым, не дошел бы до этой поварни.

20 августа я оставил Беннетт, сложив около места стоянки большой керн, на котором оставил доску с датами посещений острова мною и бароном Толлем. Переход до Новой Сибири я сделал также в течение приблизительно 2-х суток, но уже при совершенно иных условиях.

В море было очень много льда, погоды стояли под конец очень свежие, хотя присутствие льда не давало образоваться большой волне. Опасаясь войти в туман и во льду в Благовещенский пролив, я вышел восточнее мыса Высокого к мысу Вознесения, куда и пришел ночью 22 числа. 24 августа я пришел на стан Бирули, где отдыхал три дня, и 27 числа ушел через пролив на Благовещенский мыс. Употребив на переход пролива более двух суток, я 29 числа высадился на Фаддеевском острове на южную сторону Благовещенского мыса, где встретился, согласно условию, с боцманматом Толстовым.

Переночевав на 31 августа и приняв в вельбот Толстова, я продолжал идти вдоль берегов Фаддеевского острова на юг. 2 сентября выпал густой снег, уже

не стаявший; мороз до -2° стоял также и в течение дня. Море покрывалось са- лом и новым льдом. С большими затруднениями прошли мы Фаддеевский ост- ров, где я рассчитывал остаться до осени, и 9 сентября благополучно высадил- ся на Михайловом стане острова Котельного. Мой помощник уже был на Ели- сеевской поварне, а через несколько дней вернулись и трое промышленников (промысловиков. – В.С.), летовавших на западном берегу Котельного; обе пар- тии прекрасно выполнили свое назначение и прокормили 80 собак.

Мы расширили и приспособили для зимы свои поварни, заготовили запасы дров и продолжали охоту на оленей, осенью собирающихся в ожидании возмож- ного перехода морем в южной части острова. В конце сентября я предпринял небольшую санную поездку на Малакатын-Тас и перенес туда термометр, уста- новленный экспедицией Воллосовича на одном из отрогов, на самую высшую точку этого массива. П.В. Оленин ездил в это время осмотреть устья рек Глу- бокой и Балыктаха для выяснения взаимного положения этих рек и характера их низовьев. 8 октября море у берегов покрылось льдом, но 20 октября крепким ветром весь лед взломало и унесло в море, которое представлялось совершенно чистым ото льда. 25 октября море у берегов снова покрылось льдом, а 27 я с Олениным уехал на двух нартах в Нерпалах; пройти далее на север мне не уда- лось, так как в Нерпалахе уже не было оленей, и пришлось вернуться назад. Крепкие ветра позволили оставить остров только 29 ноября: ранее море не ста- новилось, да и теперь мы шли местами по очень тонкому льду, пересекая новые трещины, указывавшие на движение ледяного покрова.

Во второй половине ноября настали штилы, температура упала до -46° – -47° С. 9 декабря мы пришли в Аджергайдах, где нас встретил улусный голова Алексей Томский с посланными А.Д. Паляком оленями и провизией. 14 декаб- ря я прибыл в Казачье, а к 20 числу пришла и вторая партия, вышедшая с Ели- сеевского стана 1 декабря. 23 декабря я послал Бегичева нарочным с телеграм- мами в Якутск, затем отправил всех людей и грузы и 2 января выехал сам. Мо- розы в это время доходили в Казачьем до -55° , а в Верхоянске, где я был в пер- вых числах января, падали ниже -60° ...

8 февраля 1904 г. я приехал в Якутск, и на другой день уже получились тре- вожные известия с Дальнего Востока. 10 февраля было получено известие об объявлении войны, и я, испросив разрешение Великого князя Константина Константиновича отправиться на эскадру Тихого океана, сдал окончание дел экспедиции в Якутске своему помощнику Павлу Васильевичу Оленину. 16 фев- ралья выехал в Иркутск, куда и прибыл со своей командой 11 марта. 15 марта я отправил под командой Железникова четырех поморов в С.-Петербург, а сам остался с Бегичевым, пожелавшим также ехать со мной в Порт-Артур. 22 мар- та я и Бегичев уезжаем в Порт-Артур.

Иркутск, 22 марта 1904 г.

Лейтенант Колчак» [89, с. 153–157].

Прошло два года...

Первый отчет 1904 г. писался в тяжелых условиях севера, в спеш- ке и подготовке к отъезду в Порт-Артур на русско-японскую войну [89].

Второй отчет Колчак писал в С.-Петербурге, вернувшись ра- ненным и больным из японского плена через Канаду в Россию

[88]. Этот отчет готовился боевым офицером-фронтовиком почти два года спустя после написания предварительного отчета 9/22 марта 1904 г., отправленного из Иркутска. Интересно сопоставить эти два документа, созданные Колчаком на разных этапах своей жизни. Приводим заключительную часть отчета 1905 г.:

«Выяснив, что партия барона Толля ушла с Беннетта за 9 месяцев до моего прихода, я решил оставить остров и идти на юг при первом попутном ветре, более же детальным обследованием острова заняться только в случае неблагоприятной погоды; 20 августа, взяв с собой небольшую часть геологических коллекций барона Толля, брошенных им при уходе, при легком северном ветре, отодвинувшем от берега лед, мы отвалили от острова Беннетта и пошли на юг. 22 августа утром мы вышли к мысу Вознесения Новой Сибири. Состояние моря сильно изменилось в эти дни; приближаясь к Новосибирским островам, мы встретили много льда, а в день нашего прихода на Новую Сибирь имели крепкую погоду с большим волнением в море, снегом и дождем. Отдохнув у М.И. Бруснева, мы двое суток перебирались через Благовещенский пролив. С половины августа уже начались морозы, особенно по ночам. Свежие погоды со снегом, крупной волной и массы льда сопровождали наше обратное плавание до 9 сентября, когда мы высадились у своей поварни на Михайловом стане, после сорокадневного отсутствия. Скоро вернулась и летовавшая партия, проведя благополучно свои летовки на Котельном и прокормив охотой всех собак. Около 23 сентября настала уже настоящая зима: речки стали, улетели почти все птицы, и с севера стали показываться стада оленей. Сентябрь и октябрь месяцы прошли в постоянной охоте на оленей, и было сделано несколько санных поездов внутрь острова, на реку Балыктах и в Нерпичью губу. 29 и 30 ноября, когда море окончательно стало, я оставил остров Котельный, выйдя двумя партиями, и к 20 декабря весь состав моей экспедиции, а также и инженера Бруснева, прибыл в Казачье на Яне.

М.И. Брусневу удалось в сентябре месяце обойти кругом весь берег Новой Сибири – работа, повторенная впервые через 80 лет после экспедиции лейтенанта Анжу. Таким образом, все берега Котельного, Земли Бунге, Фаддеевского острова и Новой Сибири были обследованы и был посещен остров Беннетта. Остался необойденным только узкий полуостров, вытягивающийся на северо-запад от Фаддеевского острова и носящий название полуострова, или стрелки Анжу. Нигде не было найдено никаких следов, указывающих на возвращение кого-либо из партии барона Толля с острова Беннетта на Новосибирские острова. Три года уже прошло с того времени, как барон Толль оставил остров Беннетта, и факт его гибели со всей партией уже не подлежит сомнению, внеся еще одно прибавление к длинной записи смелых людей, положивших свою жизнь в борьбе с природой арктической области во имя научных достижений.

1905 г. 25 ноября С.-Петербург

Лейтенант Колчак» [88, с. 518–519].

Анализ найденных Колчаком документов дает, по мнению Ю. Чайковского, основание предположить существование конфликтной ситуации в группе, что, конечно, не способствовало благополучному завершению столь рискованного предприятия. Толль, обычно корректный в отношениях с людьми, вел линию на поиски Земли Санникова поразительно жестко – видимо, на

этой почве и вырос конфликт между четырьмя членами группы [95, с. 8–9].

Последний маршрут героической четверки – суровая расплата за поспешность и необдуманность действий, он оказался роковой дорогой, ведущей в небытие...

Эти жертвы первопроходцев открывали новые пути-дороги тем, кто шел за ними, и с благодарностью они воспринимали опыт российских колумбов – Толля, Седова, Русанова, Г.Л. Брусилова и многих других.

За 98 дней Толлю удалось сделать несколько маршрутов и составить карту острова, найденную Колчаком и его спутниками. От поисков Земли Санникова Толль отказался, а намеченная ранее зимовка на о-ве Беннетта была по неясным причинам отвергнута. Группа отправилась в обратный путь в очень трудное время, когда световой день составлял всего два-три часа и, следовательно, основная часть перехода выпадала на полярную ночь. В таких условиях полярников спасти могло только чудо, но его, увы, не случилось.

Спасательная экспедиция А.В. Колчака оказалась более удачливой. Спасатели успешно провели семимесячный поход с беспрецедентным арктическим морским 90-дневным санно-шлюпочным переходом: село Аджергайдах – Котельный – Фаддеевский – Новая Сибирь – Беннетта. Спасатели завершили свое грандиозное и дерзкое предприятие, увенчанное всеобщим признанием.

Колчак, анализируя возможные причины трагического финала экспедиции Толля, приходит к весьма неутешительным выводам.

«Я полагаю, – пишет Колчак, – что мотивом для оставления острова Беннетта в конце октября могло быть только сознание полной невозможности перезимовать на нем и дожидаться хотя бы светлого времени в конце февраля или марте. Невозможность же зимовки обуславливалась, главным образом недостатком пищи, так как жилищем и топливом, по-видимому, партия была обеспечена. Можно зимовать и по-эскимосски в снежном доме и обходиться минимальным количеством топлива, лишь бы располагать достаточным количеством пищи. Не буду вдаваться в детали, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что по какому-то недоразумению партией барона Толля не было использовано удобное для охоты время и не было сделано никаких запасов. Достаточно сказать, что я нашел на острове Беннетта три медвежьих шкуры – мяса трех медведей хватило бы партии на большую часть зимовки; что же касается птиц, на которых рассчитывал барон

Толль еще до своего отправления, то количество их совершенно оправдывает этот расчет, и тем более непонятным является присутствие в поварне брошенных тридцати снаряженных дробовых патронов» [88, с. 517].

Очевидно, считает Колчак, охотой на птиц не занимались. Неоправданные, как оказалось, надежды на постоянное присутствие оленей и на возможный приход «Зари» послужили причиной трагической непредусмотрительности: мяса убитых медведей в августе не заготовили. Надежались, возможно, мясо оленей заготовить осенью, но на маленьком острове было лишь стадо в 30 голов, которое могло уйти на движущийся лед и исчезнуть в море. Таким образом, все четверо оказались перед страшной дилеммой: либо остаться на острове, где грозит голодная смерть, либо броситься в отчаянное плавание в полярную ночь, что равносильно верной гибели. Один шанс из ста на спасение всегда есть, очевидно, Толль и возлагал на него надежды, веря в свою счастливую звезду.

В послесловии к изданному в 1909 г. дневнику Толля его жена, баронесса Эмелина Толль, писала, что она пыталась сохранить текст полностью, все страницы дневника освящены его смертью и должны искренне волновать читателей, раскрывая всю глубину его внутренних переживаний:

«Он серьезно относился к жизни, не мог обходиться без работы и был весь без остатка поглощен ею. Для него было жизненной потребностью даже в период величайшего трудового напряжения отдавать себе отчет в своих действиях и мыслях, уяснить себе, откуда и куда ведет жизнь со своими трудными для разрешения задачами. Он верил в будущее народа и в развитие каждого человека в отдельности, невзирая на те существенные преграды, которые стоят на пути человека как покорителя природы.

Его душа принадлежала царству вечных стремлений, и из этого царства он черпал свою нравственную силу» [см.: 55, с. 322–323].

Титульный лист книги Э.В. Толля. Перевод З.И. Виттенбург, под редакцией П.В. Виттенбурга, с немецкого издания 1909 г.

Переписка А.В. Колчака с Императорской академией наук. Свадьба. Отъезд в Порт-Артур

А.В. Колчак заботится о вельботной команде

Итак, 2 марта 1904 г. Колчак отправил в С.-Петербург из Иркутска под командой Василия Железникова четырех мезенских поморов: Алексея Дорофеева, Илью Инькова, Алексея Олупкина и Михаила Рогачева.

В письме на имя ученого секретаря Комиссии по снаряжению РПЭ В.Л. Бианки он дает самую высокую оценку их деятельности («Они стоят выше всяких похвал») и сообщает, что сам остается на несколько дней в Иркутске в связи с подготовкой отчета.

Также из Иркутска он отправляет в Академию наук три служебные телеграммы, в двух из них – категорическое требование разрешения для отъезда на фронт в Порт-Артур. Слово «фронт» здесь вполне оправданно, ведь Порт-Артур оказался осажденной крепостью, залитой кровью русских моряков. Именно туда рвался Колчак, воспитанный на героических примерах Российского Флота.

Но масса дел в связи с завершением Спасательной экспедиции легла на него как на начальника, и он понимал, что надо успеть сделать все, что от него требуется теперь, ведь из Порт-Артура можно и не вернуться.

Поэтому он много внимания уделяет людям, с которыми делил и хлеб, и холод. Его письма на имя В.Л. Бианки говорят о большой душевной теплоте и исключительном внимании, которые Колчак проявлял к своим подчиненным. Приводим письмо, в котором он ходатайствует о награждении всех участников Спасательной экспедиции:

«Императорская академия наук

Командир Новосибирской партии

Февраля 24 дня 1904 г.

Иркутск

С настоящим письмом придут в Петербург 5 человек моей вельботной команды, кроме боцмана Бегичева, который поедет со мной на эскадру Тихого океана. Не имея возможности лично в Петербурге позаботиться о своих людях, я прошу Вас не оставить их без Ваших распоряжений относительно выдачи им содержания и отправки на работу; относительно содержания я прошу Вас иметь в виду, что я считаю необходимым увеличить содержание 4 мезенских поморам до 60 рублей за каждый месяц, проведенный на службе моей экспедиции, т.к. ранее я считал упомянутое содержание только для тех месяцев, которые относятся к пребыванию на островах, и в расчетных книжках положил им содержание по 40 рублей в месяц.

Я считаю, что *деятельность всех людей моей команды была одинаково полезна, и справедливость требует и одинакового вознаграждения. Я прошу Вашего ходатайства о награждении всех участников моей экспедиции медалями, и если возможно, то и деньгами, признавая, что все они заслуживают самой высокой награды* (Курсив мой. – В.С.) за свое отношение к делу и поведение в течение всего времени пребывания на службе Академии. Успех моего предприятия, заключающего в самом себе с первых дней все начала для полного уничтожения и невозможности его выполнить, обусловливается энергией, смелостью, знанием дела и самым безукоризненным отношением к нему моих помощников, которые в этом отношении стоят выше всяких похвал. Что же касается до инородцев, то о них я буду писать отдельно.

Я остаюсь в Иркутске еще несколько дней и занят теперь составлением отчетности по делам экспедиции. Мои документы и денежную отчетность я посылаю с моим отцом, который передаст их Вам лично. Я не знаю, удастся ли мне составить отчет об экспедиции, но, во всяком случае, у меня есть дневники, где подробно описан каждый шаг моего предприятия. Письмо Ваше я получил. На вопросы баронессы я даю следующие ответы:

1. Никаких писем к баронессе (жене Толля. – В.С.) или к кому-либо другому нет; я дважды об этом телеграфировал баронессе.

2. Я обошел южный берег острова и часть восточного; Беннетт представляет из себя высокий до 1500' скалистый остров около 40–45 верст в окружности, во многих местах недоступный для высадки, т.к. берег представляется в виде отвесных скалистых обрывов в несколько сот футов высоты. По Толлю, площадь его не более 200 кв. верст; с береговых высот я видел во все стороны открытое море без признаков земли, вблизи расположенной. На чем основано предположение о соединении Беннетта с Гренландией, я не знаю. Беннетт – небольшой остров, такой же, как Генриетта и Жаннетта. В течение суток я прошел на мыс Эммы и оттуда на восточный берег к поварне барона и, убедившись, что они ушли десять месяцев тому назад, не считал вправе оставаться на этом острове более того времени, которое я там провел, т.е. трое суток; искать остатки байдарок или случайный выброшенный труп я считал вещь, не оправдывавшей риска потерять время для возвращения, т.к. исходным пунктом у меня был Михайлов стан, а не зимовье Бирули; и без того я шел назад при очень серьезных условиях: в мороз без теплой одежды с риском застрять в любом пункте на Фаддеевском острове или Земле Бунге. Если хотя бы один человек из партии барона вернулся бы на него обратно после ухода 26 октября на юг, то он, будучи живым, дошел бы до поварни, т.к. расстояния на этом острове очень малы, – раз этого нет, то никто из них и не возвращался обратно, что же касается до «пригнания» к северной оконечности не живых людей, а обломков или трупов, то это конечно возможно, как и к какому-либо другому месту на Новосибирских

островах, а может быть, и на Гренландии, куда из этого района прибыли (приплыли. – В.С.) штаны Нороса¹.

Наши поиски, мои и Бруснева, доказали одно, что живых людей из партии барона на Беннетте и на Новосибирских островах во время нашего пребывания не было. Что же касается до каких-либо остатков или трупов, то найти их при условиях, в которых находились наши осмотры, можно было бы только случайно. Мы не имели средств для таких поисков, хотя бы в смысле времени, т.к. на детальный осмотр побережья, при котором с уверенностью можно было бы заключить об отсутствии где-либо какого-нибудь обломка байдарочного весла, надо несколько лет.

3. Никаких запасов, кроме небольшого количества медвежьего сала в жестянке из-под консервов, мы не нашли; на стоянках барона мы находили оленьи кости и остатки кайр. В поварне были брошены снаряженные дробовые патроны (около 40 штук) от штуцера барона, по-видимому, птиц на зимовку они не запасали, хотя их там очень много. Мы нашли две шкуры больших медведей и одного медвежонка, но костей медвежьих не находили; по-видимому медведи были убиты на льду и мясо их было брошено, по крайней мере с костями. В документе с мыса Эммы от 1/14 сентября 1902 г. барон пишет: “Имеем во всем достаток”. На последнем документе, написанном в день ухода, барон пишет: “Имеем провизии на 14–20 дней... и сегодня отправляемся на юг”. Ясных доказательств о голодовке или нужде нет, но факт ухода в такое время, как конец сентября, следует признать за доказательство, что оставаться долее на острове было нельзя. Я полагаю, что та провизия, с которой они ушли с острова, была последней и пополнить ее не предвиделось возможности. Присутствие небольшого стада оленей, как пишет барон, до некоторой степени обеспечило его партию зимней одеждой и обувью; брошенная шкура медвежонка показывает, что особой нужды в мехе не было, кроме того, мы видели вблизи поварни две песцовые пасти – песцы на острове также есть. Плавнику довольно, и в топливе нужды, конечно, не было.

4. По записке барона Толля собаки были убиты 12(25) июля в 3-х милях от мыса Высокого, когда партия вышла на взломанный и движущийся лед. Ни одна собака не достигла острова Беннетта.

Вот ответы на Ваши вопросы. Мне очень жаль, что я не могу прибыть в Петербург лично и вынужден бросить, может быть, навсегда недоконченными свои работы и дневники, но что делать, иначе поступить я не считаю себя вправе; ведь я, в конце концов, не ученый, а морской офицер.

Я постараюсь написать отчет, если успею и буду это сделать в состоянии. Я чувствую себя очень плохо: старый ревматизм принял у меня скверную форму и сказался на деятельности сердца – та же история, что и у Вальтера, судя по всем признакам; кроме того, я устал и физически и морально, но отдыха так и не может быть. Выдержу ли я долго такие по временам невыносимые условия и напряжения, не знаю, там видно будет. Я должен кончить письмо – мои люди сейчас уезжают. До следующего письма. От всей души благодарю Вас за внима-

¹ Норос Луи П. – участник экспедиции Дж. Де-Лонга (1879–1882): он вместе с Ниндеманном ушел за помощью на юг в селение Ки-Марк-Сурку. Они держали курс на о. Тит-Арн, но имеющаяся карта, полученная от Де-Лонга, оказалась совершенно неудовлетворительной. Ценой величайших страданий, голода и холода, они все же стойко выдержали все мучения и сохранили главное – жизнь.

ние и помощь в моих частных делах и Ваши пожелания. Передайте мой привет товарищам по экспедиции и знакомым в музее.

Я остаюсь глубоко уважающий Вас

Лейтенант Колчак

P.S. При расчете жалования прошу иметь в виду, что я выдал в счет жалования

Железникову месячное содержание – 60 р.

Рогачеву за два месяца по 60 р. – 120 р. и еще 20 р., всего 140 р.

Инькову за 11/2 месяца – 90 р.

Дорофееву за 11/3 месяца – 80 р.

Олупкину за 1 месяц – 60 р.

Лейтенант Колчак»².

Не всегда высокие чиновники в Императорской академии наук относились к Колчаку с пониманием. Если вспомнить их переписку в 1903 г., то можно увидеть немало любопытного. Были случаи явного противодействия и буквальных «издевок» над Колчаком со стороны казначея Академии наук В.А. Рышкова.

Вот дословный текст письма этого чиновника прошлой эпохи:

«Многоуважаемый Валентин Львович!

Посылаю Вам для прочтения полученное мною письмо Колчака от 25 апреля 1903 г. из Казачьего. Там много интересного.

1. Уезжая, он мне говорил, что поморы наняты за 40 рублей в месяц, когда начнется экспедиция, он им прибавит еще по 10 рублей в месяц, если они окажутся достойны этого. Но вопрос в том, имел ли он право сделать это без разрешения Комиссии, снарядившей его партию. Ведь этим, наверное, интересуется контроль.

2. Как Вы смотрите на это приглашение Оленина на службу с жалованием 2 400 рублей в год. Ну, а если бы Колчаку пожелалось пригласить еще трех человек с таким же окладом? И неужели он без разрешения председателя имел право это сделать? Ведь предложение передать Оленину жалование Колчака – пустой звук, да и сам Колчак говорил, что свое жалование он получит «когда-нибудь после», как будто после оно свалится в Академию с неба.

3. Прекрасная фраза “Я покорно прошу не отказать так сделать и надеюсь, что отсутствие формы не является препятствием”. Не правда ли, фраза эта пахнет предписанием. А спрашивается, кто же будет получать по ведомости деньги Оленина, если их будут ассигновать.

Ох, уж эти лейтенанты, предписывающие Академии! С легким сердцем этот самый Колчак передерживает более 500 рублей и ограничивается тем, что в письме к академику Шмидту просит возможно скорее “устроить” эту ассигновку, *развязно заявляя* (Курсив мой. – В.С.), что “во всяком случае она необходима к осени”.

Одним словом, что *ни фраза, то перл только уж не распорядительности, а нахальства* (Курсив мой. – В.С.).

Не знаю, получили ли Вы также предписание г. Колчака, а потому спешу Вас уведомить о полученном мною, чтобы Вы успели внести в требовательную

² ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 49–52, 49 об. – 52 об.

ведомость за август жалование “поступившего” в партию г. Колчака П.В. Оленина, а об остальном многом мы поговорим с Вами при свидании, ибо, несмотря на предложение Колчака, надо же будет оформить все, *что он нагородил...* (Курсив мой. – В.С.).

Крепко жму Вашу руку!

Преданный В.А. Рышков

P.S. Пожалуйста, сохраните письмо и расписку и черкните мне, когда Вы будете в СПб.»³.

Все это писалось вальяжным казначеем в те дни, когда Колчак и его спутники на ездовых собаках и вельботе, рискуя жизнью, приближались к Новосибирским островам. И в самом деле, жизнь и судьба каждого из участников Спасательной экспедиции была поставлена на карту, которой не всегда суждено было выигрывать, если вспомнить, сколько жизней унесла коварная Арктика.

Колчак, конечно, не догадывался, какая переписка идет за его спиной, а мужественно и целеустремленно шел вперед к достижению заветной цели – о-ва Беннетта.

Финансовые проблемы.

Распоряжения А.В. Колчака перед отправкой на фронт

Не успели полярники согреться после 60-градусных морозов, как нахлынули финансовые заботы. В то время, когда спасателям приходилось преодолевать жестокие трудности, бухгалтер-ревизор Императорской АН В.А. Рышков, известный по предыдущему письму своими развязными высказываниями в адрес Колчака, сидя в тепле академического кабинета, составлял смету расходов для завершающего этапа работы экспедиции. Приводим ее полностью:

«Смета

I. Ликвидация дела в Казачьем и Якутске.	
Телеграмма от Колчака 10 февраля 1904 г.	5500 р.
II. 1. Жалование М.И. Брусневу с 1.09.02–1.04.04 по 300 р. в мес.	5700 р.
2. Награда Огрину, Шервинскому и Клуху по 101 р. 10 к.	303 р. 30 к
III. На обработку материалов и издание трудов:	
1. Четырем обрабатывающим из оклада 1800 р. в год	7200 р.
2. На издание	5000 р.

³ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 42, 43, 42 об., 43 об.

IV. Содержание членов экспедиции:	
1. Барону Толлю на год	6000 р.
2. Ф.Г. Зеебергу на год	3600 р.
3. Секретарю на год	600 р.
4. Делопроизводителю на год	300 р.
5. А.В. Колчаку на три месяца	900 р.
6. Г-ну Оленину за январь	200 р.
7. Толстову на три месяца	125 р.
8. Бегичеву на три месяца	180 р.
9. Железникову на три месяца	180 р.
10. Четырем поморам на три месяца по 40 р. в месяц ⁴	480 р.
11. Двум якутам партии барона Толля за 3 года по 300 р. в год	1800 р.
V. На возвращение барона Толля и Зееберга по 2101 р. 40 к.	4202 р. 80 к
VI. Страхование жизни барона Толля и Зееберга около	600 р.
VII. Мелкие и непредвиденные расходы	4000 р.
Итого	46871 р. 10 к» ⁵

Колчаку вменялось в обязанность строго соблюдать расходы, предусмотренные этим финансовым документом, что он, к удивлению российского обывателя, любящего погреть руки, неукоснительно и делал. 24 января 1903 г. Комиссия по снаряжению РПЭ выделила на следующие организационные расходы: на экспедицию по спасению барона Толля и его спутников, на снятие инструментов со шхуны «Заря» и завершение научных работ с учетом вознаграждения участников, а также сумм, требуемых для возвращения в С.-Петербург, – 80 тыс. рублей. После завершения тяжких трудов Спасательной экспедицией на расходы по содержанию персонала и уплату по обязательствам Комиссии, снаряжавшей экспедицию, было выделено еще 27 тыс. рублей.

Таким образом, эти цифры говорят о достаточно удовлетворительном финансовом обеспечении РПЭ на всех этапах ее деятельности, включая экспедицию по спасению Толля.

Колчак понимал, наверное, лучше и глубже других, за какое серьезное и опасное дело взялись его спутники, а потому ему хотелось добиться для них максимального поощрения, тем более что Спасательная экспедиция прошла без человеческих жертв, что редко случается в стране вечного льда.

Обращение Колчака к высокому начальству относительно награды возымело положительный результат.

⁴ Колчак просил увеличить жалованье мезенским поморам до 60 р. в месяц, но в смету еще не были внесены изменения, и оставалась прежняя зарплата 40 р. – В.С.

⁵ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3.

«В Главный морской штаб

Испрашивается Высочайшее разрешение на награждение согласно ходатайству президента Императорской академии наук Его Императорского Высочества Великого князя Константина Константиновича ниже поименованных нижних чинов команды яхты “Заря”, находившихся в составе Русской полярной экспедиции, за трехлетние труды и лишения, перенесенные во время плавания, золотыми медалями с надписью “За усердие” для ношения на груди на Станиславской ленте:

Боцманмата Никифора Бегичева, боцманмата Сергея Толстова, квартирмейстера Василия Железникова, квартирмейстера Эдуарда Огриня, Эдуарда Шервинского, минно-машинного квартирмейстера Ивана Клуха, минно-машинного квартирмейстера Гавриила Пузырева, матроса запаса флота Семена Евстифеева. Николай Безбородов исключен из списка за случайный выстрел, приведший к гибели Трифона Носова:

Начальник Главного морского штаба Вице-адмирал Ф.К. Авелан

Получена резолюция: Высочайше разрешено.

Управляющий Морским министерством Генерал-адъютант П.П. Тыртов»⁶

Медальями было награждено восемь человек нижних чинов (матросов), состоявших на действительной флотской службе и причисленных к флотским экипажам, размещенным в Кронштадте.

Вольнонаемные Петр Стрижев, Степан Расторгуев и Фома Яскевич не были награждены в соответствии со статусом о награждении нижних чинов, а матрос Трифон Носов погиб.

А.В. Колчаку был пожалован орден Св. Владимира 4-й степени за Спасательную экспедицию 1903 г. Четыре мезенских помора будут награждены золотыми медалями «За усердие» позднее, в 1909 г.⁷

Из Якутска Колчак отправляет две телеграммы через день после объявления японцами войны 27 января (9 февраля) 1904 г. (обратите внимание: именно через день) о своем отъезде на фронт. Всего один день потратил он на размышления и сомнения, опять отложив свадьбу. Даже будучи по состоянию здоровья совсем непригодным к флотской боевой службе (в Арктике он заработал хроническую пневмонию и тяжелую форму суставного ревматизма), он думал лишь об одном – встать на защиту Отечества.

Первая срочная телеграмма о своем решении была отправлена из Якутска и подана в С.-Петербург в Академию наук секретарю Комиссии В.Л. Бианки:

⁶ РГА ВМВ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 291. Л. 11, 11 об.

⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2243. Л. 72–75.

«Иду на войну из Иркутска. Документы и отчет высылаю из Иркутска. Если есть распоряжения, телеграфируйте срочно. Оленин остается для окончания дел и отправки коллекций. Поспешите переводом денег.

Колчак»⁸.

Телеграфъ		Телеграмма.	
Въ <u>Т. П. Р. И.</u>		<u>Генерал Сиб. Академия</u>	
<u>83</u>		<u>Наука Бианки</u>	
Изъ <u>Якутска</u>		№ <u>718</u>	
Принято <u>25 / 12</u> в. 190 <u>2.</u>	Разр. <u>8/15</u>	Счетъ словъ	Подана.
отъ <u>Судск. № 231</u>	<u>100</u>	<u>33</u> сл.	<u>18</u> в. 5/16 в. пополу
Принятъ <u>Р. И. П.</u>			
Службения означенія:			
<p><u>Иду на войну изъ Иркутска. Документы и отчеты высылаю изъ Иркутска если есть распоряженія телеграфируйте срочно. Оленин остается для окончания дел и отправки коллекцій поспешите переводомъ денег.</u></p> <p style="text-align: center;"><u>Колчакъ</u></p>			

Телеграмма А. В. Колчака «Иду на войну...»

Вторая, также срочная, на имя В. Л. Бианки имеет такое содержание:

«Прошу разрешения Великого князя ехать из Иркутска на эскадру Тихого океана и сдать дела экспедиции своему помощнику Оленину, которому необходимо испросить разрешение ехать в Петербург.

Колчак»⁹

⁸ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 83.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 3340. Л. 30.

Одну телеграмму Колчак отправил в 5 ч. 10 мин., другую – в 5 ч. 22 мин., т.е., еще не дождавшись официального разрешения, он ставит свое начальство перед уже свершившимся фактом отъезда на войну. Это говорит о многом, и в частности, о тех высоких чувствах, которыми руководствовался Колчак, когда узнал о начале русско-японской войны. Ведь японцы без объявления войны нанесли сокрушительный удар по Российскому Флоту, потопив в первый же день большое количество кораблей. Независимо от окончательного решения петербургского начальства Колчак видел себя только среди защитников Порт-Артура. Да разве мог он – морской офицер, сын участника обороны Севастополя, поступить иначе?

Конечно, президент Академии наук не только дал разрешение, но и был восхищен поступком Колчака, который после завершения тяжелейшей экспедиции, без отдыха, по зову сердца присоединился к защитникам Порт-Артура.

«Мне кажется, – пишет президент ИАН морскому министру, – что деятели, подобные лейтенантам Матисену и Колчаку, особенно важны для нашего флота, и что лейтенант Колчак с 7 марта 1903 г. по 28 января 1904 г., блистательно выполнивший возложенное на него поручение достичь во что бы то ни стало острова Беннетта, а затем отправившийся по личному своему желанию в Порт-Артур и перенесший всю тяжесть его осады, вполне подтверждает мое убеждение»¹⁰.

Две телеграммы Колчака привели в действие могучий административно-чиновничий аппарат морских ведомств. В разные инстанции было разослано множество бумаг, вот, к примеру, одна из них. Помощник начальника Главного морского штаба контр-адмирал А. Нидермиллер направляет официальное послание академику Ф.Б. Шмидту:

«По поручению управляющего Морским министерством имею честь уведомить, что Его Превосходительство Федор Карлович¹¹, не встречая со своей стороны препятствий к назначению лейтенанта Колчака на эскадру Тихого океана, приказал просить Ваше Превосходительство поставить названного обер-офицера об этом в известность по месту его настоящего нахождения, предложив также о времени отъезда на эскадру донести в Главный морской штаб.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в глубоком моем уважении и совершенной преданности.

Помощник начальника Главного морского штаба
9 февраля 1904 г.

А. Нидермиллер»¹².

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 84–85.

¹¹ Авелан Федор Карлович – вице-адмирал, начальник Главного морского штаба, с марта 1904 г. – управляющий Морским министерством.

¹² ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 95.

Все письма, различные распоряжения и рапорты морскому начальству Колчак отправлял из Якутска. В Иркутске он предполагал задержаться только на несколько дней для составления отчетности по делам экспедиции. Важнейшие документы и финансовую отчетность Колчак намеревался отправить с отцом, который прибыл в Иркутск вместе с невестой сына Софьей Федоровной Омировой.

Последнее распоряжение Колчак, обеспокоенный транспортировкой коллекций и всех материалов в С.-Петербург, отправляет из Якутска П.В. Оленину:

«Отправляясь согласно разрешению Августейшего президента из Иркутска на эскадру Тихого океана и не имея возможности за спешностью отъезда

Иркутск.
Февраля 1 дня 1904 года

**ИМПЕРАТОРСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУКЪ.**
По вандиръ Ново-Сибирской
партии.

Помощнику командира
партии Павлу Васильевичу
Оленину.

Отправляясь согласно разрешению Августейшего
Президента из Иркутска на эскадру Михаила
Арсеня и не имея возможности за спешностью
отъезда ознакомиться с делами экспедиции и лично передать
в Петербург, в прошу Вас принять на себя
охранение всех экспедиционных вещей, а именно: отравы
и улик и отправки коллекций, устроит выдворить
себя и уделить время для того, чтобы выехать
в Петербург, прошу Вас по возможности
переслать распоряжение герцога Академии наук
в Петербург для объявления и выдачи
отправленных вещей. При приеме в Петербурге
по прошу Вас лично поехать к президенту Российской
Академии наук и секретарю
и передать объявление о том, что выехали
в Петербург, на эскадру Тихого океана.

Помощник командира партии
Александр Колчак

Автограф А.В. Колчака. Письмо помощнику командира партии Павлу Васильевичу Оленину от 1 февраля 1904 г.

окончить дела экспедиции и лично побывать в Петербурге, я прошу Вас принять на себя окончание дел экспедиции, состоящих главным образом в укладке и отправке коллекций, уплате некоторых счетов и удовлетворения других могущих возникнуть претензий; прошу Вас после моего отъезда испросить разрешение через Академию наук приехать в Петербург для объяснения и разбора отправляемых коллекций. При приезде в Петербург Вы сможете лично познакомиться с председателем Комиссии Русской полярной экспедиции и ее секретарем и дадите объяснения по поводу могущих возникнуть вопросов, касающихся вверенного мне предприятия.

1 февраля 1904 г.

Лейтенант Александр Колчак»¹³.

После завершения всех экспедиционных дел Колчак взялся наконец за решение проблем семейных.

Свадьба

Невеста и отец, не дождавшись приезда Колчака в Санкт-Петербург, выехали к нему в Иркутск. Скорее всего, Колчак сообщил им телеграммой, что намерен отбыть в Порт-Артур, и, следовательно, все свадебные дела или откладываются на неопределенное время, или их надо решать на сибирской земле. Очевидно, на семейном совете был принят «сибирский вариант». Софья Федоровна и 67-летний генерал-майор Василий Иванович Колчак встретили сына Александра уже в Иркутске¹⁴.

Этот период своей жизни Колчак на допросе в январе 1920 г. освещал так: «Когда я в Якутске получил извещение о том, что случилось нападение на наши корабли в Порт-Артуре, и вслед за этим известие о том, что адмирал Макаров назначается командующим флотом в Тихом океане, я по телеграфу обратился в Академию наук с просьбой вернуть меня в Морское ведомство и обратился в Морское ведомство с просьбой послать меня на Дальний Восток, в тихоокеанскую эскадру для участия в войне. Затем, так как Оленин был в курсе всех дел экспедиции, я ему смог сдать все дела, людей, заботы о них, затем ценности, многие научные коллекции, которые он главным образом составил, и со всем этим по-

¹³ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 43. Л. 123.

¹⁴ Сын Колчака Ростислав приводит другую версию приезда Софьи Федоровны к своему жениху: «Она решила к нему поехать, и одна, девушкой 26 лет, проехала с Капри в Усть-Янск на Ледовитом океане. Для того времени это было довольно удивительно. Возвращаясь на собаках и на оленях из Верхоянска, Якутска и Иркутска вместе со своим женихом...» [3, с. 198].

О приезде Софьи Омировой в Иркутск: Бегичев в своих воспоминаниях подтверждает информацию Ростислава Колчака о приезде ее в Усть-Янск, он писал, что Софья Федоровна жила там с Колчаком в одной избе до отъезда в Иркутск [96].

ручить ему ехать в Петроград для доклада в Академию наук. А сам я из Иркутска поехал на Дальний Восток. Меня не хотели отпустить, но в конце концов, после некоторых колебаний, президент Академии Великий князь Константин Константинович, к которому я непосредственно обратился, устроил так, что меня Академия отчислила и передала в ведомство. Я получил приказание поехать в Порт-Артур. Тогда я выехал в Иркутск. В Иркутск приехали меня повидать мой отец и моя теперешняя жена. Я ушел женихом – должен был жениться после первой экспедиции, но вторая экспедиция помешала; затем наступила война, и я решил, что надо жениться. Здесь, в Иркутске, я обвенчался, после чего, пробывши несколько дней, я уехал вместе со своим другом Бегичевым, сказавшим, что он пойдет со мною дальше. Поморы же вернулись назад. Я прибыл в Порт-Артур примерно в марте месяце или в начале апреля. Макаров тогда еще был жив. Прибывши в Порт-Артур, я явился к адмиралу Макарову...» [9, с. 251].

Можно только догадываться, в какой обстановке происходила свадьба. Вместо того чтобы наслаждаться медовым месяцем, Колчак вынужден был через 3–4 дня уехать на войну. Тут уж было не до шумного веселья и пышного застолья. Как сказано, Колчак пригласил боцмана Никифора Бегичева быть шафером на свадьбе.

Имеется документ о регистрации брака Александра Колчака с Софьей Омировой.

В Госархиве по Иркутской губернии в фонде духовной консистории Градо-Иркутской Михайло-Архангельской (Харлампиевской) церкви сохранилась запись о бракосочетании 5/18 марта 1904 г. А.В. Колчака с Софьей Омировой. В ней указывается:

«Звание, имя, фамилия, отчество и вероисповедание жениха и который брак.

– Лейтенант флота Александр Васильевич Колчак, православный, первым браком, 29 лет.

Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты, который брак.

– Дочь действительного статского советника, потомственная дворянка Подольской губернии Софья Федоровна Омирова, православная, первым браком, 27 лет».

Далее значится:

«Кто совершил таинство.

– Протоиерей Измаил Ионов Соколов с диаконом Василием Петелиным.

Кто были поручители.

– По жениху: генерал-майор Василий Иванович Колчак и боцман Русской полярной экспедиции шхуны “Заря” Никифор Алексеевич Бегичев. По невесте: подпоручик Иркутского сибирского пехотного полка Иван Иванович

Э.В. Валентину Львовичу Бианки.

Для памяти.

Крайне сожалеем при содействии
Г. Гусевой Писерной Оксфордской
за все время моего отсутствия
кроме передать эту мою
спешную записку Василию Ивановичу
Колчаку.

Адрес. Его Высочество в
Кремль императорской резиденции
Спешнейшим походом.

Александр Колчак

Автограф А.В. Колчака. Служебная записка. Санкт-Петербург.
Валентину Львовичу Бианки. Для памяти

Желейщиков и прапорщик Енисейского сибирского пехотного полка Владимир Яковлевич Толмачев.

Подписи

Протоиерей Измаил Соколов

Диакон Василий Петелин» [см.: 8, с. 29].

Следует заметить, что материальное положение и отца Василия Ивановича, и Софьи Омировой было достаточно скромным.

Пенсия отца позволяла ему жить со средним достатком, и лишних денег никогда в доме не было. Василий Иванович любил повторять изречение древних мудрецов: «На лишние деньги мож- но купить только лишнее».

В архиве Академии наук сохранилась записка Колчака, кото- рую он адресовал в Санкт-Петербург из села Казачьего перед ухо- дом на о-в Беннетта с просьбой присылать деньги отцу, а не Соне Омировой, зная, что Василий Иванович в них нуждается больше:

«С.-Пб. Валентину Львовичу Бианки. Для памяти.

Причитающееся мне содержание от Русской полярной экспедиции за все время моего отсутствия прошу передавать отцу моему генерал-майору Василию Ивановичу Колчаку.

Адрес:

Село Александровское за Невской заставой,
Обуховский сталелитейный завод.

Александр Колчак, 14 марта 1903 г.»¹⁵.

Вскоре после свадьбы Александр Колчак отправляет жену и отца в Петербург. Он вручил им финансовые документы завершив- шейся экспедиции спасения и пакет с небольшой почтовой коррес- понденцией, которую счел нужным незамедлительно отправить в С.-Петербург руководству Императорской академии наук.

А.В. Колчак прекрасно понимал, равно как и его близкие, что лейтенант флота едет не в новое плавание, а на войну... А всякая война приносит не только славу победы или горечь по- ражения, но и самое страшное, что может случиться на войне, – смерть. И к этому надо быть готовым всем: от матроса до адми- рала. У каждого своя судьба, которая вручает любому огромную чашу с бесконечным количеством загадочных, как счастливых, так и трагичных, фантов. Предстоит вытащить всего один, но какой – об этом знает только Всевышний...

Жена адмирала Софья¹⁶ Федоровна Колчак

Примечательный факт: на о-ве Беннетта и по сей день существу- ет мыс Софии, названный в честь Софьи Федоровны Колчак ее женихом в дни посещения острова Спасательной экспедицией.

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 150. Л. 1.

¹⁶ На картах Генерального штаба с грифом «Секретно» (к нашему сча- стью, эти карты в настоящее время рассекречены) значится о-в Софии и мыс Софии. Очевидно, правильное имя жены адмирала София Федоровна Колчак. Но во всей мемуарной литературе пишут Софья Федоровна, поэтому эту транскрипцию мы сохраняем и в книге [132, 133].

В Карском море и сейчас имеется маленький островок, носящий имя Софии, названный в честь жены адмирала Софьи Федоровны Колчак. Он расположен в архипелаге Норденшельда в группе островов Литке, координаты острова 95°45' в.д., 76°50' с.ш. В этой группе имеются также острова Торосный, Шилейко, Ермолова и др. Название острову дали в 1906 г., когда весь Петербург чествовал Колчака. Императорское Русское географическое общество подарило жене Героя маленький, затерявшийся в Карском море островок, открытый Русской полярной экспедицией в 1903 г., а именно самим Колчаком.

На пять долгих лет, наполненных ожиданием, тревогой, разлукой, надеждами затянулась свадебная церемония. Таков путь Сони Омировой от невесты до жены лейтенанта Александра Колчака. Медовый месяц для молодой семьи значительно сократила русско-японская война. Говоря образно, он длился «одно мгновенье», возможно, сутки или чуть больше...

Хотелось бы сказать несколько слов о Софье Федоровне, имя которой, как мы уже сказали, сохранили все географические карты России до сих пор, как о жене Колчака.

Софья Федоровна Колчак (Омирова) родилась в 1876 г. Воспитанница Смольного института. Знала семь языков; французским, немецким и английским владела превосходно. Замужем за Колчаком с 1904 г.

Жила в Гатчине, затем в Либаве, ныне Лиепая (Латвия). После обстрела Либавы немцами в начале войны (2 августа 1914 г.) бежала, бросив все, кроме нескольких чемоданов; казенная квартира Колчака была затем полностью разграблена.

Софья Федоровна родила троих детей: Ростислава (1910–1965) и двух дочерей – Татьяну (1908–1909 – умерла в двухнедельном возрасте) и Маргариту (1913–1915 – прожила всего два года).

Взаимоотношения между Софьей Федоровной и Александром Васильевичем были далеко не простыми. Муж постоянно находился на кораблях, уходил в плавание, виделись урывками, о всех новостях извещали друг друга чаще письмами. Жена сообщала о возможных дальнейших планах их совместной жизни, давала мужу различные советы служебного характера, беспокоилась о его карьере и даже рекомендовала серьезно заняться наукой, писала о здоровье сына Славушки [134].

Жену, конечно, волновало поведение мужа в часы досуга на различных балах и вечерах, в офицерском собрании, где бывали не только молодые, элегантные офицеры, но и дамы.

В некоторых своих письмах Софья Федоровна задавала мужу сокровенные вопросы:

«За кем ты ухаживал в Ревеле на вечере? Удивительный человек: не может жить без дам в отсутствие жены! Надеюсь, что о существовании последней ты еще не забыл... Подари мне то, что тебе самому нравится, но только не Мольтке, т.к. этот немец мне порядочно надоел одним своим видом... Ну, да Бог с ним, когда-нибудь оболую его керосином и подожгу (в случае войны с Германией)... А что, Сашенька, не поступить ли тебе в Академию? Или ты уже бесповоротно решил, что без нее обойдешься? Тогда надо хоть на профессора защитить диссертацию... А в Черное море не хочешь? Все же я мечтаю, что там ты будешь командовать судном первого ранга»¹⁷.

Софья Федоровна экономно вела домашнее хозяйство, кое-что даже перешивала из одежды и не имела возможности, как она пишет в письме, помогать родственникам деньгами, но многое из одежды всегда могла выделить:

«Дорогой Сашенька!

Живу в квартире Богдановских, которые уехали на дачу. Цветы у знакомых Веры Ивановны, которая за ними присмотрит. Твои вещи я отвезла на квартиру Тихона Александровича, они лежат в трех пакетах и картонке (котелок) на шкафу в его передней. Португепи я отнесла в гвардейское общество, где тебе их выдадут за 4 руб., когда ты назовешь свою фамилию. Маркиз (кот. – В.С.) был очень болен, он лежал в лечебнице. Я его отвезу к Богдановским на дачу в Ковшовку, т.к. Екатерина Васильевна (сестра Колчака. – В.С.) уже уехала, пока он был болен. Теперь Маркиз дома, но все же нездоров, худ. У нас кончают стирку белья, после чего мы уедем в Мюленгоф. Я тебе писала, что Богдановские предложили нанять мне у них на собственной их даче две комнаты, не знаю, как ты отнесешься и желательна ли тебе, чтобы мы жили поближе к Петербургу?

Разбирая вещи, я осмотрела твоё штатское платье: оно в порядке, кроме смокинга, попорченного молью. Так, лежит смокинг, жилет и брюки, потом сюртук и полосатые брюки и коричневый светлый костюм, а также шкиперская фуражка. Быть может, что-либо из этих вещей ты мог бы пожертвовать бедному Горе, которого надо одеть, т.к. он кончает реальное училище, и тетя Деля в отчаянии, что мальчику не во что одеться. Митя обещал ей 50 руб., но что сделаешь на эти деньги, когда нужно и белье, и платье, и пальто? Сколько прекрасных вещей за бесценок отдали по твоему желанию татарину. Конечно, если тебе эти вещи самому нужны, а то я берегла твои старые штатские пальто, думая, что они могут племянникам пригодиться, и теперь мне ужасно жалко, что зря выбросили вещи. Да и брат мой одет ниже всякой критики, конечно, ты в этом непричем, но отчего не помочь, если есть возможность? Деньгами мы помогать не можем, т.к. у самих нет, ну а старые вещи лучше отдать, чем из них извлекать гроши.

Твоя любящая Соня» [135, с. 61–62].

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 58. Л. 43–44.

Много внимания она уделяла сыну. Колчак в письмах всегда интересовался здоровьем и воспитанием сына. Приведем здесь посланное Софье Федоровне в Париж последнее письмо-завещание Колчака, написанное сыну Ростиславу в октябре 1919 г.

«Дорогой милый мой Славушок.

Давно я не имею от тебя писем, пиши мне, хотя бы открытки по несколько слов.

Я очень скучаю по тебе, мой родной Славушок. Когда-то мы с тобой увидимся.

Тяжело мне и трудно нести такую огромную работу перед Родиной, но я буду выносить ее до конца, до победы над большевиками. Я хотел, чтоб и ты пошел бы, когда вырастешь, по тому пути служения Родине, которым я шел всю свою жизнь. Читай военную историю и дела великих людей и учись по ним, как надо поступать, – это единственный путь, чтобы стать полезным слугой Родине. Нет ничего выше Родины и служения Ей.

Господь Бог благословит Тебя и сохранит, мой бесконечно дорогой и милый Славушок. Целую крепко Тебя.

Твой папа» [8, с. 239].

В апреле 1919 г. Софья Федоровна Колчак отплыла из Новороссийска в Константинополь на английском военном корабле. Затем, соединившись с сыном, переехала во Францию, где прожила оставшуюся часть жизни.

Весной 1919 г. Софья Федоровна вместе с сыном оказалась в парижской эмиграции. Она в первое время была достаточно обеспечена и позволяла себе устраивать даже представительские приемы, гордясь тем, что муж поднялся в России на «Эверест государственной власти».

Конечно, вокруг такой дамы появились благовоспитанные аристократы, но и различного рода прощелыги не упускали случая воспользоваться сытной трапезой. Ведь Париж 1919 г. был своеобразным олицетворением «дна» А.М. Горького.

А.В. Колчак узнал о нахождении семьи в Париже далеко не сразу. Посол Франции при правительстве А.В. Колчака сообщил Верховному правителю эту новость, и адмирал стал переписываться и высылать Софье Федоровне скромные средства на жизнь. Он писал ей иногда с явным раздражением.

«Мне странно читать в Твоих письмах, что Ты спрашиваешь меня о представительстве, – писал он 15 октября 1919 г., – и каком-то своем, как жены Верховного Правителя. Я прошу Тебя уяснить, как я сам понимаю свое положение и свои задачи... Я не являюсь ни с какой стороны ни представителем наследственной

или выборной власти. Я смотрю на свое звание как на должность чисто служебного характера...

Относительно денег я писал, что не могу высылать более 5 000 фр. в месяц...

Из моего письма Ты усмотришь, что никакой роли в смысле представительства и приемов не только не требуется исполнять, но, по моему мнению, она недопустима и может поставить тебя в очень неприятное положение...» В приписке от 20 октября Колчак еще раз указывал на последний момент в поведении жены и, между прочим, о том, что впредь «не позволяет» ей сообщать собираемые «сплетни» о нем» [122, с. 152].

После гибели мужа ее финансовое положение значительно ухудшилось. Ей пришлось даже продать главную фамильную ценность – Большую Константиновскую золотую медаль, которую Колчак получил из рук выдающегося географа П.П. Семёнова-Тян-Шанского.

Ей удалось, несмотря на все трудности, дать образование сыну Ростиславу, постоянно закладывая серебро в ломбард, перешивая старые вещи и занимаясь огородом.

Умерла в госпитале Лонжюмо под Парижем в 1956 г. [116, с. 118]. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Прощание с Иркутском

Колчак и Бегичев прощались с Иркутском. В этом городе за годы Русской полярной экспедиции они побывали несколько раз, и всегда встречи с городом и его жителями оставляли у них самое благоприятное впечатление.

Колчаку, как пишут очевидцы, было немного грустно по той причине, что всю свою жизнь он отдавал работе, флоту, всегда испытывал дефицит времени и торопился, а для личной жизни, как выразился один из его соплавателей по «Заре», «остаются лишь обрывки молодости».

Что огорчало Колчака особенно сильно – это подорванное в Арктике здоровье. Хроническая пневмония и бесконечные простуды буквально сопровождали его неотступно, да и суставной ревматизм, особенно обостряющийся осенью и весной, регулярно давал о себе знать. Но Колчак не сетовал на судьбу, он гордился своими полярными деяниями и как любой молодой человек был самолюбив, тщеславен и чуточку высокомерен. А молодость и должна быть такой – самоуверенной, задиристой, колючей, азартной, иначе это простое прозябание...

Самооценка Колчака была достаточно высокой, он всегда был уверен в своих силах, памятуя: «Чем больше думаешь о себе сам, тем больше о тебе думают другие». По описанию современников Колчака, он был блестящим оратором, слова произносил четко, уверенно, словно разрубал шашкой длинные предложения, а потому его речь не убаюкивала слушателей, а всегда вызывала повышенное внимание и большой интерес. Он отличался от многих весьма важным качеством: никогда не говорил не то что глупостей, а слов, не наполненных здравомыслием... Если это и делали иногда в его присутствии другие, то он морщился и даже обрывал словоохотливого оппонента, стараясь в дальнейшем с такой категорией людей не иметь никаких дел.

Боцман Бегичев восхищался Колчаком, был буквально в него влюблен и готов был сопровождать его не только в Порт-Артур, но и на край света.

В то же время он не сумел оставить искренних и честных воспоминаний о днях, проведенных вместе с Колчаком. Так, в советские годы в целях самосохранения Н.А. Бегичев впоследствии искажал многие факты, события и роль участников экспедиции, зачастую выдвигая себя на первый план и почти не упоминая А.В. Колчака.

Наши отступления относятся к более позднему времени, а тогда, 9 марта 1904 г., два полярника, Колчак и Бегичев, сели в поезд и отбыли во Владивосток, и уже оттуда их путь лежал в объятый пламенем войны Порт-Артур¹⁸.

Все полярные исследования и обработку собранных материалов пришлось Колчаку отложить почти на два года.

Поставлена последняя точка в поисках Толля

После завершения тяжелейшей миссии экспедиции спасателей Железников с четырьмя мезенскими поморами прибыл в Петербург и привез все документы, обнаруженные на о-ве Беннетта. Он незамедлительно встретился с председателем Комиссии по снаряжению РПЭ академиком Ф.Б. Шмидтом и передал ему ценнейшие материалы.

¹⁸ Не останавливаясь здесь на военных событиях русско-японской войны 1904–1905 гг. и участии в них Колчака, рекомендуем читателям опубликованный С.В. Дроковым «Порт-Артурский дневник лейтенанта Колчака», который Колчак вел с 3/16 декабря 1904 г. по 21 декабря 1904 г. / 3 января 1905 г. [97]. См. также: «Допрос Колчака» [9, с. 251–253].

Русская
Полярная Экспедиция.

Russische
Polar-Expedition.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИССИИ ДЛЯ СПАЖЕНИЯ
ЭКСПЕДИЦИИ.

М. В. Шмидт
М. В. Шмидт
В. В. Шмидт
В. В. Шмидт

Ваше Превосходительство.

Препроводая при семьдесят экземпляровъ объявленія о назначеніи отъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ премии за обнаруженіе возможныхъ слѣдовъ партіи барона Э. В. Толля, нѣтъ чести покорнѣе просить Ваше Превосходительство разослать ихъ кому найдете необходимою для оповѣщенія промышленнымъ судамъ, направляющимся въ сѣверныя воды.

Петербургъ
14 марта 1904 г.

Прошу принять увѣреніе въ полнѣйшемъ къ Вашему Превосходительству уваженіи

Академикъ *Ф. Шмидт*

Его Превосходительству Господню Архангельскому Губернатору

Копия подлинника. Служебная записка академика Ф. Б. Шмидта архангельскому губернатору. 14 марта 1904 г., Санкт-Петербург

Все, кто хорошо знал Толля и верил в его большой полярный опыт, не исключали мысль, что партии удалось спастись, минуя Новосибирские острова. Делались различные предположения относительно возможного выхода Толля на восточный берег Таймырского полуострова или к устью Яны и даже к Индигирке с Алазей. Другие утверждали, что барон Толль, возможно, направился к Земле Санникова и, может быть, даже ее открыл.

Высказывалось мнение, что партию могло вынести дрейфующим льдом благодаря сильному течению Фрама к Земле Франца-Иосифа. Этих взглядов придерживался великий арктический первопроходец Фритъоф Нансен, однако, познакомившись ближе с условиями, в которых находилась партия, и выяснив вопрос о ее снаряжении, он отказался от этой версии. Комиссия по снаряжению РПЭ исключила какие-либо значительные отклонения от первоначального маршрута, который определялся прежде всего по схеме о-в Беннетта – Новосибирские острова.

Чрезвычайное заседание подкомиссии состоялось 22 ноября 1904 г., где, помимо членов Комиссии, участвовали А.А. Бялыницкий-Бируля, К.А. Воллосович, М.И. Бруснев, П.В. Оленин, С.П. Толстов и В. Железников. Все пришли к такому единому заключению [42, с. 187]:

«1. В связи с тем, что море между Новосибирским архипелагом и островом Беннетта, куда Толль выступил с “Зари” 5 июня 1902 г., вероятно, никогда не замерзает, его партии предстояло передвигаться на каяках, на которые невозможно погрузить все необходимое снаряжение. Как видно из донесений барона Толля 12 июля, отъехав всего 5,5 км от берега Новой Сибири, партия была вынуждена перебить всех собак и плыть дальше на льдине, а потом на каяках. На остров Беннетта путешественники прибыли 3 августа с минимальным запасом пищи, одежды, охотничьих принадлежностей и многих необходимых инструментов. Первое время партия питалась мясом оленей, из шкур которых шила себе обувь и одежду, но вскоре распуганное оленье стадо, очевидно, ушло с острова площадью в 200 кв. км на береговой припай, где и погибло. Спустя три месяца партия, лишенная запасов продовольствия, выступила по окончании исследования острова на юг в разгар арктической ночи с запасом продовольствия на 14–20 дней, но – не имея смены одежды на случай ее промокания и не имея горючего для приготовления пищи, а главное, для получения пресной воды.

2. Из записей метеорологического журнала А.А. Бялыницкого-Бирули, который он вел 200 км южнее, на острове Новая Сибирь, видно, что в 1902 г. температура к 9 сентября упала до -21° и до времени ухода Э.В. Толля с острова Беннетта (8 ноября) неизменно колебалась между -18 и -25° . При таких низких температурах на пространных между островом Беннетта и Новосибирским архипелагом нагромождаются высокие труднопроходимые торосы. Затянутые тонким льдом и предательски запорошенные снегом промежутки между торосами во мраке полярной ночи становятся еще опаснее, чем при путешествии в светлое время года. Обширные польньи, покрытые тонким слоем ледяных кристаллов, совершенно не видны в густом тумане. При движении по польнье байдара покрывается толстым слоем льда, а двухлопастные весла, обмерзая, превращаются в тяжелые ледяные глыбы. Кроме того, ледяное сало спрессовывается перед носовой частью байдары и еще более затрудняет движение, и обмерзшая байдара легко переворачивается. При таких обстоятельствах трещина во льду шириной всего лишь в 40 м представляла непреодолимое препятствие для перехода партии.

3. Принимая во внимание, что со дня ухода партии с острова Беннетта, 26 октября 1902 г., протекло уже с лишком два года – время, вполне достаточное для выхода кого-либо из членов партии к местам населенным и слишком

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ.

Назначеніе преміи за нахожденіе партіи барона Э. В. Толля или ея слѣдовъ.

Въ виду безуспѣшности стараній подать помощь Начальнику Русской Полярной Экспедиціи барону Э. В. Толлю и его спутникамъ: астроному Ф. Г. Зебергу и якутамъ Василю Горохову, по прозвищу Чичакъ и Николаю Протодіаконову, по прозвищу Омукъ, ушедшимъ съ острова Беннеттъ, лежащаго къ сѣверу отъ Новой Сибири, 26 октября 1902 года по направленію къ югу, но отнесеннымъ, повидимому, льдами, за отысканіе всей партіи или части ея назначается — премія въ размѣрѣ

5000 рублей,

а за первое указаніе несомнѣнныхъ слѣдовъ ея премія въ размѣрѣ

2500 рублей.

Копія подлинника. Извещеніе Императорской академіи наукъ о назначеніи преміи на нахожденіе партіи Э.В. Толля или ея слѣдовъ. 14 марта 1904 г., Санкт-Петербург

продолжительное для того, чтобы при указанныхъ выше условіяхъ снаряженія кто-либо изъ нихъ могъ просуществовать на льду и мѣстахъ пустынныхъ, Комиссія пришла къ убѣжденію, что всехъ членовъ партіи нужно считать погибшими»¹⁹.

На этомъ же засѣданіи Императорская академія наукъ назначила премію за нахожденіе партіи барона Э.В. Толля и ея слѣдовъ. Еще теплились какіе-то надежды.

«Ввиду безуспѣшности стараній подать помощь начальнику Русской полярной экспедиціи барону Э.В. Толлю и его спутникамъ: астроному Ф.Г. Зебергу и якутамъ Василю Горохову по прозвищу Чичакъ и Николаю Протодіаконову по прозвищу Омукъ, ушедшимъ с острова Беннетта, лежащаго къ северу отъ Новой Сибири, 26 октября 1902 г. по направленію къ югу, но отнесенныхъ, повидимому, льдами, за отысканіе всей партіи или части ея назначается премія въ размѣрѣ 5000 рублей, а за первое указаніе несомнѣнныхъ слѣдовъ ея въ размѣрѣ 2500 рублей»²⁰.

Желаніе Колчака отметить участниковъ Спасательной экспедиціи высокими наградами удалось окончательно реализовать только черезъ шесть летъ. Никифоръ Бегичевъ и Василий Железниковъ были награждены, какъ уже говорилось, золотыми медалями «За усердіе» в 1903 г. в числѣ другихъ восьми нижнихъ чиновъ, состоявшихъ на действительной флотской службѣ и участвовавшихъ в Русской полярной экспедиціи.

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 98.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 85.

Russische
Polar-Expedition.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИССИИ ДЛЯ СНАРЯЖЕНИЯ
ЭКСПЕДИЦИИ.

24 июня 1909 г.

с/145
184

Господину Архангельскому Губернатору.

Препровождаю при семь четыре золотых медали съ надписью "за усердіе" для ношенія на груди на Станиславской лентѣ, ВЫСОЧАЙШЕ пожалованныя участникамъ 2-й экспедиціи Лейтенанта Колчака на землю Беннетта жителямъ города Мезени Дорофѣеву, Рогачеву, Олупкину и Инькову, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы медали эти были высланы г. Мезенскому Исправнику, для выдачи ихъ по принадлежности.

Председатель *А. П. Карпинский*

к
2
за усердие
г. Мезени
Дорофееву
и др.

Автограф А. П. Карпинского о награждении участников Спасательной экспедиции золотыми медалями с надписью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте

А вот с мезенскими поморами дело затянулось аж на целых шесть лет. Колчак время от времени напоминал высокому начальству о героических делах четырех спасателей – А.А. Дорофеева, М.М. Рогачева, А.М. Олупкина и И.Я. Инькова, но награждение по непонятным причинам все откладывалось и откладывалось.

В связи с кончиной академика Ф.Б. Шмидта председателем Комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции в 1908 г. назначили академика Александра Петровича Карпинского (1846/47–1936), впоследствии – первый выбранный президент Российской академии наук (1917–1925) и АН СССР (1925–1936).

А.П. Карпинский сумел преодолеть все препоны и добиться награждения четырех смельчаков золотыми медалями. В Архангельском архиве удалось получить копию о наградной реляции, отправленной на имя архангельского губернатора 24 июня 1909 г. и подписанной собственноручно А.П. Карпинским (см. автограф А.П. Карпинского на документе²¹).

Дальше бюрократическая машина стремительно уведомляет мезенского исправника о предстоящих наградных церемониях письмом от 8 июля 1909 г. Архангельский вице-губернатор пишет:

«Препровождая при сем четыре золотых медали с надписью “За усердие” для ношения на груди на Станиславской ленте, Высочайше пожалованные участникам 2-й экспедиции лейтенанта Колчака на Землю Беннетта жителям города Мезени Дорофееву, Рогачеву, Олупкину и Инькову, предлагаю Вашему Высокоблагородию выдать их по принадлежности под расписки, которые представить в мою Канцелярию.

За губернатора Вице-губернатор (подпись неразборчива)»

Медали были вручены 21 июля 1909 г., и каждый участник награждения написал расписку в получении оной. Так завершился наградный марафон для всех участников обеих экспедиций под начальством Э.В. Толля и А.В. Колчака.

Расшифровка текста расписки И.Я. Инькова

1909 года июля 21 дня. Я, нижеподписавшийся мещанин гор. Мезени Илья Яковлев[ич] Иньков дал настоящую расписку полицейскому надзирателю гор. Мезени в том, что препровожденную при Предписании господина Архангельского Губернатора, от 8 июля сего года за № 910 Высочайше пожалован-

²¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2343. Л. 70.

М. В. Д.
АРХАНГЕЛЬСКАГО
ГУБЕРНАТОРА.

По Канцеляріи.
Столъ 2

8 Іюля 1909г.

№ 910.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.

15 июля 1909.

Мезенскому Исправнику.

*Приказано выдать медали
по распоряжению
Губернатора.*

Секретарь

Препровождаю при семъ четы-
ре золотыхъ медали съ надписью
"за усердіе" для ношенія на гру-
ди на Станиславской лентѣ, ВЪСО-
ЧАЙШЕ пожалованная участникамъ 2
экспедиціи Лейтенанта Колчака на
землю Беннетта жителямъ города Ме-
зени Дорофееву, Рогачеву, Олутки-
ну и Инькову, предлагаю Вашему
Высокоблагородію выдать ихъ по
принадлежности подъ росписки, ко-
торныя представить въ мою Канцеля-
рію.

За Губернатора,
Вице-Губернаторъ

С. М. М. }

За Правителя Канцеляріи *Павел Иванович*

Сопроводительное письмо архангельского вице-губернатора мезенскому исправнику о вручении золотых медалей под расписку мезенским поморам: А.М. Дорофееву, И.Я. Инькову, А.М. Олупкину, М.М. Рогачеву

УЧ

1909 года Яков и Яков. Фед. Илья
подписавший славянский язык
Станиславский. Яков. Яковлев
Иньков. Давь напечатанную
расписку. Мощнейшему
владельцу гор. Мезени в
Мезен, Илья Яковлевичем
мне при получении
Воеводою. Александром Су-
воровым, орд. 8 Яков. Илья
Яков. Илья. Высочайше пожалован-
ную мне золотую медаль
«За усердие» за усердие
ношения на груди на
Станиславской ленте
в орд. Илья. Мощнейшему
владельцу гор. Мезени и Яков. Илья

Илья Яковлевич Иньков

И. о. Мощнейшего Надзирателя Ф. Шубин

Расписка И.Я. Инькова о получении лично золотой медали «За усердие».
Вручил и. о. полицейского надзирателя Ф. Шубин

ную мне золотую медаль с надписью «За усердие» для ношения на груди на
Станиславской ленте, я сего числа получил, в чем и расписуюсь (Так в подлин-
нике. – В.С.).

Илья Яковлев[ич] Иньков

Исполняющий обязанности полицейского надзирателя

/Ф. Шубин/
21.VII.1909 г.²²

²² ПФА РАН.Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 112, 112 об.

Примечание.

Мезенские поморы А.М. Дорофеев, И.Я. Иньков, А.М. Олупкин, М.М. Рогачев были исключительно смелыми и мужественными охотниками, рыбаками, проводниками, они хорошо ориентировались как в тайге, так и в ледяной арктической пустыне.

Они нередко с одним топором и ножом выходили на медведя и одерживали победу, отстреливали на лету птиц и умело ставили капканы на соболя и полярную лису. Но главная цель охоты в Арктике – дикий олень, основной продукт питания и, конечно, рыба. Охотничьи навыки и умение выживать в полярных широтах передаются у северян из поколения в поколение.

Старшие вдумчиво и серьезно готовят свою смену, с молоком матери молодёжь усваивает накопившийся веками опыт и умение экономно относиться к природным богатствам.

Что касается образования, то очень немногим удавалось уехать из своего улуса в город учиться. Некоторые во второй половине XIX в. не умели даже читать и писать, но были отменными охотниками, и этого вполне хватало на всю здоровую жизнь.

Участники Спасательной экспедиции А.В. Колчака имели за плечами, наверное, 3–4 класса сельской приходской школы. Достаточно взглянуть на расписку И.Я. Инькова, чтобы понять, что за минувшие пять лет после экспедиции он не научился даже нормально расписываться.

Самым образованным был М.М. Рогачев, и где-то рядом с ним по освоению школьных азов стоят А.М. Дорофеев и А.М. Олупкин. Вот такова была жизнь инородцев, как их тогда называли, на рубеже XIX–XX вв.

* * *

Путь арктических первопроходцев партии Толля был исключительно тяжел и опасен. Маленькие арктические «тропинки» привели их в большую пропасть, и трагедия оказалась неизбежной.

Осталась неутешной вдовой очаровательная баронесса Эмелина Толль, не снимавшая черный траурный наряд до конца своей жизни. Ее славные маленькие дочери росли без отца и познавали северные континенты и страны без рассказов великого исследователя и путешественника – их родителя, так «мечтавшего увидеть своих дочерей взрослыми и образованными», как писал в своем дневнике Толль.

Императорской академии наук выпала трудная миссия признать партию барона Толля погибшей со всеми вытекающими отсюда наследственными правами, что и было сделано. Ниже приводим выписку из заседания Комиссии для снаряжения РПЭ, на котором пришлось поставить последнюю точку и документально подтвердить трагический финал.

«Выписка из протокола заседания Комиссии для снаряжения Русской полярной экспедиции 11 февраля 1905 г.»

Прочитан протокол заседания подкомиссии, избранной для рассмотрения вопроса об участии, постигшей партию барона Э.В. Толля, от 22 ноября 1904 г.

Мемориальная доска в память экспедиции Э.В. Толля на шхуне «Заря» в 1900–1902 гг. на о. Котельном. Фамилия Протодьяконова – в усеченном варианте

Беннетта к острову Новая Сибирь, погибла. При таком положении дела возникает вопрос об открытии наследства после поименованных лиц, и в частности барона Э.В. Толля. Получение имущества после погибших может последовать лишь после утверждения наследников названных лиц в правах наследства, для этого же необходимо представить в соответственные судебные установления надлежащие документы, как-то: удостоверения о смерти, погребении и проч. В данном случае такие документы, по совершенно исключительным условиям разбираемого дела, заинтересованною стороною представлены быть не могут. Переходя к вопросу о том, что могло бы заменить эти документы, я со своей стороны полагаю, что было бы достаточным надлежащее удостоверение от имени Императорской академии наук о том, что барон Э.В. Толль, астроном Ф.Г. Зееберг, Горохов и Протодьяконов погибли при попытке перейти в октябре 1902 г. пространство между островами Беннетта и Новая Сибирь.

На основании всего вышесказанного Комиссия постановила уведомить о гибели барона Э.В. Толля и Ф.Г. Зееберга Страховое общество “Россия” и выдать удостоверение в том же баронессе Э.Н. Толль, г-ну Э.А. фон Миддендорфу и семье г. Зееберга в виде выписки из сего протокола.

Председатель
Секретарь

Подпись
Подпись»²³

Выслушав его, Комиссия единогласно присоединилась к заключению подкомиссии, что барона Толля и всю его партию следует считать погибшей.

Прочтено письмо юрисконсульта Министерства народного просвещения от 11 сего февраля на имя председателя Комиссии, в коем В.Н. Молчанинов извещает, что он лишен, к сожалению, возможности быть на сегодняшнем заседании вследствие серьезной болезни, но что все необходимые разъяснения даст его помощник Аркадий Павлович Даев, вполне ознакомленный со всеми обстоятельствами дела и могущий заменить его.

А.П. Даев сделал следующее заявление:

По рассмотрении всех изложенных в протоколе подкомиссии от 22 ноября 1904 г. данных и обстоятельств с несомненностью следует заключить, что партия барона Э.В. Толля, в составе самого барона, астронома Ф.Г. Зееберга и инородцев Горохова и Протодьяконова, вышедшая 20 октября 1902 г. с острова

²³ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 112, 112 об.

Из этого наследственного документа впервые выяснился один интереснейший факт. Оказывается, барон Толль был близким родственником семейства Миддендорфов. Одним из ярких представителей этого рода являлся известный естествоиспытатель академик Императорской академии наук Александр Федорович Миддендорф (1815–1894). Он исследовал и составил естественно-историческое описание Северной и Восточной Сибири, открыл зональность растительности и наличие в Сибири вечной мерзлоты.

Возвращение из японского плена в Петербург

Колчак находился в Порт-Артуре до 3 января 1905 г., до момента падения крепости. Здесь он заболел. Когда произошла сдача крепости, он уже еле-еле ходил, но еще держался. В день падения Порт-Артурса ему пришлось лечь в госпиталь, так как развился в очень тяжелой форме суставной ревматизм. Он был легко ранен, но рана не беспокоила, а вот ревматизм совершенно валил с ног... Японцы всех эвакуировали, кроме тяжелораненных и больных. Среди них в порт-артурском госпитале остался и Колчак. В японском плену он пробыл до апреля 1905 г., а когда начал мало-помалу поправляться, его отправили сначала в Дальний, а затем в Нагасаки. В начале июня 1905 г. Колчак вернулся из японского плена в Петербург.

«В Нагасаки, – вспоминал Колчак на следствии в 1920 г., – партия наших больных и раненых получила очень великодушное предложение японского правительства, переданное французским консулом, о том, что правительство Японии предоставляет нам возможность пользоваться, где мы захотим, водами и лечебными учреждениями Японии, или же, если мы не желаем оставаться в Японии, вернуться на родину безо всяких условий. Мы все предпочли вернуться домой. И я вместе с группой больных и раненых офицеров через Америку отправился в Россию. Это было в конце апреля 1905 г. Все мы через Америку вернулись в Петербург. В Петербурге меня сначала освидетельствовала комиссия врачей, которая признала меня совершенным инвалидом, дала мне четырехмесячный отпуск для лечения на водах, где я пробыл все лето до осени. С осени я продолжал свою службу, причем на мне лежала еще обязанность перед Академией наук дать прежде всего отчет, привести в порядок наблюдения и разработку предшествующей экспедиции, которая была мною брошена. Все мои

труды по гидрологии и магнитологии, съемки были брошены, так что я опять поступил в распоряжение Академии наук и осенью 1905 г. занимался в Академии наук, но уже трудом кабинетным, работал в физической обсерватории и приводил в порядок свои записи. Это относится к периоду моей большой связи с Академией и Географическим обществом. Затем в Географическом обществе я получил научную высшую награду за свои последние экспедиции – Большую Константиновскую золотую медаль.

Эта работа продолжалась до января 1906 г. Я привел до известной степени в порядок и передал в переработку специалистам свои научные труды по этой экспедиции» [9, с. 253–254].

Интересно отметить такой факт, что победители-японцы не изъяли у Колчака золотое георгиевское оружие – саблю с надписью на эфесе «За храбрость», которой он был награжден за Порт-Артур, и она всегда находилась при нем, вплоть до лета 1917 г.

В конце декабря 1905 г. президент Императорской АН Великий князь Константин Константинович направил письмо морскому министру А.А. Бирилеву с ходатайством об отпуске Колчака:

«Алексей Алексеевич!

...Тяжелая и ответственная экспедиция (поиски барона Толля. – В.С.) была поручена лейтенанту Колчаку, который выполнил свою миссию самым блистательным образом, пройдя на вельботе пространство океана, отделяющее Новосибирский архипелаг от острова Беннетта, вполне благополучно, и добыл с последнего в высшей степени важные документы, оставленные там партией барона Толля.

Окончание экспедиции лейтенанта Колчака совпало с началом военных действий на Дальнем Востоке, вследствие чего офицер этот счел своею нравственной обязанностью принять участие в войне и отправился с разрешения моего и своего морского начальства прямо из Якутска на эскадру Тихого океана. Явившись в половине марта 1904 г. в Порт-Артур, он оставался там все время осады, а после сдачи крепости возвратился через Японию и Канаду в начале июня 1905 г. в С.-Петербург совершенно больным от полученной им раны и суставного ревматизма. Надорванное состояние здоровья лейтенанта Колчака было признано врачами, почему он был отправлен для лечения на воды, а затем уволен в отпуск по 29 декабря текущего года (1905. – В.С.) для длительного поправления здоровья. В настоящее время последнее далеко еще не поправилось, и дать время окончательно ему восстановиться является, по моему мнению, совершенно необходимым, тем более, что лейтенант Колчак утилизирует время с начала сентября в высшей степени производительно.

Труды упомянутых офицеров “Зари” (Коломейцева, Матисена, Колчака. – В.С.) состояли главным образом в собирании в течение четырех лет гидрографических и картографических материалов, которые оставались до настоящей осени вследствие отсутствия лейтенанта Колчака без всякой обработки. Будучи достаточно способным для умственной работы, лейтенант Колчак воспользовался отпуском и приступил к приведению в порядок всего этого обширного

и важного, главным образом в практическом отношении, материала. В настоящее время разобрана уже значительная часть его, но тем не менее ко дню окончания срока отпуска лейтенанту Колчаку не удастся довести эту необходимую работу до конца. Материал должен быть приведен в такой вид, чтобы его можно было использовать во всех отношениях, а для этого потребуются, судя по исполненной уже работе, еще около пяти месяцев, т.е. было бы весьма желательно прикомандировать лейтенанта Колчака для названной цели к Императорской академии наук приблизительно по 1 мая 1906 г.

Близкое соприкосновение интересов Академии наук и Морского ведомства в использовании в научном и практическом отношении результатов Русской полярной экспедиции, стоивших огромных материальных затрат и жизни шести человек, в связи с недостаточным еще восстановленным для несения более тяжелой службы здоровьем Колчака дают мне надежду, что офицеру этому будет дана с Вашей стороны возможность довести обработку картографических и гидрологических материалов до желательного конца и в то же время окончательно поправиться.

Лейтенант Колчак состоит в списках офицеров 7-го флотского экипажа.

8 декабря 1905 г.
№ 3109

Пребываю к Вам навсегда благосклонный
искренне Вас уважающий
Константин»²⁴

Знакомясь с этим документом, приходится не столько удивляться, сколько восхищаться той благожелательностью и заботливостью, которые президент Академии наук проявляет к здоровью и деятельности Колчака, с каким душевным теплом он говорит о работе молодого лейтенанта, добываясь у морского министра отпуска своему бывшему подопечному для завершения работы.

Конечно, все эти вопросы удалось решить положительно, ведь президент Академии наук К.К. Романов – весьма влиятельная и значительная фигура, занимающая одну из высших ступеней в иерархической лестнице дома Романовых.

А неделей раньше президент Академии наук отправляет морскому министру А.А. Бирилеву представление о зачете в ценз плавания всего времени нахождения в экспедиции лейтенантов Колчака и Матисена. Дело в том, что для получения очередного воинского звания морские офицеры должны были, о чем уже говорилось, выполнить определенный ценз плавания. Для молодых лейтенантов это было крайне важно, поскольку составляло основу карьеры морского офицера – возможность дальнейшего продвижения по служебной лестнице.

Приводим полностью представление президента Академии наук от 4 декабря 1905 г. на имя А.А. Бирилева:

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 893. Л. 149–150.

11 августа 1899 года я обратился к управляющему Морским министерством с просьбой о назначении офицеров и нижних чинов флота в снаряжавшуюся в то время Императорскою академиею наук Русскую полярную экспедицию, причем просил о зачете офицерам времени нахождения в составе экспедиции в ценз плавания.

Соглашаясь на это ходатайство, управляющий Морским министерством сообщил мне 20 августа 1899 г., что офицеры будут отпущены и что о зачете в ценз плавания проведенного в экспедиции времени будет своевременно представлено в Адмиралтейств-Совет.

Имея в виду это обещание, я просил 8 февраля 1902 года Управляющего Морским министерством о зачислении всего времени пребывания в экспедиции к морскому цензу для лейтенанта Коломейцева, уже закончившего в то время обработку собранных им картографических и других материалов, и о принципиальном решении этого вопроса для лейтенантов Матисена и Колчака, продолжавших еще состоять при Экспедиции.

Письмом от 28 апреля 1902 года Управляющий Морским Министерством уведомил меня, что он приказал в Адмиралтейств-Совете о зачете лейтенанту Коломейцеву за ценз плавания лишь 281 ходового и якорного дня, фактически проведенных им на судне экспедиции “Заря”, а не всего времени пребывания в составе экспедиции.

Ныне, когда все три офицера отчислены от состава Русской полярной экспедиции, снова возвратились в наличность флота и принуждены терпеть различные неудобства за невыполнение ценза, я считаю необходимым снова возбудить этот вопрос, причем не могу не обратить Вашего внимания на то, что зачисление одних ходовых и якорных дней в ценз плавания, по моему мнению, далеко не соответствует тому, что было обещано офицерам сначала, а потому считается мною недостаточным.

Мне хорошо известны все те лишения, то нравственное и физическое напряжение, с которым были сопряжены труды Русской полярной экспедиции не только в краткий период навигации в тех высоких широтах, но и во время вынужденного пребывания на судне в течение всей долгой полярной зимы, когда прихотливое изменение ледяного покрова вокруг судна заставляло ежечасно опасаться за целостность последнего и постоянно быть настороже, и даже во время санных поездок, предпринимавшихся с целью съемок и описи берегов.

Поэтому я считал бы вполне справедливым зачислить лейтенантам Матисену и Колчаку в морской ценз если не все время пребывания в составе Русской полярной экспедиции, как им было обещано, то по крайней мере все время, проведенное на судне экспедиции или в шлюпочных и санных поездках, а также в других, особенно ответственных, тяжелых и опасных предприятиях, а именно: лейтенанту Матисену время с 16 апреля 1900 г. по 2 сентября 1902 г. и с 8 апреля 1903 г. по 24 июля 1903 г., а лейтенанту Колчаку время с 16 апреля 1900 г. по 2 сентября 1902 г. и с 7 марта 1903 г. по 28 января 1904 г. (начало русско-японской войны. – В.С.).

В изложенном выше смысле я и просил бы Вас внести этот вопрос на рассмотрение Адмиралтейств-Совета.

Мне кажется, что деятели, подобные лейтенантам Матисену и Колчаку, особенно важны для нашего флота и что лейтенант Колчак, с 7 марта 1903 г. по 28 января 1904 г. блистательно выполнивший возложенное на него поручение достичь во чтобы то ни стало острова Беннетт, а затем отправившийся по

личному своему желанию в Порт-Артур и перенесший всю тягость его осады, вполне подтверждает мое убеждение.

4 декабря 1905 г.
№ 2957

Искренно Вас уважающий
Константин»²⁵

Таким образом, молодые лейтенанты получили достаточно поддержки и забот со стороны высокого начальства.

А вскоре на все послания президента Академии наук ему пришел ответ от морского министра:

«Его Императорскому Высочеству Великому князю
Константину Константиновичу

Ваше Императорское Высочество!

Имею честь всепреданнейше доложить Вашему Императорскому Высочеству, что за время состояния в Русской полярной экспедиции лейтенантов Матисена и Колчака по отзыву Непременного секретаря Императорской академии наук оба названные офицера имели за время с 16 апреля 1900 г. по 2 сентября 1902 г. и в 1903 г. фактически проведенными как на пароходе “Заря”, так и на шлюпках при производстве описей, ходовых и якорных дней: первый – 371 день, второй – 378 дней. Кроме того, во время санных путешествий производством описей лейтенант Матисен был занят 74 дня, а лейтенант Колчак – 265 дней.

Адмиралтейств-Совет неоднократно высказывал мнение, что в морской плавательный ценз может засчитываться служба офицеров, лишь фактически проведенная на судне, и этот взгляд послужил основанием Адмиралтейств-Совету для решения его, по журналу от 5 сентября 1902 г. № 4539, ст. № 38540, о зачете плавания лейтенанта Коломейцева в должности командира парохода “Заря” за 1900 и 1901 гг. к морскому цензу, к чиновному производству и для получения вознаграждения за плавание при отставке не всего времени пребывания этого офицера в Русской полярной экспедиции в течение 738 дней, а лишь 281 дня фактического плавания на пароходе “Заря”.

Руководствуясь сказанным постановлением, я затрудняюсь представить этот вопрос новому перерешению Адмиралтейств-Совета и потому принужден ограничиться зачетом лейтенанту Матисену лишь 445 дней, а лейтенанту Колчаку – 643 дней, фактически ими проведенными в плаваниях или при описях, тем более, что в настоящее время этот вопрос не имеет существенного значения для дальнейшего их движения по службе.

Подписал

С чувством глубокого почитания
имею честь быть Вашего Императорского Высочества
Всепреданнейший слуга Бирилев»²⁶

Этот официальный документ, можно считать, поставил последнюю точку в Спасательной экспедиции.

²⁵ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 3340. Л. 29, 30, 29 об.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 3340. Л. 28, 28 об.

Приведем хронологию ее событий.

График передвижения спасательной экспедиции А.В. Колчака и его команды из Санкт-Петербурга к о. Беннетта и обратно в Иркутск, Порт-Артур и Санкт-Петербург с 9 января 1903 г. по 21 марта 1904 г.

1903 г.

- 9 января А.В. Колчак получил официальное предложение принять на себя организацию Спасательной экспедиции.
- 16 января А.В. Колчаку выдали первые суммы, ассигнованные на экспедицию.
- 19 января А.В. Колчак выехал в Мезень.
- 4 февраля А.В. Колчак возвратился в Петербург.
- 9 февраля Колчак отправил участников экспедиции, выехал сам в Иркутск.
- 8 марта Вся партия прибыла из Иркутска в Якутск.
- 10 апреля Весь состав экспедиции и все грузы прибыли вместе с А.В. Колчаком в Якутск.
- 12 апреля Пришло извещение от П.В. Оленина и Н.А. Бегичева, что доставка тяжелого вельбота связана с большими трудностями.
- 13 апреля А.В. Колчак немедленно отправился в бухту Тикси на «Зарю».
- 15 апреля А.В. Колчак прибыл на «Зарю» в бухту Тикси, но вельбот на оленях под руководством Н.А. Бегичева уже ушел в Казачье.
- 1–3 мая Весь состав экспедиции собрался в Аджергайдахе.
- 5 мая Весь состав – 17 человек, в том числе 8 каюров, якутов и тунгусов с 10 нартами по 13 собак и вельбот, поставленный на две нарты с 30 собаками, направился через Абеляхскую губу к мысу Святой Нос.
- 23 мая Экспедиция добралась до южного берега о. Котельного. Остановились в поварне К.А. Воллосовича в Михайловом стане. Оставили 80 лучших собак, а 49 отравили стрихнином. Разделили каюров на две партии. Одна должна летовать на северо-западном берегу о. Котельного, другая с П.В. Олениным отправилась на летовку на юго-восточный берег в район низовьев рек Глубокой и Балыктаха для обследования этих районов и Земли Бунге. А.В. Колчак с 6 участниками Спасательной экспедиции остался на Михайловом стане.
- 10 июля Сделали первую попытку выйти в море, дошли до Медвежьего мыса и вернулись – кругом лед.
- 18 июля Вышли в море, шли вдоль южного берега о. Котельный – Земля Бунге – о. Фаддеевский, мыс Благовещения – о. Новая Сибирь, мыс Высокий.
- 2 августа Покинули вечером о. Новая Сибирь.
- 17 августа Высадились в 17 часов на южном берегу о. Беннетта, вблизи мыса Эммы.
- 20 августа Спасательная экспедиция покинула о. Беннетта.
- 22 августа Благополучно добрались до о. Новая Сибирь и высадились ночью у мыса Вознесения.
- 24 августа Экспедиция пришла в стан А.А. Бирули.
- 27 августа После трехдневного отдыха ушли на Благовещенский мыс.
- 29 августа Экспедиция высадилась на Фаддеевском острове на южную сторону Благовещенского мыса и встретила с боцманматом С. Толстовым.

- 31 августа Продолжили плавание вдоль берегов Фаддеевского острова на юг.
 9 сентября Высадились благополучно на Михайловом стане.
 7 октября Пришлось ждать зимы. Море у берегов покрылось льдом.
 18 октября Весь лед взломало крепким ветром и унесло в море.
 25 октября Море у берегов снова покрылось льдом.
 27 октября А.В. Колчак и П.В. Оленин уехали на двух нартах в Нерпалах, но вскоре вернулись.
 29 ноября Море, наконец, стало, но местами лед был очень тонкий. Вышли в Аджергайдах.
 11 декабря Экспедиция прибыла в Аджергайдах.
 13 декабря А.В. Колчак добрался до Казачьего.
 19 декабря Вся партия была в Казачьем. Морозы в Казачьем доходили до -55°C .
 1904 г.
 1 января А.В. Колчак выехал в Якутск.
 7 февраля А.В. Колчак ехал в Якутск через Верхоянск, там морозы опустились ниже отметки -60°C .
 9 февраля В Якутске А.В. Колчак узнал о вероломном нападении японцев на Россию.
 15 февраля А.В. Колчак выехал в Иркутск со всеми участниками экспедиции.
 10 марта А.В. Колчак и вся команда прибыли в Иркутск.
 15 марта А.В. Колчак отправил под командой В. Железникова четырех поморов в Санкт-Петербург.
 21 марта А.В. Колчак и Н.А. Бегичев уезжают в Порт-Артур.

**Императорское Русское географическое общество награждает А.В. Колчака Большой Константиновской золотой медалью.
 Работа в Комиссии по изучению Северного Ледовитого океана**

Прошло два года с тех дней, как завершила свою работу Спасательная экспедиция. Уютный зал Императорского Русского географического общества (ИРГО) видел множество заседаний, но совместные заседания двух отделений случались весьма редко, лишь по особо знаменательным событиям. Такое произошло 10 января 1906 г. в связи с докладом Колчака об Арктике.

Герой Порт-Артура лейтенант Александр Колчак, награжденный орденом Св. Владимира 4-й степени за мужественную и блистательную работу в Русской полярной экспедиции и двумя боевыми орденами за Порт-Артур – Св. Анны 4-й степени и Св. Станислава 2-й степени с мечами, поднялся на трибуну для доклада о Русской полярной экспедиции на о-в Беннетта в связи с поисками барона Толля и его партии.

Известные исследователи Арктики слушали докладчика, проявляя живейший интерес к экспедиции. Они высоко оценили

вклад А.В. Колчака в полярные исследования, его мужественную солидарность с командой, хладнокровие и целеустремленность в трудные дни спасательных работ; особо отметили благополучное возвращение всех спасателей, до единого человека. Это, конечно, заслуга лейтенанта Колчака.

Выдающиеся ученые России на Совете Общества 30 января 1906 г. под председательством знаменитого П.П. Семенова-Тян-Шанского и при участии академиков Ф.Б. Шмидта, М.А. Рыкачева, Ф.Н. Чернышева, В.И. Ламанского, Ю.М. Шокальского, Ф.И. Щербатского и других единодушно присудили лейтенанту А.В. Колчаку «за участие в экспедиции барона Э.В. Толля и за путешествие на остров Беннетта, составляющее важный географический подвиг, свершение которого было сопряжено с большими трудностями и опасностью для жизни, свою высшую награду» – Большую Константиновскую золотую медаль²⁷. В Российском архиве Военно-Морского Флота сохранился этот документ, который мы здесь воспроизвели.

А.В. Колчак стал четвертым полярником – лауреатом Императорского Русского географического общества, снискав заслуженную славу на трудной ниве арктических испытаний²⁸.

На этом же заседании Совета ИРГО единогласно избрали лейтенанта Колчака действительным членом Императорского Русского географического общества.

Коллеги и друзья стали его уважительно величать Колчак-Полярный; такие добавления к фамилии подчеркивали выдающуюся деятельность ее владельца на данном поприще. Приблизительно в это же время появилась двойная фамилия П.П. Семенова – Семенов-Тян-Шанский (см. об этом раньше).

В дальнейшем деятельность Колчака получает развитие по двум направлениям: он становится сотрудником вновь созданного при его участии Морского генерального штаба, где возглавляет Балтийский отдел. А.В. Колчака назначают на должность начальника Первой оперативной части штаба, ведавшей Балтийским театром.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 2965. Л. 8а.

²⁸ Большой Константиновской золотой медалью за полярные исследования были награждены: Н.А.Э. Норденшельд в 1879 г. – за плавание через Северный Ледовитый океан (СЛО) до Берингова пролива, капитан Н.Д. Юргенс в 1885 г. – за работу в качестве начальника Русской полярной станции в устье р. Лены в 1882–1884 гг., Ф. Нансен в 1897 г. – за плавание на «Фраме» к Северному полюсу в 1893–1896 гг. Позднее, в 1914 г., эту награду получил капитан 2-го ранга Б.А. Вилькицкий – за открытие Северной Земли 3 сентября 1913 г. в экспедиции СЛО во время плавания на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач».

№ 410 3

ИМПЕРАТОРСКОЕ

ОБЩЕСТВО

Милостивый Государь

Александръ Алексѣевичъ

М. Ф. Франц 1906 г.

№ 88

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества въ засѣданіи 30 января с. г. присудилъ действительному члену Общества Лейтенанту Александру Васильевичу Колчаку за участіе въ экспедиціи барона Э. В. Толя и за путешествіе на островъ Бениета, составляющее важный географическій подвигъ, совершеніе котораго было сопряжено съ большими трудностями и опасностью для жизни, - своею высшою наградою - Константиновскую медаль.

Съ особеннымъ удовольствіемъ считаю своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства объ этомъ почетномъ награжденіи Лейтенанта А. В. Колчака.

Пользуюсь случаемъ засвидѣтельствовать Вашему Высокопревосходительству чувства моего глубокаго уваженія и совершенной преданности

Его Высокопревосходительству

А. А.

БИРИЛЕВУ.

М. Ф. Франц
Лейтенантъ Колчакъ
№ 88
Н. С. Биринъ
Ваше Высокопревосходительству
1906

Александръ Алексѣевичъ

№ 88

Документ о присуждении А.В. Колчаку Большой Константиновской золотой медали в 1906 г.

Русское
Географическое
Общество. 1872 г.
80 мм. Золото.

Медаль учреждена в 1872 г. Великим князем Константином Николаевичем Романовым, вторым сыном императора Николая I (1796–1855). Константин Николаевич (1827–1892), Генерал-адмирал (1831), в 1853–1881 гг. руководил Морским министерством, провел ряд прогрессивных реформ на флоте. В 1865–1881 гг. председатель Государственного Совета

Морской генеральный штаб (МГШ) был создан в апреле 1906 г., предварительно было получено согласие Николая II.

Первым начальником МГШ был назначен молодой энергичный офицер, командир крейсера «Громобой» капитан 1-го ранга Лев Алексеевич Брусилов, произведенный в 1907 г. в контр-адмиралы. Ему было дано право пригласить на работу в МГШ молодых талантливых офицеров, входивших в военно-морской кружок в Санкт-Петербурге, в Кронштадтское Общество офицеров флота и в Общество ревнителей военных знаний.

Одним из первых в штат МГШ был зачислен А.В. Колчак как наиболее одаренный и знающий морской офицер [98, с. 439].

Участствует Колчак и в работе Главного гидрографического управления, где проводятся совещания с приглашением большого числа специалистов по вопросу продолжения гидрографических работ в Северном Ледовитом океане.

Намечаемые исследования предполагали плавание до Берингова пролива на двух пароходах типа «ледокол» или «ледодав». Предполагалось, что экспедиция будет включать три отряда: морской, береговой и сухопутный. Морской отряд будет зани-

маться промером фарватера, детально изучит проход через Берингов пролив. Береговой отряд проведет описание берегов и геодезические измерения. Сухопутный отряд выполнит комплексные работы на прилегающих территориях, включая географические, биологические, ихтиологические, зоологические и другие исследования.

Председателем Комиссии по изучению Северного Ледовитого океана был назначен член Адмиралтейств-Совета адмирал Владимир Павлович Верховский. В состав комиссии в различные периоды ее деятельности входили крупнейшие специалисты в области гидрографии, гидрологии, геофизики, океанологии, гидробиологии, картографии, зоологии, судостроения и т.д. Состав Комиссии не был строго постоянным, приглашались разные специалисты, но почти всегда принимали участие в обсуждении вопросов такие специалисты, как генерал-майоры гидрограф А.Ип. Вилькицкий, метеоролог И.Б. Шпиндлер и гидрограф Ф.К. Дриженко, полковник океанолог Ю.М. Шокальский, полковник судостроитель, будущий академик А.Н. Крылов, капитан 2-го ранга полярник Н.Н. Коломейцев, полковник гидрограф И.С. Сергеев, геолог И.П. Толмачев, океанолог Л.Л. Брейтфус, капитан 1-го ранга гляциолог А.И. Варнек и всегда – лейтенант А.В. Колчак.

Совсем недавно был обнаружен уникальный документ, дающий полную картину первоначального этапа организации Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана²⁹.

²⁹ В Архангельске осенью 2000 г. (28 августа – 2 сентября) состоялся XI съезд Русского географического общества. После моего (В.С.) доклада о полярных исследованиях А.В. Колчака ко мне подошла участница съезда Берта Борисовна Кристоман и сообщила, что у нее есть материал, связанный с выступлениями А.В. Колчака и других известных специалистов, изучавших Сибирскую Арктику в начале XX в. Я отнесся к этому сообщению достаточно прохладно, полагая, что вряд ли это будут не знакомые мне документы, однако попросил ее снять ксерокопию, пообещав, когда выйдет моя книга о Колчаке, выслать ее.

Практически никому не известный материал, опубликованный четырьмя авторами, называется так: «Ю. Шокальский, А. Колчак, Л. Брейтфус и И. Толмачев. Материал к вопросу об исследовании берегов Сибири» [99].

Статья Ю. Шокальского «Краткий обзор исследования морского пути вдоль северных берегов России: 11 января 1907 г.» в Российском государственном архиве военно-морского флота ошибочно приписывается А.В. Колчаку, см.: РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 43–45.

Статьи четырех авторов даются в приложении 5, это первая публикация ценнейшего архивного материала с указанием действительных авторов.

Выражаю искреннюю благодарность Б.Б. Кристоман в деле восстановления исторической истины и обнаружения подлинных авторов.

Морской министр вице-адмирал А.А. Бирилев направил адмиралу В.П. Верховскому письменное распоряжение о создании Комиссии по изучению Северного Морского пути. Приводим текст этих документов полностью.

МОРСКОЙ МИНИСТР

по Главному Гидрографическому Управлению.

14 Июня 1906

г. С.-Петербург

№ 2152

Его Высокопревосходительству В.П. Верховскому.

Милостивый Государь, Владимир Павлович [99].

Исследования наших вод Северного Ледовитого океана, произведенные Гидрографической экспедицией, организованной в 1894 году по инициативе Н.М. Чихачова, показали, что вопреки утверждениям таких авторитетов, как Литке и Бэр, плавание Карским морем к устьям рек Оби и Енисея следует признать вполне возможным. Правда, первые шаги в этом направлении, сделанные самой экспедицией, за отсутствием лиц, знакомых с местными условиями, чуть не привели к гибели всего состава экспедиции, но затем дальнейшие плавания по этому пути проходили все с большей удачей и в прошлом году, как вам известно, был проведен благополучно в реку Енисей караван из 22 судов.

Имея в виду, что работами экспедиции охвачен сравнительно малый район побережья Ледовитого океана и что еще огромные пространства к востоку Берингова пролива для нас почти совсем неизвестны, естественно возникает вопрос о желательности дальнейших исследований, хотя бы в той мере, чтобы осветить раз и навсегда вопрос об утилитарном значении для нас этих владений вообще и о проходе этим путем к Тихому океану в частности. Насколько ни проблематичным кажется осуществление этого предприятия, тем не менее вопрос об его организации должен быть решен в ту или другую сторону теперь же, пока участники бывшей Полярной экспедиции еще в силах применить добытый ими опыт, который впоследствии для новых поколений исследователей будет быть может добыть уже не столь счастливо.

Ввиду этого я просил бы Ваше Высокопревосходительство организовать под Вашим председательством комиссию из опытных морских офицеров, которая могла бы совершенно объективно и всесторонне разобрать принципиальную сторону этого вопроса, пригласив, если в том встретится надобность, и представителей других ведомств.

До окончательного выяснения обстановки, при которой Ваше Высокопревосходительство признаете нужным решить этот вопрос, прошу Вас не отказывать поставить меня в известность о Ваших взглядах на все вышеизложенное.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Глубоко уважающий Вас А. Бирилев.

Морскому Министру Вице-Адмиралу И.М. Дикову [99].

Письмом от 14-го июня 1906 года за № 2152 бывший Морской Министр Вице-Адмирал Бирилев поручил мне разобрать вопрос о значении Северного мор-

ского пути и степени его возможности, для чего мне было предоставлено образовать комиссию из опытных морских офицеров и лиц других ведомств.

В комиссию вошли Товарищ Министра Путей Сообщений Действительный Статский Советник Б.Е. Иваницкий, как лицо близко соприкасавшееся с вопросом о плавании северным путем из Европы в р. Енисей и знакомый с устройством водных путей; Ученый хранитель Геологического музея, геолог И.П. Толмачев, руководитель известной сухопутной экспедиции Императорского Русского Географического Общества на Таймырском полуострове; Капитан корпуса военных топографов Кожевников, участник той же экспедиции; Начальник научно-промысловой экспедиции в Ледовитом океане зоолог Л.Л. Брейтфус; участники Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана: Генерал-майор Вилькицкий и Дриженко и Подполковник Сергеев; участники экспедиций барона Толля на Новосибирские острова: Капитан 2-го ранга Коломейцев и Лейтенант Колчак и известный своими печатными трудами по северу Полковник Шокальский.

Выводы, к которым я пришел, следующие:

Было бы потерей времени говорить о возможности перехода из Белого моря через Берингов пролив в Тихий океан. Возможность эта доказана на практике (Норденшельд), несравненно большим числом плаваний доказана возможность перехода из Белого моря в устье Лены, плаванье же к устьям реки Енисея и Оби, по своей доступности, в настоящее время не считается даже вопросом.

По мнению генерал-майора Вилькицкого, мнению, основанному на личном 10-тилетнем опыте и на основательном изучении этого предмета, вопрос о свободном переходе через Берингов пролив в Тихий океан представляется в таком виде:

а) плаванье до меридианов устьев Оби и Енисея, пользуясь имеющимися уже сведениями о движении льдов, можно считать не только свободным, но и определенным относительно времени;

б) переход от Лены до Берингова пролива, вследствие громадного количества пресной воды, выносимой сильным течением реки, делает ту часть берега Северной Сибири на относительное время свободным от льдов. Ежегодные плаванья американских кораблей, идущих из Берингова пролива до устьев Колымы, достаточно доказывают возможность этих плаваний, и таким образом;

в) остается очень мало известным часть пути на протяжении 900 миль около берегов полуострова Таймыр.

По удостоверению капитана 2-го ранга Коломейцева и лейтенанта Колчака, указанный путь имеет около полуострова Таймыр множество островов, носящих характер шхер с плесами, с бухтами и с природными очищенными от льдов якорными стоянками.

Все эти упомянутые борцы с Ледовитым океаном не сомневаются, что исследование этой части пути потребует при благоприятных условиях и интенсивной работе не более 2-х лет средствами, изложенными в прилагаемой записке. Эти офицеры и подобные им составляющие счастье Русского Государства и Морского ведомства, не сомневаются, что указанные средства окупятся скоро (подчеркнуто мной. – В.С.). Можно утверждать с вероятностью почти в 100%, что через два года (...) русские отряды и эскадры боевых судов будут ежегодно делать переходы Ледовитым океаном во Владивосток, переплывая скорее и с меньшими расходами 400 миль, чем теплыми водами 12000. Для открытия Россией этого короткого морского пути ничего кроме знаний не требуется, а эти, хотя бы небольшие, но положительные знания можно приобрести только путем фактического исследования, для чего необходимо снарядить экспедицию.

Все дело в решимости начать. Тысячелетняя мудрость русского народа эту истину выражает более явственно словами: «лиха беда начать».

Преодолеть апатию, неподвижность мысли, пересилить боязнь малоизвестного, освободиться от сомнений – вот что составляет главный подвиг. Беда, и притом лихая беда, кроется именно в перечисленных недугах воли и ума. Не преодолев беспричинного недоверия к предприятию, его почти нельзя и начать.

Какое бы энергичное и компетентное совещание не работало над заданным вопросом, оно не обнаружит всей производительности, если будет знать, что высшая власть хладнокровна к результату совещания. Успех совещания будет несомненен, как только Ваше Превосходительство выскажетесь за эту государственную задачу.

Вникая в глубину этого дела, нельзя не прийти к выводу, что путь из Белого моря через Ледовитый океан, будучи на всем своем протяжении изолированным от материка, от всей земли, занимаемой Россией, представляется отрывочным, обособленным, как бы частным предприятием, не способным возбудить общего интереса и горячего сочувствия русского народа, а без этих элементов всякое дело будет идти вяло, довольно безжизненно.

По огромной земельной поверхности, по отдаленности главной и большей части населения от берегов свободных, всесветных вод, по множеству больших и малых причин, для России внутренние водяные пути так же необходимы, как хороший климат и плодородная почва для безбедного существования.

Водяные пути должны соединять Балтийское море через С.-Петербург с Белым и Черным морями, и через всю Сибирь с Владивостоком и Николаевском-на-Амуре. Вот внутренняя водяная артерия Русского Государства. Намеченные пути не фантастичны, они возможны и в действительности со своим размером в несколько раз скромнее железных дорог. Чтобы провести их, не надо миллиардов. Характер их сооружений должен определяться следующими данными:

1) Уровни названных морей и океанов разнятся один над другими от одного до двух футов, следовательно, необходимо стремиться обходиться без шлюзов, чтобы путь был непрерывный и безостановочный, как в океане и в открытых морях.

2) Следует избегать непосредственно пользоваться реками, когда судоходству по ним от этого предвидится вред, чтобы таким образом не портить ни искусственных, ни естественных водяных путей.

3) Так как в каналах течение будет значительно слабее, чем в реках, то для крепости берегов, вместо укрепления – всегда непомерно дорогого и недолговечного – делать водоотводные каналы.

4) Для уменьшения стоимости работ обсудить производство таковых без присяжных подрядчиков и без педантического руководства урочным положением, ограничив, например, стоимость выемки одной кубической сажени в 60 коп. и менее.

На прорытие канала в среднем грунте длиною в одну тысячу верст, при одновременной работе 70 машин, вынимающих по 20 куб. саж. в один час, при средней ширине канала в 20 саж. и глубины от поверхности земли до дна в 3 сажени потребуются 3 года. Стоимость всех машин, действующих в Германии, 1^{1/2} миллиона рублей, а выемка земли – от 16 до 50 млн рублей, в зависимости от системы составления сметы и степени применения искусства к работам. Самая конечно дешевая, скорая и надежная работа – артелями, без подрядчиков.

Предполагая, что для выполнения намеченных трех магистралей понадобится прорыть одну тысячу верст соединительных каналов, и принимая цену, в которую обошлась одна верста С.-Петербургского канала, потребуется не свыше 500 миллионов рублей.

Чтобы судить, насколько умеренны эти цифры, надо вспомнить, что одна Сибирская железная дорога, в одну колею и 6 тысяч верст, обошлась 1200 миллионов.

Водяные пути нашего государства, соединяющие Балтийское море с Белым, с Черным и с Тихим океаном должны быть и будут. Чем скорее совершится, тем скорее Россия расцветет и обогатится в сплошной массе населения (Подчеркнуто мной. – В.С.). В последнее время перед японской войной на постройку новых железных дорог ассигновывалось по 600 миллионов рублей в год, и никого это не удивляло, так как сознавали потребность в железных дорогах. Без сознания же потребности внутренних водяных путей осуществлять их не будут даже и при средствах.

После приведенных здесь цифр, какой ничтожной величиной представляется сумма на исследование водного пути вдоль полуострова Таймыр, но она может еще сократиться, если: 1) часть консервной провизии, продаваемой теперь за ненадобностью, передать намечаемой полярной экспедиции; 2) и также поступить со свободными гидрографическими приборами и другими материалами и предметами, остающимися без употребления в портах.

Все изложенное мною было представлено 12 января Вице-адмиралу Бирилеву, причем подробности докладывались некоторыми из членов комиссии. В настоящее время весь этот доклад по мысли Алексея Алексеевича напечатан, и я имею честь его представить Вашему Высокопревосходительству на благоусмотрение, вместе с примерной сметой и упомянутым ко мне письмом бывшего Морского Министра.

Адмирал *Верховский.*

Состав экспедиции.

Начальник 1, помощников 10, из них 2 командуют судами, врачей 2, нижних чинов 60.

Стоимость экспедиции. *Единовременный расход:*

Стоимость 2-х пароходов и приспособление их к плаванию	420.000
Разные расходы при покупке пароходов	10.000
Первоначальное обзаведение: теплое платье, ружья, палатки для береговых партий и т.д.	20.000
Неприкосновенный запас провизии (консервы) на год	33.000
Инструменты	7.000
Всего	490.000

Ежегодный расход:

Содержание личного состава экспедиции, считая 12 месяцев плавания:

Начальник экспедиции	10.000
10 помощников	50.000
2 врача	12.000
Офицерское продовольствие	10.000
Командное содержание и продовольствие	65.000

Топливо	24.000
Заготовление материалов для работ и плавания	3.000
Постройка домов и знаков, канцелярские и судовые расходы	15.000
Подъемные деньги	5.000
Расход по зимовке и экстраординарные расходы	10.000
Итого на каждый год	214.000
На 2 года	428.000
Если будет признано желательным иметь еще сухопутную экспедицию, как вспомогательную, то общий расход надо будет увеличить на	80.000

Выключая, однако, из общей цифры стоимость таких приобретений, как суда и инструменты (437 тыс.), которые по окончании экспедиции могут получить другое назначение и тем впоследствии уменьшить соответственным образом делаемые по ним ассигнования, расход казны собственно на экспедицию выразится за 2 года цифрой 481 тыс. рублей; а при посылке сухопутной экспедиции 561 тыс. рублей.

Адмирал *Верховский* [99].

Почти на все заседания Комиссии по СЛО получал приглашения лейтенант Колчак. В окружении адмиралов, генералов и полковников молодой лейтенант становился еще более уверенным. Колчака не смущали высокие ранги именитых членов Комиссии. Он часто выступал на заседаниях, где обсуждались различные аспекты, включая и военно-стратегические, освоения Северного Морского пути из Атлантики в Тихий океан. К мнению Колчака прислушивались, так как говорил он всегда толково, четко, со знанием дела раскрывая суть обсуждаемой проблемы.

К этой работе его привлек начальник Главного гидрографического управления (в 1907–1913 гг.) А.Ип. Вилькицкий. Зная, что Колчак занялся преподавательской работой – читал лекции в Николаевской морской академии³⁰, Андрей Ипполитович сказал ему: «Моряки должны плавать, а не скучать на берегу без моря» и предложил организовать экспедицию по исследованию северо-восточного морского пути из Атлантического океана в Северный Ледовитый океан вдоль берегов Сибири.

Колчак разработал проект экспедиции и, учитывая свой собственный опыт, пришел к выводу, что для новой экспедиции необходимы стальные корабли ледокольного типа, но не такие, как «Ермак», а подобные нансенскому «Фраму». Опыт показывал,

³⁰ Николаевская морская академия создана в Петербурге при Николае I. Первоначально был сформирован так называемый Офицерский класс 29 января 1827 г. В 1862 г. он преобразован в Академический курс морских наук, в 1877 г. переименован в Николаевскую морскую академию, в 1896 г. в ней открыт Курс военно-морских наук. На этом курсе и преподавал А.В. Колчак.

что ломать океанический лед даже такие могучие корабли, как «Ермак», не в силах. По мнению Колчака, для такого сложного маршрута надо иметь два ледокола: один – прокладывает путь, другой несет все необходимое оборудование для гидрографических и гидрологических исследований.

Колчак все еще оставался в Штабе, но загорелся этим новым делом и принимал в нем живейшее участие. Он ездил на заводы, разрабатывал с инженерами типы ледокольных судов, обсуждал с коллегами предложения различных судостроительных фирм. Решено было построить два стальных ледокольных корабля, получивших названия «Таймыр» и «Хатанга», но последний был переименован вскоре в «Вайгач» [9, с. 258–259].

Колчак вместе с Матисеном по поручению адмирала В.П. Верховского готовят докладную записку, в которой рассматривают проекты ледоколов, предложенных различными заводами. По их мнению, ледоколы должны отвечать трем основным требованиям:

1. Суда должны обладать хорошими морскими качествами.
2. Запас угля должен быть минимум на 90 суток экономичного хода.
3. Крепость их корпуса и внутреннее устройство должны соответствовать условиям арктического плавания и зимовки во льдах.

Колчак провел большую и кропотливую работу по ознакомлению со всеми заводскими проектами по строительству ледоколов:

Название завода	Стоимость ледокола
Акционерное общество «Сормово»	581 тыс. руб.
Общество судоремонтных, механических и литейных заводов в Николаеве и Мариуполе	507 тыс. »
Общество путиловских заводов	490 тыс. »
Невский судостроительный завод	608 тыс. »
Акционерное общество рижских судоремонтных, механических и строительных заводов «Ланге и сын»	375 тыс. »
Завод «Новое судостроение» С.-Петербургского порта	935 тыс. »
Завод Крайтона – Балтийский завод	624 тыс. »

После длительной дискуссии с начальником Главного гидрографического управления А.Ип. Вилькицким остановились, хотя и были возражения, на проекте Невского судостроительного завода.

Колчак принимает участие буквально во всех заседаниях Комиссии по СЛО. Он получает всякий раз официальное уведомление о заседании. Приводим одно из них.

Адмирал Владимир Павлович Верховский просит Ваше Благородие прийти завтра в 1¹/₂ ч в Главное гидрографическое управление для участия в Комиссии по исследованию Северного Ледовитого океана.

И.д. ст. делопроизводителя

4 июля 1906 г. № 2371

Подполковник Полбин»³¹

Такие послания, конечно, льстили самолюбию Колчака, но, к его чести, он никогда не кичился этим. Молодой лейтенант четко знал свое место в этой «могучей шеренге морских гигантов» и старался не делать первый шаг, если следовало соблюдать субординацию. Разудалое выражение «не по чину берешь» на протяжении всей жизни Колчака-бессребреника никогда к нему не имело отношения. Его «английская» сухощавая фигура, резкие, быстрые движения, лицо с орлиным носом и ястребиным взглядом – все заставляло окружающих восхищаться им. Нервозность его характера, которая раздражала многих в более поздний период его жизни, в молодости почти совсем не проявлялась. На заседаниях Комиссии по изучению СЛО он был немногословен, можно даже сказать, элегантно лаконичен. Конечно, ледоколы были его идеей-фикс, и он буквально загорался, когда начинал говорить о них.

При обсуждении окончательного проекта и выбора завода-изготовителя заседания Комиссии проходили по очень плотному графику. Например, Комиссии по СЛО пришлось собираться 9, 12 и 16 апреля 1907 г., потом 1 и 3 мая – для выработки заключительного протокола по ледокольному строительству, на которое отпускались государственной казной значительные средства. Во всех этих заседаниях принимал участие лейтенант Колчак.

А.В. Колчак в мае 1907 г. произведен в капитан-лейтенанты, а в конце года он выступил в Санкт-Петербургском Военно-морском кружке с программным основополагающим докладом «Какой нужен России флот» (опубликован в 1908 г. в Морском сборнике, полный текст доклада дается в Приложении, ч. 2) [100, с. 1–25, 31–47].

Доклад произвел сильное впечатление и поразил слушателей глубиной охвата проблемы и государственным подходом. Со своим докладом автор выступил и в Государственной Думе. Дума рассмотрела законопроект, относящийся к краткосрочной и долгосрочной Программе военно-морского судостроения в России, которую затем обсудил Государственный Совет и утвердил Николай II.

³¹ РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 499. Л. 89.

Дума определила кредиты, отпускаемые на строительство флота. В заключение А.В. Колчак отмечал:

«Какой же флот нужен России? России нужна реальная морская сила, на которой могла бы быть основана неприкосновенность ее морских границ, и на которую могла бы опереться независимая политика, достойная великой державы, т.е. такая политика, которая в необходимом случае получает подтверждение в успешной войне.

Эта реальная сила лежит в линейном флоте и только в нем, по крайней мере в настоящее время мы не можем говорить о чем-либо другом. Если России суждено играть роль великой державы – она будет иметь линейный флот, как неперемное условие этого положения. Перед нами теперь стоит этот вопрос во всей его сложности, со всею тяжестью громадных материальных, я скажу, не затрат, а жертв, и решаясь принести эти жертвы, надо не верить, а знать, что результатом их явится действительная сила. Ограничивая временно значение морской силы под давлением условий внутреннего состояния государственного, следует ограничить до известного предела размеры создаваемой силы, не изменяя ее качественно.

Беря на себя смелость отрицать, хотя бы в настоящее время, необходимость вооруженной силы – надо идти до конца и отрицать всякий флот, ибо создание фиктивной силы в виде специального минного или подводного флота чрезвычайно дорого – при нашем положении государственном мы не имеем права тратить десятки миллионов на опыты и основывать хотя бы часть государственного бытия на сомнительной или заведомо неудовлетворительной силе.

Никакая отрасль или часть проявления государственной жизни не может быть даже временно приостановлена без ущерба всему целому, и никакими финансовыми затруднениями нельзя оправдать сознательное отречение от неприкосновенности и политической независимости, достигаемой правильным соотношением и развитием сухопутных и морских вооруженных сил.

Эта морская сила должна быть и будет в форме линейного флота; нашему отечеству предстоит выполнить огромную задачу его создания, которое должно быть произведено одновременно во всех частях сложного механизма флота, так как только при этом условии можно будет рассчитывать на результаты, достойные цели.

Капитан 2-го ранга Колчак»³² [100, с. 24–25].

В это же время А.В. Колчак много внимания и сил отдавал важнейшему мероприятию – созданию Морского Генерального штаба (МГШ).

Одна из главных задач вновь организуемого Морского Генерального штаба заключалась в разработке программы возрождения флота Российского.

В МГШ были подготовлены две судостроительные программы: одна программа – малая, другая – большая, которые затем объединили в одну Государственную программу.

По программе намечалось построить 7 линейных кораблей, 4 линейных крейсера, 8 легких крейсеров, 85 эскадренных мино-

³² А.В. Колчак произведен в капитаны 2-го ранга 13 апреля 1908 г.

носцев и 12 подводных лодок, всего 116 военно-морских боевых единиц всех основных классов [98, с. 439].

Главным составителем кораблестроительной программы был капитан-лейтенант А.В. Колчак. Плохую службу сослужили так называемые доцусимские адмиралы А.А. Бирилев, И.М. Диков, С.А. Воеводский. Они всячески препятствовали проведению оперативно-стратегического плана при осуществлении кораблестроительной программы. Правда, возглавлять Морское министерство им пришлось короткое время. Этих флотских вельмож раздражали молодые настырные, прогрессивные и талантливые «выскочки», как они их называли.

Главным возбудителем спокойствия был А.В. Колчак. Он это понимал и поэтому вскоре на «Вайгаче» отплыл на Дальний Восток [101].

В 1910 г. Морской Генеральный штаб возглавил вице-адмирал А.А. Ливен, получив эту должность после смерти контр-адмирала Л.А. Брусилова. В 1911 г. кресло Морского министра занял прогрессивный адмирал И.К. Григорович (1853–1930), на этом посту он находился с марта 1911 г. по февраль 1917 г.

Новый Морской министр И.К. Григорович добился утверждения кораблестроительной программы в 1911 г. И Государственная Дума приняла закон о ее финансировании. Были заложены десятки новых кораблей для Балтийского и Черноморского флотов. Когда началась Первая мировая война, все они оказались на стапелях в полуживом состоянии из-за проволочек в утверждении и осуществлении кораблестроительной программы 1909–1912 гг. [98, с. 441].

На суде в январе 1920 г. А.В. Колчак раскрыл причины срыва намеченной программы, он говорил:

«Несмотря на то, что с весны до начала войны шла подготовка флота к войне, благодаря деятельности Воеводского мы к войне не были готовы в смысле выполнения намеченной программы. Эта программа, начиная с судостроительной, с которой было связано все остальное, была задержана Воеводским на два года. Что касается других причин задержки в выполнении этой программы, то и помимо людей таких причин было много. Причиной этого была прежде всего самая организация морского министерства и главным образом его технических отделов, с их страшной канцелярщиной и волокитой в сношениях с заводами, с утверждением чертежей, с разрешением всевозможных вопросов, связанных с судостроением. Все это страшно отражалось на деле. Таким образом, одной из причин являлся также бюрократизм, бывший в этих учреждениях. Это было ужасное место, с которым Генеральный штаб пытался вести борьбу, но тщетно» [9, с. 262].

Николай II разрешил до утверждения программы Думой заложить в 1909 г. на верфях Петербурга четыре новых линкора

типа «Севастополь», предназначенных для усиления Балтийского флота [102, с. 146–165].

К проектированию линкоров подключили наиболее известных кораблестроителей, среди них важную роль играл А.Н. Крылов (1863–1945).

Подполковник А.Н. Крылов, преодолевая в течение шести лет косность и бюрократизм высокопоставленных чиновников Морского ведомства, вышел из этой борьбы победителем, хотя и получил выговор по флоту (подобного, как он говорил, «отличия» удостаивались немногие) «за нарушение правил чинопочитания».

Биограф А.Н. Крылова пишет: «В январе 1908 г. на А.Н. Крылова возлагаются обязанности главного инспектора кораблестроения, а в сентябре того же года он назначается председателем Морского технического комитета³³.

С тех пор проектирование и постройка кораблей отечественного флота были направлены по новому, прогрессивному руслу. Была создана оригинальная «русская система набора», обеспечивающая необходимую прочность кораблей при наименьшем возможном весе корпуса. Борьба за живучесть кораблей – за сохранение их боевых качеств в условиях тяжелых повреждений – была впервые поставлена на рациональные основы. Корабли флота стали оснащаться новыми приборами и устройствами, разработанными самим Алексеем Николаевичем либо под его непосредственным руководством и существенно повысившими эффективность использования всех боевых средств. Проблемы, занимающие умы передовых кораблестроителей того времени, – борьба с вибрацией корпуса и механизмов, стабилизация боевых постов и многие другие, – получили свое законченное решение, а корабли приобрели конкретные и простые средства амортизации приборов и уменьшения вредных последствий бортовой качки судов на волнении.

На флоте широко внедрялись все достижения науки и техники, как отечественной, так и зарубежной. В частности, был использован богатый опыт английской и немецкой техники, а часть заказов (на котельные установки, артиллерию большого калибра и т.п.) была передана непосредственно иностранным фирмам.

³³ Напомним, что этот период совпал, можно сказать, с пробуждением в Морском ведомстве ответственности за дело обороны страны, явившимся реакцией на недавно пережитый разгром русского флота в Русско-японской войне. Подверглись ревизии многие консервативные институты, ведавшие строительством и организацией флота, и тем самым в известной мере был расчищен путь для технической инвентаризации.

Согласно положению, Морскому техническому комитету принадлежали “разработка типов судов, подлежащих постройке, общее проектирование, утверждение окончательных проектов, исполняемых заводами, и наблюдение за постройкой судов”. А.Н. Крылов широко пользовался своими полномочиями, оказывая существенное влияние и на оперативно-тактическую подготовку флота: он указывал на многие новые направления использования боевых средств, основанные на применении новейших достижений науки и техники, и рекомендовал наиболее эффективные пути их применения в условиях различных морских операций.

Наряду с принципиальными начинаниями, определившими новый этап в развитии отечественного флота, Алексей Николаевич не оставлял без внимания и такие, казалось бы, “мелкие” вопросы, как расположение вспомогательных устройств и рангоута (здесь его “боцманская эрудиция” поражала даже опытных “морских волков”), оборудование офицерских кают и матросских кубриков» (...).

Строительство флота по «большой программе» требовало и больших средств. Законопроект об ассигновании 500 млн на эти нужды должен был рассматриваться Государственной Думой в марте 1912 г. Докладчиком был назначен Морской министр адмирал И.К. Григорович. Текст доклада, составленный Морским Генеральным штабом, оказался малоубедительным, излишне длинным и малопонятным для неспециалистов, какими являлись члены Думы. Поэтому Иван Константинович поручил составить новый текст доклада профессору Морской академии А.Н. Крылову, состоявшему одновременно «для особых поручений при морском министре» [103, с. 15–16].

Как математик Алексей Николаевич написал этот доклад кратко, ясно и доказательно: «В Петербурге хранятся громадные запасы золота Государственного банка, Монетного двора, сокровища Эрмитажа, неисчислимы капиталы частных финансовых предприятий, денежные запасы Государственного казначейства и, наконец, даже сама Экспедиция заготовления государственных бумаг находится в Петербурге.

Отсюда становится ясным, что занятие Петербурга неприятелем не только завершает войну в его пользу, но даже окупает ее, ибо наложение секвестра на все государственные и частные капиталы доставит такую изрядную контрибуцию, перед которой испрашиваемые ныне на флот 500 миллионов представляются ничтожною суммой» [103, с. 18].

Указав общую испрашиваемую сумму в 503 млн руб., из которых 421 млн обращается на кораблестроение, а 82 млн – на оборудование баз и заводов, А.Н. Крылов заканчивает текст доклада обращением к членам Государственной Думы: «Эти числа вас могут поразить своей громадностью, но если их сопоставить с важностью флота для обороны государства и если примете в расчет, что все будет исполняться в России, что при судостроении около 80% составляет плата за рабочую силу, что ассигнованием этих средств вы закладываете прочный фундамент под самые насущные нужды государственной обороны и что при этом вы дадите заработок сотням тысяч рабочих и приложение их трудоспособности во всех отраслях промышленности, то вы не откажете в том полумиллиарде, который нужен России на возобновление ее флота» [102, с. 193].

В последней фразе одновременно содержался столь прозрачный намек на значительные прибыли, которые будут получены от реализации большой судостроительной программы, что результаты голосования превзошли все ожидания: «Так называемые “знатоки дел думских” уверяли, не зная содержания доклада морского министра, что Морскому министерству обеспечено большинство в 4 или 5 голосов. К общему изумлению оказалось 288 голосов “за” и 124 “против”» [Там же].

Трудно и нет необходимости перечислять все специальные задания, которые были выполнены А.Н. Крыловым с момента назначения его в 1911 г. генералом для особых поручений при морском министре. От комиссии по выработке проекта нового устава о пенсиях и единовременных пособиях чинам Морского ведомства и их семьям до руководства Правительственным правлением Путиловских заводов (по наложению на них секвестра), от начальника Главного военно-метеорологического управления до председателя комиссии, организованной для разработки мероприятий по подъему линейного корабля «Императрица Мария», затонувшего в Севастопольской бухте, – таков диапазон и размах этой лишь стороны деятельности Алексея Николаевича.

В декабре 1914 г. А.Н. Крылов избирается в члены-корреспонденты Академии наук, а в апреле 1916 г. – в ординарные академики по математической физике [103, с. 19–20].

А между тем А.В. Колчак и Ф.А. Матисен продолжали оперативно заниматься строительством двух военных судов ледокольного класса, несмотря на чинимые им препятствия.

Строительство двух ледоколов

Огромная бюрократическая машина царской России работала полным ходом, финансирование любой командировки, даже выделение мелких сумм на транспортные расходы, так называемых прогонных денег Колчаку и Матисену, – все оформлялось документально и выдавались солидные бумаги на скромные деньги. Происходило это в то время, когда за окнами чиновничьих департаментов набирали силу и скорость ликующие и стихийные революционные процессы.

Колчак и Матисен, получив предписание, срочно выехали в Мариуполь для ознакомления с одним из проектов.

«Главное гидрографическое управление

В Главный морской штаб

Справка. В дополнение к № 3216

Вопрос о командировании в Мариуполь капитана 2-го ранга Матисена и капитан-лейтенанта Колчака был доложен Товарищу Морского министра. Его Превосходительство выразил свое согласие на эту командировку.

На командирование капитан-лейтенанта Колчака в Морской генеральный штаб препятствия не встречает. Распоряжение на выдачу прогонных денег уже сделано Главным гидрографическим управлением непосредственно.

За начальника картографической части

Лейтенант (Подпись)»³⁴.

Колчак и Матисен, ознакомившись с проектом Мариупольского (Николаевского) завода, спешат в Петербург и докладывают результаты на Комиссии по изучению СЛО.

Перед этим адмирал Верховский поручает Колчаку подготовить памятную записку «О плавании северо-восточным проходом вдоль берегов Сибири от устья Енисея до Берингова пролива».

Записка одобрена и передается начальнику Главного гидрографического управления А.Ип. Вилькицкому (см. в Приложении IV полный текст записки (автограф Колчака)). Обсуждение записки Колчака проходило на различных совещаниях Комиссии. Вот один из фрагментов, связанный с такой дискуссией:

Выписка из журнала совещания Комиссии по изучению СЛО:

«В заседании Комиссии по рассмотрению вопроса о продолжении гидрографических работ в СЛО, имевшем место 6 октября с.г. (1907. – В.С.), из обмена мнениями выяснилось, что более или менее регулярное и безопасное плавание вдоль северных берегов Европы и Азии не может считаться делом невозможным и невыполнимым, но требующим к себе самого серьезного отношения и целого ряда подготовительных работ, и прежде всего возможно подробного

³⁴ РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 240, 210.

гидрографического изучения этих малоизвестных вод, равно как и описание омываемых ими берегов, изученных также только местами и очень неполно»³⁵.

Тем временем строительство ледокола на Невском судостроительном заводе получает одобрение всех высоких инстанций. Колчак и Матисен начали вести наблюдение за ходом строительства. Чиновники Морского министерства не торопятся, и только в середине ноября 1907 г. оформляют назначение наблюдателей документально с включением сумм на транспортные расходы:

«Министерство Морское

Главный морской штаб

В Главное гидрографическое управление

от 16 ноября 1907 г.

Вследствие ходатайства Отдела сооружений Главный морской штаб по приказанию И.Д.³⁶ начальника штаба уведомляет, что капитан 2-го ранга Матисен назначается наблюдающим за постройкой на Невском судостроительном заводе одного из двух пароходов (ледоколов. – В.С.) для гидрографической экспедиции в СЛО.

Что касается назначения капитан-лейтенанта Колчака наблюдающим за постройкой другого парохода, то об этом будет сообщено дополнительно по получении ответа из Главного морского штаба.

Выдать на расходы (на разъезды) 69 р. до 1 января 1908 г.

Старший делопроизводитель
капитан 1-го ранга
Делопроизводитель
капитан-лейтенант

Подпись

Подпись»³⁷.

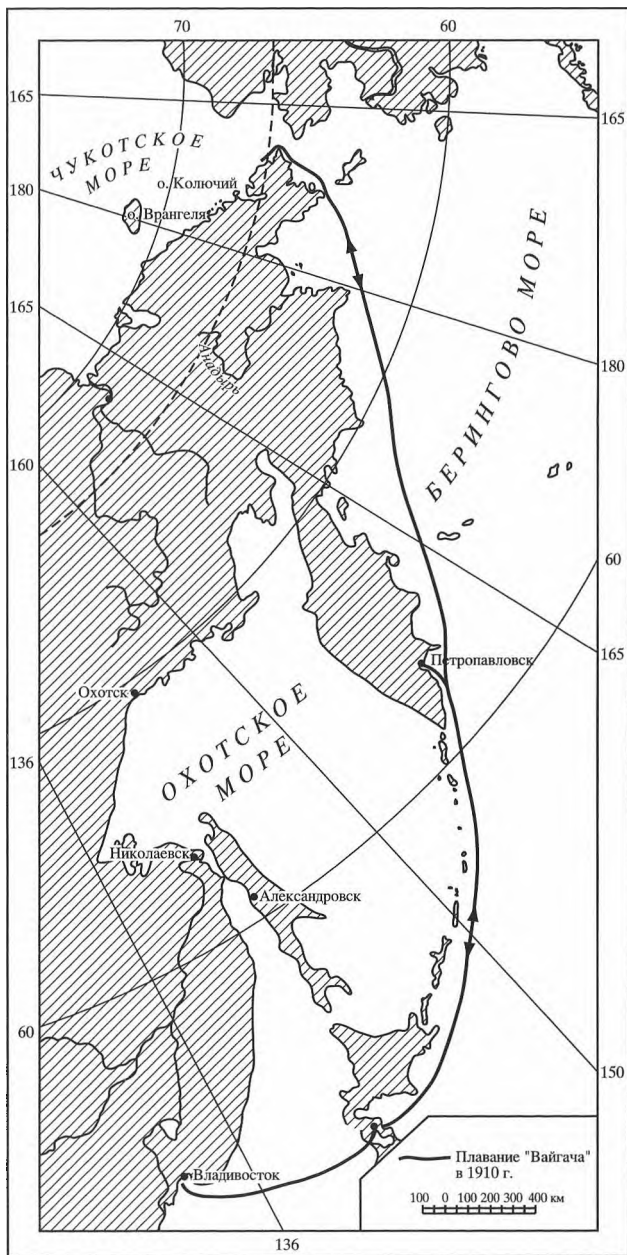
«Решив заняться всецело делом экспедиции, – вспоминает на допросе 1920 г. Колчак, – я в 1908 г. ушел из Генерального штаба и всецело посвятил себя наблюдению за постройкой этих судов на Невском судостроительном заводе.

В 1909 г. суда были спущены, и мы осенью ушли на Дальний Восток с тем, чтобы летом 1910 г. пройти через Берингов пролив на северную часть полуострова. Я командовал “Вайгачом”, “Таймыром” же командовал сначала Матисен. Это были суда ледокольного типа. Идея их состояла в том, чтобы лед суда не ломали, а давили. Поэтому они обладали чрезвычайно сильным корпусом и сравнительно слабыми машинами, так как главный вопрос в данном случае – это большой радиус действия, и ледокольного типа суда учитывают эту идею ударов и сжатия льда» [9, с. 259].

³⁵ РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 249.

³⁶ И.Д. – Исполняющего должность.

³⁷ РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 266.

Маршрут плавания ледокольного парохода «Вайгач» в 1910 г. [118, вклейка]

В первое плавание ледоколы обследовали Берингов пролив, основным пунктом для съемок и больших астрономических наблюдений был мыс Дежнева. К нему и направились корабли в навигацию 1910 г.

Ледоколы были оснащены самым современным морским оборудованием и научной аппаратурой для проведения океанографических и глубоководных гидрологических исследований. Оба ледокола представляли собой «удачный компромисс между боевым и научно-исследовательским кораблем», имея артиллерийское вооружение, пушки и пулеметы и вместе с тем прекрасные лаборатории с новейшим научно-техническим оборудованием и инструментами.

«Вайгач» проектировался специально для проведения картографических работ. Во время плавания экспедиции под руководством Колчака удалось провести большую исследовательскую работу и собрать уникальный океанографический и картографический материал.

При переходе из Петербурга во Владивосток ледоколы имели длительную стоянку в Гавре (Франция) в связи с тем, что по вине машинной команды была допущена серьезная неисправность, ее срочно пришлось устранять.

Во время перехода Кронштадт – Суэцкий канал – Владивосток Колчак выполнил большую серию гидрологических и гидрохимических исследований: измерялись температура поверхностной воды, ее удельный вес, для футшточных наблюдений бросались бутылки с записками. В этой работе Колчаку помогал Г.А. Клодт-фон-Юргенбург. Астрономические работы выполнялись капитаном 2-го ранга Б.В. Давыдовым, позднее он вступил в должность начальника Гидрографической экспедиции Восточного океана в 1913–1915 гг. и руководил морской съемкой берегов Охотского и Берингова морей.

Перед отплытием ледоколов в первый научный рейс А.Ип. Вилькицкий прислал из Главного гидрографического управления полковника-гидрографа И.С. Сергеева, который был назначен начальником всей экспедиции. Колчак его хорошо знал, они неоднократно вместе заседали в Комиссии по изучению СЛО, но отношения Сергеева с другими офицерами экспедиции складывались не очень удачно. Колчака этот вопрос беспокоил, он вспомнил серьезную размолвку барона Толля с командиром «Зари» Н.Н. Коломейцевым.

Конечно, плавание к Берингову проливу могло иметь свои сложности, но умудренный полярным опытом Колчак был полностью уверен, что их удастся избежать.

На пути ледоколов планировался заход в порт Петропавловск-Камчатский. В порту встретились с транспортным судном «Колыма». Знакомый Колчаку штурманский офицер Е. Шильдкнехт, увидев ледоколы-красавцы, попросил разрешения осмотреть «Вайгач». «Показав мне весь корабль, – писал позднее Шильдкнехт, – Колчак не ограничился этим, а пригласил меня к себе, вытащил кучу чертежей и прочел мне целую лекцию о конструкции ледоколов, условиях образования льдов и торосов и предполагаемых возможностях плавания Северным путем. Обладая колоссальной эрудицией, как общей, так и в этом специальном вопросе, Колчак сделал свою лекцию настолько, не скажу даже интересной, а просто увлекательной, что я не заметил, как пролетели два часа, проведенные с ним. Это побудило меня хлопотать о назначении на ледоколы, и, действительно, штаб Сибирской флотилии назначил меня на “Таймыр”, где я пробыл зиму 1911 г.» [8, с. 49].

Во время плавания на «Вайгаче» Колчак продолжал усиленно заниматься гидрологией, его интересовали течения, особенно на акватории после Берингова пролива, но детально эти исследования намечалось провести в последующие навигации.

По инициативе Колчака проводился большой комплекс работ. В гидрологические журналы записывались характер и проходимость льда, его границы наносились на особые «ледяные карты», замерялись толщина торосов, высота ледяных гор, температура льда на различных глубинах. «Вайгач» был специально оборудован для производства картографических работ (так была составлена за № 794 карта бухты Наталии).

Командир «Вайгача» капитан 2-го ранга Колчак принимал личное участие во всех исследованиях...

Здесь уместно вернуться на десятилетие назад, к записи, сделанной Колчаком в экспедиционном дневнике 1900 г.: «Мне приходилось слышать, что начальником ученого предприятия должен быть ученый, вообще человек с научной подготовкой; я считаю, что начальником должен быть просто образованный человек, ясно и определенно сознающий задачи и цели предприятия, а будет ли он специалистом по геологии, не имеющей никакого отношения к ходу самого дела, – это не имеет значения. Для начальника удобнее не иметь никакой специальности, а иметь больше способностей управлять и руководить всем делом, входить в жизнь и внутренние мелочи хозяйства, а не быть “экскурсантом” с “научными” целями, часто преследуя в ущерб всему свои специальные или научные задачи. Вот подчиненный ему состав должен обладать научной подготовкой, а для того чтобы выполнять и руково-

дять ходом морского предприятия, прежде всего необходимо быть моряком...» [см.: 52, с. 35].

Осенью 1910 г. в Беринговом проливе у скалистых берегов мыса Дежнева знаменитый полярник, капитан 2-го ранга А.В. Колчак закончил свои научные плавания и, как показали дальнейшие события,.. навсегда.

«Осенью, – вспоминал Колчак, – мы вернулись во Владивосток на зимовку и для ремонта с тем, чтобы летом пораньше двинуться на север и продолжать систематическую работу. По прибытии во Владивосток я получил телеграммы от того же Воеводского, бывшего морским министром, и начальника Морского генерального штаба князя Ливена. А.А. Ливен был начальником Генерального штаба после контр-адмирала Л.А. Брусилова и, несмотря на свое немецкое происхождение, был страшным противником немцев. В этих телеграммах Ливен и Воеводский просили меня приехать в Петербург и продолжить мою работу в Морском Генеральном штабе для скорейшего проведения судостроительной программы. Решено было во что бы то ни стало производить эту программу и приступить к постройке новых судов. После некоторого колебания я дал свое согласие на возвращение» [9, с. 260].

Так приостановил свои научные изыскания в арктических широтах Александр Колчак, «оставаясь в душе навсегда полярным мечтателем, жизненным младенцем и политическим идеалистом». Здесь перефразированы слова военного министра правительства Колчака барона А.П. Будберга, взятые из его книги «Дневник белогвардейца» (Л., 1929. С. 224).

А дальше... дальше идет новый период жизни адмирала Колчака. Его ждали Морской Генеральный штаб, Балтика, Минная дивизия, Черноморский флот и большая политика Верховного правителя России с трагическим финалом на берегу Ангары...

Познакомим читателя с фамилиями офицеров флота Российского, принимавших участие в первом арктическом плавании (1910 г.) под руководством А.В. Колчака и А.А. Макалинского³⁸ на ледоколах «Вайгач» и «Таймыр». Личный состав экспедиции на ледоколах «Вайгач» и «Таймыр» состоял из 94 человек. На борту каждого судна находилось 6 офицеров, врач и 40 человек команды из матросов-добровольцев флота. Приведем ниже

³⁸ В Северном море во время шторма кочегары «Таймыра» спустили воду из котлов, в результате просели топки. В Гавре пришлось производить двухмесячный ремонт. В связи с аварией Ф.А. Матисен был отозван в Порт-Саиде, и ему на смену прибыл капитан 2-го ранга А.А. Макалинский.

списочный состав офицеров – участников первого плавания на «Вайгаче» и «Таймыре»:

	Годы плавания
1. Э.Е. Арнгольд (врач)	1909 – 1915
2. Г.Л. Брусилов	1909 – 27.2.1912
3. Н.А. Гельшерт	1909 – 1.10.1915
4. Б.В. Давыдов	28.8.1910 – 25.3.1913
5. Г.А. Клодт-Юргенсбург	1909 – 27.2.1912
6. А.В. Колчак	1908 – 28.8.1910
7. К.В. Ломан	1909 – 18.3.1913
8. А.А. Макалинский	1909 – 1910
9. Ф.А. Матисен	1908 – 1909
10. В.В. Нилендер	1909 – 21.4.1914
11. Б.А. Нольде	1909 – 12.3.1912
12. А.К. Пилкин	1909 – 1910
13. И.С. Сергеев	2.11.1910 – 1915
14. Л.М. Старокадомский (врач)	1909 – 1915

В 1918 г. «Вайгач» наскочил в тумане на подводную скалу в Енисейском заливе и затонул. В 1919 г. «Таймыр» сел на камни в районе Новой Земли, но команде удалось спасти корабль. «Таймыр» многие десятилетия благополучно плавал в Северном Ледовитом океане и только в 1956 г. был окончательно списан из славных рядов ледокольного флота.

Надвигалась война с Германией. Обстановка на Балтике становилась тревожной. Командующий Балтийским флотом вице-адмирал Н.О. фон Эссен предложил Колчаку перейти в действующий флот.

Весной 1912 г. Колчак покидает Морской генеральный штаб и переходит в минную дивизию. Он несет службу в Либаве, там располагается база минной дивизии.

Главная задача, которая стояла перед офицерами высокого ранга, – подготовка флота к войне. Начальник минного отряда контр-адмирал В. Канин дал указание о постановке минных заграждений в Финском заливе.

«...На мой миноносец, – вспоминал Колчак, – прибыл Государь, свита его и адмирал Эссен. Мой миноносец шел рядом с одним из заградителей “Амуром”, который ставил мины. Это был случай, когда Государь был у меня на миноносце. Но так как я был командиром, стоял на миноносце и командовал, поэтому мог разговаривать с ним» [164, с. 191].

Генерал Н.В. Савич, член последней Государственной Думы при Николае II, появился в штабе Эссена на Балтике в июне 1914 г. Он так передает свои впечатления о встречах с Колчаком:

«Колчак работал больше всех, был душою и мозгом оперативного отдела штаба. И в дружеских интимных беседах в каюте (...) голос Колчака звучал наиболее весомо, с его мнением больше всего считались, он пользовался всеобщим уважением и авторитетом» [Там же].

А.В. Колчака ждали Черноморский флот и адмиральские погоны.

Монография А.В. Колчака «Лед Карского и Сибирского морей» и другие научные труды

Книга, написанная в Ледовитом океане

Отделение физико-математических наук Императорской академии наук постановило 22 марта 1906 г. издать труд лейтенанта А.В. Колчака «Лед Карского и Сибирского морей» в «Записках Императорской академии наук» [104, с. XXVI]. Спустя три года он был опубликован.

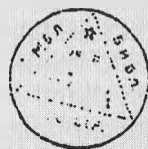
С 20-х годов монография Колчака у нас в стране находилась под строгим запретом, и за минувшие восемь десятилетий на его труд не было сделано в отечественной научной литературе по гляциологии практически ни одной ссылки, а исследование его определенно заслуживает внимания специалистов, хотя еще американцами был сделан перевод отдельных разделов монографии, глава «Арктический пак и полярный» из его монографии была включена в сборник «Проблемы полярных исследований» (специальный выпуск № 7. Нью-Йорк, 1928) вместе с работами таких известных полярников, как Ф. Нансен, У. Нобиле, выдающийся австралийский исследователь Антарктиды Д. Моусон (1882–1958) и многие другие [105].

Книги, посвященные Арктике и написанные на основе практического опыта, будь то плавание среди льдов или переходы на собачьих упряжках, представляют особую ценность. Каждая экспедиция по-своему увлекательна и драматична. Вот что пишет Х. Боерхаава в предисловии к голландскому изданию знаменитой книги итальянца Л.Ф. Марсильи (1658–1730) «Физическая география моря», вышедшей в свет в 1786 г.: «Это редкое и удивительное дело, когда автор находится не в своем кабинете, а в открытом море, не в тишине и одиночестве, а там, где легко расстанутся с жизнью. Сколько тревог и трудностей ему пришлось преодолеть, чтобы написать эту работу, которой он посвятил годы с

AMERICAN GEOGRAPHICAL SOCIETY
SPECIAL PUBLICATION NO 7
Edited by W. L. G. JOERG

PROBLEMS OF POLAR RESEARCH

A SERIES OF PAPERS
BY
THIRTY-ONE AUTHORS

AMERICAN GEOGRAPHICAL SOCIETY
BROADWAY AT 156TH STREET
NEW YORK
1928

Титульный лист американского географического журнала, опубликовавшего главу 11 из монографии А.В. Колчака. Издание 1928 г.

THE ARCTIC PACK AND THE POLYNYA

A. Kolchak

CHARACTERISTICS OF THE ARCTIC PACK

By the term "Arctic Pack" I understand the many-years-old ice of the Arctic Ocean, mostly rafted [Russian, *rabimoi*] and predominantly in the shape of fields, i.e. areas whose limits cannot be seen from a ship's mast. The distinctive characteristics of the Arctic Pack are: its tremendous power, greater than that of the pressure-formed ice in the marginal seas of the Arctic Ocean; its solidity, due to the age, of many years' standing, of these rafted ice formations—a solidity that gradually increases to such a degree that the ice masses look like a compact and homogeneous whole; and, finally, the size of the areas of rafted ice, so large that they represent powerful hummocky-ice fields in extent.

Перевод работы А.В. Колчака «Арктический пак и полынья» на английский язык [65, с. 155–169]

1680 по 1725. Берите и пользуйтесь всем, что собрано с такими большими усилиями; напрасно вы будете искать что-либо в других местах, только в этой работе вы найдете огромное количество сведений» [161, с. 5].

Эти слова могут быть отнесены и к исследованиям Александра Васильевича Колчака, выполненным им в Русской полярной экспедиции в 1900–1903 гг.

Как участнику Русской полярной экспедиции Толля и Спасательной экспедиции Колчаку пришлось выполнять всевозможные работы и поручения, но как ученый-исследователь на протяжении длительного времени он занимался изучением различных, по его выражению, «метаморфоз льда», что в дальнейшем вошло в его монографию. «Основанием для этого исследования, – пишет он в предисловии, – служат наблюдения надо льдом в Карском и Сибирском морях, а также в районе Ледовитого океана, расположенном к северу от Новосибирских островов, произведенные Русской полярной экспедицией в течение 1900, 1901, 1902 и 1903 гг.» [65, с. 1].

В монографии подробно освещаются работы более ранних арктических экспедиций: лейтенанта Ф.П. Врангеля (1820–1824), лейтенанта К. Вейпрехта (1872–1874), Н.А.Э. Норденшельда (1878–1879), которому впервые удалось осуществить плавание из Атлантического океана в Тихий полярными морями, академика Императорской АН Александра Миддендорфа – на север и восток Сибири (1842–1845).

Монографическое исследование Колчака занимает более 170 страниц с приложением 11 таблиц, содержащих 24 фотографии различных форм льда.

Автор детально рассматривает все встречающиеся в Арктике разновидности льда, описывает сезонное изменение ледяного покрова, физико-географические условия, влияющие на формирование-разрушение ледяных масс. Он отмечает, что процессы замерзания, таяния, торосообразования в арктических морях, казалось бы, должны быть идентичны, но, поскольку в гидрологическом отношении морская вода различна, в каждой акватории имеются свои особенности.

Колчак обращает внимание на различное строение льда Карского и Сибирского морей. По его мнению, большие глубины Карского моря формируют обширные гладкие площади льда, а для Сибирского моря характерны наличие стамух, частое разрушение неподвижного ледяного покрова, напозвание торосов на береговой припай. «Что же касается области Ледовитого океана, омывающей берега американского арктического архипелага и Аляски (Бофортово море), – пишет автор, – то она, по-видимому, находится вне влияния определенных ветров и течений, располагаясь на так называемом ветроразделе, идущем от Берингова пролива к северному берегу Гренландии» [65, с. 162].

В книге обобщаются результаты наблюдений над образованием ледяного покрова в открытом море: у берегов западного Таймыра, около о-ва Беннетта, у западного берега о-ва Котельный и северо-восточных берегов Новой Сибири. С познавательной и историко-научной точек зрения весьма важными представляются взгляды Колчака на развитие торосообразования в области берегового припая Карского и Сибирского морей. Им описываются следующие районы наблюдений: у мыса Стерлигова, вдоль берега Харитона Лаптева до мыса Медведева, район Норденшельдовых островов, губа Нерпичья, залив Толля, южный берег Земли Бунге, северные берега Фаддеевского острова, Благовещенский пролив, море к северу от мыса Высокого Новой Сибири, проливы Санникова, Этерикана, Дмитрия Лаптева, берега Ляховских островов и т.д.

Впервые в научный оборот им введен ряд терминов, которые получили широкое распространение не только в отечественной литературе, но и за рубежом, например «стамуха». «Ставший на мель торос, – пишет Колчак, – является началом для еще более мощных нагромождений взломанного льда (который я позволю называть поморским термином “стамухи”), достигающих до 10 и более сажень (до 21,3 м и более) высоты над уровнем моря и об-

разующих настоящие ледяные острова. Мне лично пришлось измерить самое большое из виденных мною такое образование в 57 футов, Врангель же свидетельствует о стамухах более 100 футов (30,48 м) высотой. Эту 57-футовую стамуху, стоящую на мелу на шестисаженной глубине, я видел и измерил к югу от восточной части Новой Сибири в 1902 г.» [88, с. 490].

Автору данной книги довелось участвовать в 50-м рейсе научно-исследовательского судна «Академик Курчатов», проводившего работы в Северной Атлантике в 1990 г. Вблизи о-ва Ньюфаундленд мы наблюдали стамухи высотой до 10–20 м – величественные создания природы, застывшие на мелководье. Примечательно, что никто из участников экспедиции, как это ни грустно, ничего не слышал о происхождении термина «стамуха». Велико было их удивление, когда они узнали от автора книги, что в научный обиход это слово ввел лейтенант Колчак – тогда еще молодой исследователь Арктики [106, с. 354–355].

В монографии Колчака предпринята успешная попытка дать картину распространения арктического пакового льда в полярном бассейне. Это очень важно, поскольку пограничные области, характерные для разреженного пакового льда, могут быть доступны в период навигации. Кстати, в 1920–1930-е годы данный вопрос был одним из самых актуальных в связи с авиаполетами к Северному полюсу и освоением Северного морского пути.

«Под термином “арктический пак”, – объясняет Колчак, – я подразумеваю многолетний, большей частью набивного образования лед в преобладающей форме полей, т.е. площадей, границе которых с корабля определить нельзя» [65, с. 155]. Отличительными признаками арктического пака являются: огромная мощность, превосходящая мощность льда, образуемого путем набивания в прилегающих к Ледовитому океану морях; многолетний характер набивных образований, т.е. плотность их постепенно увеличивается до такой степени, что массы льда представляются совершенно компактными и однородными; наконец, размеры площадей набивного льда таковы, что выглядят они как мощные торосистые поля.

«Арктический пак образует главную массу почти сплошного ледяного покрова, распространяющуюся по всей океанической части полярного бассейна, находящегося в медленном и сплошном движении, результатом которого являются местный напор и сжатие льда, с одной стороны, а с другой – образование полыней, каналов и трещин» [Там же].

По мнению Колчака, на западе арктического бассейна граница пакового льда поднимается к северу, а к востоку от о-ва Бен-

нетта постепенно уклоняется к югу. «Арктический пак, – пишет он, – постоянно опускается к берегам архипелага Парри, заполняет Бофортово море, подходя близко к берегам Земли Бэнкса и Аляски, вдается в северную часть Юкагирского моря (Восточно-Сибирское и Чукотское моря. – В.С.), подходит вплотную к северным берегам Новосибирских островов, распространяется в открытое с севера Сибирское море, приближается к мысу Челюскин, к северной границе Карского моря и встречается гораздо южнее архипелага Франца-Иосифа, быть может, вблизи мыса Желания Новой Земли. Поля льда из этой области заполняют пространство между Землей Франца-Иосифа и Шпицбергенем и выносятся мощным потоком в Гренландское море, являющееся главным местом, куда разгружается часть массы арктического пака» [65, с. 158–159].

Колчак сформулировал основные направления и конкретизировал движение льдов под воздействием ветров и течений не только в районе Новосибирских островов в соответствии с дрейфом судов «Жаннетты» (американца Джорджа Де-Лонга) и «Фрама» (норвежца Фритьофа Нансена), но и предложил схему движения арктического пака для всего полярного бассейна. Он указал, что говорить о течениях еще преждевременно, но под влиянием ветров движение арктического пака принимает западное направление на меридианах азиатского материка Сибирской Арктики.

По мнению Колчака, арктический пак занимает основную площадь полярного бассейна. Схематически область арктического пака можно представить в виде растянутого эллипса. Большая ось его приблизительно соответствует линии, соединяющей точки Земля Принца Рудольфа (Архипелаг Франца-Иосифа) – мыс Барроу (северный берег Аляски), а малая ось эллипса соответствует линии, соединяющей точки о-ва Беннетта – мыс Альфреда-Эрнеста (западный берег Земли Гранта). Точка пересечения этих осей эллипса приблизительно находится на меридиане 180° и широте 84° (с.ш.). «Площадь, определяемая этим эллипсом, – пишет Колчак, – включает в себе область, постоянно покрытую полями арктического пака, недоступную для навигации» [65, с. 158].

Полярная область, расположенная напротив Азиатского материка, была исследована благодаря дрейфу судов, удалось изучить и установить скорость движения льда в этом сегменте. Было вычислено, что около пяти лет потребуется для льдины, чтобы пройти расстояние от о-ва Геральда (район Берингова пролива) до меридианов Гренландского моря. Далее льдина мо-

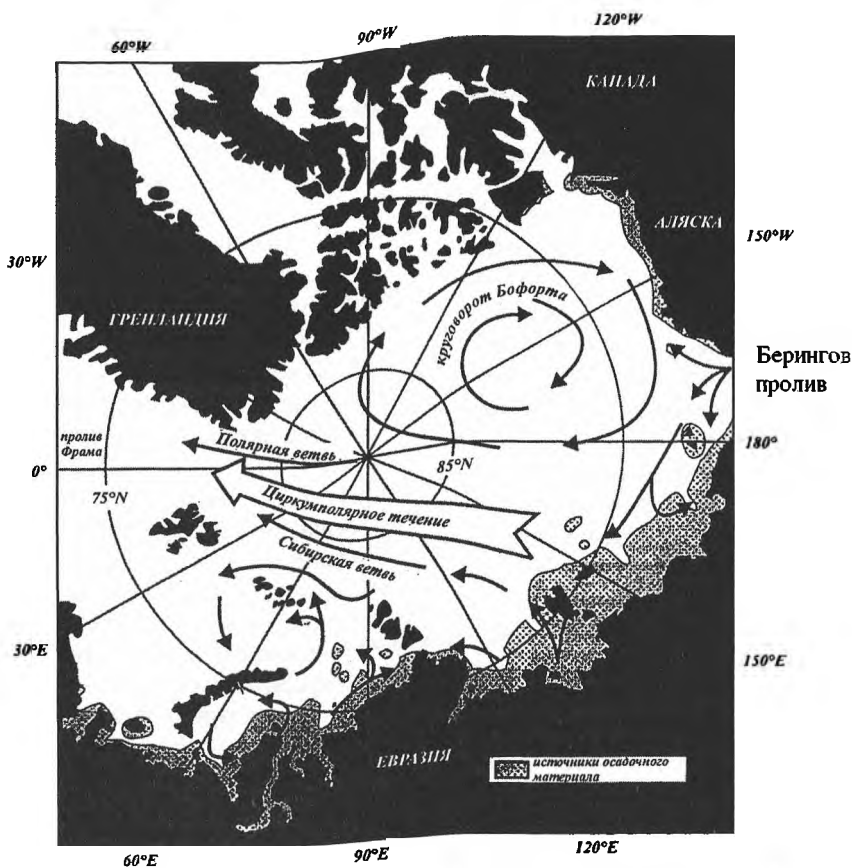

Схема основных направлений и движений льдов в Арктическом бассейне. Эллипс (толстые стрелки) выделен Колчаком (его гипотеза движения льда по большому эллипсу в центральном Арктическом бассейне)

жет попасть в Восточно-Гренландское течение и будет вынесена из полярного бассейна в Атлантический океан.

Непроходимыми и недоступными для навигации остаются крайние области арктического пака, расположенные на меридианах Северной Америки и имеющие тенденцию к напору на берега. Эта область как бы окантована дугой эллипса, проходящей через точки: мыс Барроу – Земля Гранта – архипелаг Франца-Иосифа. Для этой половины отсеченной эллипсом полярной акватории скорость движения арктического пака остается полной загадкой. Лед в этом сегменте, говоря образно, настолько плотный, что ни одна полярная экспедиция в этих краях не сумела побывать до начала XX в.

«Движение льда, – пишет Колчак, – на меридианах Азиатского материка зависит, по-видимому, от ветров, находящихся в тесной связи с распределением атмосферного давления в Сибири.

В течение большей части года огромная барическая возвышенность северо-восточной Азии является основным фактором атмосферных явлений прилегающих районов; в это же время, приблизительно, располагается в Гренландском море область низкого давления. Эти две области высокого и низкого давлений определяют направление движения потоков атмосферы в зимнее время, вызывая в северной части Азиатского материка и прилегающем районе Ледовитого океана южные, юго-восточные, восточные и, наконец, северо-восточные ветры к северу от Шпицбергена. Эти ветры и обуславливают дрейф льда в северо-западном направлении, изменяющемся постепенно на западное к северу от архипелага Франца-Иосифа и юго-западнее к северу от Шпицбергена. Перемены ветра сказываются и на направлении дрейфа, который вообще в известный момент может происходить по любому направлению, но равнодействующая всех этих частных движений будет иметь северо-западный характер, определяемый стоком атмосферы из области высокого давления в более низкую» [65, с. 161].

Анализируя мощное Восточно-Гренландское течение, Колчак приходит к выводу, что оно, вероятно, связано с Гольфстримом, теплая вода которого найдена Нансенем в азиатском районе Ледовитого океана на больших глубинах и представляет сток воды полярного бассейна, пополняемый Гольфстримом, а также южными течениями Берингова пролива и массами пресной воды, выносимой сибирскими и американскими реками.

«Рассматривая в совокупности все движения арктического пака в различных районах, – пишет Колчак, – можно допустить существование известного круговорота его около центра, расположенного в области 83–85° северной широты и между 170° з.д. и 180° меридианом. Как я уже выше упоминал, нет никакого основания предполагать, что этот круговорот имеет определенную скорость и направление, но его следует рассматривать как возможное движение масс льда, не попавших в Гренландские течения, не вынесенных на юг в какие-либо моря, прилегающие к Ледовитому океану, и могущих через некоторый промежуток времени, пройдя через все меридианы, оказаться приблизительно в одном и том же месте» [65, с. 162].

Современное название «круговорот Бофорта» получил по имени Френсиса Бофорта (1774–1857), английского военного

гидрографа и картографа, в 1829–1855 гг. руководившего Гидрографической службой Великобритании. Однако было бы более справедливо дать название «круговорот Бофорта–Колчака», так как Колчак предложил уточненные координаты центра этого круговорота.

Все высказывания Колчака о движении арктического пака в центральной полярной области указывают на сложный механизм движения пака, определяемый многими условиями: физико-географическими особенностями бассейна, включая течения, розу ветров, рельеф дна, глубину, климатическими особенностями и т.д.

Выдвинутую в монографии А.В. Колчака гипотезу растянутого эллипса, в дальнейшем подтвержденную многими исследованиями, выполненными в Арктике, мы предложили называть «гипотезой большого эллипса Колчака».

А.В. Колчак уточнил движение основных струй течения в Беринговом проливе: одна несет теплые тихоокеанские воды вдоль Сибирского берега до мыса Сердце-Камень и далее поворачивает на северо-запад к о-ву Геральд, расположенному в 300 милях от о-ва Врангеля, другая ветвь направляется вдоль американского берега и далее принимает северо-восточное направление.

Движение льда на меридианах Азиатского материка, по мнению Колчака, зависит, по-видимому, от ветров, находящихся в тесной связи с распределением атмосферного давления в Сибири.

Обсуждая название «Сибирское море», А.В. Колчак отмечает: «...Некоторые географы приняли термин “Норденшельдово море” после плавания Норденшельда на “Вега” в 1878 г. С этим термином, который то появляется на картах, то исчезает, на русских же, английских и американских в большинстве случаев отсутствует, трудно согласиться, считая, что для его принятия нет достаточного основания, т.к. первое плавание по этому морю по тому же самому прибрежному пути, которым шла “Вега”, было совершено в 1735 и 1736 гг. лейтенантом Прончищевым на дубель-шлюпе “Якутск”, а второе – лейтенантом Харитоном Лаптевым на том же судне в 1739 и 1740 гг.

В географии нет названия для моря, лежащего к востоку от Ляховских и Новосибирских островов, и это вынуждает дать ему отдельное наименование. Я называю это море Юкагирским в память народа, по преданиям очень многочисленного на его берегах и ушедшего на какие-то предполагаемые земли, расположенные на севере этого моря» [65, с. 156].

Колчак был незаурядным гидрохимиком. Он занимался измерением солености, собирал пробы для лабораторных исследова-

ний растворенных в морской воде газов: кислорода, азота и диоксида углерода, много внимания уделял сбору проб для определения химических компонентов основного солевого состава. Эта сторона его исследований в опубликованной монографии отражается лишь частично: предполагалось посвятить вопросам гидрохимии отдельную работу [107, с. 16–29].

Собранный Колчаком обширный материал гляциологического характера не утратил своего научного значения и в наши дни. Как показывают современные исследования западной части Карского моря близ Новой Земли, распределение радионуклидов в твердой фазе воды (то есть во льду), а также формирование и движение льда в Карском море пока еще мало изучены, и монография Колчака остается хорошим подспорьем для современных гляциологов, океанологов и радиохимиков [108]. Описание различных форм льда им проведено столь детально, что можно смело утверждать: этот труд не имеет аналогов. А ведь свои работы Колчак начал проводить в таких районах арктического бассейна, где суша и море были знакомы только птицам. Редкие мореплаватели приходили в это царство льдов за рыбой и морским зверем, не причиняя природе ни малейшего ущерба. И вот прошло несколько десятилетий... В геологическом летосчислении – совсем небольшой срок, но за это время экспансия человека в прибрежно-шельфовую зону Арктики значительно осложнила экологическую обстановку [109, с. 130–133]. Особую опасность представляет нефтяная пленка, увеличивающая более чем в 10 раз таяние снежно-ледового покрова по сравнению с чистыми участками.

Колчак разработал и предложил модель формирования и развития морского льда, включающую четыре фазы и рассматривающую процессы появления как первых кристаллов на поверхности воды, так и дальнейшую трансформацию их в мощные образования многолетнего льда, покрывающего значительные площади в Арктике [110].

Так, на первом этапе в результате сильной потери тепла поверхностным слоем воды начинают выделяться кристаллы в виде ледяных игл или пластинок. Их выделение происходит на поверхности и распространяется на некоторую глубину в морской воде.

На втором этапе идет процесс сmerzания отдельных кристаллов льда между собой. Первоначально образуется ледяная каша из слабосоединенных игл и небольших пластинок льда. «Поверхность воды принимает при этом вид застывшего сала с особенным серовато-стальным или свинцовым оттенком. В зависимости от

этого вида, такое первичное явление замерзания моря получило название «ледяного сала» [65, с. 4].

На третьем этапе идет формирование новой ледяной фазы. Процесс смерзания ледяных пластинок и игл не происходит равномерно, а развивается вокруг центров кристаллизации. «Кристаллы или пластинки льда, – продолжает Колчак, – образуют небольшие площади, имеющие вид довольно правильных кругов диаметром 30–60 см или даже 90 см. Это явление называется “блинчатым льдом” и имеет место также при спокойном состоянии атмосферы и моря. Первоначально образованный блинчатый лед, равно как и ледяное сало, представляют из себя легко распадающуюся форму, при относительно легком ветре и волнении ледяное сало и блинчатый лед исчезают, но стоит только наступить штилю, как они возникают вновь. Блинчатый лед, образовавшийся в течение нескольких часов, представляется уже довольно устойчивым, и легкое волнение не разрушает его, причем отдельные диски, соприкасаясь между собой, образуют по своим краям небольшие валики из слабосоединенных пластинок льда, получая вид плоских сковородок» [65, с. 3–4].

На четвертом этапе начинает постепенно увеличиваться толщина льда, он делается прочнее, диски блинчатого льда начинают срастаться между собой, что происходит благодаря срастанию кристаллов в промежутках между дисками, и «образуются более или менее обширные части сложных ледяных поверхностей, причем валики по краям дисков высотой 1–2 см придают поверхности замерзающего моря вид как бы покрытой крупной сетью. При очень спокойных условиях замерзания упомянутых валиков может и не быть, тогда ледяные диски образуют совершенно гладкую ледяную поверхность» [65, с. 5]. Таким образом, идет процесс смерзания блинчатого льда, и на четвертом этапе развития морского льда образуется сплошной ледяной покров.

Четко сформулированная А.В. Колчаком многофазная схема развития морского льда используется без указания автора во многих современных пособиях и учебниках по океанографии как классический вариант (см.: *Истошин Ю.В.* Океанография. Л., 1956. С. 162–164; *Зубов Н.Н.* Морские воды и льды. М., 1938. С. 310–320).

А.В. Колчак в своей монографии обсуждает причины образования Великой Сибирской полыньи. Автор отмечает, что Сибирская полынья находится на границе развитого берегового припая и области арктического пака, расположенной вблизи Новосибирских островов. Среднее положение границы полей пака проходит, по его наблюдениям, вблизи острова Беннетта (1901), причем эта граница может приближаться к Новосибирским остро-

вам (1902) или уходить к северу от параллели о. Беннетта, т.е. 77° с.ш., как это было в 1903 г. во время работы Спасательной экспедиции.

«Что же касается до района Ледовитого океана, – пишет Колчак, – расположенного против американского арктического архипелага и берегов Аляски, то массы арктического пака в этой области плотно сдвинуты, и направление движения их вызывает сжатие и напор льда. В связи с этим предположением там нельзя ожидать встретить что-либо похожее на азиатскую полынью, расположенную на окраине области арктического пака, имеющего общее движение в сторону от берега.

Во всяком случае явление азиатской полыньи не представляется строго определенным, т.к. она находится в полной зависимости от перемещения арктического пака, вообще крайне неправильного и сложного по скорости и направлению в разное время года. Таким образом, полынья может иметь большую или меньшую ширину и временами исчезать совсем, когда окраина пака придвинется вплотную к береговому припаю. Условия на меридианах азиатского материка благоприятствуют ее развитию, наоборот, против берегов Америки полынья, хотя и может существовать, но только как временное случайное явление, вызванное местными условиями, например, штормом, и едва ли развивается подобно Колымской и Ново-сибирской полыньям. Вопрос о существовании полыней в самой области арктического пака выходит из пределов предлагаемой работы» [65, с. 169].

В настоящее время появилось большое количество работ, рассматривающих уникальное явление – образование Великой Сибирской полыньи; несомненный интерес представляет монография А.Ю. Гукова «Экосистема Сибирской полыньи» [111]. В этой работе идеи Колчака получили дальнейшее развитие с позиций современных представлений о движении льда и водных масс в Арктическом бассейне.

Предисловие к книге, раскрывающей механизмы формирования Сибирской полыньи, написал известный ученый, лауреат двух Государственных премий академик РАН А.П. Лисицын – создатель учения о Ледовой седиментации в Мировом океане [112].

«К числу “белых пятен”, – пишет академик РАН А.П. Лисицын, – относятся высокоширотные области Арктики и Антарктики, которые по ледовым условиям и условиям погоды относятся к самым труднодоступным. Именно с этими высокоширотными областями и связан в основном особый тип литогенеза, названный автором этих строк морским ледовым седиментогенезом.

Общепризнанно, что льды являются одним из самых мощных агентов подготовки, транспортировки и отложения осадочного материала. Удивительна дальность действия этого агента транспортировки в условиях океана: крупные айсберги проходят расстояния от мест своего образования до 4–6 тыс. км и в ходе таяния откладывают на дно заключенный в них осадочный материал.

Не только айсберги, но и морские льды (образовавшиеся при замерзании морской воды) способны переносить осадочный материал очень широкого диапазона крупности – от валунов диаметром более 10 м до тонкого пелитового материала («ледниковое молоко»).

Велика подъемная сила льдов: один кубический метр льда в зависимости от плотности может переносить от 100 до 300 кг осадочного вещества.

В настоящее время льды разных типов распространены в Мировом океане на площади более 20 млн км², т.е. занимают около $\frac{1}{4}$ поверхности океана, что близко к площади современного материкового оледенения. В недавнем геологическом прошлом – во время позднекайнозойских и четвертичных оледенений – площади распространения льдов как на континенте, так и в океане значительно расширились и ледовый седиментогенез становился основным видом осадочного процесса на Земле» [113, с. 3].

В своих выступлениях академик РАН А.П. Лисицын на различных научных конференциях неоднократно возвращался к арктическим исследованиям А.В. Колчака и подчеркивал их важное значение для современной океанологии. Говоря образно, А.В. Колчак как бы заложил фундамент почти столетие назад для успешного развития отдельных направлений науки о море.

Таковы некоторые научные выводы А.В. Колчака, изложенные им в монографии «Лед Карского и Сибирского морей». Нелегкой оказалась судьба книги, но эта исключительная судьба подтверждается мудростью народной: «Написанное пером не вырubiшь и топором».

Гидрология помогает проникать в тайны морских глубин

В конце 1906 г. Колчак подготовил, как мы уже говорили, весьма важный материал для Главного гидрографического управления (см. Приложение 4).

Вскоре он готовит для Комиссии по исследованию Северного Морского пути «Материалы к вопросу об исследовании берегов

Сибири», а также для практического руководства инструкцию «Замерзание Балтийского моря и заливов».

В апреле 1907 г. Колчак закончил работу для Комиссии по изучению СЛО «Об экспедиции в Карское и Сибирское моря». Осенью этого года вместе с Ф.А. Матисеном проводит фундаментальное обследование различных судостроительных заводов. Анализируя проекты кораблей для работ в полярных широтах, он сделал окончательный выбор в пользу проекта ледокола.

* * *

Научные материалы, собранные Русской полярной экспедицией, оказались весьма значительными, и стало ясно, что их научная обработка потребует много лет. После выхода в свет монографии Колчака (1909) были намечены предполагаемые издания и подобраны специалисты, взявшие на себя труд подготовить соответствующие разделы для публикаций.

Ученые выразили согласие разработать и собрать воедино материалы экспедиции по следующим темам:

Каминский А.А. – метеорологические наблюдения;
Штеллинг Э.В. – магнитные наблюдения;
Вилькицкий А.Ип., генерал-майор, – наблюдения над качанием маятника;
Бухтеев А.М., капитан 2-го ранга, – астрономические наблюдения;
Бялыницкий-Бируля А.А. – наблюдения над северными сияниями;
Лебединцев А.А. – гидрохимические наблюдения;
Бухтеев А.М., капитан 2-го ранга, – наблюдения над приливомером;
Шокальский Ю.М., генерал-майор, – гидрологические наблюдения;
Колчак А.В., лейтенант¹, – картография.

Публикация всех научных трудов Русской полярной экспедиции оказалась делом весьма дорогостоящим. Кредиты, выделяемые на издание, обсуждались и утверждались Государственной Думой, где иногда высказывались различные сомнения в целесообразности такого дорогостоящего предприятия. В архиве Академии наук сохранилось интересное письмо к министру народного просвещения от члена Государственной Думы Капустина, в котором он ставит ряд вопросов по поводу кредита на содержание Комиссии по изданию трудов РПЭ в 1909 г. Приводим эти вопросы полностью:

«1. Из кого состоит упоминаемая в представлении Комиссия по изданию трудов Русской полярной экспедиции?»

¹ Вся экспериментальная работа была выполнена во время экспедиции в 1900–1903 гг., когда А.В. Колчак был лейтенантом.

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РУССКОЙ ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ВЪ 1900—1903 гг.,

подъ начальствомъ барона Э. В. Толля.

Отдѣлъ В: Географія физическая и математическая.

Вып. 1. Молчанъ, А. В. лейт. Ледъ Карскаго и Сибирскаго морей; съ 11 табл. и 60 рисунками въ текстѣ (олубя. въ 1909 г.).

Остальной матеріалъ Экспедиціи по физической и математической Географіи взъявилъ согласіе разработать слѣдующія лица:

- 1) Наминскій, А. А. Метеорологическія наблюденія.
- 2) Штеллингъ, Э. В. Магнитныя наблюденія.
- 3) Вильницкій, А. И. ген.-майоръ. Наблюденія надъ качаніемъ маятника.
- 4) Бухтѣвъ, А. М. кап. II ранга. Астровимическія наблюденія.
- 5) Бялыницкій-Бируля, А. А. Наблюденія надъ сѣверными сияніями.
- 6) Лебединцевъ, А. А. Гидрохимическія наблюденія.
- 7) Бухтѣвъ, А. М. кап. II ранга. Наблюденія надъ приливомъ-отливомъ.
- 8) Шокальскій, Ю. М. ген.-майоръ. Гидрологическія наблюденія.
- 9) Молчанъ, А. В. лейт. Картографія.

По картографіи на основаніи матеріаловъ Экспедиціи опубликованы (въ изданіи Главнаго Гидрографическаго Управленія) слѣдующія карты:

679. а) Планы якорныхъ мѣстъ на NW-омъ берегу Таймырскаго полу-ва, 1 листъ въ масштабѣ $\frac{1}{61,404}$ и $\frac{1}{36,840}$.

681. б) Карта сѣверо-восточной части Карскаго моря отъ о-ва Вилькицкаго до мыса Михайлова; 1 листъ въ масштабѣ 5 миль въ дюймѣ или $\frac{1}{368,400}$.

687. в) Планъ Губы Нерпичьей и лагуны Нерпалахъ на W-омъ берегу о-ва Котельнаго; 1 листъ въ масштабѣ $\frac{1}{56,840}$.

712. г) Карта сѣверо-восточной части Карскаго моря отъ мыса Михайлова до устья рѣки Таймыры (берегъ Харитова Лаптева, архипелагъ Норденшѣльда и Таймырскій заливъ); 1 листъ въ масштабѣ 5 миль въ дюймѣ или $\frac{1}{368,400}$.

Цѣна: 2 руб. 75 коп.; Prix: 6 Mks.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

М. М. Галаурманъ и Н. А. Рязановъ въ С.-Петербурѣ; М. П. Казданшова въ С.-Петербурѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; М. И. Оглоблинъ въ С.-Петербурѣ и Москвѣ; М. Шаповалъ въ Рязанѣ, Москвѣ (Г. В. Зингеръ) въ Лейпцигѣ, Берлинѣ и Москвѣ; Г. В. Зингеръ.

Commissionaires de l'Académie Impériale des Sciences:

J. Glazounoff et C. Hiesler à St.-Petersbourg, M. Kazdanstchowa à St.-Petersbourg, Moscou, Varsovie et Vienne, M. Ogliebline à St.-Petersbourg et Kief, M. Khamov à Riga, Voss' Sortiment (H. W. Bergstrom) à Leipzig, Lutz et Cie à London.

Научные результаты Русской полярной экспедиции и их дальнейшая публикация с 1909 г. и до завершения предположительно в 1920 г.

2. Кем устанавливаются необходимость и размеры расходов, производимых по изданию трудов экспедиции, а также контроль их целесообразности в связи с быстротой выполнения работ?

3. Какая роль в ходе этой работы принадлежит Академии наук и ее персоналу, состоящему на государственной службе?

4. Лица, получающие ежегодно в течение ряда лет постоянные оклады, означенные на стр. 8 представления в сумме 5580 р., принадлежат ли к составу служащих при Академии или это лица сторонние, привлеченные по вольному найму для работы при комиссии?

5. Не может ли быть дано хотя бы приблизительное указание, сколько лет еще может продлиться обработка и издание трудов экспедиции и какие потребуются на это суммы из государственного казначейства?

6. В силу каких соображений значительная часть изданных и печатаемых специальных работ по материалам Русской полярной экспедиции печатается на немецком языке, даже при несомненно русских именах авторов, как это видно в особенности по отделу зоологии? 5 ноября 1908 г.»².

Из поставленных вопросов видно, что г-н Капустин ратует об экономии и рачительном использовании государственных средств.

Минувшие десятилетия сохранили для потомков весьма любопытный документ – смету расходов на издание трудов РПЭ с 1904 по 1911 г. Из представленной ниже сметы видно, что расходы эти довольно значительные. К примеру, скажем, что за шхуну «Заря» было уплачено 60 тыс. рублей, а ведь на судне жили и плавали 20 человек на протяжении трех лет; издание же трудов во много раз превышает стоимость судна.

«Справка о кредите на издание трудов
Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции

Получено кредитов:

в 1906 г.	30 000 р.
в 1907 г.	16 060 р.
в 1908 г.	16 580 р.
в 1909 г.	14 080 р.
Всего	76 720 р.

Расход по ассигновкам, выданным

Правлением по требованиям Комиссии 7 542 р. 18 к.) а

Из отпущенных в 1906 г. по смете

Министерства народного просвещения

15 000 р. и по смете Академии наук

15 000 р. (документы представлены в

Гос. контроль)... 30 000 р.) б

² ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 199.

Из выданных в разное время под отчеты сумм израсходовано:

в 1904 г.	8509 р. 98 к.	
в 1905 г.	90 р.	
в 1906 г.	1558 р. 82 к.	
в 1907 г.	3048 р. 77 к.	
в 1908 г.	6621 р. 22 к.	
в 1909 г.	5560 р. 99 к.	
в 1910 г.	6267 р. 60 к.	
в 1911 г.	1 634 р. 41 к.	
Итого	33 291 р. 79 к.	} в
Итого израсходовано (а + б + в)	70 833 р. 97 к.	
Остается кредита	5886 р. 03 к.	

Делопроизводитель Комиссии

В.А. Рышков
26 мая 1911 г.»³

Обработка картографических материалов осталась незавершенной

Записанные за Колчаком картографические работы по материалам Русской полярной экспедиции так и не были им завершены. Опубликованные в 1906 и 1908 гг. четыре карты (№ 679, 681, 687 и 712 [см. в Опубликованных работах Колчака]) оказались итоговыми в его деятельности на этом трудном поприще, а в 1911–1912 гг. он уже целиком отошел от научных изысканий и начал читать лекции на дополнительном курсе Военно-морского отдела Николаевской морской академии.

В 1912 г. Колчак перешел в действующий флот по настоятельной рекомендации командующего Балтийским флотом адмирала Н.О. Эссена. Колчаку доверяют в апреле 1912 г. командование эскадренным миноносцем «Уссуриец». Весной 1913 г. Колчака назначают флаг-капитаном по оперативной части в штабе командующего Балтийским флотом адмирала Эссена, одновременно он командует эсминцем «Пограничник», так называемым посыльным судном адмирала Эссена [116, с. 427–428].

В декабре 1913 г. за отличие по службе Колчака производят в капитаны 1-го ранга. Осуществилась его давняя мечта, долго он вынашивал в мыслях это звание, а теперь тяжелым бременем ответственности золотых погон оно легло на его плечи. Вот и прощай, наука! А с ней прощай и мечта о Полюсе!

Колчак практически перестает бывать в Императорском русском географическом обществе. Он не участвует в рассмотрении новых программ экспедиций к Северному полюсу. Уже

³ ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 264.

без советов Колчака ушли на поиски полярной вершины Земли молодые российские колумбы – лейтенант Георгий Брусилов (1884–1914?), геолог Владимир Русанов (1875–1913?). Ушли, как и Толль, навсегда. Только яркий шлейф славы полярных первопроходцев сопутствует теперь их именам и будет еще долго сопровождать и высвечивать деяния славных сынов Отечества, бросивших вызов гордой и неприступной Арктике, подаривших ей свою молодость и навсегда оставшихся лейтенантами.

Воздавая должное выдающимся полярным исследователям и отмечая их заслуги перед Отечеством, нам сегодня стоит подумать и о возвращении исконных исторических названий Арктике. Многие из них, как отмечают специалисты по топонимике, носят мемориальный характер и помогают проследить героическую летопись первопроходцев и первооткрывателей российского Заполярья. Между тем репрессиям подверглись не только люди и их труды, но и целые острова: среди них – о-в Колчак, который обозначен на всех дореволюционных картах. Чтобы этот кусочек Арктики не остался безымянным, в 1939 г. он получил название о-в Расторгуева [117, с. 180]. Однако 15 июля 2005 г. постановлением Правительства РФ этому географическому объекту возвращено первоначальное наименование.

Надпись на карте северо-восточной части Карского моря, составленной лейтенантом А.В. Колчаком [118]

Основные районы минирования на Балтике при участии и руководстве капитана 1-го ранга А.В. Колчака

Необходимо сделать достоянием широкой научной общественности фундаментальный труд Колчака «Лед Карского и Сибирского морей», который и по сей день представляет значительный научный интерес. Прошло более 90 лет со времени первой публикации книги. Надеемся увидеть данную книгу в новом современном издании к 100-летию ее выхода. Переиздание книги – это дань признания и памяти великого мореплавателя и патриота России А.В. Колчака.

Основные даты жизни и деятельности А.В. Колчака

1874	4/16 ноября	–	родился Александр Васильевич Колчак.
	15/27 декабря	–	крещен в Троицкой церкви села Александровского С.-Петербургского уезда.
1888	13/25 декабря	–	поступил в Морской кадетский корпус ¹ .
1891	15/27 декабря	–	начало действительной службы.
1894	июль	–	окончил Морской кадетский корпус и награжден денежной премией им. адмирала П.И. Рикорда (300 р.).
	15/27 сентября	–	произведен в мичманы ² .
1895	6 августа ³	–	помощник вахтенного начальника на крейсере «Рюрик», позднее на клипере «Крейсер».
1898	6 декабря	–	произведен в лейтенанты.
1899	19 февраля	–	штурманский офицер 2-го разряда.
	4 сентября	–	вахтенный начальник на броненосце «Полтава».
	17 сентября	–	вахтенный начальник на броненосце «Петропавловск».
1900	21 января	–	распоряжением Главного морского штаба отозван в Россию и командирован в экспедицию Императорской академии наук по поиску Земли Санникова.
	21 января – 10 февраля 1904	–	прикомандирован к Императорской академии наук.
	10 марта	–	включен в состав Русской полярной экспедиции.
	16 апреля – 2 сентября 1902	–	участник Русской полярной экспедиции с назначением плавательного ценза, необходимого для повышения в звании офицеру Российского флота.

¹ Морской кадетский корпус учрежден 28 мая 1701 г. Указом Петра I; 2 июня 1867 г. был переименован в Морское училище (РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 11244 б. Л. 1). В 1891 г. Морское училище снова переименовали в Морской кадетский корпус («История Высшего военно-морского училища». М., 1976).

² Мичман – первый морской офицерский чин с золотыми погонами.

³ Все последующие даты приводятся в новом стиле.

1901	январь–март	–	открытый Э.В. Толлем и А.В. Колчаком остров в Карском море назван о. Колчак ⁴ .
1902	11 сентября	–	Колчак и личный состав экспедиции погрузился на пароход «Лена» и отплыл в Якутск из бухты Тикси.
	12 октября	–	Колчак и личный состав в Якутске.
	начало декабря	–	возвращение Русской полярной экспедиции в Петербург.
1903	22 января	–	Колчак получил официальное предложение возглавить Спасательную экспедицию, передал В.Л. Бианки.
	31 января	–	выехал в Архангельск и Мезень для найма 6 поморов-тюленепромышленников.
	21 февраля	–	выехал из Иркутска для участия в Спасательной экспедиции для оказания помощи барону Толлю.
	6 марта	–	выступил с лекцией в Иркутском географическом обществе: «О современном положении Русской полярной экспедиции».
	7 марта–28 января 1904	–	назначен распоряжением президента Императорской академии наук Великим князем Константином Константиновичем командиром Новосибирской партии – Спасательной экспедиции.
	19 марта	–	Колчак со всеми грузами и людьми прибыл в Якутск.
	17–22 апреля	–	Колчак и все участники с грузом прибыли в селение Казачье.
	начало мая	–	Колчак в Аджергайдахе; это последний пункт на материке, здесь намечен сбор всех участников Спасательной экспедиции.
	17 мая	–	Колчак и весь состав экспедиции из Аджергайдаха направились к мысу Святой Нос через Абельякскую губу.
	15 августа	–	с мыса Высокого о. Новая Сибирь взяли курс на о. Беннетта.
	17 августа	–	Колчак и команда высадились на о. Беннетта.
	20 августа	–	покинули о. Беннетта, успешно выполнив всю намеченную программу.
	22 августа	–	благополучно, в полном составе, добрались до мыса Вознесения восточнее мыса Высокого на о. Новая Сибирь. Встретились с М.И. Брусневым.
	8 сентября	–	успешно высадились на Михайловом стане о. Котельного после 40-дневного отсутствия. Пробыли на острове более двух месяцев.

⁴ В 1939 г. переименован в о-в Расторгуева (С. Расторгуев – участник РПЭ 1900–1903 гг.). См.: *Масленников Б.* Морская карта рассказывает. М., 1986. С. 180.

	28 ноября	–	море окончательно стало, вся команда вместе с Брусневым отправилась в с. Казачье.
	6 декабря	–	Колчак награжден орденом Св. Владимира 4-й степени за работу в РПЭ 1900–1903 гг.
	13 декабря	–	Колчак и его команда благополучно прибыли в Казачье.
1904	10 февраля	–	в Якутск, где после Спасательной экспедиции находились ее участники, пришло известие о начале русско-японской войны.
	10 февраля	–	телеграмма Колчака из Якутска в Академию наук: «Иду на войну из Иркутска...»
	16 февраля	–	выехал из Якутска в Иркутск со всей партией Спасательной экспедиции.
	февраль–март	–	приезд отца Василия Ивановича и Софьи Федоровны Омировой в Иркутск.
	18 марта (15.03 ст.ст.)	–	венчание и свадьба с Софьей Федоровной Омировой в Иркутске.
	март–январь 1905 г.	–	участвовал в боевых морских и сухопутных операциях, оборонял осажденную крепость Порт-Артур.
	15 октября	–	награжден орденом Св. Анны 4-й степени за «сторожевую службу и охрану прохода в Порт-Артур, обстреливание неприятельских позиций».
1905	январь–апрель	–	нахождение в японском плену в Порт-Артуре.
1905	начало июня	–	возвращение из плена через Японию (Нагасаки) и Канаду (Галифакс) в Петербург.
	24 июня	–	приказом по Морскому ведомству определена временная инвалидность и отпуск на 6 месяцев.
	12 декабря	–	награжден Георгиевским оружием – золотой саблей с надписью на эфесе «За храбрость» и орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.
1906		–	член Комиссии по исследованию Северного Ледовитого океана (до 1912 г.).
	10 января	–	избран действительным членом Императорского Русского географического общества.
	30 января	–	награжден высшей наградой Императорского Русского географического общества Большой Константиновской золотой медалью.
	22 марта	–	физико-математическое отделение Императорской академии наук постановило издать в «Записках ИАН» труд А.В. Колчака «Лед Карского и Сибирского морей».
	апрель по 1908	–	работа в Морском Генеральном штабе по возрождению Российского флота.
1907	май	–	произведен в капитан-лейтенанты.

	6 декабря	– награжден мечами за русско-японскую войну, добавленными к ордену Св. Владимира 4-й степени за Русскую полярную экспедицию.
	декабрь	– награжден серебряной медалью как участник русско-японской войны.
	декабрь	– назначен наблюдающим за постройкой ледокола на Невском судостроительном заводе для Гидрографической экспедиции в Северный Ледовитый океан.
1908	май	– произведен в капитаны 2-го ранга.
	по декабрь 1910	– перешел в Главное гидрографическое управление. Организовал гидрографическую экспедицию в Северный Ледовитый океан.
1909	март	– вышла из печати в «Записках ИАН» монография «Лед Карского и Сибирского морей».
	июнь	– утвержден командиром ледокола «Вайгач».
	27 октября–3 июля 1910	– начало и завершение плавания на судне «Вайгач» по маршруту Петербург – Суэцкий канал – Владивосток.
1910		– рождение сына Ростислава.
	17 августа–20 октября	– плавание на судне «Вайгач» к Берингову проливу. Проведение гидрографических исследований по курсу судна и у мыса Дежнева.
	декабрь	– отозван в Морской Генеральный штаб для выполнения судостроительной программы, вернулся в Петербург.
1911	январь	– работа в Морском Генеральном штабе, заведует Балтийским отделом.
1912	апрель	– назначен в минную дивизию командиром эскадренного миноносца «Уссуриец».
	12–13 мая	– участвовал в Комиссии по рассмотрению плана экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу. Указал на существенные недостатки этого плана.
	март	– утвержден командиром эсминца «Погра-ничник» (Либава).
1913	декабрь	– произведен в капитаны 1-го ранга (Либава).
		– назначен флаг-капитаном по оперативной части в штабе командующего Балтийским флотом адмирала Эссена.
1914	весна	– переведен в штаб командующего Балтийским флотом на крейсер «Рюрик». Получил нагрудный знак участника обороны Порт-Артура.
	19 июля (1 августа ст.ст.)	– начало войны с Германией. Оставлен в должности флаг-капитана на первые 2 месяца войны.

- 1915**
- награжден орденом за боевые заслуги.
 - награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами за боевые заслуги.
- декабрь
- награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за высадку морского десанта 7 октября в немецкий тыл в районе мыса Домеснес (Калкасагс).
 - назначен командующим минной дивизией (Ревель).
- 1916**
- 10 апреля
- произведен в контр-адмиралы за отличие по службе.
- 28 июня
- произведен в вице-адмиралы за отличие по службе.
- 28 июня
- назначен командующим Черноморским флотом.
- 4 июля
- награжден орденом Св. Станислава 1-й степени за боевые заслуги.
- декабрь
- награжден орденом за штурм Трапезунда.
 - как командующий Черноморским флотом награжден орденом за боевые заслуги (св. Станислава 1-й степени с мечами).
- 1917**
- 9 июня
- освобожден от должности командующего Черноморским флотом.
- 27 июля
- отъезд в США. Остановился 1 августа 1917 г. в Лондоне на 3 дня.
- конец августа
- английский крейсер доставил адмирала в Галифакс (Канада).
- сентябрь–октябрь
- находился в Нью-Йорке, Вашингтоне. Плавание на флагманском линкоре «Пенсильвания». Участие в маневрах американского флота. Прием у президента США В. Вильсона.
- 9 ноября
- из Сан-Франциско на японском лайнере «Каре-Мару» прибыл в Иокогаму. Узнал о революции в России.
- ноябрь 1917–июль 1918
- находился в Японии, Китае, Сингапуре, Харбине. Член нового Правления КВЖД.
- 1918**
- февраль
- отплыл из Шанхая на Месопотамский фронт.
- 1918**
- апрель
- возвратился в Китай (Харбин) для работы в Маньчжурии и Сибири.
- июнь
- отъезд в Японию, Токио. Встречи с начальником Генерального штаба Японии генералом Ихарой и его помощником Танакой.
- август
- лечение и отдых в курортном г. Никко вместе с гражданской женой Анной Васильевной Тимиревой.
- сентябрь
- вернулся в Россию, во Владивосток.
- 9 октября
- Директория – Временное Всероссийское правительство (создано 23 сентября 1918 г. на совещании в Уфе) – переехала в Омск.

- 4 ноября – прибыл в Омск из Владивостока. Утвержден военным и морским министром правительства Директории.
- 17 ноября – в качестве военного министра Директории вернулся в Омск после инспекторской поездки на фронт и встречи с чехословацким и русским военным командованием в Екатеринбурге.
- 18 ноября – переворот, арест правительства Директории в Омске, Совет министров взял власть.
- « – – Совет министров утвердил (избрал) Колчака Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами.
- « – – Советом министров произведен в адмиралы.
- 8 декабря – Указ Верховного правителя России А.В. Колчака от 30 ноября 1918 г. о восстановлении празднования Дня Святого Георгия: «Приказываю восстановить день празднования Св. Великомученика и Победоносца Георгия 26 ноября (ст.ст)».
- 1919** на Пасху (27 апреля) – награжден орденом Св. Георгия 3-й степени за освобождение Урала.
- 23 апреля – при правительстве Верховного правителя создается Комитет Северного Морского пути.
- 1919** август–сентябрь – так называемую белогвардейскую продовольственную Карскую экспедицию, организованную адмиралом Колчаком, возглавил контр-адмирал Б.А. Вилькицкий. Продолжается строительство Усть-Енисейского порта. По распоряжению Верховного правителя на Север выехало несколько экспедиций: ботаническая под руководством В.В. Сапожникова, гидрографическая под руководством Д.Ф. Котельникова.
- 12 октября – выехал из Омска. Одновременно отправлен золотой запас России из Омска особым поездом.
- 14 ноября – пал Омск. Правительство Колчака стремится перебазироваться в Иркутск.
- 1920** 3 января – получает от Белого движения телеграмму с требованием об отречении от власти.
- 4 января – отрекся от власти Верховного правителя. Назначил своим преемником генерал-лейтенанта А.И. Деникина, а в Российской восточной окраине – атамана Г.М. Семенова.

- 15 января – арестован белочехами, осуществлявшими охрану его поезда, и передан эсеро-меньшевистскому Политцентру на ст. Иннокентьевская. Политцентром передан Военно-революционному комитету во главе с большевиком А.А. Ширямовым.
- 21 января–6 февраля – допрос Чрезвычайной следственной комиссией в Иркутской тюрьме.
- 1920** 7 февраля – расстрелян по постановлению Иркутского РВК на берегу р. Ушаковки при впадении ее в Ангару в 5 ч утра, вблизи Знаменского женского монастыря.

**Библиография сочинений А.В. Колчака.
Научные труды, отчеты, рукописи
и докладные записки, посвященные
вопросам океанологии, исследованию Арктики
и ледокольному судостроению**

Опубликованные работы

- Мичман Колчак А.В.* Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах «Рюрик» и «Крейсер» с мая 1897 г. по март 1898 г. // Зап. по гидрографии. 1899. Вып. XX. С. 95–113.
- Колчак А.В.* Отчет о гидрологических работах, произведенных в навигацию 1900 г. Прил. 3 // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1901. Т. XV, № 4. С. 361–364.
- Колчак А.В.* Отчет по гидрологическим работам, произведенным в течение первой зимовки и навигации 1901 г. Прил. 4 // Там же. 1902. Т. XVI, № 5. С. 221–223.
- Колчак А.В.* Отчет по съемочным работам на месте первой зимовки. Прил. 5 // Там же. 1902. Т. XVI, № 5. С. 224–225.
- Колчак А.В.* Предварительный отчет начальника экспедиции на Землю Беннетта для оказания помощи барону Толлю (VII) // Там же. 1904. Т. XX, № 5. С. 149–157.
- Колчак А.В.* Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля // Изв. Имп. РГО. 1906. Т. 42, вып. 2/3. С. 487–519.
- Колчак А.В. (перевод).* Таблица точек замерзания морской воды Мартина Кнудсена // Зап. по гидрографии. СПб., 1907. Вып. XXVIII. С. 25–29.
- Колчак А.В.* Плавание до Берингова пролива (9 февр. 1907, статья в газете) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 24. Хранится в архиве.
- Колчак А.В.* Лед Карского и Сибирского морей // Зап. Имп. АН. Физ.-мат. отд. Сер. VIII. 1909. Т. 26, № 1. С. I–V, 1–169, 11 табл., 60 рис., 24 фот.
- Колчак А.В.* Карта, Таймырский пролив. С частью берега лейтенанта Харитона Лаптева. По карте северо-восточной части Карского моря, составленной лейтенантом Колчаком в 1908 г. // Там же. 1909. Т. 26, № 1. Прил.: карта.
- Kolchak A.* The Arctic pack and the polynya / Ed. W.L.G. Joerg. N.Y., 1982. P. 125–141. (Amer. Geogr. Soc. Spec. Publ.; N 7).
- Колчак А.В.* Карта № 679. Планы якорных стоянок на северо-западном (NW) берегу Таймырского полуострова: 1 лист в масштабе $\frac{1}{61.404}$ и $\frac{1}{35.540}$.

Залив Миддендорфа, Коломейцева, рейда «Заря» и южная часть Таймырского залива. Составлены лейтенантом Колчаком. Издана Главным гидрографическим управлением Морского министерства в 1906 г. СПб., 1906.

Колчак А.В. Карта № 681. Карта северо-восточной (NO) части Карского моря от острова Вилькицкого до мыса Михайлова: 1 лист в масштабе 5 миль в дюйме или $\frac{1}{365.400}$. Составлена лейтенантом Колчаком. Издана Главным гидрографическим управлением Морского министерства в 1906 г. СПб., 1906.

Колчак А.В. Карта № 687. План губы Нерпичьей и лагуны Нерпалах на западном (W) берегу острова Котельного: 1 лист в масштабе $\frac{1}{36.540}$. Съёмка и промер выполнены лейтенантом Колчаком в 1901–1902 гг. Издана Главным гидрографическим управлением Морского министерства в 1906 г. СПб., 1906.

Колчак А.В. Карта № 712. Карта северо-восточной (NO) части Карского моря от мыса Михайлова до устья реки Таймыры (Берег Харитона Лаптева, архипелаг Норденшельда и Таймырский залив): 1 лист в масштабе 5 миль в дюйме или $\frac{1}{365.400}$. Составлена лейтенантом Колчаком при участии подпоручика Прокофьева. Издана Главным гидрографическим управлением Морского министерства в 1908 г. СПб., 1908.

Колчак А.В. Какой нужен России флот // Мор. сб. 1908. Т. 346, № 6. С. 31–47; 1908. Т. 347, № 7. С. 1–25.

Неопубликованные работы

Колчак А.В. Лекция: О современном положении Русской полярной экспедиции (чтение в Иркутском географическом обществе 21.11.1903 г.). Автограф в Приложении // ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 159. Л. 3–4, 3 об.–4 об. Рукопись, см. Приложение.

Колчак А.В. Письмо – отчет Председателю Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции академику Ф.Б. Шмидту (от 14 марта 1903 г.). Автограф в Приложении // ПФА. РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 159. Л. 6–8, 5 об.–7 об. Рукопись, см. Приложение.

Колчак А.В. Дневник о работе в Русской полярной экспедиции в 1900–1903 гг. // РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–16, 1 об.–16 об. Хранится в архиве, рукопись.

Колчак А.В. Памятная записка (от 25.IX.1906): О плавании северо-восточным проходом вдоль берегов Сибири от устья р. Енисей до Берингова пролива. (Записку поручил подготовить председатель Комиссии по исследованию Северного Ледовитого океана член Адмиралтейств-Совета адмирал В.П. Верховский для начальника Главного гидрографического управления ген.-лейт. А.И. Вилькицкого 23.VIII.1906 г.). Автограф в Приложении // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 3–8 и 3. об.–8 об. Рукопись, см. Приложение.

Колчак А.В. Краткий обзор исследования морского пути вдоль северных берегов России (11 января 1907 г.) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 43–45. Хранится в архиве, рукопись.

- Колчак А.В.* Материалы к вопросу об исследовании берегов Сибири (15 января 1907 г.) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 45–93. Хранится в архиве, рукопись.
- Колчак А.В.* Об экспедиции в Карское и Сибирское моря (9 апреля 1907 г.) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 104–111. Хранится в архиве, рукопись.
- Колчак А.В.* Докладная записка от 26 сентября 1907 г. в Главное гидрографическое управление и в Главный морской штаб: (Анализ проектов ледоколов для исследования СЛО, соавтор Ф.А. Матисен) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 243–245 и 243 об.–244 об. Рукопись.
- Колчак А.В.* Замерзание Балтийского моря и заливов (1909) // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 127. Л. 103–104, 103 об., 104 об. Хранится в архиве, рукопись. Над маш.п. текстом рукой Колчака сделана надпись: “Составил капитан 2 ранга Колчак в 1909 г. для Комиссии по (1 – слово нераз.) Командующих флотами и Комендантов крепостей”.

Оглавление

Обращение к читателю (А.П. Лисицын)	5
От автора	18
Глава 1	
Детство. Родители. Род Колчаков. Годы учебы	26
Начало жизненного пути. Эпоха Александра II	26
Из семейной хроники	29
Генеалогия рода Колчаков	45
Александр Колчак и Морской кадетский корпус	48
Глава 2	
Назначение на крейсер «Рюрик». Заграничное плавание в Тихом океане. Возвращение в Санкт-Петербург	52
Морское крещение	52
Полярные первопроходцы	59
А.В. Колчак в поисках призвания	63
«Ермак» уходит в Арктику	67
Англо-трансваальская война	71
Глава 3	
Реконструкция шхуны «Заря». А. Колчак – в Норвегию, Ф. Нансен – в Россию. Личный состав экспедиции	74
Подготовка к экспедиции	74
Ф. Нансен и Императорское Русское географическое общество	80
Программа экспедиции на Землю Санникова	83
Личный состав экспедиции	86
Прощание с Петербургом	88
Вот она какая, Арктика!	91
Лейтенант становится полярным исследователем	99
Глава 4	
Пурга и безопасность полярников. Новый год. Театр на шхуне «Заря». Матисен – новый командир шхуны	107
Работа и отдых	107

Научный состав проявляет озабоченность и беспокойство	110
Труднейшая дорога длиной в 41 день	116

Глава 5

Поиски Земли Санникова. Толль пытается использовать остров Беннетта как трамплин к новым открытиям	128
Вспомогательная геологическая экспедиция К.А. Воллосовича	128
Плавание шхуны «Заря» в навигацию 1901 г.	130
О Сибирской полынье	136
Последние распоряжения Толля перед походом на остров Беннетта	138
Шхуна «Заря» освободилась от ледового плена	139
Приезд нового врача	141
Толль и его партия уходят на остров Беннетта	143
Тяжелые льды преодолеть не удалось	148
Возвращение «Зари» в бухту Тикси	154

Глава 6

Возвращение. Обсуждение в Императорской академии наук бедственного положения Э.В. Толля и организация Спасательной экспедиции. А.В. Колчак возглавил эту экспедицию	160
Первые дни в Петербурге	160
Обсуждение в Императорской академии наук бедственного положения Э.В. Толля	162
А.В. Колчак бросает вызов своей полярной судьбе	170
Спасатели убеждены: остров Беннетта будет достигнут	187
Н.А. Бегичев спасает А.В. Колчака от смерти	193
Прошло два года... ..	198

Глава 7

Переписка А.В. Колчака с Императорской академией наук. Свадьба. Отъезд в Порт-Артур	202
А.В. Колчак заботится о вельботной команде	202
Финансовые проблемы. Распоряжения А.В. Колчака перед отправкой на фронт	206
Свадьба	212
Жена адмирала Софья Федоровна Колчак	215
Прощание с Иркутском	219
Поставлена последняя точка в поисках Толля	220
Возвращение из японского плена в Петербург	231
Императорское Русское географическое общество награждает А.В. Колчака Большой Константиновской золотой медалью. Работа в Комиссии по изучению Северного Ледовитого океана	237
Строительство двух ледоколов	254

Глава 8

Монография А.В. Колчака «Лед Карского и Сибирского морей» и другие научные труды	262
---	------------

Книга, написанная в Ледовитом океане	262
Гидрология помогает проникать в тайны морских глубин	274
Обработка картографических материалов осталась незавершенной	278
Основные даты жизни и деятельности А.В. Колчака	281
Библиография сочинений А.В. Колчака. Научные труды, отчеты, рукописи и докладные записки, посвященные вопросам океанологии, исследованию Арктики и ледокольному судостроению	288

Научно-биографическое издание

Синюков Валерий Васильевич

**АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
КОЛЧАК**

Ученый и патриот

В двух частях

Часть 1

**НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ
И АРКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН*

Зав. редакцией *М.В. Грачева*
Редактор *Л.В. Филиппова*
Художник *Ю.И. Духовская*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *Д.Ю. Ментий, Т.А. Хромова*

Подписано к печати 28.06.2009
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 20,5
Усл.кр.-отт. 21,0. Уч.-изд.л. 22,0
Тип. зак. 2155. Тираж 1000 экз.

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН**

Магазины “Книга-почтой”

121099 Москва, Шубинский пер., 6; (код 495) 241-02-52 Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru

197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 “Б”; (код 812) 235-40-64
ak@akbook.ru

**Магазины “Академкнига” с указанием букинистических отделов
и “Книга-почтой”**

690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 (“Книга-почтой”);
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”);
(код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 (“Книга-почтой”); (код 3952) 42-96-20
aknir@irlan.ru

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru

220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52,
292-50-43 www.akademkniga.by

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00
(Бук. отдел (код 495) 125-30-38)

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79

127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96
(Бук. отдел)

117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98

105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19
(Бук. отдел)

630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60 akademkniga@mail.ru

630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 (“Книга-почтой”);
(код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru

142290 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”);
(код 49677) 3-38-80

191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
ak@akbook.ru (Бук. отдел)

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62 (Бук. отдел)

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 23-47-62,
23-47-74 UfaAkademkniga@mail.ru

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: (код 495) 241-03-09

Сайт: www.LitRAS.ru

E-mail: info@LitRAS.ru

Склад, телефон (код 499) 795-12-87

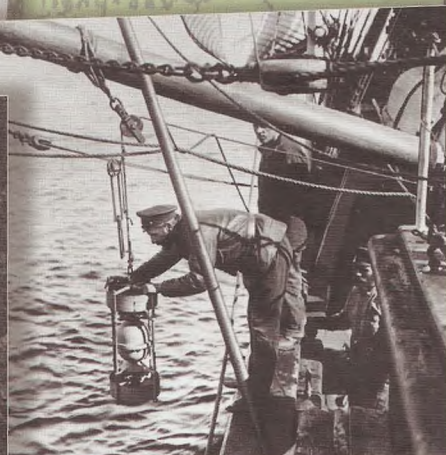
Факс (код 495) 241-02-77

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

В. В. СИНЮКОВ

Александр Васильевич **КОЛЧАК**

Ученый и патриот

Наука

ISBN 978-5-02-035740-2

9 785020 357402